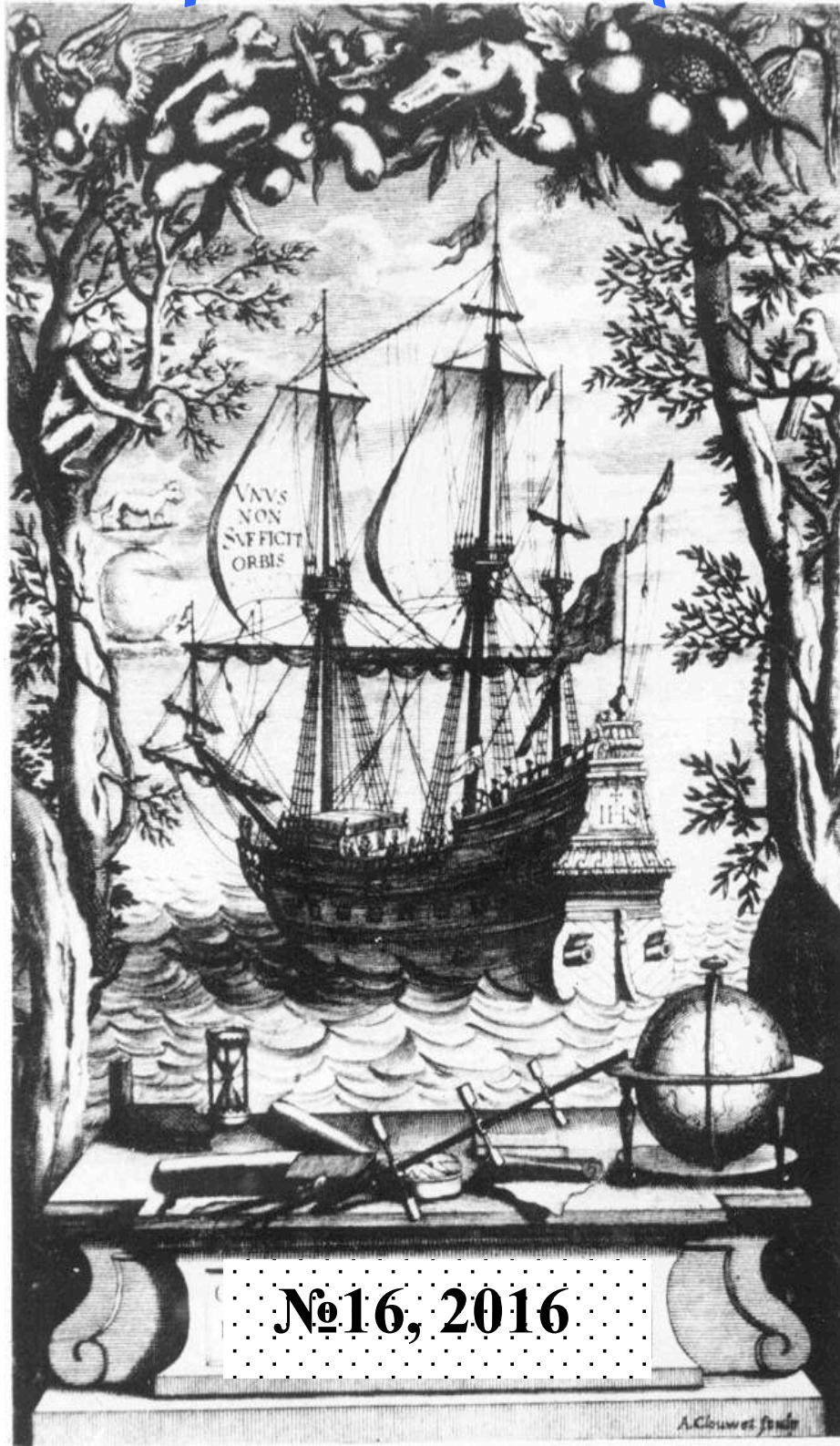

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№16, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Серульников С.	Восстания в Андах и колониальная юстиция. Восстание в Чайянте (1777-1780)	7
Селиванова И.В.	Горное производство в Новой Испании и город Мехико	38
Казаков В.П.	Либеральные реформы Б. Ривадавии	56
Ивкина Л.А.	Хосе Антонио Сако и его время	81
Посконина О.И.	Армия в политической истории Венесуэлы в первой половине XX в.	111
Сизоненко А.И.	СССР и Латинская Америка во время Великой Отечественной Войны	141
Расторгуева Н.Е.	Функционирование аргентинских СМИ во времена правления военной хунты в 1976-1983 годах	149
Иванов Н.С.	Пабло Эскобар: портрет колумбийского наркобарона	160
Роке Гарсия К.	Визит на Кубу президента США Б. Обамы <i>Коминтерн и Латинская Америка</i>	193
Андреев А.С.	Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая	203
Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.	VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением	232
Топассо Э.	Тристан Мароф: идейный путь и политическая практика.	261
Щелчков А.А.	Между III и IV Интернационалами: первое поколение боливийских троцкистов, 30-е годы XX века	280
<i>Круглый стол: Либерализм в истории Латинской Америки</i>		
Ларин Е.А.	В плену либерально-консервативных идей	306
Селиванова И.	Формирование либерального политического течения в первые годы независимого развития мексиканского государства	314
Щелчков А.А.	Создание либеральной партии в Колумбии	324
Казаков В.П.	Б. Ривадавия и Х.М. Росас: два пути развития Аргентины	334
Ивкина Л.А.	История кубинского конституционализма XIX в. в современной зарубежной историографии	346
Посконина О.И.	Венесуэла: от «гусманато» к «счастливному десятилетию»	357
Иванов Н.С.	Уругвайский либерализм в XIX веке	365

ÍNDICE

Serulnikov S.	Insurgencia andina y justicia colonial. La rebelión de Chayanta (1777-1780)	7
Selivanova I.V.	La Minería en Nueva España y la ciudad de México	38
Kazakov V.P.	Las reformas liberales de Rivadavia	56
Ivkina L.A.	José Antonio Saco y su tiempo	81
Poskonina O.I.	El ejército en la historia política de Venezuela en la primera mitad del siglo XX	111
Sizonenko A.I.	La URSS y América Latina durante la Gran Guerra Patria	141
Rastorgueva N.E.	Los medios argentinos durante la Junta militar, 1976-1983	149
Ivanov N.S.	Pablo Escobar: el retrato del narcotraficante colombiano	160
Roque García C.	La visita a Cuba del presidente de EEUU Barack Obama	193
<i>Comintern y América Latina</i>		
Andreev A.S.	Comintern y la formación del Partido Comunista del Uruguay	203
Jeifets V.L., Jeifets L.S.	VI Congreso del Comintern y los lazos orgánicos de la III Internacional con el movimiento comunista latinoamericano	232
Topasso H.	Tristán Marof: Itinerario ideológico y praxis política	261
Schelchkov A.A.	Entre III y IV Internacional: primera generación de los trotskistas bolivianos, los años 30 del siglo XX	280
<i>Liberalismo en la historia latinoamericana</i>		
Larin E.A.	En prisión de las ideas liberal-conservadoras	306
Selivanova I.V.	La formación de la corriente liberal en los primeros años de la Independencia mexicana	314
Schelchkov A.A.	La formación del Partido Liberal colombiano	324
Kazakov V.P.	Rivadavia y Rosas: dos vías del desarrollo argentino	334
Ivkina L.A.	Constitucionalismo cubano del siglo XIX en la historiografía moderna extranjera	346
Poskonina O.I.	Venezuela: de Guzmanato al Decenio feliz	357
Ivanov N.S.	El liberalismo uruguayo en el siglo XIX	365

СЕРХИО СЕРУЛЬНИКОВ¹
SERGIO SERULNIKOV

ВОССТАНИЯ В АНДАХ И КОЛОНИАЛЬНАЯ
ЮСТИЦИЯ. ВОССТАНИЕ В ЧАЙЯНТЕ (1777-1780)

ANDEAN INSURGENCEY AND SPANISH COLONI-
AL JUSTICE. THE REBELLION OF CHAYANTA (1777-
1780)

Аннотация: Данная статья рассматривает идейные основы индейского восстания под руководством Томаса Катари в верхнеперуанской провинции Чайянта в период 1777-1780 гг. Проанализированы политические причины коллективных действий крестьян с акцентом на формально-юридической стороне конфликта внутри имперской колониальной бюрократии. Это позволит показать, как ограниченные цели индейцев, «реформистские» задачи определялись политическими основами испанского колониального строя. Восстание в Покоате в августе 1780 г. как высшая точка движения крестьян завершило процесс, прошедший путь от традиционного юридического ритуала колониального режима к политическому потрясению в провинции.

Ключевые слова: индейские восстания, история Андского региона в XVIII веке, испанская юстиция, европейский колониализм, Томас Катари, провинция Чайянта.

Abstract: The article traces the ideological foundations of the indigenous rebellion led by Tomás Katari in the Upper Peruvian province Chayanta between 1777 y 1780. It begins by exploring the political framework of peasant collective actions by focusing on the jurisdictional disputes within the imperial bureaucracy. Then, it shows how the Indians' consistent pursuit of limited, "reformist" objectives undermined the political basis of Spanish authority. The aftermath of this process, the upheaval that took place in the town of Pocoata at the end of August 1780, is addressed in the third section. It traces the final transfiguration of traditional rituals of colonial rule

¹ Профессор Университета Сан-Андрес, Буэнос-Айрес, Аргентина. Universidad de San Andrés, Buenos Aires, Argentina

into acts of political subversion.

Keywords: Indigenous rebellions, XVIII Century Andean history, Spanish justice, European colonialism, Tomas Katari, Chayanta province

В начале июня 1780 г. многочисленная делегация общинников из Мача провинции Чайянта в Верхнем Перу отправились в город Ла-Плата (Чукисака) в королевскую аудиенцию с жалобой на касиков и коррехидора провинции Хоакина Алоса. Индейские общины часто обращались в суды для противоборства со злоупотреблениями местных властей. Однако на этот раз дело было чрезвычайным. Уже три года эти общины вели судебные тяжбы, общинники со своими ходатайствами доходили до вице-короля Рио-де-Ла-Платы в Буэнос-Айресе. Местные власти же всеми силами стремились сдержать крестьянский протест. Лидер общинников неграмотный индеец аймара Томас Катари не раз был арестован. Только вооружённое сопротивление общинников позволило им добиться его освобождения во время его перевозки в суд из тюрьмы Потоси в Чайянту. Когда священник предупредил Катари, что в суде его арестуют, тот ответил, «что пусть его схватят, но он расскажет властям всю правду, что все суды в Чаркас закрывают перед ними дверь»². 10 июля 1780 г. его отправили под стражей из аудиенции в столицу вице-королевства.

В свое время Натали Седон Дави рассуждала о трудностях, которые представляет очевидная «иррациональность» народных восстаний во Франции в XVI в.³ Движение под руководством Томаса Катари, переросшее из обычного, рутинного протеста в самое массовое и длительное крестьянское восстание со времён конкисты представляет собой не менее символичное событие. В Чайянте в отличие от откровенно антиколониальных движений Тупак Амару в Куско и Тупак Катари в Ла-Пасе события большей частью происходили в рамках закона, в ходе обычных переговоров и конфликтов между общинниками и государством. Там присутствовали легальные, законные демарши, но с применением насилия и восстаниями, что ставит

² Archivo General de la Nación de Buenos Aires (AGN), IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 130-137.

³ Natalie Zemon Davis, "The Rites of Violence" // Society and Culture in Early Modern France. Stanford: Stanford University Press, 1975, p. 154.

под вопрос наше понимание функции колониальной юстиции в процессе воспроизводства колониального государства.

Цель данной статьи – разобраться в идеологических основах практики деятельности крестьянских сообществ. Это исследование должно дать ответ на вопрос о социальном значении таких актов как «добровольная сдача» Томаса Катари властям во имя «правды и справедливости», ставшего позже отправной точкой массового восстания. Хотя исследование сконцентрировано на Чайянте, размах этих событий позволяет по-новому взглянуть на испанскую гегемонию, формы колониальной идентичности и представительства в Андах.

К концу XVI в. испанская корона построила централизованную модель эксплуатации индейских общин. При помощи широкой сети чиновников монархия монополизировала сбор подати (трибуто) и режим миты – поставки рабочей силы индейцев на рудники. Разделение колониального общества на Республику индейцев и Республику испанцев создавало правовую систему колонии. Общинные земли были защищены законом от захвата, а этнические структуры ее власти (касики или кураки) остались нетронутыми. В всех городах появился особый чиновник – Защитник индейцев, который должен был представлять индейцев в судах, чтобы обеспечить их доступ к испанской юстиции. Все это способствовало созданию в ментальности индейцев идеи их подчинения новому порядку. Как утверждал историк Стив Стерн: «По мере того, как зависимость от юридической системы превращалась в стратегию защиты угнетённых классов и социальных групп, сокращались возможности для организации попыток свержения самих эксплуататорских структур. Когда это происходит, судебная система способствует укреплению гегемонии господствующего класса»⁴.

Конечно, сельские общины прибегали и к насилию для защиты своих интересов в конфликте с местными элитами. Но эти восстания не ставили под сомнение саму колониальную систему, ибо они всегда были направлены против конкретных чи-

⁴ Steve Stern, *Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest. Huamanga to 1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1982, p. 137. См. также William Taylor, "Between Global Process and Local Knowledge. An Inquiry into Early Latin American Social History, 1500-1900" // *Reliving the Past. The Worlds of Social History/ Olivier Zunz (ed.)*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985, pp. 151-7.

новников, новых налогов или наступления на права общин. Так же и испанские власти не стремились сразу же подавлять протест, а искали соглашений, чтобы восстановить обычную жизнь⁵. Хотя их результаты были разными, в целом они укрепляли колониальную юстицию. Ф. Катц указывал, что «корона и церковь, усмиряя аппетиты помещиков и энкомендеро, завоевали легитимность в глазах индейцев»⁶. И лишь когда юридические способы борьбы были исчерпаны, протест принимал форму насилия. Юрген Гольте предложил периодизацию протестов против товарного репартименто (насильственного распределения товаров среди общинников по завышенным ценам): на первом этапе общины безуспешно пытались бороться с касиками и коррехидорами посредством обращений к вице-королю и в аудиенцию, на втором этапе они прибегали к насилию, что вылилось в восстания 1780-1781 гг.⁷ И тогда местные и частные цели уступили место этнической, расовой войне с белыми, испанцами и их властью как таковой⁸. Крупные крестьянские восстания, среди которых восстание в Чайянте занимает важное место, стали выражением социальной идентичности, сконструированной вне колониальных ценностей, их природа противостояла обычной практике взаимодействия общин и господствующих групп.

Эта работа предлагает альтернативную версию понимания политической рациональности индейских восстаний. Мы

⁵ William Taylor, *Drinking, Homicide, and Rebellion in Colonial Mexican Villages*. Stanford: Stanford University Press, 1979. pp. 122-124; Charles Walker, *Smoldering Ashes. Cuzco and the Creation of Republican Peru, 1780-1840*. Durham: Duke University Press, 1999, pp. 81-82; Woodrow Borah, *Justice by Insurance. The General Indian Court of Colonial Mexico and the Legal Aides of the Half-Real*. Berkeley: University of California Press, 1983.

⁶ Friedrich Katz, "Rural Uprisings in Preconquest and Colonial Mexico".// Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988, p. 79.

⁷ Jürgen Golte, *Repartos y rebeliones. Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial*. Lima: IEP, 1980. Alberto Flores Galindo, "La revolución tupamarista y los pueblos andinos (una crítica y un proyecto)"//*Allpanchis*, (17/18) 1981, pp. 153-165.

⁸ John Coatsworth, "Patterns of Rural Rebellion in Latin America: Mexico in Comparative Perspective".// Friedrich Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988, pp. 29-30.

утверждаем, что восстания не питались идейными мотивами, выходящими за рамки колониального дискурса, а выражали процесс принятия и согласия с принципами, освящавшими господство европейцев над индейскими общинами. В течение долгого времени, пока Томас Катари возглавлял движение до его смерти в 1781 г., общины Чайянты связывали свои надежды не с индейскими утопиями, как в разгар индейского восстания, а с правовой системой Испании⁹. Это поведение строилось на практике крестьянства и сетях этнической солидарности. Мессианские и милленаристские ожидания индейцев были не причиной, а следствием восстания.

Несомненно, анализ всего процесса и правовых шагов властей объясняет и дискурс властей, и согласие, которым скреплялось это общество¹⁰. Это восстание показало, что испанская юстиция в определённых обстоятельствах могла становиться не только сопротивлением, но и контр-гегемонией. К концу XVIII в. в условиях административных реформ и всеобщего социального протеста правовая система стала главной ареной борьбы против самой природы испанского господства в Андском регионе. Попытаемся показать, что те же самые процессы, выявившие основные противоречия легитимности и навязавшие силой корпоративные привилегии, создали из общин Чайянты политических субъектов, которые стали оспаривать право управления у местных властных групп.

Индийский протест и внутриэлитные конфликты

Движение протеста в Чайянте развивалось в течение трёх с половиной лет, пройдя три этапа: от легальных методов к беспрецедентному по своему масштабу массовому восстанию. Вначале, с середины 1777 г. по август 1780 г. конфликт ограничивался десятью айлью в Маче, то есть 700 семей или 3500 че-

⁹ Jorge Hidalgo Lehuede, "Amarus y cataris: aspectos mesiánicos de la rebelión indígena de 1781 en Cusco, Chayanta, La Paz y Arica" // Revista Chungara, 10, 1983, pp. 117-138; Jan Szeminski, La utopía tupamarista. Lima: Pontificia Universidad Católica, 1984; "Why Kill the Spaniards? New Perspectives on Andean Insurrectionary Ideology in the 18th Century" // Steve Stern (ed.), Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries. Madison: University of Wisconsin Press, 1987, pp. 127-157.

¹⁰ Deborah Poole, "Antropología e historia andinas en los EE.UU.: Buscando un reencuentro" // Revista Andina, (10) 1992, p. 218.

ловек¹¹. Мобилизация общинников с целью смещения индейских властей и назначения на их место Томаса Катари как касика привела к всеобщей массовой конфронтации в регионе. В эти годы произошли вооружённые столкновения общинников с индейскими и испанскими местными властями, которые завершились массовым восстанием в Покоате 26 августа 1780 г. В результате коррехидор был изгнан из района, а лидер аймара освобождён из тюрьмы аудиенсии.

Вторая фаза конфликта началась с возвращением Катари в провинцию в качестве касика Мача в начале сентября. Общины, таким образом, установили полный контроль над сельской местностью, а насилие распространилось на более высокие районы пуны и долин Москари, Сан-Педро-де-Буэнос-Виста, Чайянта и Сакака. Индейцы из дальних деревень стали приходить в Мачу, чтобы посоветоваться, как им противостоять своим властям. К концу 1780 г., несмотря на попытки Катари восстановить отношения с испанскими чиновниками, конфликт прошёл точку невозврата. После ареста и казни Катари в январе 1781 г., совпавшей с расширением восстания Тупак Амару в Куско и восстанием в соседнем Оруро, движение вступило в финальную стадию. Под руководством братьев Томаса, Дамасо и Николаса Катари тысячи крестьян напали на поселки провинции, а в феврале 1781 г. вместе с индейцами других провинций предприняли осаду города Ла-Платы (Чукисаки). Хотя восставшие были разбиты, самые ужасные акты насилия против клира и белых были отмечены в Чайянте. Восстание завершилось в апреле-мае 1781 г., когда вожди крестьян были захвачены и казнены.

Политическая борьба в период с 1777 по 1781 гг. не затрагивала отношений между колониальным государством и индейскими народами Анд. Борьба против эксплуатации и принципов самоуправления общин накладывалась на конфликты, спровоцированные реформами Бурбонов. Корона провела комплекс реформ с целью увеличения доходов от колоний и усиления контроля над государственным аппаратом, чтобы положить предел коррупции королевских судей посредством их отсечения от местных олигархических кланов, создания наёмной бю-

¹¹ AGN, XIII, 18-10-1, Leg. 84, Libro 1.

рокрации и эффективной администрации¹².

Историография единодушно называет эти реформы причиной социальных волнений из-за роста налогового давления на общины и другие сектора колониального общества¹³. Однако события в Чайянте показывают и другой аспект бурбоновских реформ: изменение традиционной патримониальной системы в рамках имперского абсолютизма.

Отметим двух основных акторов во время восстания: коррехидора и аудиенсию Чаркас, то есть два института, которые были в центре процесса, названного Джоном Линчем режимом бюрократического согласия или «колониального консенсуса», обеспечивавшего «имперский контроль»¹⁴. В Андском регионе основной причиной дебатов и самой реформы были отношения между этими институтами в связи с товарным репартиментом, которым занимались коррехидоры. Репартимент после 1759 г. стало основным механизмом эксплуатации индейцев, создавшим обширную сеть финансовых и торговых союзов между местными властями и крупными купцами Лимы. Власти верили, что насильственный торговый обмен приведёт к меркантилизации крестьянского хозяйства, однако результат этой системы был очень противоречивым. С точки зрения королевских чиновников она снижала возможности королевской казны получать подать и наделяла провинциальных судей дополнительными политическими и экономическими полномочиями. Союз крупных торговцев Лимы и коррехидоров привёл к тому, что вице-королевский двор перестал быть инструментом канализа-

¹² Gabriel Paquette, *Enlightenment, Governance, and Reform in Spain and its Empire, 1759-1808*. New York: Palgrave-Macmillan, 2008; Alejandra Irigoin and Regina Grafe, "Bargaining for Absolutism: A Spanish Path to Nation-State and Empire Building" // *Hispanic American Historical Review*, 88, 2008, pp. 172-209; Sergio Serulnikov, "Customs and Rules: Social Conflicts in the Age of Bourbon Reformism (Northern Potosi in the 1770s)" // *Colonial Latin American Review*, vol. 8 n. 2, 1999, pp. 245-74.

¹³ Scarlett O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia 1700-1778*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1988; John Fisher, Allan Kuethe y Anthony McFarlane (eds.), *Reform and Insurrection in Bourbon New Granada and Peru*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990.

¹⁴ John Lynch, "The Institutional Framework of Colonial Spanish America", *Journal of Latin American Studies*, 24, Quincentenary Supplement, 1992, pp. 69-81.

ции индейский требований¹⁵.

Чтобы разрушить сговор лимской торговой элиты и сельских судей, испанская корона решила в 1764 г. ограничить юрисдикцию вице-короля Перу, разрешив аудиенсии Чаркас принимать жалобы общин на коррехидоров за злоупотребления в репартимьенто¹⁶, создавая при этом новые системы коррупции на основе торговой монополии. Хотя эти союзы были неформальными, нет сомнений в связи между оидорами и коррехидорами, только усилившейся после увеличения полномочий первых¹⁷.

Передача Верхнего Перу в новое вице-королевство Рио-де-Ла-Плата в 1776 г. дестабилизировало тонкое равновесие между вице-королевскими, региональными и провинциальными властями. Вице-королевский двор в Буэнос-Айресе состоял в основном из чиновников, большей частью выходцев из Испании, разделявших новые идеи Просвещения и не стремившихся охранять интересы местной олигархии¹⁸. В отличие от лимских бюрократов они были связаны с местными торговыми группами, которые не принимали активного участия в репартимьенто. Это создало полюс власти с иным взглядом на местные дела. Неудивительно, что после начала восстаний в 1780 г. вице-королевский двор выступил за отмену репартимьенто и ликвидацию коррехидоров с их заменой на интендантства по французскому образцу.

Восставшие в Маче указывали, что их касики были назначе-

¹⁵ Golte, *Repartos y rebeliones*; Alfredo Moreno Cebrián, *El Corregidor de Indios y la economía peruana del siglo XVIII (Los repartos forzosos de mercancías)*. Madrid: Instituto González Fernández de Oviedo, 1977; Brooke Larson, *Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia. Cochabamba, 1550-1900*. Durham: Duke University Press, 1997, pp.126-132; Stanley Stein, "Bureaucracy and Business in the Spanish Empire, 1759-1804: Failure of a Bourbon Reform in Mexico and Peru"//*Hispanic American Historical Review*, 61, 1, 1981, pp. 2-28.

¹⁶ Golte, *Repartos y rebeliones*, pp. 135-138.

¹⁷ Boleslao Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana*. Buenos Aires: Hachette, 1957, p. 241.

¹⁸ Mark Burkholder and D.S. Chandler, *From Impotence to Authority. The Spanish Crown and the American Audiencias, 1697-1808*. Columbia: University of Missouri Press, 1977; Susan Socolow, *The Bureaucrats of Buenos Aires, 1769-1810: Amor al Real Servicio*. Durham: Duke University Press, 1987.

ны коррехидорами без учёта их знатности и без согласия общин. Более того, в нарушение законов главный касик Блас Дория Берналь был метисом. Индейцы разоблачали перед властями воровство налогов посредством подделки переписи общинников. Так, касики присваивали четвертую часть подати, которую платили в Маче. Коррехидор был заодно с касиками, которые помогали ему в распределении репартимьенто.

В течение 1777-1778 гг. в ответ на жалобы аудиенсия и казна распорядились сместить касиков, а на их место назначили Томаса Катари. Однако коррехидор не выполнил распоряжение и наказал жалобщиков и всех общинников, арестовал их лидеров. Крестьяне вновь направили жалобы властям. Именно тогда Катари с другим лидером решили пешком дойти до Буэнос-Айреса и лично вручить прошение вице-королю. Теперь они жаловались не только на коррехидора, но и на аудиенсию.

Когда в начале 1779 г. индейцы Мачи впервые в истории прибыли в Буэнос-Айрес, их жалоба затронула чувствительную струну вице-королевских властей, считавших репартимьенто не только источником коррупции, но и возможной причиной восстаний¹⁹. Вице-король Хуан Хосе де Вертис приказал аудиенсии назначить судью для расследования действий коррехидора. При невыполнении предыдущих решений судья был обязан назначить Катари и других индейских касиков сборщиками подати. Также запрещалось применять какие-либо репрессивные меры к жалобщнику (Томасу Катари)²⁰.

Надежды индейцев, пробуждённые решением вице-короля, рассеялись с возвращением домой. Не было никакого средства заставить власти исполнять приказ, кроме прямого давления, чтобы силой заставить уважать волю верховных властей. С другой стороны, решение вице-короля заставило аудиенсию и коррехидора сплотить свои ряды и не допустить вмешательства новых властей в дела их района.

Через несколько дней после возвращения Катари в мае 1779 г. в провинции произошло столкновение индейцев с местными властями. Катари был арестован и обвинён в подделке подписи

¹⁹ Golte, *Reparto y rebeliones*, p. 139; O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales*, pp. 149-73; Sinclair Thomson, *We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2002, pp. 106-139.

²⁰ Cit. Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru*, p. 354.

вице-короля с целью не платить подати²¹. На самом же деле индейцы платили подати Катари и назначенным им касикам в соответствии с полномочиями, которые взял на себя Катари согласно письму вице-короля. Вскоре вооружённые индейцы освободили Катари. Положение коррехидора было невозможно сохранить несмотря на сопротивление властей. Во избежание новых беспорядков старый касик уговорил коррехидора назначить своего родственника на это пост. Но затем в июне коррехидор вновь арестовал Катари.

На пути следования Катари в тюрьму Аульягас индейцы напали на стражу и освободили своего лидера. Несколько недель спустя общинники Мачи отправились в Потоси, чтобы оплатить подать в казну и таким образом показать вице-королю правильную сумму подати. По просьбе коррехидора интендант Потоси Хорхе Эскобедо арестовал Катари, как только тот появился в городе. Несколько месяцев Катари провёл в тюрьме Потоси, его пристрасно допрашивали²². В конце апреля 1780 г. индейского лидера отправили в Чайянту на суд коррехидора. Его сопровождала усиленная стража, везли окольными путями, чтобы избежать нападения индейцев. И, тем не менее, у Покоаты индейцы напали на стражу и освободили Катари.

В июне 1780 г. суд Чаркас постановил арестовать Катари, когда тот снова появился в Ла-Плате, где хотел в суде отстоять свою невиновность. Это окончательно убедило его в сговоре всех властей в Чаркас и стало началом массовой мобилизации индейцев, которая на три месяца полностью дезорганизовала систему местной власти. Касики метисы были вынуждены покинуть свои места, аудиенсия назначила Катари касиком, а коррехидор бежал, разбитый отрядом индейцев в сражении, где погибли десятки индейцев и тридцать испанцев. Между сентябрём и декабрём 1780 г. все назначенные новые судьи провинции не могли приступить к осуществлению своих полномочий из-за сопротивления общин, которые обвиняли их в связях с бывшим коррехидором.

Восстание распространилось по всей Чайянте и соседним провинциям, что заставило вице-короля принять решительные

²¹ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

²² Анализ допросов см. Sergio Serulnikov, "Tomás Catari y la producción de justicia. Análisis de un interrogatorio al líder de la rebelión indígena de Chayanta"//Documentos CEDES 10, 1988.

меры: он запретил аудиенсии вмешиваться во все дела, связанные с восстанием индейцев, что ясно демонстрировало его взгляд на эту тему. В октябре 1780 г. вице-король назначил губернатора Мохос Игнасио Флореса военным командующим Чаркас, уполномочив его решить проблему восстания. Более того, вице-король Вертис запретил аудиенсии выносить смертельные приговоры до прояснения ситуации²³. Он писал министру в Мадрид: «В таком сложном вопросе как восстание в Чайянте необходимо обеспечить невмешательство этого суда (аудиенсии)»²⁴. И, тем не менее, Катари в конце 1780 г. был захвачен по секретному приказу аудиенсии. По пути в Ла-Плату его снова попытались отбить крестьяне, но неудачно, и Катари был казнён.

Официальное описание восстания.

Местные власти сочинили свою версию событий. Её центральным пунктом была «борьба с восстанием»²⁵, индейское движение представало угрозой колониальному режиму, а корни этой угрозы якобы указывали на решение вице-короля по прошению Катари в Буэнос-Айресе в январе 1779 г.²⁶. События в Чайянте были показаны как результат вмешательства нового вице-королевского двора в конфликты в андском регионе.

Коррехидор провинции и члены аудиенсии оставили описание индейского движения после возвращения Катари из Буэнос-Айреса. Во-первых, для них протесты индейцев являлись незаконными. Коррехидор обвинял Катари в том, что он подстрекал общинников к неповиновению не только властям, но и касикам²⁷. Крестьяне представали как нарушители закона и распоряжений королевских властей²⁸.

Катари обвинялся в неправильной интерпретации вице-королевского указа. При этом мы знаем, что после Буэнос-Айреса в марте 1779 г. Катари сразу же отправился в аудиенсию представить бумаги вице-короля. Однако аудиенсия отка-

²³ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8., ff. 68-71.

²⁴ Lewin, *La rebelión de Tupac Amaru*, pp. 843-844.

²⁵ Ranajit Guha, "The Prose of Counter-Insurgency". // Guha and Gayatri Spivak (eds.), *Select Subaltern Studies* (Oxford, 1988), pp. 45-86.

²⁶ AGN, IX, Interior, Leg. 8, Exp. 8, ff. 85-93.

²⁷ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 38-40.

²⁸ AGN, IX, Interior, Leg. 8, Exp. 8, f. 89.

залась назначать судью, как того требовал вице-король, под предлогом, что они не получили приказа в установленной форме. Тогда Катари отправился в Потоси, чтобы снять копии с бумаг вице-короля²⁹. Затем Катари написал хилакатам (старостам младших общин), приказав им собирать подать, как того потребовал от него вице-король³⁰. После этого Катари снова поехал в Ла-Плату, чтобы пожаловаться на насилие со стороны старого касика, метиса Бласа Берналя³¹. Ещё в июле 1780 г. сорок индейцев напали на одного из хилакат посёлка Мача, воспротивившись передаче коррехидору денег за товары репарти-мьенто³².

Манипуляция фактами и свидетельствами была хорошо известной практикой колониальной юстиции. Хорст Питчерманн справедливо указывал, что колониальное общество состояло из различных социальных групп, чьи моральные ценности не всегда совпадали с официально декларируемыми, а приверженность закону как испанских элит, так и индейцев была скорее стратегией, чем правилом³³. Крестьяне заставили судей признать, что они представляют колониальные власти с ничем не ограниченной властью над индейскими народами. Неподчинение и недовольство местными властями означало вне зависимости от закона подрывное действие против колониального режима.

Второй образ крестьянского движения, представленный в отчётах, относится к целям восстания. В полном несоответствии с действительностью власти утверждали, что индейцы хотели освободиться от подати и миты. Коррехидор сообщал, что Катари якобы говорил индейцам, что вице-король велел снизить подать вдвое³⁴. С началом же восстания общинники

²⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 5, Exp. 2.

³⁰ Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru*, p. 357.

³¹ Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru*, pp. 806-808.

³² AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 42.

³³ Питчерманн утверждал, что реформы Бурбонов представляли собой первую систематическую, хотя и неудавшуюся попытку утвердить понимание закона как универсальной нормы для всех. — “Estado colonial y mentalidad social: el ejercicio del poder frente a los distintos sistemas de valores. Siglo XVIII” // Antonio Annino (ed.), *América latina: dallo stato coloniale allo stato nazione*. Milan: Franco Angeli, 1987. pp. 427-447.

³⁴ Informe de Alós a la audiencia, 20 de junio de 1780. AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

уверовали, что их освободили от всех повинностей, хотя даже во время восстания они платили подать. Эти факты не помешали местным чиновникам так представить цели восставших.

То, что чиновники настаивали именно на этом аспекте восстания, объясняется ролью, которую занимали мита и подать-трибуто в колониальном коллективном воображаемом. Помимо чисто экономического значения, эти две повинности символизировали статус индейцев как вассалов испанской короны. Указывая на эти обстоятельства, региональные элиты представляли восстание как направленное на разрыв этой связи и подчинения индейцев королю, что полностью не соответствовало устремлениям индейцев³⁵.

И третье, крестьянское движение характеризовалось как антиколониальный заговор с целью уничтожить испанское население колонии. Как утверждал коррехидор Алос, цель индейцев состояла в том, чтобы «жить свободными, как то им дала природа», без короля и церкви³⁶. Индейцы представлялись дикими, недостойными цивилизаторской миссии европейцев, как постоянная угроза общественному порядку, требующая от властей постоянных усилий по колонизации. К тому же они вызывали в памяти страх всеобщего восстания угнетённых народов. Аудиенсия особо подчёркивала, что к индейцам Мачи присоединились общинники других провинций, что подтверждало их желание сбросить испанское иго³⁷. Цель крестьян, подводил итог коррехидор, состояла в том, чтобы посеять зерна восстания в соседних провинциях и выйти из повиновения короне³⁸. Характеристика коллективных действий как антиколониальный заговор подчёркивала несовместимость правовых механизмов и индейских обычаев.

Отчёты чиновников вице-королевского двора представляют эту историю по-другому. В документах, полученных ещё до поездки Катари в Буэнос-Айрес, когда тот ещё сидел в тюрьме, защитник индейцев Хуан Грегорио Самудио указывал, что его назначение сборщиком трибуто не игнорировалось коррехидором Алос. Это предполагало, что индейцы имеют право напрямую апеллировать к властям из-за нарушения законов и ущем-

³⁵ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 103

³⁶ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 103

³⁷ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, f. 44.

³⁸ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 141.

ления интересов казны. Самудио рекомендовал немедленно освободить Катари³⁹.

Прокурор вице-королевства Хорхе Пачеко предложил со своей стороны, чтобы аудиенсия получила чёткое письмо вице-короля с указаниями действий, чтобы был назначен судья для расследования деятельности коррехидора Алоса. Более того, Пачеко запросил, чтобы в случае, если коррехидор снова арестует Катари после его возвращения из Буэнос-Айреса, его сразу же отрешили от должности⁴⁰. Вице-король выразил сомнения в правдивости обвинений в адрес Катари, что тот сократил размер трибуто⁴¹. Меры, предпринятые вице-королем, показывали, что он считал, что общины Мачи всего лишь требовали исполнения решения судов. К середине 1780 г., по мнению вице-короля, Катари должен был стать касиком, коррехидор отстранён от должности, а аудиенсия не надо было вмешиваться в конфликт. Прокурор Пачеко считал причиной восстания обман коррехидора⁴².

В этой версии не общины, а чиновники были виновны в обмане и манипуляциях законом и верховными распоряжениями. Безусловно, вице-королевские власти осознавали опасность крестьянского движения. И главная опасность, по их мнению, состояла в том, что индейцы могут решить добиться исполнения закона через насилие. Вице-король указывал, что если бы аудиенсия исполнила распоряжения высших властей, то не было бы никакого восстания⁴³.

Сравнение версий причин движения в Чайянте позволяет пересмотреть одну из дихотомий, лежащих в основе многочисленных исследований форм сопротивления индейцев в колониальный период, противопоставление коллективного насилия законности, правовых стратегий и вооружённых восстаний⁴⁴. Определение крестьянского движения как незаконное коллективное действие предполагает искусственное разделение действующих лиц истории. По мнению высшей власти вице-

³⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, ff. 39-40.

⁴⁰ AGN, IX, Interior, Leg 11, Exp. 8, ff. 58-67.

⁴¹ De Angelis, Colección de obras y documentos, p. 669.

⁴² AGN, IX, Interior, Leg 11, Exp. 8, f. 62.

⁴³ En De Angelis, Colección de obras y documentos, p. 669 (énfasis mío).

⁴⁴ Джон Коатсворт определил крестьянские восстания и бунты как “нелегальные или экстралегальные коллективные действия”. – Coatsworth, “Patterns of Rural Rebellion”, p. 23).

королевства, понятие законности, на которое ориентировались индейцы Мачи, не предполагало ни манипуляций, ни двойной интерпретации королевских указов, ни абстрактных определений некой воли короля. Политический контекст коллективных действий, напротив, заключался в исполнении указов и следовании законным процессам. Разумеется, насилие народа отличается от государственного не только целями, но и тем, что последнее осуществляется от имени уже установленной власти. Так, в Англии и Франции в XVIII в. одной из черт народных восстаний была «повторяющаяся адаптация к способам действия властей, что часто приводило к тому, что толпа буквально брала закон в свои руки»⁴⁵. Из-за противостояния внутри колониальной администрации, возникшего в ходе реформ Бурбонов, благодаря различиям между реальной властью и формальными законоположениями, между государственным насилием и насилием масс, ситуация имела тенденцию скорее затушевывать, чем прояснять суть политики господства и сопротивления в андском мире. С одной стороны, привычные законные процедуры превращали *частное* использование силы из аномалии в структурный элемент управления и испанской юстиции. С другой стороны, юридические и идеологические представления колониальной бюрократии делали применение силы легальным официальным средством в зависимости от интерпретаций законов и распоряжений. Таким образом, юстиция становилась правом на политику насилия.

Борьба общин, региональных элит и вице-королевской бюрократии строилась не вокруг противопоставления насилия и права, а вокруг различных определений в отношении представителей колониальной правовой системы. Несмотря на свою массовость и радикальность, сам факт, что крестьянское движение было по сути мятежом, атакой на существующие институты власти, не был аргументом для понимания идеологических мотивов властей. Разногласия внутри колониальных властей позволяли индейским общинам прибегать к ряду практик, которые, хотя и не ставили под сомнение испанские институты,

⁴⁵ Charles Tilly “How (And, to Some Extent, Why) to Study British Contention”// *As Sociology Meets History*. New York, 1981, p. 161; John Brewer and John Styles (ed.), *An Ungovernable People. The English and their law in the seventeenth and eighteenth centuries*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983, pp. 17-18.

создавали особую политическую культуру колониализма в регионе Анд, подрывая идею расового превосходства белых, на которой покоилось само европейское господство в колонии.

Повстанческая политика

Мотивы индейских прошений в колониальных судах на первый взгляд выглядят парадоксально. Жалоба на воровство подати чиновником сопровождалась обещанием увеличить сбор подати, так как предполагала ликвидировать воровство. При этом известно, что индейцы сами избегали участия в переписи, чтобы не попасть в списки податного населения. Прощения индейцев являются свидетельством того, что Джеймс Скотт назвал «официальной прописью отношений власти». Следуя концепции этого автора, мы придём к выводу, что эта «официальная пропись» выгодна подчинённым слоям⁴⁶. Восстание в Чайянте описывается в историографии как протест против трибуто и миты. Вначале цели восстания ограничивались требованием смены касиков-метисов и снижения объёма товарного репартименто, затем движение развивалось в направлении протеста против самого существования трибуто и миты⁴⁷. Этой атакой на структуру колониального режима объясняется переход от юридических апелляций к массовому насилию, а также массовая поддержка движения в соседних общинах региона. С этой точки зрения, цель крестьян – поначалу скрыть свои подлинные намерения.

Если реконструировать коллективные действия индейцев Мачи, то станет ясно, что массовое насилие и легальные действия тесно взаимосвязаны и не могут быть поняты отдельно друг от друга. Отделить одно от другого означает смешивать крестьянскую политику с логикой колониального представительства. В общинах существовал высокий уровень понимания законности, что было быстро развеяно на практике местными

⁴⁶ James Scott, *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990. p. 87.

⁴⁷ O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales*, pp. 258-259; Leon Campbell, "Ideology and Factionalism during the Great Rebellion, 1780-1782". // Steve Stern (ed.), *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987, p. 114.

властями. В противовес версии местных властных групп, индейские инициативы не были направлены ни на уничтожение государственного принуждения, ни на манипуляцию воображаемыми королевскими указами. Индейские народы стремились к глубоким изменениям в рамках интеграции в колониальную систему, но эти изменения не предполагали вплоть до последнего этапа движения свержения существовавших структур. Радикализация восстания происходила по мере сопротивления местной власти, которая должна была постоянно подтверждать свои права перед лицом имперской администрации. Для индейского протеста было характерно сочетание, а не разделение легальных действий и насилия.

Этнографические исследования региона Чайянты показали, что структура айлью там сохранялась столетиями. Корни ее уходят в доиспанскую конфедерацию Чарки и Каракары, где общины охватывали от более мелких образований как младшие айлью до целых этнических групп. Эта структура состояла из сетей взаимопомощи, коллективного и ритуального труда. Как и у других народов Анд, айлью практиковали систему землевладения, которая обеспечивала им доступ к площадям на разных высотах. Однако в отличие от других регионов, где реформы вице-короля Франсиско де Толедо в 1570-е годы разрушили модель «вертикального архипелага» или «двух домов», в Чайянте этнические группы смогли сохранить свои земли в пуне на высокогорье и в тёплых долинах в рамках единой юрисдикции своей провинции. Сохранение традиционных принципов общественной организации было несовместимо с участием в колониальном рынке. Андские принципы самодостаточности и взаимопомощи смогли приспособиться к императивам рыночной экономики. В результате к концу XVIII в. Чайянта наряду с Кочабамбой превратилась в главного поставщика зерна для Потоси. Однако, в отличие от долин Кочабамбы, где преобладали испанские поместья, в Чайянте производство концентрировалось в общинах⁴⁸. Взаимодействие общин с колониальными экономическими и политическими структурами происходило через касиков, которые были ответственны за сбор трибуто-подати и миту, отправку людей на рудники. От

⁴⁸ Larson, Colonialism and Agrarian Transformation; Tristan Platt, Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí (Lima: IEP, 1982).

выполнения этих повинностей зависело сохранение андских норм внутреннего распорядка. Именно касики решали, кто из индейцев отвечает за религиозные обряды и праздники, за работу мельниц, за коллективно обрабатываемые земли, они решали конфликты между индейцами по земельным вопросам, представляя общину перед властями и соседями. Это жизненный комплекс общин был поставлен под угрозу назначением незаконных в глазах индейцев касиков коррехидорами.

Как показывают свидетельства, касики сдавали в аренду земли, которые должны были распределяться домохозяйствам, присваивали себе результаты коллективного труда на общинных землях, урожай с которых должен был идти на содержание посланных на рудники крестьян. Незаконные касики своим существованием разрушали систему отношений с колониальными властями, которые не должны были вмешиваться во внутренние дела айлью, за что в ответ крестьяне платили трибуто. Индейцы сами устанавливали, кто и сколько платит в соответствии со своими представлениями о праве. Касики же превратились в агентов и даже в заинтересованных партнёров коррехидоров при насильственном репартименте товаров. Продажа товаров по завышенным ценам и в счёт будущего урожая плюс использование денег трибуто для покрытия стоимости товаров приводили к ситуации сверхэксплуатации, вызывая чувство незаконности репартименто.

Присвоение трибуто касиками подрывало источник легитимности их власти и их роль как агентов короны, они фактически отказывались от своей функции индейских сеньоров⁴⁹. Функционирование налоговой системы превратилось в борьбу за контроль над ресурсами общины, формами её интеграции в рыночную экономику и отношениями общин с колониальным фиском. Индейское движение стало результатом конфронтации, порождаемой самой природой колониального господства. Спустя столетие в ответ на либеральные реформы республиканских

⁴⁹ О двойной легитимности касиков в Андах как фискальных агентов и как сеньоров индейцев см. Brooke Larson, "Caciques, Class Structure and the Colonial State"// *Nova Americana*, 2, 1979, pp. 197-235; Silvia Rivera Cusicanqui, "El mallku y la sociedad colonial en el siglo XVII: el caso de J. de Machaca"// *Avances*, 1, La Paz, 1978, pp. 7-27; Thierry Saignes, "De la borrachera al retrato: los caciques de Charcas entre dos legitimidades"// *Revista Andina*, 5, 1987, pp. 139-170; Karen Spalding, *Huarochirí: An Andean Society under Inca and Spanish Rule*. Stanford: Stanford University Press, 1984, p. 228.

правительств общины Чайянты попытались восстановить ту модель отношений с государством, которую Тристан Платт назвал «пактом взаимности»: в обмен на трибуто общины требовали уважения к их внутренней автономии⁵⁰.

«Пакт взаимности» между индейцами и государством сочетался с правовыми основами колониального режима, установившего с XVI в. две республики, индейцев и испанцев. Это система стала символическим преобразованием отношений господства в асимметричный обмен⁵¹. Будет неправильным считать этот механизм способом закамуфлировать колониальную эксплуатацию. Государственное насилие, также как система юстиции, было формой материального и символического насилия и источником политических прав. В XVIII в., с началом процесса формирования колониального общества после травматических событий конкисты, испанская гегемония воспринималась уже не как нечто внешнее и чужое, а лишь как определение позиций испанского и коренного населения в рамках существовавшего порядка⁵². Антиколониальный характер движения в процессе перехода от признания колониальной власти к ее осуждению коренился в способности общин использовать как закон, так и силу для споров с этой властью. В процессе восстания индейцы смогли не только присвоить себе права, но и ощущали себя чиновниками, представителями суверена, короля.

Насилие со стороны крестьян было организованным. Не добившись назначения специального судьи, крестьянские лидеры, прибегли к силе, чтобы освободить своего главного руководителя. Индейцы считали себя вправе изгнать касиков Мачи и от-

⁵⁰ Silvia Rivera Cusicanqui, 'Oprimidos pero no vencidos', luchas del campesinado aymara y qhechwa de Bolivia, 1900-1980. La Paz: HISBOL-CSUTCB, 1984, pp. 42-52; Langer, "Andean Rituals of Revolt"; Platt, Estado boliviano, pp. 73-111.

⁵¹ Tristan Platt, "Entre 'ch'axwa' y 'muxsa'. Para una historia del pensamiento político aymara"// Tres reflexiones sobre el pensamiento andino. La Paz: HISBOL, 1987, p. 99.

⁵² Homi Bhabha, "Signs Taken for Wonders: Questions of Ambivalence and Authority under a Tree Outside Delhi, May 1817"//Critical Inquiry, (12) 1985, p. 153], Jean Comaroff and John Comaroff, Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa, vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991; Michel De Certeau, The Practice of Everyday Life. California: University of California Press, 1984, p. xiii.

казаться признать права коррехидора. Они нападали на касиков и их людей, создав ситуацию, когда их роль как посредников между индейцами и испанцами свелась к нулю. С опорой на судебные решения индейцы отказались платить этим касикам трибуто, выполнять миту и платить за репартимьенто⁵³.

Индейские общины в Андах осуществляли жёсткий контроль за передвижениями людей в провинции, не давали проходить почтовым сообщениям⁵⁴. Крестьяне установили пикеты и заставы на всех дорогах, и жители городов оказались в осаде⁵⁵. Всякий путешествующий должен был сначала договориться с индейцами о проезде, показать свои бумаги и объяснить, для чего едет. Затем у него могли отобрать груз и одежду⁵⁶.

Индейцы хотели не только сместить касиков, но вынудить тех не жаловаться на Томаса Катари и общинников в целом. Общинники знали, что касики распространяли слухи о желании снизить подать по указу вице-короля, что послужило поводом для ареста Катари. Они попытались переиграть в этой игре. Индейцы захватили касиков и заставили их уйти со своих постов, обвинив их в несправедливом аресте Катари, и потребовали от них просить коррехидора освободить своего лидера, угрожая в противном случае пойти с ними в Ла-Плату, где касики подтвердят невиновность Катари в аудиенсии. Коррехидор также получал угрозы от индейцев. Во время проезда коррехидора для июльской годовой ревизии провинции его отряд часто окружали толпы индейцев. Чтобы избежать вооружённого столкновения, Алос был вынужден назначать новых касиков по требованию общинников. Он обещал сократить репартимьенто и добиться освобождения Катари⁵⁷.

Рост насилия со стороны общинников совпал с резким увеличением апелляций в высшие суды. В июле–августе 1780 г. индейцы как минимум три раза ездили с прошениями в Ла-Плату и представили шесть жалоб в аудиенсию и вице-королю. В то время как местные элиты стремились ограничить конфликт пределами провинции, индейцы обращались с просьбой о его решении к высшим властям, не оставляя и других фрон-

⁵³ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 40.

⁵⁴ Ibid., ff. 80-81.

⁵⁵ Ibid., f. 117.

⁵⁶ Ibid., ff. 119-120.

⁵⁷ AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

тов. Они уничтожали разрыв, существовавший между решением суда и его исполнением. Индейцы сами доставляли приказы вице-короля аудиенсии, суда – коррехидору, сообщали о действиях коррехидора Аудиенсии, и ответ последней доводился до вице-короля. Индейцы не только жаловались, но поставили перед вице-королем проблему неисполнения его распоряжений и незаконности решений Аудиенсии. Надо не забывать, что все жалобы и прошения индейцев писались писарями и адвокатами, то есть белыми. Важно, что письменные обращения и прошения сочетались с коллективными действиями на местах.

Вооружённые столкновения за торжество закона были частью борьбы за свое понимание сути конфликта и за отношение к нему законных структур (юрисдикций и судов), в рамках которых этот конфликт развивался. Как указывал Пьер Бурдьё, практическое содержание закона не сводится к юридическому канону: его реальное значение возникает в спорах о границах и понимании закона. Иными словами, присвоение «символической власти», выраженной в тексте закона, «является той самой премией, за которую идёт борьба интерпретаций»⁵⁸. Если символическая власть закона состоит в определении одних действий как правовых актов, а других как насильственных акций, то действия крестьян разорвали «цепь легитимности», связывавшую власть с юридическим каноном. Таким образом, крестьяне смогли противопоставить версиям конфликта от местных элит коллективные действия в виде юридических актов и представить действия касиков, коррехидора и Аудиенсии как формы насилия.

Индейский взгляд на эти события состоял в том, что конфликт, начатый вокруг ограниченного числа вопросов, перерос в борьбу за сохранение автономии индейской общины в рамках колониального порядка. По мнению индейцев, поддержанному сотнями крестьян провинции, коррехидор и касики утратили всякое право управлять ими, а аудиенсия проявила себя соучастником коррехидора, нарушившим фискальные интересы короны, права общин и высших иерархов колонии. Вице-король же должен был использовать силу для восстановления интересов короля и прерогатив индейцев, «ибо вся провинция, – писал Катари, – нуждается в защите Короля, ибо мы достойны

⁵⁸ Pierre Bourdieu, “The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field”//The Hastings Law Journal, (38) 1987, pp. 818-824.

прав и справедливости»⁵⁹.

Хотя индейцы Мачи действовали в соответствии с традициями и обычаями Анд, динамика конфликта привела к изменению политической культуры колониального режима. Точно так же, на что указывал Кейт Бейкер, в некоторых районах Франции во второй половине XVIII в. юридические протесты против сеньориальных прав запустили процесс «политизации деревни»⁶⁰. Прямым следствием крестьянского движения был перевод в политическую сферу противоречий между формальным и неформальным механизмами власти, а также разоблачение характера власти, под которой находились андские айлью.

Коллективные действия не ограничивались приходскими делами, крестьянским микрокосмосом или вселенскими проблемами человеческой расы, они вышли за традиционные рамки крестьянских бунтов или милленаристских движений⁶¹. Политическая практика индейцев приводила к изменениям в посреднической сфере между приходом и вселенной, областью, где в рамках колониальной системы принимались решения о распределении власти и экономических ресурсов. «Теология администрации», которая по определению должна была составлять суть бюрократического аппарата, была подвержена анализу и проверке как “official transcript of power relations”. Отчуждая эту прерогативу, индейцы переставали действовать как пассивные объекты государственной юстиции, превратившись в автономных политических субъектов, способных не только защищать свои права, но самим определять, как представители суверена, короля должны были осуществлять свои полномочия.

Ритуальная амбивалентность юстиции

В процессе мобилизации, начатой в общинах Мачи в сере-

⁵⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, ff. 37-38.

⁶⁰ Keith Baker, “Politics and Public Opinion Under the Old Regime: Some Reflections”// Jack Censer and Jeremy Popkin (eds.), *Press and Politics in Pre-revolutionary France*. Berkeley: University of California Press, 1987, p. 209. Roger Chartier, *The Cultural Origins of the French Revolution*. Durham: Duke University Press, 1991, p. 144; Hilton Root, *Peasants and King in Burgundy. Agrarian Foundations of French Absolutism*. Berkeley: University of California Press, 1987, pp. 155-204.

⁶¹ Eric Hobsbawm, “Peasant Politics”// *Journal of Peasant Studies*, (1) 1973, p.

дине 1777 г., движение переросло в кровавое восстание в Покоате 26 августа 1780 г. Во время обычного годового собрания индейских общин для отправки митайо в Потоси и выплаты трибуто крестьяне набросились на коррехидора и его вооружённую охрану. Многочисленные общины Чайянты прибыли в Покоату, чтобы потребовать освобождения Томаса Катари и, возможно, сокращения репартимьенто, обещанного им во время недавних столкновений в районе. Коррехидор Хоакин Алос, предвидя эти события, прибыл с сильным отрядом в 200 солдат из Аульягас и других районов, где были испанские поселенцы. После переговоров общинники стали забрасывать отряд камнями из пращей, а солдаты убили своим огнём десяток индейцев. Однако солдат было мало по сравнению с индейцами. В результате около тридцати испанцев и метисов погибли, а остальные спрятались в церкви посёлка. Священник уговорил индейцев отступить, но сам Алос попал в плен. Его с целью унижения и символического снятия с должности заставили идти в Мачу пешком босиком и жевать коку. В начале сентября, когда Томас Катари был освобождён аудиенсией и назначен касиком Мачи, общинники выпустили Алоса⁶².

Восстание в Чайянте сравнивалось с движением Тупак Амару в Куско. Леон Кампбелл писал, что их роднит захват коррехидоров в обоих местах⁶³. Ян Семински указывал, что Тупак Амару и Томас Катари шли в одинаковом направлении, оба до восстания ездили в столицы вице-королевства, один в Лиму, другой в Буэнос-Айрес, они апеллировали к образу короля, сложившемуся в Андах и действовали от его имени⁶⁴. Тупак Амару ссылался на несуществующие указы, когда судил коррехидора Куско. Упоминание воли короля не помешало ему провозгласить себя новым королём – Инкой⁶⁵. Что же было в Чайянте? Остановимся на трёх эпизодах после битвы при Покоате: отправка людей на миту в Потоси, переговоры при по-

⁶² По сведения Томаса Катари, триста индейцев погибли в этом столкновении. – Lewin, *La rebelión de Tupac Amaru*, pp. 365-369; Fisher, *The Last inca Revolt*, pp. 58-62; “*Diario de Juan Gelli*”, pp. 364-371; AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 186-192.

⁶³ Leon Campbell, “Recent Research on Andean Peasant Revolts, 1750-1820”, *Latin American Research Review*, 14, 1979, p. 9.

⁶⁴ Szeminski, “Why Kill the Spaniards?”, p. 173.

⁶⁵ Alberto Flores Galindo, *Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes*. Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1987, p. 117.

средничестве священника об обмене свободы Катари на Алоса и последняя встреча Алоса и Катари в Маче в конце сентября.

Коррехидор Чайянты рассчитывал, что в Покоате индейцы хотят «свергнуть королевский гнёт и не платить трибуто», поэтому Алос был уверен, что восстание отразится на числе митайо. 25 августа он отправился в сопровождении 12 вооружённых людей и с 200 солдатами в засаду к месту, где обычно собирали митайо. Около 2 тысяч индейцев ждали коррехидора. Несмотря на предупреждения о неподчинении общинников, набор митайо на рудники прошёл как обычно. Индейцы тем самым демонстрировали свою законопослушность. Когда же Алос во время выражения протеста индейцами решил арестовать нескольких митайо, индейцы воспротивились, указывая, что митайо нельзя арестовывать⁶⁶. Века испанского господства научили индейцев, что власть коррехидоров не распространяется на митайо. Однако в рамках небывалой конфронтации с местными властями этот жест означал лишь, что мита, являясь частью отношений между айлью и королём, позволяла не признавать права местных властей на эту сферу. Другими словами, индейцы давали понять коррехидору, что более не считают его законным представителем колониального государства.

Переговоры об освобождении коррехидора после боя 26 августа показывают, что позиция восставших в отношении миты была такой же, как и в отношении трибуто. Индейцы восстали и требовали лишь сокращения репартимьенто и освобождения своего лидера, Катари. Других требований с их стороны не было. Они не просили сокращения трибуто. Аудиенсия освободила Катари с условием, что индейцы выполнят обещанное⁶⁷.

Встреча между Алосом и Катари после освобождения произошла в символической форме ритуала торжества справедливости. За два года до того Алос велел высечь Катари и заявил индейцам, что он единственная для них власть, и если они вновь будут на него жаловаться, то он их повесит⁶⁸. 1 сентября

⁶⁶ Comisión Nacional del Sesquicentenario de la Independencia del Perú. Tomo 2, vol. 2, Lima, 1971, p.238. Примеры того, что митайо считали себя не подлежащими обычной юстиции, что было частью “пакта взаимности”. — Enrique Tandeter, *Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692-1826*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1992, pp. 32-39.

⁶⁷ AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 138-140.

⁶⁸ Ibid., ff. 130-137.

1780 г., как только Катари после освобождения прибыл в Мачу, он объявил всем, что назначен касиком. Затем он отправился к дому священника, где содержался коррехидор, который публично попросил у индейцев прощения⁶⁹. Для андских народов «прощение» означало признание законности их действий, но не признание того, в чем обвинялся просящий прощения. Там же коррехидору зачитали постановление аудиенсии, где ему предписывалось покинуть Чайянте и явиться в суд Чаркас⁷⁰.

Испанское господство воспроизводилось, как указывает Томас Аберкромби, «через многочисленные формы общественного театра и ритуалы, посредством которых индейцы должны были публично выражать подчинение колониальному господству (и таким образом, цивилизоваться)»⁷¹. Отправление королевской юстиции в деревнях было частью такого политического театра. Принятие восставшими в Чайянте испанских (в том числе церемониальных) форм правосудия не было ни маской, за которой скрывалось антиколониальное содержание, ни полным подчинением существующему порядку. Встреча Катари и Аласа означала одновременно и акт отправления юстиции, и акт политического подрывного действия. С одной стороны, официальные указы исполнялись и им подчинялись, а с другой, обстоятельства восстания полностью ритуально развенчивали колониальную власть⁷². В рамках колониального политического театра айлью исполняли свои обязательства в отношении государства и выражали уважение испанским судам. Эта акция означала не подчинение европейским правителям, а лишь то, что по своей сути противоречило колониальному господству, а именно, имплементацию индейской концепции политической легитимности и примат власти насилия со стороны индейцев.

Предпосылка самого существования колониализма, понятие культурного и военного превосходства европейцев были подвергнуты сомнению. Коррехидор Алас был вынужден направить из Мачи письмо в аудиенсию. В нем общины вновь повто-

⁶⁹ Lamas, Colección de Memorias y Documentos, p. 369.

⁷⁰ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 148-149.

⁷¹ Thomas Abercrombie, "To Be Indian, to Be Bolivian: 'Ethnic' and 'National' Discourses of Identity" // Greg Urban and Joel Sherzer (eds.), *Nation-States and Indians in Latin America*. Texas: University of Texas, 1991, pp. 202-203.

⁷² Robert Young, *White Mythologies. Writing History and the West*. London: Routledge, 1990, pp. 147-148; Baba, "Of Mimicry and Man", pp. 125-133.

ряли признание своих обязанностей и требовали от судей признания Катари, так как «он слышит индейцев». Они требовали нового коррехидора, который признает необходимость сокращения репартимьенто. Так же как и в прочих текстах прошений, индейцы говорили не на своём языке, однако риторика не должна заслонять содержания. Когда в январе 1781 г. Томас Катари был арестован и убит, а коррехидор вернулся к власти, тысячи индейцев уже из разных провинций окружили город Ла-Плата, угрожая уничтожить все испанское население.

Власть и восстание

Анализ, представленный в данной статье, показывает, что движение в общинах Чайянты подрывало основы режима, и началось оно ещё до того, как туда пришли известия о восстании Тупак Амару в Куско в конце 1780 г. Здесь крестьяне, казалось, не преследовали цели экономических и политических изменений, о которых всегда говорили историки в отношении крупных восстаний в колонии. Восстание в Чайянте представляло собой процесс массовой мобилизации, который лишал легитимности и власти местные правительственные институты. При этом оно не было направлено против двух основных орудий эксплуатации индейцев, миты и трибуто, оно также не было против белых и европейских институтов. Большинство исследователей рассматривает восстание в Куско с точки зрения свержения колониального режима и его замены на ещё остававшуюся в исторической памяти Инкскую империю. Тупак Амару был подобен мессии, а общественные изменения, предложенные им, казались лишь частью огромного космического катаклизма. В Ла-Пасе восстание под руководством Тупак Катари началось как антиколониальное движение, но затем переросло в расовую войну.

Мы считаем, что в рамках восстания в Чайянте индейские утопии, революционные программы и расовые противоречия не были причиной борьбы ни в начале, ни в процессе развития событий. По своим социально-экономическим целям восстание в Маче входит в цикл местных восстаний и легальных протестов, происходивших в Верхнем Перу с середины XVIII в. Движение под руководством Томаса Катари было направлено на возвращение индейцам контроля над экономическими ресурсами в своей системе власти. Исторические исследования недооценили

революционный потенциал локальных движений против определённых касиков, коррехидоров и священников.

Необходимо подчеркнуть, что ни в самой конфронтации, ни в целях движения не содержался вызов колониальному господству. Хотя индейские требования угрожали основным формам эксплуатации в регионе, движение развивалось в рамках существовавшего закона. И дело не только в убеждении крестьян, что закон на их стороне, а в том, что они взяли в свои руки исполнение закона. Парадоксально то, что постоянное апеллирование индейцев к закону привело к коллективному насилию с их стороны. В сознании крестьян борьба в судах просто переросла в вооружённую борьбу в деревнях.

По контрасту с предыдущими взрывами насилия со стороны индейцев в других регионах Анд (все они были относительно изолированными и короткими), и правовыми процессами, инициированными индейцами, движение в Чайянте сформировало широкую сеть политической солидарности и поддержки. Движение в Чайянте, парафразируя выражение Стефана Гринблатта, представляет собой «радикальное восстание», которое «не пыталось взять власть», но «отвергало принципы, на которых покоилась существующая власть»⁷³. Если в восстаниях в Куско и Ла-Пасе на первое место выходила память об империи инков, то идейные предпосылки крестьянского движения в Чайянте стоит искать в пакте между индейцами и государством, ибо повинности крестьян были связаны с защитой политической и социальной истории их автономии.

Библиография

Baker, Keith "Politics and Public Opinion Under the Old Regime: Some Reflections" // Jack Censer and Jeremy Popkin (eds.), *Press and Politics in Pre-revolutionary France*. Berkeley: University of California Press, 1987.

Bhabha, Homi "Signs Taken for Wonders: Questions of Ambivalence and Authority under a Tree Outside Delhi, May 1817" // *Critical Inquiry*, (12) 1985.

Bourdieu, Pierre "The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field" // *The Hastings Law Journal*, (38) 1987.

⁷³ Stephen Greenblatt, "Invisible Bullets: Renaissance Authority and Its Subversion" // *Glyph* 8, Walter Michaels ed., Baltimore, 1981, p. 41.

Brewer John and Styles John (ed.), *An Ungovernable People. The English and their law in the seventeenth and eighteenth centuries.* New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.

Burkholder Mark and D.S. Chandler, *From Impotence to Authority. The Spanish Crown and the American Audiencias, 1697-1808.* Columbia: University of Missouri Press, 1977.

Campbell, Leon "Ideology and Factionalism during the Great Rebellion, 1780-1782" // Steve Stern (ed.), *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries.* Madison: University of Wisconsin Press, 1987.

Campbell, Leon "Recent Research on Andean Peasant Revolts, 1750-1820" // *Latin American Research Review*, 14, 1979.

Chartier, Roger *The Cultural Origins of the French Revolution.* Durham: Duke University Press, 1991.

Coatsworth, John "Patterns of Rural Rebellion in Latin America: Mexico in Comparative Perspective" // Friedrich Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico.* Princeton: Princeton University Press, 1988.

Comaroff Jean and Comaroff, John *Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa*, vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Comisión Nacional del Sesquicentenario de la Independencia del Perú. Tomo 2, vol. 2, Lima, 1971.

De Certeau, Michel *The Practice of Everyday Life.* California: University of California Press, 1984.

Fisher, John Kuethe Allan y McFarlane Anthony (eds.), *Reform and Insurrection in Bourbon New Granada and Peru.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990.

Galindo, Alberto Flores "La revolución tupamarista y los pueblos andinos (una crítica y un proyecto)" // *Allpanchis*, (17/18) 1981.

Galindo, Alberto Flores *Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes.* Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1987.

Golte, Jürgen *Repartos y rebeliones. Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial.* Lima: IEP, 1980.

Greenblatt, Stephen "Invisible Bullets: Renaissance Authority and Its Subversion" // *Glyph 8*, Walter Michaels ed., Baltimore, 1981.

Guha, Ranajit "The Prose of Counter-Insurgency". // Guha and Gayatri Spivak (eds.), *Select Subaltern Studies* (Oxford, 1988).

Hidalgo Lehuede, Jorge "Amarus y cataris: aspectos mesiánicos de la rebelión indígena de 1781 en Cusco, Chayanta, La Paz y Arica" // *Revista Chungara*, 10, 1983.

Hobsbawm, Eric "Peasant Politics"// *Journal of Peasant Studies*, (1) 1973.

Irigoin, Alejandra, Grafe, Regina "Bargaining for Absolutism: A Spanish Path to Nation-State and Empire Building"// *Hispanic American Historical Review*, 88, 2008.

Katz, Friedrich "Rural Uprisings in Preconquest and Colonial Mexico"// Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Larson, Brooke "Caciques, Class Structure and the Colonial State"// *Nova Americana*, 2, 1979.

Larson, Brooke *Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia. Cochabamba, 1550-1900*. Durham: Duke University Press, 1997.

Lewin, Boleslao *La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana*. Buenos Aires: Hachette, 1957.

Lynch, John "The Institutional Framework of Colonial Spanish America"// *Journal of Latin American Studies*, 24, Quincentenary Supplement, 1992.

Moreno Cebrián, Alfredo *El Corregidor de Indios y la economía peruana del siglo XVIII (Los repartos forzosos de mercancías)*. Madrid: Instituto González Fernández de Oviedo, 1977.

O'Phelan Godoy, Scarlett *Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia 1700-1778*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1988.

Paquette, Gabriel *Enlightenment, Governance, and Reform in Spain and its Empire, 1759-1808*. New York: Palgrave-Macmillan, 2008.

Platt, Tristan *Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí*. Lima: IEP, 1982.

Poole, Deborah "Antropología e historia andinas en los EE.UU.: Buscando un reencuentro"// *Revista Andina*, (10) 1992.

Rivera Cusicanqui, Silvia 'Oprimidos pero no vencidos', *luchas del campesinado aymara y quechwa de Bolivia, 1900-1980*. La Paz: HISBOL-CSUTCB, 1984.

Rivera Cusicanqui, Silvia "El mallku y la sociedad colonial en el siglo XVII: el caso de J. de Machaca"// *Avances*, 1, La Paz, 1978.

Root, Hilton *Peasants and King in Burgundy. Agrarian Foundations of French Absolutism*. Berkeley: University of California Press, 1987.

Saignes, Thierry "De la borrachera al retrato: los caciques de Charcas entre dos legitimidades"// *Revista Andina*, 5, 1987.

Scott, James *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990.

Serulnikov, Sergio "Customs and Rules: Social Conflicts in the Age of Bourbon Reformism (Northern Potosi in the 1770s)"// *Colonial Latin American Review*, vol. 8 n. 2, 1999.

Serulnikov, Sergio "Tomás Catari y la producción de justicia. Análisis de un interrogatorio al líder de la rebelión indígena de Chayanta"// *Documentos CEDES* 10, 1988.

Socolow, Susan *The Bureaucrats of Buenos Aires, 1769-1810: Amor al Real Servicio*. Durham: Duke University Press, 1987.

Spalding, Karen *Huarochirí: An Andean Society under Inca and Spanish Rule*. Stanford: Stanford University Press, 1984.

Stein, Stanley "Bureaucracy and Business in the Spanish Empire, 1759-1804: Failure of a Bourbon Reform in Mexico and Peru"// *Hispanic American Historical Review*, 61, 1, 1981.

Stern, Steve *Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest. Huamanga to 1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1982.

Szeminski, Jan *La utopía tupamarista*. Lima: Pontificia Universidad Católica, 1984.

Tandeter, Enrique *Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692-1826*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1992.

Thomson, Sinclair *We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2002.

Tilly Charles "How (And, to Some Extent, Why) to Study British Contention"// *As Sociology Meets History*. New York, 1981.

Walker Charles, *Ashes Smoldering. Cuzco and the Creation of Republican Peru, 1780-1840*. Durham: Duke University Press, 1999.

Young, Robert White *Mythologies. Writing History and the West*. London: Routledge, 1990.

Zemon Davis, Natalie "The Rites of Violence"// *Society and Culture in Early Modern France*. Stanford: Stanford University Press, 1975.

Thomas Abercrombie, "To Be Indian, to Be Bolivian: 'Ethnic' and 'National' Discourses of Identity"// Greg Urban and Joel Sherzer (eds.), *Nation-States and Indians in Latin America*. Texas: University of Texas, 1991.

Tristan Platt, "Entre 'ch'axwa' y 'muxsa'. Para una historia del pensamiento político aymara"// *Tres reflexiones sobre el pensamiento andino*. La Paz: HISBOL, 1987.

William Taylor, "Between Global Process and Local Knowledge. An Inquiry into Early Latin American Social History, 1500-1900" //

Reliving the Past. *The Worlds of Social History*/ Olivier Zunz (ed.).
Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985.

William Taylor, *Drinking, Homicide, and Rebellion in Colonial Mexican Villages*. Stanford: Stanford University Press, 1979.

Woodrow Borah, *Justice by Insurance. The General Indian Court of Colonial Mexico and the Legal Aides of the Half-Real*. Berkeley: University of California Press, 1983.

И.В. СЕЛИВАНОВА⁷⁴
I.V. SELIVANOVA

ГОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В НОВОЙ ИСПАНИИ
И ГОРОД МЕХИКО
THE MINING PRODUCTION IN NEW SPAIN
AND MEXICO CITY

Аннотация. Статья посвящена анализу горного производства в Новой Испании, одного из мировых центров по добыче серебра. В центре внимания оказываются вопросы организации добычи серебра, а также обеспечения рабочей силой горных шахт. Рассматривается процесс формирования рыночных связей в вице-королевстве, организации городских рынков и ремесленных производств в районе горных рудников. Внимание уделяется освещению преобразований в сфере горного производства в Новой Испании во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: горное производство, репартименто, пеонаж, горный трибунал, монетный двор, серебро, рудники Валенсиана.

Abstract. This article analyzes the mining industry in New Spain, one of the world centers of silver production during the colonial period. The author focuses on examination of the process of silver production and matters of organization and ensuring of the labor force for silver mines. The author explores the process of formation of trade relations in the vice-kingdom, organization of urban markets and artisanal industries in the area of the mines. The article deals with changes in the field of mining in New Spain in the second half of the XVIII century.

Keywords: mining, repartimiento, peonaje, mining Tribunal, the Mint, silver, Valenciana.

С прибытием испанцев в Новый Свет там началась массовая разработка горных рудников и добыча драгоценных металлов, которая стала рассматриваться в качестве главной экспортной

⁷⁴ Ирина Валентиновна Селиванова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Irina Selivanova - investigator of the Institute of World History.

статьи колониальной экономики. Горное дело превратило Испанскую Америку в поставщика драгоценных металлов для метрополии. Именно через горную индустрию колонии включились, прежде всего, в международные торгово-экономические отношения в качестве главных центров мирового производства серебра и денежной массы. Продукция горнорудных шахт связывала тесными узами экономику Новой Испании с Европой и Азией на протяжении всего колониального периода.

Вначале с 1494 по 1525 годы драгоценные металлы, в основном золото, испанцы получали на завоеванных островах Санто-Доминго (Ла Испаньола), Пуэрто-Рико, Куба и Ямайка. С начала XVI века были открыты месторождения серебра в Новой Испании и были построены основные горные шахты. Со временем в Новой Испании были основаны следующие горные рудники: в 1525 г. шахта Морсильо (штат Халиско), вскоре шахта была заброшена; в 1530 г. рудники Сукуальпан, Сутепек (штат Мехико), Сумпанго; в 1534 г. шахта Таско (de Tasco) (Герреро) – одна из самых важных шахт, период расцвета ее приходится на 1748-1757 гг.; в 1534 г. рудник Тлалпухауа; в 1546 г. шахта Сакатекас (штат Мехико); в 1547 году шахта Санта-Барбара (штат Чиуауа), которая находилась в 2000 км от Мехико, в XVII веке будут открыты еще пять рудников в этом же районе; в 1548-1558 гг. шахты Гуанахуато (штат Чиуауа), известная как «veta madre», и шахта «Ла-Валенсиана» известная своими месторождениями на весь мир. Расцвет рудника Ла-Валенсиана приходился на XVIII в., глубина шахты достигала 514 метров; в 1552 г. шахты Пачука и Реаль-дель-Монте (штат Идальго) в 100 км от города Мехико. Эти шахты являлись самыми известными шахтами в Америке в XVIII веке, включая Потоси. В 1553 г. шахты де Фреснедильо (штат Сакатекас) которые до сих пор действуют, шахты де Мазапил (штат Сакатекас и Коауила); в 1555 г. шахты Сомбрете и Chalchihuites (штат Сакатекас)⁷⁵. Позже были открыты шахты Сан Луис Потоси, Гвадалахара, Оахака.

Кроме того в вице-королевстве Новая Испания были открыты месторождения других полезных ископаемых. Так, в Новой

⁷⁵ Pérez Sáenz de Urturi, Juan Eusebio La minería colonial Americana bajo la dominación española // Boletín Millares Carlo. № 07-08. 1985-12. Volumen 4. P. 59.

Испании в 1524 году в Таско были открыты месторождения олова и меди, позже месторождение меди в Мичоакане. В 1552 году приступили к добычи железа на руднике Меркадо к северу от города Дуранго.

Таким образом, еще в первой половине XVI в. в Новой Испании определились основные горнорудные регионы – Сакатекас, Гуанахуато, Пачука, Реаль-дель-Монте и Сан-Луис-Потоси, превратившие колонию в крупнейшего производителя серебра в мире. А. Гумбольдт составил список регионов, в которых размещались самые богатые и плодоносные жилы в Новой Испании к концу колониального периода. В их числе он называл: Гуанахуато и Сакатекас в интенданствах того же названия; Каторсе и Рамос в Сан-Луис-Потоси; Реаль-дель-Монте, Таско и Симапан в интенданстве Мехико; Боляньюс в Гвадалахаре; Гуарисамей, Батопилас и Парраль в Дуранго; Сомбререте и Фреснийо в Сакатекасе⁷⁶.

В общем экспорте Новой Испании драгоценные металлы составляли более 80%. Два с половиной миллиона марок⁷⁷ серебра, которые ежегодно в начале XIX в. вывозились из Веракруса, соответствовали 2/3 всего серебра, добывавшегося на земном шаре⁷⁸. Одна только знаменитая шахта Валенсиана, открытая в Гуанахуато в 1767 г., давала в конце колониального периода в месяц 30000 марок серебра, что равнялось половине всего количества серебра, добываемого на всех шахтах Саксонии в год. По сведениям Гумбольдта, в Новой Испании с 1690 до 1800 гг. было добыто 149350721 марок серебра. С 70-х годов XVIII века наблюдался неуклонный рост добычи серебра в колонии. Пик этого процесса пришёлся на 1796 г., когда было отмечено рекордное количество полученного серебра – 2 854 072 марок⁷⁹.

Особое место горного производства в экономике Испанской Америки требовало серьезного внимания со стороны испанских властей, стремившихся к созданию четкой и строгой организации и контроля горного дела. Горное производство в колониях было организовано по образцу метрополии. Первым законом, который регламентировал деятельность горного производства, была королевская седула от 9 декабря 1526 г., направленная на

⁷⁶ Humboldt A. Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México. 1966. P. 332.

⁷⁷ Марка – единица веса для золота и серебра – 230 гр.

⁷⁸ Humboldt A. Ensayo político. P. 335.

⁷⁹ Humboldt A. Ensayo político. P. 386.

установление контроля испанской короны над шахтами. Все горные рудники принадлежали испанской короне и в ее пользу собирались налоги в размере десяти процентов со всего полученного серебра на шахтах Перу и пяти процентов на шахтах Новой Испании⁸⁰. С добываемого в Новой Испании золота испанская корона получала отчисления в размере 2%.

Горняки Новой Испании действовали вплоть до 1783 г. на основании кодекса горных законов, принятых испанским королем Филиппом II в 1584 г.⁸¹. Эти законы были призваны определять, прежде всего, права и обязанности испанцев, разрабатывающих горные шахты в самой Испании, но со временем они стали применяться в такой же степени и в колониях. Согласно им испанцам разрешалось вести разработку горных залежей на колонизованных землях, выплачивая короне пятую (или десятую) часть стоимости добытых минералов, чем подтверждалось право испанской короны на недра колоний. Для получения разрешения на добычу металлов, владелец нового рудника должен был зарегистрировать шахту у алькальда (чиновника вице-королевской администрации). Для того чтобы иметь возможность строго контролировать добычу драгоценных металлов в Новой Испании, испанская корона требовала, чтобы все серебро, добываемое в вице-королевстве, отправлялось в Мехико для чеканки монет на монетном дворе⁸². До 1810 г. Монетный двор в Мехико был единственным монетным двором в Новой Испании.

Монетный двор в Мехико был открыт спустя 14 лет после разрушения древнего Теночтитлана, во время правления первого вице-короля в Новой Испании Антонио де Мендосы согласно королевскому указу от 11 мая 1535 г.⁸³. С тех пор все драгоценные металлы, свозимые со всей территории вице-королевства в столицу, чеканились на этом монетном дворе. Примерно с апреля 1536 г. в Новом Свете начали чеканить первые серебряные монеты. Монеты чеканились из серебра номи-

⁸⁰ Dr. Eliceo Muro Ruiz La minería mexicana, su evolución, retos y perspectivas. URL: <http://www.juridicas.unam.mx/sisjur/dercompa/pdf/2-103s.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

⁸¹ Howe M. The mining guild of New Spain and its Tribunal General 1770-1821. P.1.

⁸² Brading D.A. Mineros y comerciantes en el México Borbónico 1763-1810. México. 1971. P. 140.

⁸³ Humboldt A. Ensayo político. P. 458.

налом в 3; 2; 1,5; 0,5; 0,25 реала, медные монеты (vellon) в 1, 2, 4 мараведи. С 1678 г. было разрешено чеканить монеты из золота⁸⁴.

Гумбольдт в своей книге приводил данные об отчеканенном в Мехико золоте и серебра с 1690 по 1803 гг. Всего за этот период в Мехико была отчеканена фантастическая сумма в 1353452020 песо. Во время посещения Новой Испании Гумбольдтом монетный двор Мехико был одним из самых крупных монетных дворов в мире. Станки, используемые в Мехико, позволяли без труда, по словам путешественника, чеканить в год более 30 млн песо, т.е. в три раза больше, чем на 16 монетных дворах Франции⁸⁵.

Чеканка монет на монетном дворе Мехико давала возможность испанской короне получать с горняков дополнительные налоги к выплате короне пятой доли стоимости всех добытых металлов. Владелец шахт обязан был платить специальный налог в размере 1%, в случае если он отправлял на монетный двор серебро и 3%, если золото. А также учрежденный в 1566 году законом Филиппа II налог на право чеканки, который к началу XIX века составлял 3,5 реала за каждую марку серебра⁸⁶. Кроме того на владельцев шахт ложились затраты по доставке металлов в столицу, вьючный транспорт был дорогим и очень медленным средством перевозки; иногда на доставку металлов из северных шахт и чеканку монет уходило не меньше полугода.

Следует отметить, что горновладельцы крупных шахт Сакатекаса выступали за создание монетного двора поблизости от своих шахт. В 1575 г., а также в 1580 г. горные владельцы Сакатекаса обращались к испанской короне с просьбой создать новый монетный двор, что сразу же вызвало сопротивление столичных чиновников и торговцев. Испанская корона предпочла переложить на плечи горных владельцев обязанность пере-

⁸⁴ Weckmann L. La herencia medieval de México. T. I-II. México. 1984. P. 506. К началу XIX века в Новой Испании существовала следующая монетная система: серебряные монеты: 1 песо = 8 реалам (том) = 96 гранам = 272 мараведи; 1 песета = 4 реалам (1/2 песо); 1 дукат – 1 песо 3 реалам 4 гранам. Золотые монеты: 1 эскудо – 2 песо – 16 реалам (томин) – 192 гранам = 544 маравежи; 1 доллон – 4 эскудо (8 песо); 1 золотая унция = 8 эскудо (16 песо). (Historia Mexicana 1968, № 67. P. 356).

⁸⁵ Humboldt A. Ensayo político. P. 458.

⁸⁶ Humboldt A. Ensayo político. P. 458.

возки серебра на монетный двор Мехико, но сохранить за столицей монопольный контроль за чеканкой монет⁸⁷.

Многие горновладельцы были не в силах профинансировать отправку добытого серебра на монетный двор и прибегали к помощи специальных банков, созданных столичными торговцами. К началу XVIII в. в Новой Испании было не больше трех таких банков. Их владельцы скупали серебро у горняков на местах, беря на себя все дальнейшие расходы по доставке и чеканке монет. Однако уже в 1733 г. вышел королевский указ, по которому чеканить серебро в Мехико можно было только под контролем королевской казны. К этому времени на монетном дворе находилось 106065 марок серебра, принадлежащих двум крупным торговцам Новой Испании Вальдивельсо и Фагоага⁸⁸.

Несколько слов следует сказать о технической стороне горного дела в Новой Испании. На смену примитивным методам добычи металлов, известным индейцам еще до прибытия испанцев, пришли новые методы и инструменты: кирки лом, резцы, тяжелые молоты, весящие 15-20 кг. Кузница, на которой изготовлялись и ремонтировались эти инструменты, была привычным элементом большинства шахт в Новой Испании. В регионе Гуанахуато небольшие шахты имели по одной или две кузницы, но на такой крупной шахте, как Валенсиана в начале XIX в. насчитывалось 16 кузниц⁸⁹. Руда выносилась на поверхность носильщиками в кожаных мешках на севере или в специальных мешках из хенекена на юге, в которые обычно клали больше 100 кг. Носильщики поднимались из шахт по специальным лестницам⁹⁰.

Шахты, разрабатываемые на крупных рудниках, нередко имели в глубину 350-500 метров. В Валенсиане глубина одной их шахт составляла 600 ярдов, строительство ее обошлось в миллион песо, что было эквивалентно сооружению двух церк-

⁸⁷ García Ruiz A. La moneda y otros medios de cambio en la Zacatecas colonial // Historia Mexicana. 1954. № 1. Vol. IV. P.32-33

⁸⁸ Vargas-Lobsinger M. El accenso social y económico de los inmigrantes españoles: el caso de Francisco de Valdivieso (1683-1743) // Historia Mexicana. 1986. № 67. P. 356.

⁸⁹ Humboldt A. Ensayo político. P. 366.

⁹⁰ Semo E. Historia del capitalismo en México // Los orígenes. 1521-1763. México. 1980. P. 41.

вей⁹¹. Подземные галереи многих шахт простирались на километры. Внутри шахты освещались свечами. Одной из сложных задач, которые стояли перед горняками, было осушение шахт, которые часто затоплялись подземными водами. Каждые десять лет требовалось строить новые шахты и штольни, взамен затопленным водой. Для откачки воды использовались колеса, приводимые в движение упряжками мулов. Несовершенство механизмов откачки воды с глубины затопляемых рудников было одной из причин закрытия многих шахт. Такая судьба постигла в начале XVII века месторождение Реаль-дель-Монте. С 1557 года в Новой Испании благодаря экспериментам горного инженера Бартоломе де Медина был изобретен способ амальгамирования серебра посредством воздействия на него ртутью (амальгамирования)⁹². Новый метод позволял вновь использовать накопившиеся запасы отвалов, но требовал создания системы специальных гидросооружений. В горнорудных районах возводились мельницы для дробления и очистки отвальных пород, содержащих серебро плотины.

Получение серебра в Новой Испании было организовано в три ступени: добыча минерала, его очистка и изготовление слитков. Вначале руда измельчалась, затем смешивалась с ртутью и в конце отделялось очищенное серебро. Процесс амальгамирования был длительными и составлял два месяца. Кроме того, он порождал одну из самых сложных проблем, существующих в горном деле, – проблему получения ртути. Продажа ртути в колониях была одной из монополий испанского двора. Монополия была введена в 1559 г. и существовала до 1811 г., когда испанскими кортесами была провозглашена свобода торговли ртутью⁹³.

Вначале в Испании контроль за поставкой в Новую Испанию ртути осуществлял Совет казны, но в 1708 г. была создана специальная хунта (Junta de Azogues) в самом Совете Индий. В 1709 г. в Новой Испании была создана суперинтендантство во главе с суперинтендантом администратором, разместившемся в Пуэбле. С 1709 г. по 1751 г. распределение ртути в Новой Испании находилось в руках этого чиновника, что было продик-

⁹¹ Brading D.A. y Cross H.E. Colonial silver mining: Mexico and Peru // *НАНР*. 1972. V. 52. № 4. P. 550.

⁹² Humboldt A. *Ensayo político*. P. 373.

⁹³ Heredia Herrera A. *La renta del azogue en Nueva España. 1709-1751*. Sevilla, 1978. P. 12.

товано стремлением испанской короны ограничить власть вице-короля. До 1709 г. и после 1751 г. вопросы, связанные со снабжением горняков ртутью, решал вице-король Новой Испании⁹⁴.

В Новую Испанию ртуть поставлялась, в основном, из Альмадены (юг Испании). В годы, когда в Новой Испании не хватало ртути, привезенной из Альмадены, из Лимы корабли привозили в Акапулько небольшое количество ртути из перуанской Уанкавелики. Так, в 1741, 1753 и 1755 гг. в Акапулько из Перу было завезено соответственно – 4000, 5000 и 5000 кинталов (кинтал – мера веса равная 46 кг.) ртути⁹⁵.

В начале XVIII века в горном производстве Новой Испании отмечалось еще одно новшество. В это время на шахтах начали использовать порох. Впервые порох был применен в вице-королевстве в 1720 г.⁹⁶. В начале XIX в. на одной шахте Валенсиана в год потреблялось до 400000 фунтов пороха⁹⁷.

Вопрос о характере рабочей силы в горнорудном секторе не может быть решен однозначно. Вначале основную рабочую силу рудников представляли собой индейцы-энкомендеро, которых поставляли сюда владельцы энкомьенд. В соответствии с Новыми Законами 1542 г. индейцам было запрещено отрабатывать уплату трибуто, в связи с чем на горных рудниках появилась другая форма поставки рабочей силы – репартимьенто (распределение). Со временем репартимьенто индейцев на шахты Новой Испании осталось обязательным только для шахт, которым грозило запустение. Основная же масса работников рудников к концу колониального периода за свою работу на шахтах получало заработную плату. На рудниках центральной части Новой Испании в XVII в. 2/3 работников были вольнонаемными, в северных районах страны, где индейское население было немногочисленным, наемные работники составляли большинство. Плата за работу на рудниках как правило не превышала 4 реалов в день, хотя во время нехватки работников могла подняться до 5-6 реалов. Кроме нее работникам шахт удавалось выносить руду, которая имела для них большое зна-

⁹⁴ Heredia Herrera A. La renta del azogue. P. 4.

⁹⁵ Heredia Herrera A. La renta del azogue. P. 87.

⁹⁶ Bradind D.A. y Cross H.E. Colonial silver mining: México and Perú / НАНР. 1972. V. 52. № 4. P. 550.

⁹⁷ Humboldt A. Ensayo político. P. 354.

чение⁹⁸. Что касается негров рабов, то они составляли небольшое количество работников горных рудников. Так в начале XVII в. на шахтах Сакатекаса было задействовано около 6% негров рабов, от всех работников рудника.

Изменилась ситуация только к концу XVIII в., когда доля руды стала заменяться более высокой оплатой труда. Так, в Гуанахуато дневной заработок составлял 8-10 реалов. В начале XIX в. во время посещения шахт Гумбольдт отмечал, что труд мексиканского горняка вольнонаемный и оплачивается лучше труда многих горняков других стран, а также сельских работников. Такие данные свидетельствуют об изменившейся к этому времени организации и разделении труда в рудниках, о появлении новых должностей, так называемых, приказчиков, администраторов, которые должны были распределять задания среди неквалифицированных работников шахт. Труд же простых горнорабочих был тяжелым и продолжал оставаться до конца колониального периода ручным по большей части. Как уже отмечалось, индейцы, которые составляли большую часть рабочих, занятых в горном деле (кроме них на шахтах особенно северных районов работали метисы и мулаты), выносили добываемую руду из шахт на себе. Постоянные наводнения, а также нередкие обвалы подвергали жизнь индейцев большому риску. Тяжелое положение работников горнорудных шахт было причиной одного из выступлений горняков Реаль-дель-Монте в 1766 г. В горном секторе было занято значительное количество работников к началу XIX века, по некоторым данным, до 30 тыс. человек. Во время посещения Валенсианы Гумбольдом там работало около 3100 человек, из которых, 1800 непосредственно внутри рудника и 1300 использовались для транспортировки металлов и других вспомогательных работ при шахтах, среди них были женщины и дети⁹⁹.

Количество работников на монетном дворе в Мехико составляло 350-400 человек. Они работали за заработную плату, но их внешний вид (многие были одеты в лохмотья, лишь слегка прикрывающие наготу) и условия работы свидетельствовали о том, что их труд, вряд ли, может быть определен как вполне вольнонаемный. Многие из них отработывали полученные дол-

⁹⁸ Brading D.A. y Cross H.E. Colonial silver mining: México and Perú / НАНР. 1972. V. 52. № 4. P. 557.

⁹⁹ Humboldt A. Ensayo político. P. 354.

ги.

Горное производство представляло собой настоящий мотор для экономического развития колоний. Вокруг горных шахт создавались крупные поселения, где производилась ремесленная продукция и выращивалось продовольствие для работников шахт. На шахтах Сакатекаса в 1554 г. насчитывалось уже около 300 испанцев и тысяча мелких торговцев, которые привозили свои товары для продажи в горных поселках. Кроме того горное производство стимулировало развитие внутренней торговли (не говоря уже о внешней) так как требовало поставок продовольствие и ремесленной продукции в горные поселения. Вокруг горных поселков возникали крупные асьенды и ранчо, которые поставляли на рудники продовольствие и необходимых для работы мулов. В крупных горных поселениях организовывались специальные продовольственные рынки – алондиги (ahlóndiga), на которых владельцы торговых палаток сбывали свою продукцию. Так, в горном поселении в Парраль алондига была открыта в 1642 году, а в Чиуауа в 1732 г¹⁰⁰.

Серебро имело ключевое значение для развития главного порта Новой Испании города Веракрус. Именно серебро в виде металла и отчеканенных монет был главным товаром в экспорте города. В течение 25 лет с 1766 по 1791 гг. испанская корона и частные предприниматели вывезли из Веракрус около 128 434 268 песо серебра, из которых 89,62% принадлежало короне. В 1816 году серебро составляло 96,22% от общего экспорта города Веракрус, в 1818 г. его доля составляло 91,24%¹⁰¹. При том что во время Войны за независимость вывоз серебра из Веракрус сократился и составлял в 1817 г. – 6 397 960 песо, а в 1818 г. – 3 808 437 песо.

Также развивались дороги, без которых невозможно было вывозить добытое серебро к портам для отправки из страны или к монетным дворам для чеканки монет. Так, в поселения вокруг горных рудников Сакатекас привозили пшеницу из Мичоакана или Бахио, ткани из Толуки, Пуэблы или Вальядо-

¹⁰⁰ West C. Robert La Comunidad Minera en el Norte de la Nueva España: El Distrito Minero de Parral. México, Chihuahua. 2002. P.85.

¹⁰¹ Codinach G.J. Veracruz, almacén de plata en el Atlántico. La Casa Gordon y Murphy, 1805-1824 // Historia Mexicana. 1988. № 2. Vol. XXXVIII. P.329-330.

лида, керамическую посуду из Мичоакана¹⁰².

Во второй половине XVIII в. во время проведения в Испанской Америке реформ «просвещенного абсолютизма» горное дело Новой Испании, также как и другие отрасли колониальной экономики, подверглось существенным изменениям, которые затронули, прежде всего, саму организацию горнодобывающего производства в колонии. Горное дело в Новой Испании в середине XVIII в. остро нуждалось в существенных реформах, которые обеспечили бы этому производству новый стимул развития. Нехватка капиталов для развития существующих шахт и разработки новых рудников, многочисленные налоги, которые не позволяли средним и мелким владельцам увеличивать добычу металлов, дороговизна и постоянная нехватка ртути и пороха, а также высокие цены из-за многочисленных налогов на необходимые для шахт оборудование и инструменты являлись теми уже очевидными для большинства владельцев рудников и представителей колониальной администрации проблемами, которые существенно тормозили развитие горнодобывающего производства к середине XVIII в.

Реформы начались с того, что в 1768 г. была вполнину сокращена доля отчислявшегося с добычи металлов в королевскую казну. Теперь она составила 1/10 часть стоимости металлов. Вслед за этим последовало уменьшение и даже полная отмена алькабалы на необходимые для шахт инструменты и оборудование.

Еще одной важной проблемой, которую пыталась решить испанская и колониальная администрации, было снижение цен на ртуть и порох. В первые годы разработок рудников цена на ртуть в Новой Испании стремительно взлетела вверх со 130 до 230 песо за кинталь, и только к 30-м гг. XVII в. удалось снизить ее до 82 песо за кинталь. На этом уровне она сохранялась на протяжении всего последующего столетия. Испанская корона получала высокую прибыль от торговли ртутью, поскольку сохраняла существенную разницу между стоимостью ртути и ее ценой для горняков Новой Испании. Ввозившаяся в вице-королевство ртуть стоила чуть больше 21 песо за кинталь, цена по которой она реализовывалась в колонии до середины XVIII

¹⁰² Rosario Sevilla Soler. La Minería Americana y la Crisis del siglo XVII. Estado del problema. P. 66.

в., составляла 82 песо. При этом цена ртути для различных шахт Новой Испании колебалась и-за дороговизны доставки ее на вьючном транспорте¹⁰³:

Шахты	Цена за провоз кинталя (песо)	Цена кинталя (песо)
Сакатекас	5	88
Гуанахуато	3	86
Гвадалахара	5	88
Пачука	3	83
Сан-Луис-Потоси	5	88
Сомбререте	7	90
Дуранго	8	91

Из таблицы видно, что чем дальше была расположена шахта от Мехико, центра распределения ртути, тем она была дороже. В 1768 г. началось снижение цены на ртуть, которая стала стоить теперь 62 песо за кинталь. В 1778 г. цена на ртуть, ввозимую из Испании, была зафиксирована в 41 песо за кинталь¹⁰⁴. Существенное снижение цены на ртуть способствовало увеличению объемов ее потребления в Новой Испании, что отчетливо видно из таблицы, составленной АГумбольдом¹⁰⁵:

годы	цена за кинтал ртути (песо)	объем потребляемой ртути (кинталов)
1762-1766	82	35750
1767-1771	62	42000
1772-1777	62	53000
1778-1782	41	59000

Постоянная нехватка ртути на шахтах колонии вызывала в конце XVIII в. появление смелого проекта получения ее из Китая. Однако оказалось, что китайская ртуть имеет большую примесь свинца и с условием последующей очистки обходится горнякам в Новой Испании дороже. Так что этот проект так и не был реализован¹⁰⁶.

В конце XVIII в. в Испании была предпринята попытка усовершенствовать механизм доставки и распределения столь не-

¹⁰³ Heredia Herrera A. La renta del azogue. P. 129.

¹⁰⁴ Heredia Herrera A. La renta del azogue. 1978. P.143.

¹⁰⁵ Humboldt A. Ensayo político. P. 383-384.

¹⁰⁶ Humboldt A. Ensayo político. P. 384.

обходимой для производства серебра ртути в колониях. Королю был представлен проект о регулировании распределения ртути непосредственно из Мадрида. В 1789 г. у вице-короля Новой Испании был потребован подробный отчет о всех горных разработках в колонии. Это требование не было выполнено, и распределение ртути после ее ввоза в колонию продолжало оставаться в ведении вице-короля¹⁰⁷.

Ключевой реформой системы горного производства стало изменение ее организационной основы. 1 июля 1776 г. был издан указ Карла III о создании гильдии мексиканских горнопромышленников *Cuerpo de minería* во главе со специальным органом управления *Tribunal de minería*. Трибунал должен был координировать деятельность всей отрасли горного производства в Новой Испании, решать все экономические, финансовые, технические и административные вопросы.

Заседания трибунала проходили во дворце вице-короля в Мехико. Трибунал состоял из директора, двух депутатов от гильдии горняков, судебного заседателя, двух советников и одного судьи. От трибунала зависели 37 местных депутатий. Трибуналу было выделено 200000 песо годового бюджета из казны за счет поступлений от сбора налогов. Из него выплачивалось жалование членам организации, выделялась сумма на содержание горного колледжа и на специальный кредитный фонд для горняков¹⁰⁸. Создание гильдии горняков и трибунала имело существенное значение для организации горного производства в Новой Испании. До сих пор владельцы рудников в колонии не имели специальной организации и подчинялись устаревшим к тому времени законам, автоматически перенесенным из Испании еще в XVI в. Создание трибунала давало возможность многие вопросы, такие как снабжение горных шахт инструментами и оборудованием, ртутью и капиталами, решать централизованно. Роль Мехико в качестве координирующего центра еще более выросла в связи с созданием Горного трибунала. Непосредственное управление делами рудников, решение многих насущных проблем владельцев новоиспанских шахт переходило теперь от далекого Генерального суперинтендантства горного дела в Испании, к существующему в столице новой Испании

¹⁰⁷ Humboldt A. *Ensayo político*. P. 384.

¹⁰⁸ Howe M. *The mining guild of New Spain and its Tribunal General 1770-1821*. P.36.

Горному трибуналу.

Организация трибунала позволила выработать новые законы о горнодобывающем производстве. 22 мая 1783 г. испанский король утвердил разработанный трибуналом кодекс «*Reales Ordenanzas de minería*». Кодекс состоял из 19 разделов и касался экономической, юридической и административной организации горного дела в Новой Испании. В нем определялся юридический статус шахт в колонии, которые хотя и признавались, как и раньше, собственностью испанской короны, но передавались во владение ее вассалам с правом продавать, обменивать сдавать в аренду, дарить и передавать по наследству при соблюдении выплаты в королевскую казну установленной доли¹⁰⁹.

Специальный раздел 12 регламентировал условия труда рабочих на шахтах. Горновладельцам предписывалось регулярно выплачивать работникам жалование, не снижая его размеров, деньгами или серебром, а не натуральными продуктами. Принудительная отправка индейцев на работы в шахты (репартименто) разрешалась только на рудниках, которым грозило запустение. Однако отмечалось, что если работники, взяв в долг деньги у горновладельцев, покидали его шахту, их необходимо было разыскать и заставить отработать долг¹¹⁰.

Таким образом, в новых ордонансах сохранился статус полузависимого работника горнорудных шахт. Раздел 13 обязывал горновладельцев обеспечивать работников достаточным количеством пищи, воды и необходимыми для проживания в горных поселках товарами. Раздел 18 отмечал необходимость создания в стране горной школы, в которой бы готовились необходимые кадры горных инженеров¹¹¹.

1 января 1792 г. после длительной предварительной подготовки в Мехико было организована Горная школа, в которую набирались вначале 25 студентов. Школа имела своих профессоров и мастеров, директор менялся в школе только под наблюдением трибунала, который должен был следить за работой школы. Ежегодно в школе проводились экзамены, и после окончания выпускники должны были отработать в шахте три года для получения звания. Гумбольдт, посетивший школьные

¹⁰⁹ Humboldt A. Ensayo político. P. 399.

¹¹⁰ Legislación petrolera. Leyes, decretos y disposiciones administrativas referentes a la industria petrolera, 1783-1921. México, 1922. P. 2-3

¹¹¹ Legislación petrolera.. P. 2-3.

экзамены в 1803 г., был удивлён высокими знаниями студентов и их мастерством¹¹².

Реформы экономической жизни Новой Испании благоприятно сказались на самой важной экспортной отрасли экономики колонии, горнорудном производстве. И, несмотря на то, что здесь, как и везде, реформы носили половинчатый характер, все же сдвиги в организации горнорудного производства не замедлили сказаться на количестве добываемого в новой Испании серебра. В это время в Новой Испании добывалось серебра до 67% от общего производства всей Испанской Америки. Только на шахтах Гуанахуато добывалось столько металла, сколько на всех рудниках вице-королевства Перу и Ла-Платы¹¹³.

После проведения реформ, а также некоторого спада производства серебра в XVII в., к концу XVIII и в начале XIX вв. в Новой Испании наблюдался резкий рост добычи серебра. В 1804 г. производство серебра поднялось до 27 млн. песо по сравнению с 5 млн песо в 1702 г. Не последнюю роль в этом сыграло понижение в половину цены на ртуть.

В конце XVIII в. в Новой Испании создаются крупные горные компании с капиталом от полумиллиона песо. Организаторами таких горных предприятий выступали совместно горновладельцы и крупные торговцы (как правило, столичные). Так, в 1786 г. в Сакатекасе было создано крупнейшее горнорудное предприятие в Новой Испании. На рудниках компании использовались 660 мулов, на содержание которых еженедельно уходило до 2400 песо. Общая деятельность предприятия в неделю стоила 6000 песо. Несмотря на большие льготы, предоставленные компании, существенную прибыль она стала приносить только в начале XIX в. К этому времени ей принадлежали три крупных очистительных завода. Владельцами компании в Сакатекасе с начала XIX в. были братья Фагоага – крупные горные предприниматели, торговец Антонио де Бибанко, владелец асьенд и рудников и Антони Бассоко, состоятельный столичный торговец. За семнадцать лет существования компании они вложили в нее 922205 песо¹¹⁴.

Расцвет в XVIII в. переживают горные шахты в района Бо-

¹¹² Howe M. The mining guild of New Spain and its Tribunal General 1770-1821. P.75.

¹¹³ Brading D.A. y Cross H.E. Colonial silver mining: Mexico and Peru // НАНР. 1972. V. 52. № 4. P. 577.

¹¹⁴ Humboldt A. Ensayo político. P. 458.

ланьос, который находился на примерно равном расстоянии между Сакатекасом и Гвадалахарой. Наиболее крупные шахты этого района Ла-Конкиста, Ла-Перла, Ла-Монтаньеса и Сапопа были открыты в 1736 г. и уже в ближайшее время производили от 3 до 4 млн. песо ежегодно. О значении шахт Боланьос говорит тот факт, что там были учреждена собственная казна. В конце XVIII в. на шахтах этого района действовали два крупных предпринимателя Антонио де Бибанко и Хуан де Сьерра Уруньюэла, которые успешно проводили ремонт и очистку шахт и вкладывали полученные от торговли финансовые средства в развитие шахт. Так, Хуан де Сьерра Уруньюэла владел несколькими торговыми лавками в Мехико, а также тремя лавками в Боланьос. Ему удалось организовать компанию по управлению горными рудниками из шестнадцати столичных торговцев, среди которых были известные мексиканские торговцы маркиз де Риваскачо, Антонио Бассоко, Себастьян де Эреас Сото, Франсиско Басо Ибаньес, Хуан Фернандо де Меоки и Хуан Фернандес Передо. Созданная горная компания осуществила ремонт, очистку и углубление шахт, что позволило существенно увеличить добычу серебра. В свою очередь компания получила освобождение от уплаты десятины на 15 лет¹¹⁵.

В конце XVIII в. монетный двор Мехико чеканил огромные суммы денег. В 1796 и 1797 гг. было зафиксировано на монетном дворе в Мехико рекордное количество отчеканенного серебра за весь колониальный период: 25644 тысяч и 25080 тысяч песо¹¹⁶. В начале XIX в. по сведениям английского путешественника Баллока на монетном дворе насчитывалось около двадцати станков, чеканивших монеты, на которых за десять часов работы можно было изготовить до 100000 монет¹¹⁷.

В конце XVIII в. (1790-1796 гг.) ежегодная чеканка на монетном дворе Мехико в несколько превосходила производство

¹¹⁵ Brading D.A. La minería de la plata en el siglo XVIII: el caso Bolaños // *Historia Mexicana*. 1969. Vol XVIII. № 3. P. 317-333.

¹¹⁶ Bradind D.A. Mexican silver mining in XVIII century // *HAHR*. 1970. V. 50. №4. P. 675.

¹¹⁷ Bullock W. Six months residence and travels in Mexico. London. 1824. P. 202.

монет в других испанских владениях¹¹⁸:

Мехико	24 000 000 песо
Лима	6 000 000
Потоси	4 600 000
Санта Фе де Богота	1 200 000
Сантьяго де Чили	1 000 000
Гватемала	200 000

Колониальная зависимость экономики Новой Испании, обусловила тот факт, что производство монет до конца колониального периода оставалось экспортной отраслью. Только на Кубу в конце XVIII в. и начала XIX в. из Новой Испании ежегодно отправлялось от 200000 до 700000 песо¹¹⁹.

С 1767 по 1793 гг. в вице-королевстве было отчеканено 455907367 песо, из которых в Испанию и Антильские острова было отправлено 379213374 песо, на Филиппины – 39000000 и контрабандой было выведено около 6000000. В самой Новой Испании осталось всего 31500000 песо¹²⁰.

Значение мексиканского серебра для мировой экономики трудно переоценить. Монеты, отчеканенные в Мехико, попадали не только в Испанию, на Филиппины и другие колонии. Они проникали в Китай, Индию и США. В 1793 году Конгресс США объявил мексиканский песо законной валютой в стране. До 1857 года песо «ходил» в США наравне с долларом¹²¹. Стремление Испании удерживать в своих руках контроль над производством драгоценных металлов в Новой Испании обусловило существование в колонии только одного Монетного двора до конца колониального периода, несмотря на то, что горняки в удаленных от центра районах Новой Испании Дуранго, Сакатекас, Сомбререте просили разрешения организовать новые независимые от Мехико монетные дворы. Только во время Войны за независимость в Чиуау, Дуранго, Гвадалахаре

¹¹⁸ Marichal Carlos La economía DE la época borbónica al México independiente, 1760-1850. El Colegio de México. URL:

<https://hisecomex1.files.wordpress.com/.../b-la-economc3ada>

¹¹⁹ Riverend Brusone J. Relaciones entre Nueva España y Cuba 1518-1820 // Revista de Indias. 1964. № 95-96. P. 94.

¹²⁰ Arcila Farías E. Comercio entre Venezuela y México en los siglos XVII y XVIII. México. 1950. P. 196.

¹²¹ McMaster J. Aventuras asiáticas del peso mexicano // Historia Mexicana. 1959. № 31. P. 374.

Гуанахуато, Сакатекасе были созданы свои монетные дворы, на которых уже с 1810 по 1821 гг. было отчеканено 30596338 песо¹²². 133

Таким образом, к концу колониального периода город Новая Испания была крупнейшим мировым центром по добыче и экспорту серебра, а также по производству серебряных монет. Маршруты движения монет, отчеканенных на Монетном дворе в Мехико, через Атлантику в Испанию, а оттуда в Европу, в Соединенные Штаты и другие колонии Испанской Америки; по Тихому океану на Филиппины, а оттуда в Индию и Китай, свидетельствуют о значении этого региона как крупнейшего мирового производителя серебряных монет и его роли в мировой экономике.

Библиография

Arcila Farías E. Comercio entre Venezuela y México en los siglos XVII y XVIII. México. Escuela de Estudios Hispanoamericano 1950.

Brading D.A. La minería de la plata en el siglo XVIII: el caso Bolaños // Historia Mexicana. 1969. Vol XVIII. № 3. .

Brading D.A. Mineros y comerciantes en el México Borbónico 1763-1810. México. Siglo XXI Editores. 1971.

Brading D.A. y Cross H.E. Colonial silver mining: Mexico and Peru // HANR. 1972. V. 52. № 4. P. 550.

Codinach G.J. Veracruz, almacén de plata en el Atlántico. La Casa Gordon y Murphy, 1805-1824 // Historia Mexicana. 1988. № 2. Vol. XXXVIII.

Dr. Eliceo Muro Ruiz La minería mexicana, su evolución, retos y perspectivas. URL: <http://www.juridicas.unam.mx/sisjur/dercompa/pdf/2-103s.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).

García Ruiz A. La moneda y otros medios de cambio en la Zacatecas colonial / Historia Mexicana. 1954. № 1. Vol. IV. P. 20-47.

Heredia Herrera A. La renta del azogue en Nueva España 1709-1751. Sevilla. Escuela de Estudios Hispano-Americanos. 1978.

Humboldt A. Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. Mexico. México, Editorial Porrúa. 1966.

¹²² López Rosado D. Ensayos sobre la historia económica de México. México. 1957. P. 133.

McMaster J. Aventuras asiáticas del peso mexicano // Historia Mexicana. 1959. № 31.

Pérez Sáenz de Urturi, Juan Eusebio La minería colonial Americana bajo la dominación española // Boletín Millares Carlo. № 07-08. 1985-12. Volum 4.

Rosario Sevilla Soler La Minería Americana y la Crisis del siglo XVII. Estado del problema. México. Soler, Rosario – P. 61-80.

Semo E. Historia del capitalismo en México// Los orígenes 1521-1763. Mexico. 1980.

West C. Robert La Comunidad Minera en el Norte de la Nueva España: El Distrito Minero de Parral. México. Chihuahua. 2002.

В.П. КАЗАКОВ¹²³
V.P. KAZAKOV

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ Б. РИВАДАВИИ¹²⁴
THE LIBERAL REFORM OF B. RIVADAVIA

Аннотация: В статье рассматривается деятельность первого президента Аргентины Ривадавии, его планы либеральной модернизации Аргентины. Согласно Ривадавии главным препятствием для прогрессивного развития страны являлась колониальная структура. Предлагаемые им меры заключались в поощрении иммиграции и инвестиций, в диверсификации производства, развитии земледелия, организации современной банковской системы, просвещении народа, создании национального государства. Он объявлял главной причиной отсталости земледелия отсутствие доступа к земельной собственности мелких фермеров. Он был убежден, что прогресс земледелия зависит от перераспределения земельной собственности и от улучшения условий хозяйствования фермеров. Предлагаемое им решение заключалось в переделе общественной земли в эмфитеусис.

Ключевые слова: Ривадавия, унитарии, федералисты, эмфитеусис, иммиграция, экономический либерализм, Аргентина.

Abstract: This article examines the activity of the first president of Argentina Rivadavia, his plan of liberal modernization of Argentina. According to him the colonial structure was an obstacle to the progressive development of the country. The remedy proposed was the immigration and capital instrument the diversification of production, the development of agriculture, the mordent banking system, the enlighten of the people and to organize the nation. He proclaimed that the chief cause of the backwardness of agriculture was the lack of access to landowner, progress agriculture depended on a redistribution of property and an improvement in the lot of the small farmers. And he proposed solution such as the conversion of public land into emphyteusis.

Keywords: Rivadavia, unitarios, federals, emphyteusis, immi-

¹²³ Владимир Петрович Казаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

¹²⁴ Данная статья написана при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

gration, economic liberalism, Argentina.

«Анархия XX года» не могла подавить сознание того, что все провинции, несмотря на разобщенность, являются частями одной страны и не могут жить отдельно. Свидетельством этого стало предоставление провинции Буэнос-Айрес права вести внешние сношения. Таким образом, перед лицом других государств губернатор провинции Буэнос-Айрес был главой всей страны. Провинции устали от анархии. Эстансьеро и торговцы, прежде всего Буэнос-Айреса, требовали мира, так как продолжение междоусобной борьбы наносило урон их коммерческим интересам. Прежде всего это касалось торгово-скотоводческой группировки – клана саладеристов – лидирующие позиции в которой стал занимать Хуан Мануэль де Росас, связанный родственными узами с семейством Анчорены.

В конце 1820 г. легислатура Буэнос-Айреса избрала губернатором провинции эстансьеро генерала Мартина Родригеса. Это была компромиссная фигура. Он пришел к власти при помощи Росаса, но не принадлежал к клану саладеристов. Став губернатором, Родригес вскоре порвал с Росасом. В июле 1821 г. министром, фактически главой правительства, Родригес назначил вернувшегося из Европы Бернардино Ривадавию.

Как и во времена триумvirата, Ривадавия стал править с людьми, далеко не полностью разделявшими его взгляды. Важную роль в его правительстве играл министр финансов Мануэль Хосе Гарсия, связанный с кланом саладеристов и жившими в Буэнос-Айресе британскими капиталистами. Приход Ривадавии в правительство воодушевил унитариев – представителей демократической интеллигенции Буэнос-Айреса. В городе вновь появились общественно-политические объединения: литературное общество под председательством Хулиана Сегундо де Агуэро и тайное – под председательством Хуана Крисостонио Лафинура, на заседаниях которого обсуждались злободневные проблемы развития страны и новинки европейской политической и философской литературы.

Уже в 1821 г. сложилась «группа Ривадавии» – так стали называть его единомышленников в органах власти и в прессе. В нее входили Хуан Сегундо де Агуэро – священник, депутат, министр; Сальвадор Мария дель Карриль – министр финансов в период президентства Ривадавии; редактор газеты «Эль Аргос» – Игнасио Нуньес; «Эль Сентинела» – Хуан Крус Варела; «Эль

Насьональ» – Валентин Альсина; «Эль Менсахеро Архентино» – Августин Дельгадо и Франсиско Пико. Возвращение Ривадавии во власть совпало с инициативой внутренних провинций созвать Национальный конгресс в Кордове в 1822 г. Эта попытка закончилась неудачей из-за противодействия Буэнос-Айреса. Ривадавия полагал, что в создавшихся условиях заниматься национальной организацией преждевременно. Необходимо было в первую очередь стабилизировать положение в крупнейшей провинции, провести в Буэнос-Айресе социально-экономические, политические и культурные преобразования, откуда они постепенно распространились бы по всей стране¹²⁵.

Буэнос-Айрес – модель будущего устройства страны

Поставив задачу сделать Буэнос-Айрес моделью будущего устройства страны, образцом для подражания для остальных провинций Ривадавия приступил к реформам. Прежде всего была повышена роль законодательного органа, которую постарались превратить в подлинно законодательный орган. С этой целью правительство ввело принципы утверждения бюджета палатой и обязательного отчета о своей деятельности перед депутатами. Свидетельством преобладавших в обществе Буэнос-Айреса взглядов стало принятие закона о всеобщем избирательном праве для мужчин старше 21 года. Одновременно для занятия должностей вводился возрастной и имущественный ценз: быть не моложе 25 лет и иметь собственность¹²⁶.

Основой общественного порядка провозглашалась защита и гарантия частной собственности. В сентябре 1821 г. законодательный орган принял закон о неприкосновенности частной собственности, в соответствии с которым только законодательная власть имела право вводить налоги, назначать контрибуции и денежные штрафы¹²⁷.

Дальнейшее экономическое развитие страны требовало организации кредитно-денежной системы с целью металлического обеспечения денежной массы. Ривадавия попытался создать в Англии компанию по эксплуатации серебряных рудников

¹²⁵ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I-II. – La Plata, 1976. – Т. I. – P. 24.

¹²⁶ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera en la provincia de Buenos Aires (1821-1825). – Buenos Aires, 1988. – P. 83.

¹²⁷ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera. – P. 95.

Фаматины в провинции Ла-Риоха. Этой мерой преследовалась цель сконцентрировать в руках государства всю металлическую наличность и чеканку монет, что было бы выгодно для всей страны. Однако сопротивление местных каудильо, а также начавшийся в Англии в 1825 г. экономический кризис не позволили осуществиться этим планам. Для восстановления подорванного в результате гражданских войн доверия к государственным финансам была проведена консолидация государственного долга путем выпуска в обращение государственных ценных бумаг и создания амортизационной кассы, что позволило гарантировать государственный кредит всем движимым и недвижимым имуществом провинции. Одновременно в Буэнос-Айресе организуется Учетный банк, он был частным, но имел государственные гарантии. Образцом для него послужил Английский банк. Другим кредитным учреждением стала Сберегательная касса, призванная аккумулировать сбережения мелких вкладчиков. В их дирекцию вошли как местные, так и британские капиталисты¹²⁸. Эти учреждения не оправдали надежд правительства. Вместо кредитов производству, Учетный банк занялся спекуляцией ценными бумагами, кредитуя лишь британские торговые дома. Сберегательная касса не смогла или не успела развернуть свою деятельность до ухода Ривадавии.

Ривадавия понимал жизненную необходимость для страны иностранных кредитов. В соответствии с законом от 19 августа 1822 г. правительство имело право заключать займы в Европе, однако Ривадавия не спешил им воспользоваться. Перед его глазами был печальный опыт других молодых государств, поэтому, по его словам, «было лучше не подвергать опасности кредит провинций, чем быть втянутым в несчастья, которые претерпели американские займы на главных европейских рынках»¹²⁹. Однако фактическое банкротство Учетного банка вынудило министра финансов Гарсию заключить в июле 1824 г. займ с английским банкирским домом Бэрина на ростовщических условиях: из 1 млн. фунтов стерлингов Буэнос-Айрес получил лишь половину, остальная сумма ушла посредникам¹³⁰.

Важным источником правительственных доходов должна

¹²⁸ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano 1811–1827. Con una sesión documental. – Rosario, 1966. – № 42. – P. 163; N 62. – P. 186.

¹²⁹ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 31.

¹³⁰ Ferns H.S. Britain and Argentina in the nineteenth century. – Oxford, 1960. – P. 131-154.

была стать новая налоговая система. Она преследовала цель максимально освободить от налогов экспортно-импортную торговлю, снизив до минимума таможенные пошлины, перенеся налоговое бремя на прямое обложение капитала, прибыли и зарплаты. Было признано целесообразным установить налог на капитал, а не на доходы в силу трудности их подсчета. Обсуждение закона вызвало дискуссию между Х.Х. Анчореной и Х.С. Агуэро о принципах налогообложения. Анчорена считал налог на капитал несправедливым и настаивал на сокращении расходов и приведения их в соответствие с доходами. Агуэро, напротив, полагал, что для развития провинции необходимо идти на расходы¹³¹. Дебаты выявили два подхода к решению финансово-экономических проблем: консервативный, поддержанный Анчореной, и либеральный, готовый пойти на задолженность, если это способствует прогрессу. Сторонником последнего был Агуэро и все правительство.

С наибольшей полнотой либеральные принципы государственной политики проявились в области торговли. Агуэро от имени правительства решительно выступал против протекционистской политики, которая, по его мнению, ведет к монополии и вынуждает население покупать плохие и дорогие товары. Он видел выход не в таможенной защите промышленности, а в повышении квалификации ремесленников, чтобы они могли производить качественную продукцию, способную конкурировать с импортными товарами¹³².

Эти идеи легли в основу закона о таможене, установившего налог на ввозимые товары в размере от 5% до 30% от их стоимости. В законе частично нашли отражение пожелания ремесленников о защите местного производства¹³³. Однако в целом правительство не приняло меры для развития промышленности, обязав лишь иностранных специалистов обучать местных ремесленников¹³⁴.

В 1821–1823 гг. были приняты меры по развитию сельскохозяйственного производства в провинции. С этой целью в помощь правительству была создана Хунта торговцев и асендадос, в которой, однако, не были представлены земледельцы.

¹³¹ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera. – P. 120.

¹³² Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 75. – P. 215.

¹³³ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – P. 120.

¹³⁴ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 16. – P. 141.

Развитие сельского хозяйства тормозилось нерешенностью аграрного вопроса. Необходимо было остановить расхищение общественных земель латифундистами и разместить на ней иностранных колонистов, которые поехали бы в страну только при твердой поддержке со стороны государства. Правительство приступило к решению вопроса с издания в апреле 1822 г. декрета «запрещающего отчуждение общественных земель». В июне 1822 г. было объявлено о введении энфитеусиса – долгосрочной аренды государственной земли. Энфитеусис не распространялся на земли, уже находившиеся в частной собственности¹³⁵.

Аграрные преобразования не касались гаучо, в отношении которых продолжало действовать законодательство против бродяг. Декрет 1823 г. объявлял пеона, оказавшегося вне эстансии без разрешения хозяина, бродягой и направлял его на 2 года военной службы¹³⁶.

Продолжалась начатая первыми патриотическими правительствами ликвидация привилегий церкви: отмена десятины и церковных судов, превращение семинарии в национальный колледж¹³⁷. Религиозная политика Ривадавии основывалась на веротерпимости; праве выбора церкви; невмешательстве церкви в гражданские и политические дела. Его формула гласила: «Вера в храмах, наука в школах». Церковная реформа преследовала цель не только ограничить власть церкви, но и обеспечить свободу культов для иммигрантов, которая была провозглашена специальным законом¹³⁸.

С иммиграцией Ривадавия связывал дальнейший прогресс страны. Легислатура разрешила правительству вести переговоры в различных европейских странах с целью привлечения «моральных и трудолюбивых иммигрантов» для заселения провинции. В то же время Ривадавия рассматривал иммигрантов как важный социокультурный фактор: они призваны были «разрушить деградирующие испанские привычки» и «фатальное разделение на касты» и создать «гомогенное трудолюбивое

¹³⁵ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 38. – P. 159; N 43. – P. 166; N 45. – P. 167.

¹³⁶ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 39. – P. 160.

¹³⁷ Registro oficial de la Republica Argentina. – T. I–III. – Buenos Aires, 1879-1880; T. I. – N 1643. – P. 28-29.

¹³⁸ Registro oficial de la Republica Argentina. – T. II. – N 1837. – P. 89.

и моральное население»¹³⁹.

Ривадавия придавал первостепенное значение развитию образования, считая «невежество главным врагом народа». В 1821 г. в Буэнос-Айресе был открыт университет. Изменение содержания обучения сопровождалось введением новых дисциплин: политической экономии, точных и естественных наук¹⁴⁰.

Реформаторская деятельность в период президентства

В 1824 г. положение в стране улучшилось, и перед окончанием срока полномочий Родригеса Ривадавия обратился к остальным провинциям с предложением созвать Национальный конгресс¹⁴¹. Инициатива Буэнос-Айреса встретила поддержку со стороны провинций и 16 декабря 1824 г. конгресс открылся в Буэнос-Айресе. Не в последнюю очередь губернаторы-каудильо согласились на его созыв ввиду приближающейся войны с Бразилией из-за Восточного берега.

7 февраля 1826 г. президентом Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы или Аргентины, как вскоре стала называться страна, конгресс избрал Ривадавию. В его правительство вошли Х.С. де Агуэро – министр внутренних дел; Ф. де Ла Крус – министр иностранных дел; М. де Карриль – министр финансов; К. де Альвеар – военный и морской министр. Большинство депутатов поддерживали президента. Оппозицию возглавляли Мануэль Доррего и Мануэль Морено, выступавшие за организацию страны на принципах федерализма.

Политическая централизация влекла за собой экономическую. Этой цели отвечало создание Национального банка. Банк должен был, по словам правительства, «скрепить крепкими узами провинции», «сосредоточить весь кредит» для «объединения всех сил и взаимопомощи»¹⁴². Банк был призван дать импульс развитию производительных сил и освободить правительство от необходимости взимать косвенные налоги. Ему предоставлялось исключительное право денежной эмиссии на всей территории страны и право учета векселей «для облегче-

¹³⁹ Paso L. Rivadavia y la línea de Mayo. – Buenos Aires, 1960. – P. 64.

¹⁴⁰ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 28, 34, 35.

¹⁴¹ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 33.

¹⁴² Asambleas Constituyentes Argentinas. – T. I-VI. – Buenos Aires, 1937–1939. – T. II. – P. 407.

ния торгового оборота и предоставления кредита»¹⁴³. Банку запрещалось кредитовать какую-либо иную власть кроме национального правительства. В свою очередь, последнее не имело права вмешиваться в распоряжение капиталом банка. Это являлось исключительной прерогативой президента и дирекции вместе с общим собранием акционеров.

Вместе с тем правительство не отказывалось от контроля за банковской деятельностью: ему принадлежало исключительное право утверждать назначение президента и дирекции банка. Объясняя эту меру, Агуэро указывал, что тем самым правительство не позволит возобладать частным интересам банка над общественным. «Право власти утверждать выборы директоров не только не является вредным, но, наоборот, полезным для интересов страны. Прежде всего, – подчеркивал Агуэро, – необходимо пресечь влияние, которое банк может оказывать на истинные интересы страны». Чтобы судьба государства не была в руках учреждения, которое пожертвовало бы общественными интересами во имя своих частных»¹⁴⁴.

На практике правительство Ривадавии было вынуждено отступить от этих принципов. Национальный банк был создан на базе фактически обанкротившегося Учетного с выплатой его акционерам компенсации на 40% превышающей стоимость этих акций. Деньги для этого были взяты из займа Бэринга. «Доводы справедливости, – объяснял этот шаг правительства Агуэро, – не должны приниматься во внимание при слиянии Учетного и Национального банков, а [...] лишь доводы беспристрастности и большой политики»¹⁴⁵. Это был вынужденный шаг, поскольку прекращение деятельности Учетного банка, уход с денежного рынка его акционеров вызвали бы банкротство торговых домов Буэнос-Айреса и нанесли смертельный удар кредиту страны. Помимо банка, важным условием для создания национального рынка, стала национализация всех таможен страны¹⁴⁶.

Дальнейшее развитие получило решение аграрного вопроса. Декретом от 18 марта 1826 г. запрещалось отчуждение общественной земли в провинциях¹⁴⁷. 18 мая решением конгресса

¹⁴³ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1881. – P. 105.

¹⁴⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 480, 478.

¹⁴⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. IV. – P. 503.

¹⁴⁶ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1881. – P. 105.

¹⁴⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 114.

энфитеусис распространялся на всю территорию страны¹⁴⁸. Был установлен 20-летний срок пользования землей и введен дифференцированный налог: 4% от стоимости земли, для земледельцев и 8% – для скотоводов.

Правительство Ривадавии, вводя энфитеусис, преследовало две цели: финансовую – обеспечить потребности казны; экономическую – способствовать развитию сельскохозяйственного производства. Этому предшествовала дискуссия в самом правительстве. Что лучше? Продажа земли или сдача ее в энфитеусис? Пришли к выводу, что энфитеусис – единственное средство сделать землю продуктивной, чтобы она приносила постоянный и все возрастающий доход. Этого нельзя было достигнуть продажей земли, так как «отсутствие в стране предпринимательских капиталов, которые увеличили бы конкуренцию и спрос; привело к падению стоимости земли, «которая не покрывает и половины кредита». В этих условиях продажа земля привело бы государство к банкротству. Одновременно это явилось бы, по словам Агуэро, «гибельным ударом для сельского хозяйства и на многие годы замедлило бы его прогресс». При недостатке капиталов и плохом их использовании продажа земли привела бы к ее скупке несколькими компаниями и возникновению «системы феодалов», под гнетом которых так долго жила Европа». Агуэро отмечал, что именно в аграрной области в наибольшей степени проявляется тенденция к спекуляции и монополизму. С землей не происходит того же, что и с другими вещами, чье количество увеличивается с ростом спроса. Ее количество ограничено определенными пределами и при частной собственности «капризы, амбиции и жадность крупных собственников будут законом при сдаче земли в аренду». Но эта «печальная картина», подчеркивал Агуэро, коренным образом изменится, если собственником и арендодателем земли будет государство¹⁴⁹.

В развернувшейся дискуссии главным объектом критики противников закона стал не сам принцип сдачи земли в энфитеусис, а чрезмерный, по их мнению, налог и периодический его пересмотр. Оппозиция была единодушна в требовании его понизить и сделать постоянным. Разъясняя, почему правительство не может на это пойти, Агуэро обращал внимание на то, что с

¹⁴⁸ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1994. – P. 134.

¹⁴⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 1197, 1199, 1201.

течением времени стоимость земли будет только возрастать и, соответственно, должна меняться арендная плата. В этих условиях постоянный налог будет благоприятствовать только крупным собственникам. Для того, чтобы избежать этого, нет иного средства как предлагаемый закон. Он не позволит брать много земли, если за нее нужно платить налог. Если же установить небольшой налог и сделать его постоянным, произойдет огромная концентрация земли, чего ни закон, ни власть не смогут предотвратить. В результате земля останется необработанной¹⁵⁰.

Другая группа возражений сводилась к тому, что собственник земли при ведении хозяйства выигрывает по сравнению с энфитеутом. Агуэро отвергал этот довод, приводя следующий расчет: одна лига (1 лига – 2700 га) земли, сданная в энфитеусис, стоит 500 песо. При налоге в 8% он составит 40 песо, которые энфитеут должен заплатить. Но собственник, помимо налога, должен вложить капитал еще в покупку земли, тогда как энфитеут все вкладывает в скот. Помимо этого, отмечал Агуэро, интересы энфитеута совпадали с интересами государства. Его благополучие делало государство более богатым. Правительство полагало, что дифференцированный налог – 4% для земледельческих хозяйств и 8% для скотоводческих – предотвратит концентрацию земли в немногих руках.

Реформа отвечала интересам среднего класса, «именно тому, – подчеркивал Агуэро, – кому мы должны отдать предпочтение, потому что именно он не имеет средств для одновременной покупки земли и скота»¹⁵¹. Энфитеусис освобождал земледельца от необходимости покупать землю и позволял ему весь капитал вкладывать в производство. Важной мерой контроля над общественной землей стало введение обязательной регистрации арендованных земель¹⁵². Одновременно земля превращалась в важный финансовый ресурс государства, в гарантию займов в Европе, предназначавшихся для развития страны. Таможенные пошлины переставали быть главным источником правительственных доходов. В целом энфитеусис вел к ликвидации абсолютной ренты, а дифференциальную передавать государству¹⁵³.

¹⁵⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 1228.

¹⁵¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 1232.

¹⁵² Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1214. – P. 140-141.

¹⁵³ Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – М., 1988. – С. 86.

Аграрная реформа не посягала на частное землевладение, но оно было невелико и, как полагало правительство, энфитеусис закрывает путь к его дальнейшему росту. Применение закона на практике показало ошибочность этих расчетов. Новая система землепользования имела серьезный недостаток: она не устанавливала предельного размера участка, предназначенного одному энфитеуту. «Группа Ривадавии» считала дифференцированный налог достаточной гарантией против концентрации земель. Вопреки ее ожиданиям, 8%-ный налог не пугал латифундистов-скотоводов, которые арендовали огромные земельные площади. Правительство признало этот факт и постаралось ограничить размер передаваемой в энфитеусис земли¹⁵⁴, однако не смогло или не успело до своего падения исправить создавшееся положение.

Общенациональный рынок не мог сложиться без дешевых и удобных путей сообщений. С этой целью правительство предложило соединить каналами некоторые реки страны и проложить таким образом водный путь от предгорий Анд до Буэнос-Айреса. необходимые средства для строительства предполагалось получить от передачи в энфитеусис земель, лежащих на расстоянии 1714 м по обоим берегам водного пути. Земли, по которым должны были проходить каналы, отчуждались безвозмездно. Новый водный путь значительно уменьшил бы транспортные расходы, сократил время доставки товаров, сделал бы доступным рынок побережья для продукции внутренних провинций, которые смогли бы противостоять европейской конкуренции¹⁵⁵. В ответ на заявления оппозиции, что строительство каналов преждевременно, что есть более важные дела, как, например, строительство мостов, правительство ответило, что необходимо смотреть вперед, в будущее, и поэтому нужно приступить к работе уже сейчас¹⁵⁶.

«Группа Ривадавии» считала, что прогрессивное развитие страны возможно только в рамках унитарного государства. Первым шагом на этом пути стала национализация Буэнос-Айреса. 6 марта 1826 г. Национальный конгресс провозгласил Буэнос-Айрес столицей республики¹⁵⁷. Правительство рассмат-

¹⁵⁴ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2160. – 189-190.

¹⁵⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 313, 332, 328–329, 446.

¹⁵⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 318-319.

¹⁵⁷ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1904. – P. 111-112.

ривало это как основу для организации национального государства: страна должна иметь ядро, центр и таким центром, столицей может быть только Буэнос-Айрес. Разъясняя позицию властей, Агуэро указывал, что столица является таковой не потому что там находится национальное правительство, а в силу того влияния, которое она оказывает на народ, страну. «Влияние, о котором я говорю, – продолжал Агуэро, – заключается в том, чтобы столица передала свое просвещение, ресурсы и все остальные необходимые элементы для организации провинций, образующих государство, чтобы из этого центра на периферию исходило все хорошее, чтобы население провинций процветало. Такой, сеньоры, должна быть столица государства»¹⁵⁸.

Речь шла о создании государства, основанного на принципах либерализма, и Буэнос-Айрес должен был стать его базой и двигателем, потому что в нем «не только наиболее многочисленное население, но в то же время цивилизация, просвещение, которых нет в провинциях»¹⁵⁹. Без столицы в Буэнос-Айресе подчеркивал Агуэро, «не будет ни нации, ни национального правительства»¹⁶⁰.

С развернутой критикой правительственного законопроекта выступил Морено. Он – решительный противник национализации Буэнос-Айреса. Свою позицию он обосновывал интересами сохранения демократии: «с национализацией Буэнос-Айреса будет покончено с его институтами и свободами». «[...] и лучше мы не будем нацией, если с ней не будет свободы»¹⁶¹. Принятие правительственного законопроекта приведет к всемогуществу центральной власти, к установлению абсолютистского режима.

По существу, Морено ратовал за сохранение статус-кво, что означало не автономию провинций, а всевластие в них каудильо: «И это должно волновать провинции, так как это угрожает их интересам, поскольку покончит с их внутренним управлением. Они не смогут решать внутренние проблемы, исходя из своих интересов»¹⁶². Какой же город должен был стать столицей страны? Морено обходит этот вопрос. Не отвергая саму идею национальной организации, он выступал за то, чтобы она

¹⁵⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 697-698.

¹⁵⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 699.

¹⁶⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 705.

¹⁶¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 727.

¹⁶² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 725/

осуществлялась на базе провинции Буэнос-Айрес. Иными словами, необходимо было, по мнению Морено, сохранить особое, по существу привилегированное положение провинции. Но как же будет существовать национальное правительство, лишённое главных источников дохода? Морено даёт ясный и недвусмысленный ответ, который показывает, что за всеми словами о свободе и демократии лежат экономические интересы определённых социальных сил. «Чего добивается государство с национализацией Буэнос-Айреса? Концентрации ресурсов? Но для этой цели могут служить кредиты и займы,» – отвечал Морено.

Большинство депутатов не поддержало Морено. Мансилья считал, что отказ от национализации Буэнос-Айреса неизбежно приведет к новому витку олигархии. В силу своего географического, исторического, экономического и культурного положения Буэнос-Айрес уже является столицей и его необходимо лишь отделить от провинции, лишив последнюю возможности пользоваться правами, которые в действительности принадлежат всем провинциям. «Это несправедливо» – заключил депутат¹⁶³. Гомес в ответ на утверждения Морено, что провинция Буэнос-Айрес – центр свободы и демократии, спрашивал: «Какие свободы, гарантии и конституции имела провинция в момент своего создания?» И констатировал: «Никаких»¹⁶⁴.

Агуэро, заключая дебаты, вновь повторил, что этим законопроектом правительство преследовало цель организовать страну. Но для этого необходимо, – указывал Агуэро, ее национализировать, что означало подчинение всех местных интересов национальным. Но создать нацию невозможно без достижения общенационального согласия, что предполагало отказ от части частных интересов, признание и подчинение народа единому центру, из которого на всю страну распространяются принципы рациональной свободы и процветания. «Организовать страну, – подчеркивал Агуэро, – можно двумя способами: силой принципов и властью силы или, грубо говоря, из-под палки. Национальное правительство думает сделать это силой принципов»¹⁶⁵. «Правительство желает дать народу рациональную организацию, организацию либеральную, которая соответствует духу времени, в котором мы живем».

¹⁶³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 733.

¹⁶⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 739.

¹⁶⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 783.

Вопрос о столице был неразрывно связан с формой государственного устройства: унитарной или федеральной.

Правительство Ривадавии, принимая решение о форме государственного устройства, исходило как из мнения провинций, так и, прежде всего, из географических, демографических и исторических условий Аргентины. В стране не было единодушия по этому вопросу. Часть провинций высказывалась за унитарную форму, часть – за федеральную, остальные передавали решение вопроса на усмотрение конгресса.

Парламентская комиссия, поддерживая правительственный законопроект, исходила из того, что федеральная система противоречит условиям страны: малочисленность населения, раскинувшегося на огромных пространствах; ограниченность ресурсов провинций, которые не могли удовлетворить свои первейшие потребности; низкий уровень образования; отсутствие демократических традиций. В этих условиях провинции были не способны установить у себя либеральный режим и неизбежно стали бы жертвами тирании или анархии. «Нужно не спешить, – говорилось в докладе комиссии, – а учитывать привычки народа. Нельзя полагать, что новые законы сразу же сформируют новые обычаи, когда народ находится еще в детском состоянии»¹⁶⁶.

Для нормального функционирования либерального режима не было условий и в верхах провинциальных обществ. Провинции были не в состоянии создать все три ветви власти – исполнительную, законодательную и судебную и соответствующие службы, так как не имели для этого людей. «В некоторых из них, – сообщала комиссия, – до сих пор не созданы постоянные ассамблеи. В большинстве отсутствуют судьи, так как нет ни кадров, ни зарплаты, чтобы их содержать. В этих условиях невозможно создать в провинциях администрацию, способную гарантировать права и свободы граждан». Поэтому заключала комиссия, нужна унитарная система, чтобы «привести разобщенные части союза к общему центру власти, консолидировать их в гомогенную массу»¹⁶⁷.

Правительство и большинство законодателей понимали, что в конкретно-исторических условиях Аргентины того времени либеральный режим не мог функционировать в полном объеме

¹⁶⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 215.

¹⁶⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 216.

на всей территории страны. Нужен был переходный период, в течение которого в провинциях были бы созданы необходимые для этого условия. И создать их могла только сильная центральная власть. В докладе эта мысль была выражена в следующих словах: «Безопасность и свобода есть две великие цели всякой политической ассоциации. Но поскольку свободы невозможно достигнуть без утверждения, прежде всего безопасности, последняя должна предшествовать и подготавливать свободу, которой способна пользоваться нация. Безопасность бывает внутренней и внешней. Внутренняя безопасность не может быть обеспечена в нашей огромной и независимой стране без того, чтобы дать правительству власть действовать легко, быстро и с силой, чего не может быть в слабой организации федеральной системы»¹⁶⁸.

Депутаты – сторонники унитаризма – справедливо указывали, что федеральная система сама по себе не создает либерального правительства, что это происходит лишь в том случае, если ей соответствует, с ней согласуется разделение властей. «Когда она не согласуется с этой главной гарантией свободы, – подчеркивал депутат Д.М.А. Кастро, – она будет называться федерацией, но ни в коей мере не обеспечит безопасность граждан». И добавил: «Лишь в бреду можно думать федерализовать нацию с населением в 500 тыс. человек, из которых 450 тыс. являются нищими, убогими или почти без собственности»¹⁶⁹.

Депутат Акоста подчеркивал, что за федерацию высказываются только губернаторы провинций, «считая, что таким образом останутся у власти, которую захватили лишь благодаря стечению обстоятельств»¹⁷⁰. По мнению большинства депутатов, только «республиканское представительное правление в унитарной форме способно обеспечить основные права граждан: свободу мысли, личной безопасности, неприкосновенности собственности»¹⁷¹.

Унитарный принцип был положен в основу организации государственной власти в принятой в декабре 1826 г. Национальным конгрессом конституции Аргентинской республики.

¹⁶⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 217.

¹⁶⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 228, 248.

¹⁷⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 226.

¹⁷¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 218.

При обсуждении конституции против ее основных положений выступала группа депутатов во главе с Доррегой. Доррего предлагал отложить рассмотрение конституции до тех пор пока не будет представлен новый проект, который учитывал бы мнение народа, высказавшегося, по словам Доррего, за федерализм. Сам парламентский доклад он назвал академической диссертацией и отверг главный довод комиссии в пользу унитаризма: провинции не в состоянии организовать национальное государство на основе федерации. По мнению Доррего, они это вполне в состоянии сделать. Более того, некоторые из них, как Буэнос-Айрес и Кордова, могут образовать самостоятельные государства. Другие, объединившись по два-три в более крупные образования, могут таким образом преодолеть малочисленность населения, распыленность и стать частями федерации.

Далее Доррего переходит к рассмотрению трех главных аргументов в пользу унитарной системы: отсутствие в провинциях просвещения населения и богатства. Он признает различный уровень просвещения в них, что нельзя, например, сравнивать по этому показателю провинции Буэнос-Айрес и Корриентес. Но делает при этом прямо противоположный комиссии вывод: единственной формой, в которой могут развиваться провинции, является федеральная, а не унитарная. При федеральной системе каждая провинция будет жить в соответствии со своими особенностями, привычками. Так, в провинции Буэнос-Айрес более высокий уровень просвещения, живет больше иностранцев и здесь полнее оправдана религиозная терпимость. Но допустимо ли это в Кордове? [Доррего имел в виду, что Кордова являлась центром католицизма – В.К.] Мысль Доррего ясна: нельзя одной провинции навязывать образ жизни другой. Нужно все провинции оставить в их нынешнем положении и пускай они действуют, исходя из своего уровня развития и своих способностей¹⁷².

По мнению Доррего, отсутствие профессиональных специалистов-управленцев не являлось тормозом для развития провинций. Он полагал, что для их управления нужны прежде всего практические знания и желание улучшить в них жизнь, что более успешно могли сделать местные жители, чем приезжие. «Где же это препятствие в виде недостатка образования? Я не знаю, как это можно показать. Что мы ищем? Чтобы страна как

¹⁷² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 813–814.

можно быстрее стала просвещённой, и какое наиболее легкое средство достигнуть этого? Практическое образование, которое приобретается в процессе исполнения общественных обязанностей»¹⁷³. По существу Доррего ратовал за самоуправление провинций и при таком подходе действительно не требовался большой бюрократический аппарат и средства для его содержания.

Доррего не смущала и малочисленность населения. Примеры Швейцарии и США говорили в пользу федерации. «Господа, я не знаю, насколько большое и просвещённое население имели швейцарские кантоны ко времени независимости. Я скажу то, что читал. Оно было меньше, чем наше». США также не отличались многочисленностью населения: менее 3 млн. человек на огромной территории. Но федеральная система позволяла им быстро увеличивать население. «Как только они получают территорию, которую можно объявить штатом, они это делают. А у нас все наоборот. Препятствуют территориям конституироваться в провинции»¹⁷⁴.

Доррего убежден в правомерности сравнения двух стран. «Почему нельзя проводить сравнение? По мере роста населения начнется вытеснение индейцев и у нас произойдет то же самое, что и в США. Аналогичное положение в отношении образования. Северная часть США более образованна, так как имеет более тесные связи с Европой. Но южная часть из-за обилия рабов менее просвещенная и менее либеральная. И хотя эта страна является классической страной свободы, она до сих пор не смогла издать закон в отношении свободы рабов. И тем не менее эта страна имеет федеральную систему»¹⁷⁵. Доррего полагал, что Аргентина имела не меньшие, а большие основания для введения федеральной системы, чем США.

Доррего рассматривал недостаток доходов провинций как временное явление. По его мнению, они обладают достаточными ресурсами для организации федерации. «Я не сомневаюсь, что любая провинция, которая организует регулярное поступление доходов, которая введет энфитеусис и налог с гербовой бумаги, вне всякого сомнения, будет иметь достаточно дохо-

¹⁷³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 815.

¹⁷⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 815.

¹⁷⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 879.

да»¹⁷⁶.

Доррего больше беспокоила политическая сторона вопроса. Для него та система лучше, которая находится дальше от тирании. Он убежден, что унитарная система, в отличие от федеральной, «с неизбежностью ведет к абсолютизму и монархии, поскольку находится к ним значительно ближе. При ней выгоду получают те, кто ближе к власти. Напротив, при федеральной системе выгоды значительно больше и ее получает не только центр. Свою мысль он пояснял следующим примером: «при унитарной системе действует лишь одно колесо, под названием правительство, которое приводит в движение всю систему. Правительство располагает всей машиной и заставляет ее функционировать. При федеральной системе в унисон с большим колесом вращается масса маленьких»¹⁷⁷.

Вместе с тем Доррего далек от того, чтобы абсолютизировать федерацию. В том случае, если она не принесет тех благ и выгод, которые от нее ожидаются, народ должен иметь право требовать от конгресса пересмотра конституции. Он даже предлагал установить определенный срок, после которого конституция может быть реформирована¹⁷⁸.

Критика Доррего конституционного проекта и его доводы в пользу введения федерации не убедили большинство депутатов. По их мнению, федерация сама по себе не является идеальным государственным устройством, при которой только и возможно либеральное государство. По словам Д.М.А. Кастро, федерации бывают такими же деспотическими, как и монархии. «[...] посмотрите на Германскую федерацию [...]»¹⁷⁹. Все зависит от места и обстоятельств. Поэтому пример США не показателен.

Гомес отвергал утверждение Доррего о схожести условий Аргентины и США. «По географическим условиям мы не находимся в тех же условиях, что и США». «США ко времени независимости имели 3 млн. человек, распределённых по 13 штатам. Все они располагались на морском побережье. И как можно их сравнивать с нашими провинциями с населением 500-600 тыс. человек, которые занимают гораздо большую террито-

¹⁷⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 880.

¹⁷⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 817.

¹⁷⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 817, 888.

¹⁷⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 919.

рию?» Не будем вдаваться в обсуждение уровня развития, достаточности или нет населения или промышленности». «Как можно говорить, что мы находимся в тех же или похожих условиях?»¹⁸⁰ Мена замечал Доррего, что аргентинские провинции не располагали ни средствами, ни достаточным уровнем просвещения, чтобы образовать федерацию, как в США¹⁸¹.

Акоста, отвечая Доррего на его утверждение, что унитарная система ведет к абсолютизму и монархии, утверждал, что обе формы законны и уважаемы. Но их применение зависит от конкретных условий. Федеральная система, хотя и хорошая, но в настоящих условиях не применима. «Сейчас наиболее подходящей формой являемся унитарная». Она выгодна провинциям, так как при отсутствии у них ресурсов национальное правительство обеспечит их этим, взяв у тех, у кого они в избытке¹⁸². Акоста обращал внимание и еще на одно важное обстоятельство: введение федеральной системы усилит дисбаланс в положении провинций, увеличит их разделение на богатые и бедные. «При федеральной системе, при изначальном неравенстве провинций будут преуспевать наиболее благополучные, развитые. Остальные будут прозябать. Разве можно допустить это? Все должны развиваться»¹⁸³.

Гомес отвергал центральный довод Доррего в пользу федерации: провинции богаты природными ресурсами. «И что они будут делать со своими богатствами? Их еще нужно извлечь. Для этого нужно иметь национальную казну, необходимые средства»¹⁸⁴. В отличие от Доррего, для Гомеса истинным богатством являлось население и производство. Но как раз этого провинциям не хватало и «еще в течение многих лет они не смогут себя обеспечить. И где найти средства? Только в унитарном режиме»¹⁸⁵.

Для сторонников большинства было характерно стремление перенести дискуссию с уровня доктрины на практические рельсы. «Я не сомневаюсь, – говорил Гомес, – что народ предпочтет унитарную форму не потому, что она принесет меньше плохого и от нее, при просвещенном и либеральном режиме, можно

¹⁸⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 895, 855, 851.

¹⁸¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 905.

¹⁸² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 860-862.

¹⁸³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 866.

¹⁸⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 897.

¹⁸⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 899.

ждать и больше хорошего»¹⁸⁶.

Гомес предупреждал о катастрофических и далеко идущих последствиях для страны в случае принятия федеральной системы. «Если конгресс санкционирует федеральную систему, он одобрит ничто иное, как распад и политическое несчастье, в котором окажется каждая провинция из-за того, что не располагает ресурсами не то что обильными, но даже достаточными, чтобы конституироваться, чтобы улучшить свое положение путем приведения в порядок своих институтов [...] Наше положение таково, что мы не можем конституироваться в федерацию без того, чтобы сохранить нищенское положение, с ясным пониманием того, что нет реальных средств, чтобы создать федерацию»¹⁸⁷. Иными словами: федерация, по мнению унитариев, вела страну к нищете и раздробленности.

Вместе с тем Ривадавия и его сторонники в конституции 1826 г. не продолжили линию на демократизацию политической системы, которую они начали в провинции Буэнос-Айрес в 1821 г. с введением там всеобщего избирательного права. В конституции 1821 г. оно отсутствовало. Избирательных прав лишались наёмные работники, подёнщики, бродяги, солдаты¹⁸⁸.

Не все депутаты согласились с таким ограничением избирательных прав для неимущих. Галистео считал несправедливым лишать наемных работников права голоса. По мнению депутатов, их права не могут быть меньше их обязанностей. Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Они не освобождены от воинской службы, они жертвуют жизнью за родину и их нельзя лишать избирательных прав»¹⁸⁹.

Главным оппонентом правительственного большинства выступил Доррего. Для него ограничение избирательного права равносильно ограничению свободы, а непризнание этого права за неимущими «предполагает отсутствие у них способности голосовать»¹⁹⁰. Так далеко депутаты большинства идти не собирались. Д.М. Кастро немедленно ответил Доррего, что имеется в виду не их неспособность голосовать, а отсутствие у них необходимой независимости при голосовании¹⁹¹.

¹⁸⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 588.

¹⁸⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 855.

¹⁸⁸ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2104. – P. 163.

¹⁸⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 733.

¹⁹⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 735.

¹⁹¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 732.

Из ограничения избирательного права Доррего делал далеко идущие социальные выводы. «Кто в этом случае будет принимать участие в выборах? Маленькая часть населения, его двадцатая часть. И это справедливо, чтобы эта двадцатая часть населения определяла судьбу остальных?»¹⁹² И если их исключить, то кто останется? Аристократия, наиболее ужасная, потому что это аристократия денег». И стране останется уповать лишь на ограниченное количество торговцев и капиталистов. Отсюда – денежная аристократия. И если это так, то можно ставить на кон судьбу страны и покупать ее»¹⁹³.

С таким, поистине классовым, анализом Доррего депутаты не согласились. Д.М. Кастро разъяснял от имени Конституционной комиссии, почему неимущим нельзя предоставлять право голоса, указал на главную: «у них нет собственности, они зависят от воли хозяина, который предоставляет им средства к существованию, вплоть до хлеба, который они едят»¹⁹⁴. Прежде всего это касалось сельских трудящихся. «И разве мы не видим, как управляют пеонами и подёнщиками их хозяева? Разве мы можем это игнорировать? Неправда, что их зависимость меньше, чем у раба и на них смотрят с уважением. И как в такой ситуации ждать от них независимости при голосовании? Это является причиной того, – заключил Кастро, – что все конституции делают такое исключение, которое не является ни новым, ни изобретением комиссии»¹⁹⁵.

Кастро назвал большим преувеличением утверждение Доррего, что в выборах будет участвовать лишь только двадцатая часть населения, класс торговцев. В этой связи он провел различия между «аристократией крови, наследственной, монархической» и «рожденной из природы вещей». Если первая опасна, так как «противостоит законам и даже системе свободы», то вторая – естественная и «нет силы на земле победить ее»¹⁹⁶.

Неравенство заложено в самой природе вещей и освящено Богом. «Кто может сделать так, что невежественный может быть равным талантливому, знающему человеку? Бог не может этого сделать, так как Бог сделал это самое неравенство в вещах и не может действовать некомпетентно. Кто может сделать так,

¹⁹² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 731.

¹⁹³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 735, 737.

¹⁹⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 734.

¹⁹⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 741.

¹⁹⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 738.

чтобы бедный был равен богатому? Каждый должен иметь такую долю в обществе, которую имел при вступлении в него. Всегда исходят из того, что богатый и состоятельный более заинтересован в сохранении порядка, чем бедный, так как в своем благополучии сохраняет больше и в своем несчастье теряет больше»¹⁹⁷. Поэтому в выборах могут участвовать лишь «независимые граждане, имеющие собственность и способные объяснить свой выбор»¹⁹⁸. Во всех конституциях неимущие исключены из участия в государственной власти. Какой бы свободной и республиканской она ни была, она требует от представителей народа «состояния и профессии, которые приносят им ежегодный доход»¹⁹⁹. Так Кастро объяснил содержание и смысл соответствующей статьи конституции.

Сильное сопротивление со стороны провинций вызвало содержавшееся в конституционном проекте положение о назначении губернаторов провинций президентом республики. В этих условиях Ривадавия решил изменить соответствующую статью проекта, исходя из того, что есть вещи, которые провинции сделают лучше, чем центральное правительство.

Эти идеи легли в основу послания, с которым президент обратился к конгрессу в октябре 1826 г., представив законопроект о внутреннем управлении провинциями, где постарался согласовать претензии провинций с общими интересами страны. Это касалось их внутреннего управления: вопросов образования, общественных работ и всего того, что «могло привести их к процветанию и прогрессу». Все это оставалось в ведении провинций. За провинциями сохранялось право распределения доходов и расходов, ведения налогов, их сбора и контроля за их расходованием. Поскольку все доходы не покрывали их расходы, предусматривалась помощь из государственной казны с тем, что она будет покрыта провинциями, когда у них будет больше средств²⁰⁰.

Предложения Ривадавии нашли поддержку в конгрессе. Идя навстречу провинциям, депутаты изменили статью о выборах губернаторов. Вместо «президент назначает губернаторов с согласия сената» была принята редакция: «президент назначает

¹⁹⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 738.

¹⁹⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 734.

¹⁹⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 739.

²⁰⁰ Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. – Buenos Aires, 1941. – P. 118-119.

губернаторов из числа трех кандидатов, предложенных административными советами провинций». Сами советы избирались непосредственно населением провинций. Губернаторы назначались на определенный срок и не могли быть смещены и заменены президентом.

Это был отход от чисто унитарной системы к смешанной. Ривадавия проявил гибкость, изменив организацию власти в провинциях с унитарной на федеральную, оставив унитарную в управлении страной.

Истинное содержание конституции 1826 г. раскрывается при ее сравнении с конституцией 1853 г. Обе конституции учреждали сильную исполнительную власть в лице президента. В то же время конституция Ривадавии не налагала на провинции больших ограничений, чем конституция 1853 г. и не давала центральному правительству больше власти, чем та. Объем гражданских и политических прав был одинаковым в обеих конституциях. Отличной была процедура избрания губернаторов: в конституции 1853 г. они избирались провинциальными легислатурами.

Административные советы провинций были по существу теми же законодательными собраниями. Их члены избирались прямым голосованием на тех же условиях и в тех же формах, что и национальные депутаты (Ст. 142). Они наделялись правами формировать местную полицию, организовывать начальное образование и иметь свой бюджет (Ст. 143). Административные советы имели право подачи петиций в Национальный конгресс и президенту (Ст. 154). Конституция 1853 г. не давала провинциям больше прав, чем конституция 1826 г. Согласно последней, губернаторы провинций являлись не более чем простыми исполнителями законов, декретов президента и решений административных советов. Они назначали провинциальных служащих, но в соответствии с правилами, установленными административными советами. Для нормального бесперебойного функционирования административных советов президент обязан был издать регламент, который устанавливал нормы, правила и формы их деятельности, их внутренний распорядок (Ст. 158)²⁰¹.

Основной закон 1826 г., как и учредительные акты 1819 г. и 1853 г., носил последовательно антифеодальный буржуазный

²⁰¹ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2104. – P. 163-176.

характер. Они ликвидировали личные привилегии, дворянские титулы, преимущества по рождению, провозглашали всеобщее равенство перед законом, неприкосновенность личности, невозбранное изложение мыслей, свободный выбор занятий, священность и неприкосновенность права собственности²⁰².

Конгресс представил конституцию на одобрение провинций. Большинство провинций отвергло ее. Оппозиция требовала отменить законы о столице; о национальном банке; о назначении президента конгрессом; разрешить провинциальным властям отзывать депутатов из Национального конгресса²⁰³.

Из внутренних провинций Основной закон поддержал лишь губернатор Сальты Альварес де Ареналес, но был разбит губернатором Ла-Риохи Факундо Кирогой и укрылся в Боливии. Весь аргентинский север оказался в руках Кирогой, который вел борьбу с унитариями под лозунгом: «Религия или смерть».

Не лучше обстояли дела и в Буэнос-Айресе. С самого начала деятельности правительства Ривадавии торгово-скотоводческая группировка находилась в оппозиции к нему. Еще в 1824 г., касаясь созыва Национального конгресса, Х.Х. Анчорена писал Росасу: [...] Мне кажется, кузен, что мы будем иметь пару очень плохих лет [...] ²⁰⁴. В конгрессе оппозиция во главе с Доррего и Морено выступала против всех начинаний Ривадавии. Особое неприятие оппозиции вызвала национализация Буэнос-Айреса и разделение провинции. И. Анчорена представил в конгресс петицию с протестом против разделения провинции, утверждая, что конгресс не имеет полномочий принимать этот закон, который противопоставляет интересы одной части провинции другой и, угрожая правительству, добавил, что это может привести нас к гражданской войне»²⁰⁵.

Обстановка в стране благоприятствовала их планам. Начавшаяся в конце 1825 г. Аргентино-бразильская война из-за вмешательства Англии приняла затяжной характер. Объединенный англо-бразильский флот блокировал аргентинские порты, что привело к расстройству экономики, истощению финансов, ухудшению условий жизни и как следствие – к всеобщему недовольству населения. Последней каплей, переполнившей

²⁰² Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1300. – P. 494-508; Т. III. – N 3052. – P. 65-73.

²⁰³ Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. – P. 136.

²⁰⁴ Ibarguren C. Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1955. – 107.

²⁰⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 676 ; Т. III. – P. 336-356.

чашу терпения, стало подписание мирного договора с Бразилией в мае 1827 г., по которому Аргентина признавала Восточный берег составной частью Бразильской империи. Правительство отвергло его, и война продолжилась, но позиции Ривадавии были окончательно подорваны. Лишившись массовой поддержки, он 27 июня 1827 г. в послании конгрессу заявил о своей отставке: [...] трудности нового порядка, которые не дано было предвидеть, убедили меня, что дальнейшее исполнение мною своих обязанностей не принесет никакой пользы. Любая жертва с моей стороны будет напрасной. В этих условиях я должен отказаться от власти²⁰⁶. Конгресс принял отставку Ривадавии.

Началась ликвидация всех реформ Ривадавии. Прежде всего была восстановлена провинция Буэнос-Айрес, губернатором которой стал Доррего, а главнокомандующим вооруженными силами – Росас. Доррего отозвал из Национального конгресса депутатов Буэнос-Айреса, после чего конгресс объявил о своем роспуске. Таким образом, Аргентина вновь оказалась без центральной власти. Последовавшая затем гражданская война привела к власти Росаса. С приходом Росаса открылась новая страница аргентинской истории.

В исторической перспективе программа реформ Ривадавии предстает как попытка направить развитие страны по пути самостоятельного капиталистического развития. По полноте предложенных преобразований, их системности это была первая программа подобного рода в Латинской Америке.

Библиография

- Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – М., 1988.
- Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. I-VI. – Buenos Aires, 1937–1939.
- Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano 1811–1827. Con una sesión documental. – Rosario, 1966. – № 42. – P. 163; N 62.
- Ferns H.S. Britain and Argentina in the nineteenth century. – Oxford, 1960.
- Ibarguren C. Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1955.
- Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. – Buenos Aires, 1941.

²⁰⁶ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2173. – P. 195.

Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I-II. – La Plata, 1976.

Nicolau J.C. La reforma económico-financiera en la provincia de Buenos Aires (1821-1825). – Buenos Aires, 1988.

Paso L. Rivadavia y la línea de Mayo. – Buenos Aires, 1960.

Registro oficial de la Republica Argentina. – T. I–III. – Buenos Aires, 1879-1880; T. I. – N 1643.

Л.А. ИВКИНА²⁰⁷
L.A. IVKINA.

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. ХОСЕ АНТониО САКО
И ЕГО ВРЕМЯ
HISTORY IN PERSONS. JOSÉ ANTONIO SACO
AND HIS TIME

Аннотация. В работе исследуются жизнь и деятельность известного кубинского политического и общественного деятеля, историка, либерала, просветителя Хосе Антонио Сако (1797-1879). Сако – представитель второго этапа кубинского либерализма 30-60-х гг. XIX в, сторонник эволюционного пути развития Кубы, всю свою жизнь посвятил борьбе за либерализацию колониального испанского режима, за прекращение работорговли, против аннексии Кубы США, за социально-экономические преобразования экономики острова. Все работы Сако отражали конкретную реальную историю Кубы XIX в., вписанную в общее русло всемирно-исторического процесса.

Ключевые слова. Хосе Антонио Сако, Куба, США, работорговля, рабство, реформы, либерализм.

Abstract. The article explores the life and work of the famous Cuban political and public figure, historian, Liberal, educator José Antonio Saco (1797-1879). Saco was a representative of the second phase of the 19th century Cuban liberalism, a protagonist of the evolutionary way of country's development. He devoted his life to the struggle for the liberalization of the Spanish colonial regime, cessation of slave trade, opposed annexation of Cuba by the United States, stood for socio-economic modernization of the island's economy. All his works represented the genuine history of Cuba as part of the world-historical process.

Keywords. José Antonio Saco, Cuba, United States, the slave trade, slavery, Spanish colonial policy, reformism, liberalism.

²⁰⁷ Людмила Андреевна Ивкина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivkina Liudmila A., Institute of World History of the Russian Academy of Science, lais07@mail.ru.).

26 сентября 1879 г. в Барселоне в возрасте 82 лет скончался видный кубинский политический и общественный деятель, историк, либерал, просветитель Хосе Антонио Сако. 28 сентября в официальном органе Либеральной партии Кубы газете «Эль Триумфо» появилась небольшая заметка под названием «Печальное событие», в которой была помещена телеграмма ректора Гаванского университета, известного адвоката Х. Вальдеса Фаули из Барселоны, уведомлявшая о смерти человека, имя и деятельность которого в течение более чем полувека тревожили умы и сердца кубинской общественности. В августе 1880 г. прах Сако был переправлен на Кубу и захоронен на кладбище Колумба в Гаване. Прощание с Х.А. Сако было многолюдным и напоминало прощание с его другом и соратником, известным философом, просветителем и педагогом Хосе де ла Лус-и-Кабальеро в 1862 г.

В истории Кубы XIX века нет более яркой личности, чья деятельность и политические взгляды вызывали бы столь противоречивые оценки как со стороны его современников, так и исследователей его жизни и творчества. Прожив более полувека вне пределов Кубы, став политическим изгоем, всю свою сознательную жизнь он посвятил только своей родине. Этот удивительный человек при жизни вызывал ненависть испанских властей и пользовался популярностью и огромным уважением своих соотечественников и друзей. Его называли «первым политическим мыслителем Кубы», «лучшим из кубинцев», гордостью Кубы. Ещё при жизни были написаны о нем биографии. Одну из них написал адвокат и писатель Педро де Агуэро-и-Санчес²⁰⁸. В 1866 г. известный испанский историк Х. де ла Песуэла-и-Лобо создал биографию Х.А. Сако в своем известном труде²⁰⁹. В 1878 г. в Нью-Йорке Франсиско Кальканьо поместил биографию Сако в труде «Кубинский биографический словарь»²¹⁰. В 1878 г. по просьбе Х.А. Эчевеерри Х.А. Сако написал свою автобиографию, которая, к сожалению,

²⁰⁸ Agüero y Sánchez P. de. Biografías de cubanos distinguidos. Don José Antonio Saco. Londres: Imprenta de W. & A. Webster, 1858.

²⁰⁹ Pezuela y Lobo J. De la. Diccionario geográfico, estadístico, histórico de la isla de Cuba. T.I-IV. Madrid: Ed. Establecimiento de Mellado, 1863-1866. T.IV. P.365-369.

²¹⁰ Calcagno F. Diccionario Biográfico Cubano. Nueva York: N.Ponce de León, 1878.- T.I. P.562-569.

осталась незавершенной²¹¹.

Он общался и дружил с выдающимися политическими и литературными деятелями XIX в.: известным испанским поэтом Мариано Хосе Ларрой и Санчесом де Кастро (1809-1837), с графиней М. Мерлин де Мерседес Санта Крус-и-Монтальво, которой давал советы, делясь своими знаниями по истории Кубы и впоследствии написавшей воспоминания о Кубе в 1844 г.²¹², со многими политическими деятелями Испании того периода.

Известный кубинский прозаик XIX в. Сирило Вильяверде (1812-1894) сделал его одним из героев своего известнейшего романа «Сесилия Вальдес или Холм Ангела». Х.А. Сако «был среднего роста; на его белом, довольно румяном лице выделялись большие голубые глаза с красивым разрезом и полные губы. Волосы у него были каштановые и гладкие, но густые. Во всей его внешности чувствовалась некоторая сдержанность, одет он был элегантно, на английский манер». «Он, – писал далее автор, – уже успел прославиться своими статьями в журнале «Менсахеро семаналь», издававшемся в Нью-Йорке, как говорили, при сотрудничестве высокочтимого падре Варелы; наибольшую известность получили его статьи о революции в Мексике и Колумбии и её вождях. С особенным интересом читалась и вызывала живейший отклик в Гаване его политическая полемика с директором Ботанического сада доном Рамоном де ла Сагра, в которой Сако защищал матансасского поэта Хосе Мариа Эредия». С. Вильяверде далее писал, что «кубинская молодежь обожала Сако, которого считала инсургентом, хотя его точка зрения, как ни удивительно, совпадала с взглядами правящих лиц колонии»²¹³.

При оценке политических взглядов Х. А. Сако необходимо учитывать социально-политическую обстановку, в которой он жил и писал. Все его работы по существу – это конкретная ре-

²¹¹ Впервые автобиография была опубликована в: *Vida de Don José Antonio Saco. Escrita por el mismo en los primeros meses del año de 1878/ Revista Cubana. La Habana, 1894. Т. XX. P. 309-319*; Текст автобиографии Сако опубликовал в своем труде Ф.Ортис: *Ortiz F. José Antonio Saco y sus ideas cubanas. La Habana: "El Universo", 1929. P.5-17.*

²¹² *Merlín M.de las Mercedes. Viaje a la Habana. La Habana: Imprenta de la Sociedad Literaria y Tipográfica, 1844.*

²¹³ *Вильяверде С. Сесилия Вальдес или Холм Ангела. М.-Л.: Издательство художественной литературы, 1963. С. 93-94.*

альная история Кубы, вписанная в общее русло всемирно-исторического процесса. В небольшой по объему работе невозможно подробно осветить всю многогранную и сложную палитру его мировоззрения. Мы только попытаемся, проследив этапы его жизни, осветить его взгляды на самые острые и кардинальные проблемы истории Кубы XIX века.

Хосе Антонио Сако-и-Лопес родился 7 мая 1797 г. в городе Баямо в состоятельной креольской семье. Его отец – Хосе Рафаэль Сако и Анайа был адвокатом, владевшим сельской собственностью и городской недвижимостью (его семье принадлежало 11 животноводческих хозяйств, три дома в Баямо и несколько рабов)²¹⁴. Это была креольская патриархальная семья, типичная для восточной части острова. Получил начальное образование в Баямо: сначала в частной школе, а затем в школе священника Мариано Акосты, Здесь он научился читать и писать, овладел азами математики и латыни. В те годы не существовало светского образования, а единственным просветительским центром в Баямо был монастырь братьев доминиканцев, где преподавали на латыни философию и теологию²¹⁵. Сако рано потерял родителей: ему было девять лет, когда не стало матери (1806) и 14, когда умер отец (1811 г.). В 1814 г., получив после раздела наследства между своими братом и сестрой незначительную даже по тем временам сумму, немногим более 6 тыс. песо²¹⁶, он покинул родной город и продолжил обучение в Сантьяго де Куба в семинарии Св. Базилио. Здесь его способности были замечены молодым адвокатом Хосе Вильяр, который посоветовал ему ехать в Гавану и найти там молодого священника Ф. Варелу, который преподавал «настоящую современную философию в колледже Сан-Карлоса»²¹⁷. Эти слова оказали на Сако огромное воздействие и предопределили его дальнейшую судьбу. В 1816 г. в возрасте 19 лет он направился в Гавану и продолжил свое образование в семинарии Св. Карлоса, став любимым учеником Ф. Варелы, которого в конце своей жизни назовет «первым среди кубинцев»²¹⁸. В 1819 г. он получил степень бакалавра по гражданскому праву.

²¹⁴ Ortiz F. José Antonio Saco. P. 11-12.

²¹⁵ Ortiz F. José Antonio Saco. P. 11

²¹⁶ Ortiz F. José Antonio Saco. P. 13.

²¹⁷ Ortiz F. José Antonio Saco. P. 15.

²¹⁸ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos para su vida. La Habana: "El Siglo XX", 1921. P.305.

Формирование идеологических и политических взглядов Х.А. Сако происходило в первой четверти XIX в. Это был очень бурный и переломный этап в истории Кубы. Он проходил под огромным воздействием событий всемирно-исторического значения: войны североамериканских колоний Англии за независимость (1775-1783), Великой французской революции (1789-1794), негритянской революции в Сан-Доминго (1791-1804)), войны за независимость 1810-1826 гг. в Испанской Америке. Не избежала революционных потрясений и Испания, где произошли две буржуазные революции: 1808-1814 и 1820-1823 гг.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период Куба продолжала оставаться колониальным владением Испании, здесь с конца XVIII в. наметились глубокие социально-экономические перемены, свидетельствовавшие о зарождении в недрах колониального общества новых прогрессивных капиталистических тенденций. Под воздействием передовых веяний Европы и Америки зарождаются современные философские идеи, когда философия «сняла ряску» и прочно вошла в жизнь, на смену религиозной схоластики приходит светское образование, возникают первые просветительские организации и издательское дело, создаются библиотеки, закладываются основы национальной по духу науки, культуры, литературы и поэзии, появляются первые исторические работы. В эти годы возникло первое в истории Кубы либеральное движение, возглавленное передовыми кубинскими мыслителями и политическими деятелями – Ф. Арранго-и-Парреньо (1765-1837), Х.А. Кабалье (1762-1835), Ф. Варелой (1788-1853), ставшими выразителями интересов складывавшейся кубинской национальности. В то же время рост производительных сил, превративший Кубу в центр производства сахарного тростника, начавшийся с конца XVIII в., покоился на системе плантационного рабства, ставшего основой экономического процветания острова.

Революционные события в Испанской Америке (1810-182) нашли широкий отклик на Кубе. Однако многочисленные попытки добиться независимости острова в рассматриваемый период, были пресечены в корне и жестоко подавлены испанскими колониальными властями. Так, неудачей закончилось в 1809-1810 гг. заговор креолов Рамона де ла Люса и юриста Хоакина Инфанте, ставивших своей целью добиться независимости Кубы и создать конституционное правительство. В 1811-

1812 г. подобная участь постигла и заговор негра Х. А. Апонте, стремившегося отменить рабство на острове. Он был раскрыт, так и не начавшись, а сам Х. А. Апонте и 8 его сподвижников были казнены.

Особый размах революционное движение на острове приобрело в 20-30-е годы. В нем активное участие приняли представители передовой креольской интеллигенции и студенчества, «зараженные» революционным «ветром перемен», доносившимся из США и континентальных владений Испании. В этот период борьба за независимость на Кубе, поддержанная Колумбией и Мексикой, проявилась в создании масонских тайных организаций. В 1821 г. под руководством гаванца Х.Ф. Лемуса была создана организация «Солнце и лучи Боливара». Убежденный республиканец Х. Ф. Лемус сражался в рядах колумбийской армии. Вернувшись на Кубу, он активно включился в борьбу за независимость Кубы, планируя после победы создать республику Кубанакан и освободить рабов. К 1823 г. почти весь остров был опутан сетью тайных обществ. Однако испанскому правительству удалось пресечь восстание в самом начале, внедрив в организацию своих людей. Последующие тайные заговоры – 1824, 1826, «Великий легион черного орла» (1827-1830) потерпели поражение ввиду позиций кубинской плантаторской элиты, заинтересованной в сохранении колониального статуса острова и упрочении системы рабства. Сильное противодействие было оказано также со стороны США, действовавших теперь в духе разработанной в 1823 г. доктрины Монро. Помимо всего, падение режима Бурбонов во Франции и восшествие на престол Луи Филиппа лишило Испанию поддержки Франции в её стремлении восстановить своё господство в бывших континентальных колониях. В 1836 г. Испания была вынуждена пойти на официальное признание независимости южноамериканских республик.

Этот период истории Кубы стал периодом формирования Сако как личности. Уже в эти годы он снискал себе славу эрудированного, энциклопедически образованного человека – представителя нового поколения кубинской интеллигенции, политические взгляды и убеждения которого отличались глубоким патриотизмом²¹⁹.

²¹⁹ Подробнее о первых этапах деятельности Х.А.Сако см.: Ларин Е.А. Куба конца XVIII– первой трети XIX века. М., Наука, 1989. С. 246-253.

Несомненное влияние на формирование его либеральных взглядов оказала дружба и сотрудничество с его учителем и наставником, преподавателем кафедры философии в колледже Св. Карлоса Феликсом Варелой-и-Моралесом (1787- 853). Ф. Варела сыграл важную роль в реформировании образования на Кубе, навсегда покончил со схоластикой и метафизикой, внедрил преподавание передовой европейской философии Локка и Кондильяка, новых естественных наук, прежде всего химии и физики, заменил в преподавании латынь на испанский язык. Он явился инициатором создания кафедры истории Конституционного права. В январе 1821 г. Варела начал читать курс лекций по истории основных принципов и положений Кадисской конституции. На его первой лекции присутствовало около 200 студентов и учащейся молодежи – такой интерес вызвала эта тема у образованной кубинской молодежи²²⁰. Именно от него Х.А. Сако унаследовал независимый характер мышления, любовь к своей родине, бунтарский и свободолюбивый характер.

В годы второй буржуазной революции 1820-1823 гг. в Испании Ф. Варела был избран депутатом в кортесы, доверив преподавание на кафедре своему талантливому ученику, которому тогда исполнилось всего 24 года. Помимо философии Сако читал также лекции по естественным наукам – физике, химии, астрономии, географии, метеорологии и др. предметам. Одаренность и прирожденный талант позволили Сако значительно увеличить число своих учеников. Его преподавательский дар был отмечен отметил Х. де ла Песуэлой, писавшем, что если Варела имел 24 ученика, то Сако оставил после себя 300²²¹.

После подавления второй буржуазной революции 1820-1823 гг. Испания поспешила укрепить свое положение в оставшихся у неё колониальных владениях – Кубе и Пуэрто-Рико. Многие политические деятели Испании считали, что именно либеральная конституция 1812 г. стала причиной потери ею своих обширных владений в Западном полушарии. 17 мая 1824 г. королевским декретом Кубе было присвоено название «всегда верного острова», с 1825 г. на Кубе было введено

²²⁰ Mondelo García W. Félix Varela y los inicios del constitucionalismo cubano/ De Cádiz (1812) a la Habana (2012). Escritos con motivo de bicentenario de la Constitución de 1812. La Habana, 2011. P.147.

²²¹ Pezuela J.de la. Diccionario. T. IV. P. 365.

военное положение, учреждены военные трибуналы. Генерал-капитаны были наделены «чрезвычайными полномочиями», военный контингент бы увеличен до 26 тыс. человек. На Кубе нашли прибежище консервативные элементы из бывших континентальных владений Испании, а многие уступки, сделанные кубинской рабовладельческой элите, в первые десятилетия XIX в., были отменены. Таможенная война, развязанная Испанией в начале 30-х гг. и высокие протекционистские пошлины на ввозимые на остров американские товары, затрагивали интересы кубинских собственников, способствуя усилению конфронтации между креольским населением и колониальной администрацией и испанскими торговыми кругами, монополизировавшими всю внешнюю торговлю.

Проработав в качестве преподавателя до начала 1824 г., Х. А. Сако 12 мая 1824 г. направляется в США, где с 1823 г. проживал изгнанный с Кубы его учитель. Здесь Варела издавал политическую, научную и литературную газету «Гаванец», в которой пропагандировал идеи национальной независимости.

Годы учебы и жизни в США (1824-1826 гг. и 1828-1832 гг.), знакомство с современными политическими идеями и институтами, социальными и экономическими достижениями этой страны оказали на него огромное влияние. Он воочию увидел, каких социально-экономических высот может добиться государство, всего лишь полвека назад освободившееся от колониального ига. Тем не менее он сумел подметить и многие негативные черты самого «демократического общества», о которых впоследствии он упоминал в своих трудах (об агрессивном характере внешней политики США). Здесь он вместе с Ф. Варелой основал газету «El Mensajero Semanal», выходившую в течение двух с половиной лет – с 19 августа 1828 до 29 января 1831 года. На её страницах свободно освещались и обсуждались самые актуальные проблемы социально-экономического и политического развития Кубы и ставших независимыми латиноамериканских стран. Интерес читающей публики, особенно на Кубе, к этому изданию был чрезвычайно высок, о чем свидетельствовала довольно обширная подписка. Здесь впервые проявился аналитический склад ума, независимый характер суждений Х. А. Сако. И хотя ни в годы второй испанской революции (1820-1823), ни в период его пребывания в США он не проявил ещё себя как политик, однако уже тогда приобрел славу революционера за право иметь и отстаивать свою точку зрения.

Это особенно наглядно проявилось в развернувшейся на страницах газеты полемике между ним и испанским экономистом, основателем и директором Ботанического сада в Гаване, преподавателем ботаники в Гаванском университете Рамоном де ла Сагрой (1798-1871). Последний выступил с резкой критикой творчества известного кубинского поэта-изгнанника Х.М. Эредии, а затем обрушился против Ф. Варелы и самого Сако. Ярко выступив в защиту обоих представителей кубинской интеллигенции, Сако снижал уважение своих соотечественников, а испанские власти занесли его имя в списки непокорных бунтарей, склонных к сепаратизму.

Во время пребывания в США Сако написал две блестящие работы «Заметки о дорогах острова Кубы (1829) и «Заметки о причинах бродяжничества на острове Куба» (1830)²²². В своих работах Сако не только рассматривал насущные проблемы, но и предлагал способы, причем достаточно квалифицированные, их решения. Просветительские по своей сути, главная задача которых состояла в том, чтобы привлечь внимание колониальных властей к проблемам, стоявшим перед кубинским обществом, статьи вызвали широкий резонанс на Кубе. Статья о бродяжничестве носила глубокий социологический смысл: Сако считал, что преобладание труда невольников и вытекающее отсюда презрение к труду со стороны белого населения, а также широко распространенные в обществе лотереи, азартные игры и коррупция, были главными препятствиями на пути культурного прогресса кубинского общества²²³. Обе работы были премированы Экономическим обществом, а сам Сако был избран его почетным членом (1829). Известный кубинский историк и этнолог Ф. Ортис отметил, что работа Сако о бродяжничестве — одно из лучших его произведений, проникнутое глубоким патриотическим смыслом, которое не потеряло своей актуальности спустя век²²⁴.

В эти же годы (1826) он перевел с латыни на испанский язык работу Х. Гейнецио «Элементы римского права». В предисловии к своему переводу он написал, что «переводчик умеет

²²² José Antonio Saco. Obras. Vols.I-V. La Habana; Imagen Contemporánea, 2001. Vol.I. P. 168-225; 264-306.

²²³ Saco J. A. Papeles sobre Cuba. Colección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba ya publicados, ya inéditos. T. 1-3. La Habana: Ed. Nacional de Cuba, 1960-1963. T.I.-P.222.

²²⁴ Saco J. A. Contra la anexión. La Habana: Ciencias Sociales, 1974. P.31.

пожертвовать деньгами ради своих идей, но никогда не пожертвует своими идеями ради денег». Эти слова о себе самом характеризуют его как уже сформировавшуюся личность²²⁵.

Вернувшись в феврале 1832 г. на родину, Сако активно включился в политическую и общественную жизнь острова. В 1831 -1834 гг. в культурной жизни Кубы особенным влиянием пользовался общественно-политический журнал, печатный орган Экономического общества Гаваны «Revista Bimestre Cubana», издававшийся с мая – июня 1831 по май – июнь 1834 гг. В 1832 г. Х.А. Сако по предложению постоянной литературной комиссии, созданной в 1830 г. при отделе образования Экономического общества Гаваны, был назначен главным редактором журнала²²⁶. Высокий литературный и художественный уровень этого издания был по достоинству оценён многими современниками и политиками. Вокруг периодического органа концентрировались либеральные и прогрессивные кубинские деятели, ученые, писатели и поэты того периода – Х. де ла Лус-и-Кабальеро, Доминго дель Монте, Ф. Поэй, Блас Осес, Мануэль Гонсалес дель Валье и др. Тематика обсуждаемых на страницах журнала проблем была чрезвычайно обширна и затрагивала не только наиболее животрепещущие вопросы колониального общества, но и другие проблемы современности. Среди них, в частности, фигурировали такие, как проблема начального образования, необходимость создания школ и колледжей, где преподавались бы английский и итальянский языки вместо греческого и латыни, давался анализ состояния английской колониальной торговли, и другие актуальные экономические и политические темы. Так, в статье, посвященной внешней торговле Великобритании, Сако отметил, что отмена работорговли в английских колониальных владениях не привела к сокращению производства, ни к подорожанию стоимости невольников, В другой работе, отметив развитие в Европе производства свекловичного сахара, автор предупреждал о возможном снижении цен на тростниковый сахар и кризисе плантационного хозяйства²²⁷.

²²⁵ Cordoba F. José Antonio Saco fue un Character. La Habana, Tip. Molina y Cía, 1931. P. 9; Работа впервые вышла в Филадельфии в 1826 г., а потом дважды переиздавалась (в 1829 г. – в Мадриде и в 1851 г. – в Париже).

²²⁶ За период с июня 1831 по май 1834 гг. вышло всего 10 номеров этого издания.

²²⁷ Saco J. A. Papeles sobre Cuba. T. II. P. 20.

Гролом среди ясного неба для всех колониальных властей и рабовладельческой элиты острова стала публикация в 1832 г. его работы «Анализ одного труда о Бразилии, озаглавленного «Новости из Бразилии от 1828 и 1829 гг.», написанные его преподавателем Р. Уолшем». В ней Сако, проанализировав экономическую ситуацию Бразилии и сделав сравнительный анализ расового состава колониальных владений европейских стран (Англии, Франции, Дании, Голландии, Испании) в Новом Свете, обратил внимание читателей на неуправляемый рост невольничьего населения, осуществлявшийся за счет нелегальной работорговли. Он впервые открыто осмелился затронуть проблему работорговли на Кубе, где численность негров – рабов и свободного небелого населения значительно (1827) превышала численность белого. Кубинское общество опасно больно, заявил он: «Ужасающий ввоз «человеческого мяса» происходит вопреки принятым законам, и люди, выдающие себя за патриотов, а на самом деле самоубийцы, наводняют нашу страну закованными в цепи жертвами»²²⁸. Он призывал кубинскую элиту немедленно прекратить контрабандный ввоз негров - рабов, строго выполняя условия договора, подписанного в 1817 г. между Англией и Испанией; создать благоприятные условия для привлечения белой колонизации; заменить труд рабов трудом свободных наемных рабочих; создать новые формы хозяйствования путем деления земель, используемых под посевы сахарного тростника, на более мелкие участки, которые обрабатывались бы свободными сельскохозяйственными тружениками за часть выращенного ими урожая (система колоната). Все эти преобразования должны осуществляться с применением новых современных технологических новшеств, что позволило бы средним и мелким предпринимателям объединить свои капиталы для создания крупных капиталистических предприятий. То есть, суммируя его взгляды можно отметить, что он предложил программу преобразования экономики Кубы²²⁹.

Мог ли он тогда предвидеть, какую роковую роль в его жизни сыграет эта работа? Но именно она, вызвав бурю негодования среди яростных защитников работорговли и системы рабства в целом, стала прологом его последующего изгнания с родины, его мучительной жизни в качестве вечного странника.

²²⁸ Saco J. A. Papeles sobre Cuba. Т. II. P. 86.

²²⁹ Saco J. A. Papeles sobre Cuba. Т. II. P. 88-90.

Впоследствии он писал, что «именно этот труд стал главной причиной его экспатриации в 1834»²³⁰. Его заклятый враг священник и президент Экономического общества Гаваны Х.Б. О'Гаван потребовал от Сако покинуть пост редактора газеты, но тот отказался. Суперинтендант Клаудио Мартинес де Пинильос, граф де Вильянуэва, крупный кубинский собственник и сторонник существующего режима, Экономическое общество и связанные с работоторговлей происпанские реакционные круги развернули откровенные гонения на представителей просвещенной кубинской молодежи и созданной ими в марте 1834 г. Академии литературы, как проповедника вредных для испанской короны идей.

Довершил гонения на представителей креольских либералов прибывший летом 1834 г. новый генерал-капитан Кубы М. Такон. (1834-1838). Окружив себя испанцами, М. Такон изгнал всех кубинцев из общественных и административных организаций – из Экономического общества, Хунты развития²³¹, секции по образованию. При его правлении были закрыты такие прогрессивные периодические издания, как «Ревиста Биместре Кубана», «Аурора де Матансас». Была введена строгая цензура на печать, запрещена деятельность созданной в 1834 г. Академии литературы.

Одним из первых, кому было суждено испытать деспотизм нового генерал-капитана, стал Х. А. Сако. 17 июля 1834 г. он был выслан из Гаваны в Тринидад, а 13 сентября 1834 г. в возрасте 37 лет покинул неприветливые берега Кубы, отплыв в Англию, куда прибыл 10 октября. В течение двух месяцев жил в Англии, посетил Францию и в январе 1835 г. приехал в Мадрид. С этого момента и до конца своей жизни (1879 г.) он жил в изгнании. Но именно в этот период со всей полнотой раскрылся его яркий талант публициста, критика, историка. Все его последующие работы были проникнуты стремлением изменить существующий колониальный режим на Кубе.

Обосновавшись в Мадриде и еще не потеряв надежды на скорое возвращение на родину, он не мог предвидеть, что покинул её навсегда. «Здесь, – писал Сако своему другу Х. де ла Лус-и Кабальеро, – я живу как мученик! И никто не может по-

²³⁰ Saco J. A. Papeles sobre Cuba. Т. II. P. 161.

²³¹ Так с 30-х гг. стал называться бывший Королевский совет по развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли.

нять, как я здесь страдаю, видя, что здесь происходит» (*Испания- Л.И.*). «Нас не любят, нас не понимают, думают о нас только, когда грабят или унижают. Здесь господствует такое предубеждение против нас. Недовольные потерей своих континентальных владений в Америке, они готовы заковать нас в цепи, чтобы еще более закабалить нас. Какая прискорбная ошибка! Какая недалекая политика!»²³².

В изгнании главным источником его существования становятся гонорары за публикуемые работы и существенная материальная помощь со стороны его влиятельных друзей – Д. дель Монте, Х.Л. Альфонсо, М. де Альдамы, Х. А. Эчеверрии. Дивиденды от акций железнодорожной компании Сабанилья, подаренными ему Х. Л. Альфонсо, и ежемесячное пособие дали ему возможность жить безбедно и заниматься любимым делом - писать статьи, обличавшие пороки испанского колониального режима и жить в надежде на скорое возвращение на свою родину.

Между тем в Испании вновь происходят изменения. После смерти Фердинанда VII в 1833 г. и восстановления в метрополии конституционной монархии в мае 1836 г. испанским либералам удалось добиться издания новой конституции 1837 г., которая предусматривала выборы кубинских депутатов в испанские кортесы. На Кубе вновь развернулась борьба за реформы колониального управления.

С 30-х гг. XIX века Х.А. Сако становится главным идеологом и лидером второго этапа кубинского либерализма. Основные его критерии были впервые сформулированы им в работе «Письмо одного патриота или требования кубинцев, направленные своим депутатам в Кортесы» (9 января 1835). Среди главных требований фигурировали такие, как либерализация налоговой политики и снижение налогового бремени, ликвидация дискриминационной таможенной системы, препятствующей свободному торговому обмену с другими странами, в частности, с США, направление части доходов, извлекаемых с Кубы, на непосредственные нужды острова; создание независимого судопроизводства; отмена «чрезвычайных полномочий» и ликвидация деспотического режима; свобода печати и отмена цензуры; запрещение работоторговли и реализация политики по привлечению белой колонизации, реформа народного образо-

²³² Figarola- Caneda D. Jose Antonio Saco. Documentos. P. 174.

вания. Впервые в этой работе он выдвигает требование создания Колониального (провинциального) совета или хунты, своего рода законодательного органа власти, наделенного широкими полномочиями²³³. Небольшая по объему работа стала отправным пунктом всей его реформаторской деятельности в последующие десятилетия. Его программа действий была полностью воспринята его последователями. Они выражали интересы той небольшой части кубинского колониального общества (либеральных политических деятелей, интеллигенции, прогрессивной молодежи), которая стремилась мирным путем добиться от метрополии политических и экономических реформ.

Однако испанские власти на Кубе не спешили вводить конституционный режим на острове. Здесь все оставалось по-прежнему. Открытый конфликт произошел в восточной части острова-провинции Орьенте, где губернатором с 1835 г. был либеральный испанский генерал М. Лоренсо. Узнав 29 сентября 1836 г. о принятии в Испании конституции, он тотчас же ввел ее действие на территории восточной провинции. Однако вскоре от генерал-капитана острова пришло уведомление, предписывавшее поддерживать на Кубе прежний порядок. М. Лоренсо отказался подчиниться приказу высшей власти и вооружил отряды милиции. В ответ М. Такон блокировал морское побережье восточной части острова. Радикализация «конституционного» движения обеспокоила крупных кубинских собственников, которые, опасаясь любого вооруженного конфликта, отстранились от поддержки мятежного испанского генерала. В конце октября 1836 г. во внутренний конфликт вмешались консулы иностранных держав - Англии, Франции и США, в результате чего М. Лоренсо был вынужден сложить с себя полномочия губернатора провинции Орьенте и покинуть Кубу. Мирное урегулирование «конституционного» движения выявило явное нежелание имущих слоев кубинского общества идти на открытый конфликт с метрополией²³⁴.

Недовольство навязанным кубинскому обществу военным режимом и реакционной политикой М. Такона открыто проявилось во время выборов кубинских депутатов в испанские кортесы. В трех городах острова трижды состоялись выборы (в мае,

²³³ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 91-100.

²³⁴ Guerra y Sánchez R. Manual de historia de Cuba. Desde su descubrimiento hasta 1868. La Habana: Ciencias Sociales, 1971. P. 374-380.

июле и октябре 1836 г.), и дважды их результаты аннулировал сам генерал- капитан. Все три раза депутатом от Сантьяго избирался Х. А. Сако, живший в это время в Париже Это был своеобразный протест кубинских собственников и интеллигенции против деспотического режима М. Такона.

Надеждам кубинских реформистов 30-х гг. на либерализацию колониального режима не суждено было сбыться. Воспользовавшись расстановкой сил как на острове, так и на международной арене, Испания пошла на ужесточение колониального режима. Избранные от Кубы депутаты, среди них Сако, прибыв в Мадрид, не были допущены даже на заседания испанских кортесов. В феврале 1837 г. специальная комиссия представила на рассмотрении испанских депутатов сообщение, в котором предлагалось выработать «специальные законы» для управления «заморскими провинциями» – Кубой, Пуэрто-Рико и Филиппинами. В качестве главного аргумента в пользу издания подобных законов и отказа кубинцам в праве избираться отныне в испанские кортесы выдвигалось наличие «существенных различий в населении колоний и метрополии»²³⁵. Прежде всего имелось в виду существование рабства.

Дебаты по этому вопросу, развернувшиеся в испанских кортесах, проходили в марте и апреле и завершились 16 апреля 1837 г. При голосовании вопрос был разбит на две части: 1) за океанские провинции Испании должны управляться специальными законами и 2) за исключение избранных депутатов из состава кортесов. Первый пункт был принят почти единогласно (только два голоса высказались «против»). По второму пункту 90 депутатов проголосовали за исключение и 60- против²³⁶. Таким образом кубинских депутатов лишили представительства в испанских кортесах.

С гневным протестом против действий Испании выступил Х.А. Сако. В январе и феврале 1837 г. он опубликовал ряд работ, в которых выдвинул претензии кубинских депутатов к испанским кортесам в связи с лишением их депутатских полномочий. В этом же году в Мадриде был опубликован его «Аналитический анализ сообщения Специальной комиссии, созданной кортесами по поводу исключения нынешних и будущих

²³⁵ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 120.

²³⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P.154,155. Эти «специальные законы» так никогда и не были разработаны.

депутатов заокеанских провинций и необходимости издания специальных законов». В нем он подверг критике опубликованные законы и опроверг все доводы, согласно которым кубинцам по существу было отказано в праве быть свободными только потому, что они владели рабами. Ведь рабство, отмечал он, было введено и узаконено самой метрополией, оно находилось под защитой испанских гражданских законов, которые признавали и уважали священное право частной собственности. В его рассуждениях прослеживается, прежде всего, забота о белом населении острова²³⁷.

В заключение своей работы он писал: «Так потеряла Куба де-юре и де-факто все свободы. Но довольна ли она таким положением вещей? Будет ли далее Испания следовать этой политике, отказывая Кубе в ее священных правах на свободу, которые она по праву заслужила?»²³⁸. Он прекрасно понимал, что принятые «специальные законы» всего лишь маска, с помощью которой метрополия пытается скрыть истинную суть своей политики.

Так завершился второй этап борьбы за реформы на Кубе. Д. дель Монте вынужден был констатировать, что «за право иметь рабов мы (кубинцы – Л.И.) заплатили тем, что сами стали ими»²³⁹.

Находясь в изгнании, Х. А. Сако продолжал своим словом и пером сражаться против пороков колониального режима. Слова, написанные им в 1837 г. в альбоме одного из его гаванских друзей, раскрывает всю трагичность его положения: «Любить родину и наслаждаться ее красотами – это счастье. Любить её и не иметь возможности жить на родине – это несчастье. Видеть её поработанной и надеяться на ее освобождение – это утешение; но видеть её стонущей в цепях рабства и не иметь возможности разорвать их – это самая страшная пытка»²⁴⁰.

Эти трагические события – изгнание с родины и лишение депутатских полномочий, а Кубы – представительства в испанских кортесах - сыграли решающую роль в последующей жизни и деятельности Сако, предопределив его воинствующие позиции в отношении испанской колониальной политики. Все эти

²³⁷ Saco J. A. Papeles. T. III. P. 130,134,135,145.

²³⁸ Saco J.A.Papeles. T. III. P. 159.

²³⁹ Correspondencia reservada del Capitán General Don Miguel Tacón. 1834-1836. La Habana: Consejo Nacional de Cultura, 1963. P. 69-70.

²⁴⁰ Saco J. A. Papeles. T. III. P. 193.

события Сако воспринимал с горечью, что отчетливо прослеживается по его переписке с друзьями. Узнав о том, что кубинские депутаты не были допущены на заседания испанских кортесов, он в отчаянии пишет своему другу Х.Л. Альфонсо (Пеппе): «Если конституционный режим на Кубе будет уничтожен, нас ждет печальное будущее. Нас хотят сделать колонией, но какой колонией. Не хотят, чтобы Куба имела своих депутатов в парламенте. И с гневом добавляет: «Я всегда желал, чтобы Куба была для кубинцев; но поскольку этого не случится, так как правительство (*Испании -Л.И*) толкает нас на революцию, нам не остается ничего другого, как броситься в объятия США. Эту идею следует распространять и внушать всем кубинцам»²⁴¹. Безусловно, это был крик отчаяния. Ликвидация политических свобод, которыми Куба пользовалась в годы первых двух буржуазных революций (1812-1814 и 1820-1823) вызывали у него гнев: «Ты не представляешь себе, с какой ненавистью и несправедливостью здесь относятся к нашей стране»²⁴². Назвав созданную при испанских кортесах комиссию, призванную разработать «специальные законы» инквизиторской, он заявляет: «Наш вопрос теперь должен решаться не с помощью бумаг, а с помощью шпаги и пуль. Сможем использовать их с победой – будем счастливы. Если не сможем оказать достойное сопротивление, тогда нам остается лишь только преклонить свои головы и надеть на свои шеи цепи рабства»²⁴³. Тем не менее, он не отчаялся. 24 февраля 1837 г. касаясь событий, произошедших на Кубе, он пишет: «Скоро я уеду отсюда (*из Испании- Л.И.*), меня задерживают лишь некоторые статьи о Кубе, которые я хочу опубликовать. Я понимаю, что не смогу с их помощью решить все проблемы, которые стоят перед ней; но в будущем они, по крайней мере, смогут быть полезными; в конце концов я буду делать то, что считаю нужным делать»²⁴⁴. И он оказался прав. Все его работы, написанные в этот тяжелый для него период, и до сих пор представляют огромный научный интерес для исследователей истории Кубы XIX в.

В эти годы он публикует ряд интересных, ярких, обличительных статей против работорговли (1837,1845), о необ-

²⁴¹ Figarola- Caneda D. José Antonio Saco. Documentos. P. 9.

²⁴² Figarola- Caneda D. José Antonio Saco. Documentos. P.11.

²⁴³ Figarola- Caneda D. José Antonio Saco. Documentos. P.12.

²⁴⁴ Figarola- Caneda D. José Antonio Saco. Documentos. P.13.

ходимости осуществления либеральных реформ колониального управления, сторонником которых он был и оставался всегда. Среди работ этого периода были уже упоминавшийся «Аналитический анализ» (1837), «Параллель между островом Куба и некоторыми английскими колониями» (1837), статья о работоторговле «Мой первый вопрос: Может ли запрещение работоторговли разрушить или затормозить развитие сельское хозяйство Кубы?» (1837), доработанная в 1845 г. и изданная в Париже под другим заголовком), полемика с инспектором Королевского финансового ведомства Висенте Васкесом Кеипо (1846-1847), Политическая ситуация на Кубе и способы ее решения (1851) и ряд других. Особенно следует выделить «Параллель между островом Куба и некоторыми английскими колониями», опубликованная в Мадриде в 1837 г. В этой работе автор, сравнивая политическую ситуацию на острове и в некоторых владениях Англии (в частности, Канады), открыто обличал пороки колониального режима. Он призывал метрополию отменить существовавший деспотический военный режим на Кубе, модернизировать политические институты путем создания Колониального (провинциального) совета, предоставить свободу слова, печати, принять действенные меры по запрещению работоторговли и стимулированию белой колонизации, осуществить реформы в сфере образования, налогообложения, экономики, финансов, принять программу общественных работ (строительство дорог, каналов, мостов) В статье содержится интересный материал о состоянии кубинской науки, литературы, библиотечного дела, культуры, начального и среднего образования²⁴⁵. Испанские власти, опасаясь революционизирующего влияния этой работы на креольское общество, запретили ее распространение на острове

Политические, экономические и социальные реформы – таково было политическое кредо Сако и его немногочисленных соратников. Важное место в своей политической программе Сако отводил идее создания Провинциального совета (Колониальной ассамблеи). Он постоянно возвращался к этой теме в своих последующих работах, написанных им с 1835 по 1868 гг. Он не оставил детального описания политической системы, которую он предлагал создать на Кубе, хотя неоднократно упоминал в качестве примера политическую систему Канады.

²⁴⁵ Saco J.A. Papeles. Т. III. P. 160-187.

В заокеанских провинциях Испании, отмечал он в работе «Аналитический анализ», должны быть приняты местные конституции, разработанные своими избранниками, созданы путем народного голосования и периодически избираемые национальные ассамблеи. Они должны обсуждать законы, которые касались интересов самих провинций, среди них, в частности, принимать местный бюджет, устанавливать налоги, заниматься вопросами строительства дорог, мостов, средств канализации и других сооружений, решать вопросы народного образования, белой колонизации, и другие вопросы, связанные с экономическим процветанием этих провинций²⁴⁶.

Провинциальный совет должен стать координирующим органом, который смог бы укрепить, связь между дочерью – Кубой и матерью. Он обвиняет Испанию в недальновидной и губительной для неё самой политике, считая, что имен но она стала причиной возникновения аннексионистского движения среди кубинцев, отчаявшихся добиться либерализации режима мирным путем: «Или Испания предоставит Кубе требуемые ею реформы, или Куба будет потеряна для Испании»²⁴⁷. «Сто тысяч штыков, которые правительство направляет на Кубу для упрочения своего могущества, не будут иметь такой силы, как предоставление ей требуемых политических свобод», – писал он в работе «Политическая ситуация на Кубе и способы её решения» в 1851 г.²⁴⁸.

Он критически отнесся к созданию в 1851 г. в Испании Специального совета по делам колоний, назвав его ненужным и бесполезным. Куба, настаивал он, требует создания Провинциального совета, органа, избираемого влиятельными и имущественными слоями населения острова, в его состав должны войти жители Кубы, а не члены испанского правительства. Этот совет должен собираться не в Мадриде, а в столице колонии и обсуждать наиболее наболевшие проблемы этой страны²⁴⁹. Сако был убежден, что либерализация колониального режима – самый важный политический вопрос, без которого невозможно решить ни социальные, ни экономические, ни административные реформы. В годы третьего этапа борьбы за реформы, раз-

²⁴⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P.123,124,161-162, 327,359,484,485,523,524.

²⁴⁷ Saco J.A. Papeles. P. 549.

²⁴⁸ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 485,493,497.

²⁴⁹ Saco J.A. Papeles. T.III. P.498.

вернувшегося на Кубе 60-е гг. XIX в., метрополия была вынуждена пойти на некоторое смягчение колониального режима и созвать Информационную хунту, призванную рассмотреть основы тех «специальных законов», которые были изданы в 1837 г. Сако, вновь избранный депутатом от Сантьяго де Куба, настаивает на необходимости решения прежде всего политических реформ²⁵⁰.

Однако в лагере кубинских либералов, избранных от Кубы в Информационную хунту, не было единства не только в отношении к вопросу об отмене рабства, но также и по вопросу о политических реформах. Разногласия между К. Берналем и Сако, предложивших более кардинальные перемены существующего колониального режима, и большинством кубинских депутатов, вынудили последнего 29 марта 1867 г. направить испанскому правительству своё «Частное мнение». В нем он отметил, что в ходе работы Информационной хунты было представлено пять вариантов (альтернатив) политических реформ: 1) сохранение существующего статус-кво; 2) создание Консультативного совета при правительстве, в состав которого должны войти путем избрания представители заокеанских провинций; 3) ассимиляция, то есть представительство депутатов от провинций в испанских кортесах; 4) создание законодательного (двухпалатного) органа власти в провинциях без представительства в испанских кортесах; 5) та же самая законодательная двухпалатная система с представительством в испанских кортесах²⁵¹.

Сако склонялся к созданию двухпалатного законодательного органа, наделенного достаточными властными полномочиями, но без представительства в испанских кортесах. Он считал, что представительство Кубы в испанском парламенте – политически неэффективная мера для решения кардинальных проблем острова. Свое негативное отношение к этому вопросу он мотивировал тем, что голоса незначительного числа депутатов от Кубы вряд ли будут играть сколько-нибудь существенную роль

²⁵⁰ Подробнее о деятельности Информационной хунты см.: Ивкина Л.А. Десятилетняя война за независимость на Кубе (1868-1878). М.: Наука, 2007. Р.121-131; Ивкина Л.А. Испания – Куба: от Айякучо до «катастрофы 98 г.»: В поисках диалога или упущенные возможности // Латиноамериканский исторический альманах, М.: ИВИ РАН, 2010. №10. Р. 146-152.

²⁵¹ Ortiz F. José Antonio Saco. P.179; Saco J.A. Obras. T. IV. P. 275-340; Ивкина Л.А. Десятилетняя война за независимость. С. 121-132.

в общем консервативном тоне обсуждений, и требования заокеанских провинций вряд ли будут рассматриваться с должным пониманием и с учётом специфических особенностей развития Кубы. Кроме того, отмечал он, многие депутаты, к сожалению, предадут интересы своей родины, что ими могут стать только наиболее зажиточные слои населения; что присутствие кубинских депутатов в испанских кортесах в 1812-1814 гг. и 1820-1823 гг. не принесло острову никаких положительных результатов²⁵². Настаивая на необходимости создания провинциальных законодательных органов власти, которые могли бы заниматься внутренними островными проблемами, он отмечал, что не следует слепо копировать институты, созданные в английских и французских колониальных владениях, а лишь создать такие по духу либеральные органы власти, которые бы соответствовали конкретным условиям развития Кубы и духу времени²⁵³. Он также обращал особое внимание на то, что бюджет заокеанских провинций должен стать прерогативой законодательных органов самих заокеанских провинций. «До тех пор, пока Куба сама не будет принимать свой бюджет, – справедливо отмечал он, – она никогда не станет свободной»²⁵⁴.

Он прекрасно понимал, что Испания вряд ли пойдет на столь серьезные уступки: «Что касается результатов работы Информационной хунты, мне кажется, что мы вряд ли сможем добиться чего-либо стоящего», – писал он своему другу. – Самое большее, что нам могут предоставить – это представительство в испанском парламенте, но этого уже недостаточно для того, чтобы решить наши проблемы»²⁵⁵. И в итоге оправдались самые худшие его опасения. Ни одно из выдвинутых кубинскими либералами требований не было даже принято к сведению. Воспользовавшись колеблющимися позициями кубинских депутатов в вопросе о рабстве, метрополия, по-существу, превратила работу Информационной хунты в политический фарс.

До конца своей жизни Сако остался верен своим принципам. В письме от 22 декабря 1868 г. своему другу Мигелю де Альмагро он писал, что начиная с 1835 г. постоянно высказывал свое

²⁵² José Antonio Saco. Obras. T. IV. P. 275-340; Pérez L.M. Estudio sobre las ideas políticas de José Antonio Saco. La Habana: Imp. Avisadora Comercial, 1908. P. 62-63.

²⁵³ Saco J.A. Papeles. T. III, P. 327,328,502-503.

²⁵⁴ Ortiz F. José Antonio Saco. P. 180.

²⁵⁵ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 340.

негативное отношение по поводу представительства Кубы в испанских кортесах: «Мое убеждение настолько сильно, что даже если вся Куба от Маиси до мыса Сан Антонио потребует направить своих депутатов в испанский парламент, я буду единственным, кто будет против такого решения... Кубинский законодательный орган без всякого представительства в кортесах наделенный широкими прерогативами, который может гарантировать взаимные интересы матери-родины и ее дочери; это единственный путь, который сможет обеспечить покой и счастье нашей родины, и в то же время единственный путь, который позволит еще более укрепить и продлить дружественный союз между Кубой и Испанией»²⁵⁶.

Х.А. Сако и его взгляды на работорговлю и институт рабства.

Особое место в его программе реформ занимает вопрос о запрещении работорговли. Впервые изложив в 1832 г. свою точку зрения о необходимости её запрещения, Сако постоянно возвращался к этой теме и в 1837 г. и в 1845 г. и в последующие годы. Уже находясь в изгнании в апреле 1835 г. он писал своему другу Х. де ла Лус-и-Кабальеро: «Работорговля – это единственная проблема, которую я не оставлю без внимания. От решения этого вопроса зависит наше будущее и процветание Кубы». Он надеялся, что публикация этой статьи произведёт громкий эффект и когда в силу вступит новый договор о признании работорговли незаконной, «тогда мы (кубинцы – Л.И). говорил он, сможем сказать, что «у нас есть Родина»²⁵⁷.

На 20-40-е годы XIX в. приходится наибольший расцвет плантационного хозяйства на Кубе, приобретший экстенсивный характер развития – за счет расширения плантаций сахарного тростника и неограниченного ввоза невольников. Куба превращается в основной центр производства тростникового сахара на мировой рынок. За период с 1821 по 1825 гг. производство сахара составляло ежегодно 57 тыс. тонн, а в последующие годы, с 1846 по 1850 – уже 279 тыс. тонн²⁵⁸. В 1827 г численность невольников составляла около 287 тыс. или 41 % всего населения,

²⁵⁶ José Antonio Saco J.A. Obras. Vol. V. P. 276.

²⁵⁷ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 173.

²⁵⁸ Pezuela J. de la. Diccionario. T. 1. P. 62.

а в 1841 г. – 436 тыс. или более 43 % от общего числа населения острова²⁵⁹. Вместе с сформировавшимся свободным небелым населением острова число представителей этой расы уже превысило численность белого населения.

Вместе с тем период экстенсивного развития плантационного рабства совпал по времени с активной аболиционистской деятельностью, развернувшейся в мире. Следует упомянуть, что борьба с работорговлей и рабством в сколько-нибудь реальной форме восходит только к концу XVIII в. Конкретный толчок был дан американскими квакерами, освободившими рабов в 1761 г. В 1787 г. образовалось Аболиционистское общество в Лондоне, в 1788 г. - парижское общество друзей Черных, членами которого являлись Мирабо, Бриссо, Кондорсе, Лафайет. Формально борьба за запрещение работорговли разворачивается в первой трети XIX в., когда победа промышленного капитализма в ведущих странах мира становится необратимой. Он нанес первый удар по работорговле и рабству. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала Англии, которая на заре капиталистической эры являлась наиболее активной участницей международной работорговли. Теперь же, превратившись в наиболее развитую и экономически мощную колониальную державу, она удачно воспользовалась тем, что борьба с самыми грубейшими современными формами рабства совпала с ее экономическими интересами, и в течение двух столетий выступала в роли защитника гуманности и человечности. Лозунг борьбы с рабством во имя цивилизации и гуманности легко воспринимался и буржуазным общественным мнением. Благодаря Англии борьба против рабства приняла международно-правовой характер, хотя на Венском конгрессе (1815), вызвав широкие дискуссии, эта проблема ещё не получила реального воплощения.

В 1817 г. Испания под давлением Англии вынуждена была подписать первый двухсторонний договор о запрещении работорговли. За ним последовали еще несколько договоров (1820, 1835, 1845). Однако все они по существу так и остались лишь декларациями. Экономические интересы Испании в этот период были прочно связаны с работорговлей и рабством.

Именно в этот момент Сако выступил за неукоснительное соблюдение договоров, подписанных между Испанией и Англией. Однако его позиция в этом вопросе была вызвана не

²⁵⁹ Pezuela J. de la. Diccionario. T. 4. P.254; Saco J.A. Papeles. T. III. P. 207.

столько альтруистическими или моральными соображениями, сколько угрожающими темпами роста несвободного населения на Кубе, что, по его мнению, могло бы привести к непредсказуемым последствиям и восстанию «чернокожего населения», подобно произошедшему 1791 г. в Сан-Доминго (Гаити). Стихийный рост негритянского населения на Кубе Сако считал очень опасным для существования и процветания самого острова, и особенно для белого населения, защитником интересов которого он являлся. Негритянские восстания 1842-1844 гг. на Кубе, носившие массовый характер, убедили его и многих его последователей в необходимости немедленно прекратить ввоз новых партий рабов на Кубу. «Если торговля неграми будет продолжаться, – заявлял он, – на Кубе не будет ни мира, ни безопасности. Восстания рабов происходили всегда, но они, как правило, были разрозненными, локальными, охватывали лишь отдельные плантации, носили стихийный характер, без какого-либо политического плана или программы действий, спровоцированные жестокостью собственника или надсмотрщика. Восстания же 40-х гг. XIX века, 1842-1844 гг., – отмечал далее он, – носили уже совершенно другой характер, а последнее же (1844 г.) одно из самых ужасных, которое когда-либо было на Кубе, отличалось как по характеру, и целям, так и по степени участия в нем рабов и свободного небелого населения. И лишь только счастливая случайность спасла Кубу от тяжелейших последствий»²⁶⁰. Все эти события могут повториться, увещевал он кубинских плантаторов, если не прекратить незаконный ввоз новых партий рабов на остров.

Сам институт рабства воспринимался Сако крайне негативно. Он называл его гангреной общества, пагубным институтом. Касаясь проблемы рабства в целом он выделял два этапа: запрещение собственно работорговли и отмена института рабства в принципе. При этом первый этап должен предшествовать второму²⁶¹. Он полагал, что сначала необходимо немедленно пресечь работорговлю, а затем постепенно, без серьезных последствий для экономики острова, ликвидировать саму систему, считая, что вторая часть этой проблемы – полная отмена рабства – может решаться независимо от первой, и что их нельзя смешивать. В качестве примера решения этого вопроса он

²⁶⁰ Saco J.A. Papeles. Т. II. P. 140.

²⁶¹ Saco J.A. Papeles. Т. III. P. 347.

ссылался на Англию, отметив, что вопрос о запрещении работорговли начал дебатироваться в английском парламенте ещё в 1788 г. и лишь много лет спустя на повестку дня встал второй вопрос – полная отмена рабства в английских колониях²⁶².

Выступая сторонником немедленного запрещения нелегальной (с 1817 г.) работорговли, он пытался убедить кубинских плантаторов в том, что прекращение ввоза негритянского населения не вызовет падение производства сахарного тростника. Общественный прогресс, отмечал он, настоятельно требовал перехода экономики острова к новым современным формам организации производства и, прежде всего отказа от устаревших форм производственных отношений – рабства. Он предлагал преобразовать структуру сельского хозяйства в соответствии с современными методами, разделив фабричную и сельскохозяйственную стадии производства, широко использовать достижения агротехники и культуры обработки земли. Он убедительно развенчал опасения кубинских плантаторов, утверждавших, что климат Кубы невыносим для белых, а отсутствие достаточного количества наемных работников на Кубе приведут к падению производства. Неограниченный ввоз «человеческого мяса», этих «несчастных жертв», отмечал он, продолжение преступной работорговли серьезно усугубляли социальную обстановку на Кубе. Безопасность Кубы и ее благополучие, убеждал он, требуют немедленного запрещения работорговли²⁶³.

Политическим взглядам Х.А. Сако, развернувшего в 30-40-е годы яростную борьбу против продолжения контрабандной работорговли, была присуща такая черта, как негрофобия, то есть, боязнь негритянской расы, неприятие чернокожего населения как равноправного составного элемента кубинского колониального общества. В своих статьях, касавшихся работорговли, он никогда прямо не ставил вопрос об отмене рабства, во всяком случае, его немедленной отмены. «Я не поддерживаю и не проповедую поспешные меры в этом вопросе, как это сделали англичане и французы; в нашей ситуации это не только невозможно, но и несправедливо, аполитично разрушительно». В качестве приемлемого варианта для Кубы он приводил проект отмены рабства в Колумбии в 1821г., который, по его мнению,

²⁶² José Antonio Saco. Obras. Vol. II. P. 79.

²⁶³ Saco J.A. Papeles, T. II. P. 86,247.

смог без насилия и потрясений, удовлетворить материальные интересы крупных собственников²⁶⁴. Вся его изобличающая энергия сводилась к тому, чтобы заставить Испанию прислушаться к голосу разума и неукоснительно выполнять условия подписанных между ней и Англией договоров о запрещении работорговли. Он призывал Испанию отказаться от работорговли, которая «грязным пятном» ложится на репутации страны, и толкает «нашу Антилью» к трагической ситуации²⁶⁵. Он считал, что «если жители острова хотят сохранить своих рабов, они должны навсегда отказаться от продолжения работорговли черными невольниками. Закрыв навсегда дорогу новым поступлениям негров, откроем её для белых; и таким образом увеличим число своих друзей и сократим соответственно число своих врагов. Будем строго соблюдать договоры с Англией, потому что нас к этому побуждает не только наша честь, но прежде всего стремление сохранить и обеспечить своё будущее»²⁶⁶. К врагам кубинского общества он причислял негритянское население, которое считал чуждым и враждебным для кубинской национальности элементом²⁶⁷. Не раз в своих работах он подчеркивал: «Я не отрицаю, это верно, очень верно, что я являюсь сторонником медленного и постепенного (но ни в коем случае не насильственного или революционного), сокращения, и, по возможности, полного вытеснения негритянской расы; и желаю этого потому, что в сложившейся на американском континенте политической ситуации она может стать тем могучим инструментом, который приведет к уничтожению нашего острова»²⁶⁸.

Он не признавал равных прав для негров и белых, не включал негритянское население в понятие кубинской национальности, которая, по его мнению, уже существовала на Кубе, считая его чуждым элементом. В одном из своих писем от 6 октября 1846 г. к Х. Л. Альфонсо он писал, что «существующая деспотическая машина управления на Кубе не изменится до тех пор, пока там не возникнет достойного, широкого слоя белого населения, которое сможет требовать от метрополии реформ, и последняя не сможет им отказать, понимая, что это может приве-

²⁶⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 351.

²⁶⁵ José Antonio Saco. Obras. Vol. II. P. 80.

²⁶⁶ Saco J. A. Papeles. T. II. P. 154.

²⁶⁷ Saco J. A. Papeles. T. III. P. 445.

²⁶⁸ Saco J. A. Papeles. T. III. P. 275,369.

сти к очень печальным для неё последствиям»²⁶⁹. «Нам не остается ничего другого, - писал он в другом письме в 1835 г., – как отбеливаться, отбеливаться (*увеличивать белое население острова – Л.И.*); и только тогда мы заставим себя уважать»²⁷⁰.

В качестве одного из способов искоренения черного населения он предлагал высылать по мере освобождения эти слои населения с острова (подыскивать для них другую родину), и тем самым «отбеливать» кубинское общество²⁷¹.

Он пытался убедить Испанию, что рано или поздно настанет день, когда система рабства претерпит серьезные изменения; и если постепенно не подготавливать почву для этого, то эта проблема может разрешиться внезапно, одним ударом, и Куба в таком случае будет потеряна по тем же причинам, по которым сейчас ее пытаются сохранить. В конечном итоге, предупреждает он, если Куба будет потеряна из-за восстания рабов или революции, развязанной аннексионистами, испанское правительство станет главным виновником всех тех печальных последствий, которые могут произойти²⁷².

Для Сако прекращение работорговли и осуществление политики белой колонизации – главные пути решения кубинской проблемы. Он предлагал создать режим наибольшего благоприятствования для тех слоев свободного населения из Европы и Америки, которые выразили бы желание обосноваться на острове. Белая колонизация должна быть очень массовой и широкой. Он хотел, чтобы на Кубу приезжали не только крестьяне со своими семьями, но также ремесленники, торговцы, литераторы, ученые. Одним словом, он хотел, чтобы на Кубу «приезжали все представители белой расы из любых районов мира, которые умеют достойно работать»²⁷³.

Именно от белой колонизации, утверждал он, зависит прогресс сельского хозяйства и процветание Кубы во всех сферах жизнедеятельности. «Колонизация острова необходима для того, чтобы обеспечить моральное и численное превосходство белого населения над чрезмерно растущим цветным населением; она крайне необходима для того, чтобы противопоставить в восточном департаменте миллиону 200 тысячам рабов с Гаити и

²⁶⁹ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 77.

²⁷⁰ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 274.

²⁷¹ Saco J. A. Papeles. T. III. P. 351.

²⁷² Saco J.A. Papeles. T. III. P. 351-353.

²⁷³ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 219.

Ямайки, которые с берегов этих двух островов с вожделием смотрят на незаселенные районы территории Кубы; крайне необходима для того, чтобы нейтрализовать до определенной степени ужасное влияние трех миллионов негров, которые нас окружают, и тех миллионов, которые ещё появятся, и которые могут в ближайшем будущем поглотить нас, если мы не будем принимать какие-нибудь меры; крайне необходима для того, чтобы избежать опасной ситуации, которой могут воспользоваться наши недруги, чтобы столкнуть Кубу на край пропасти, покрыв ее трауром и залив её землю кровью»²⁷⁴.

Как это ни парадоксально, но лишь за активные позиции Сако в отношении запрещения работорговли, испанские консервативные деятели обвиняли его в аболиционизме, в стремлении искоренить всю систему рабства. «Обвинение в негрофилизме – намного страшнее (то есть защитником рабов – Л.И.), чем обвинение в индипендентизме», - писал Х.А.Сако Д. дель Монте в 1843 г. - Если сторонник последнего по крайней мере, может рассчитывать на симпатии какой-то части людей, то сторонник первого навлечет на себя гнев всего белого населения»²⁷⁵. Ему потом долго пришлось оправдываться перед своими друзьями: « Не считайте меня аболиционистом, потому что я никогда им не был; я только лишь посланник времени, мирный посланник XIX века, единственного аболициониста среди нас»²⁷⁶.

И это было действительно так. Вместе с тем надо признать, что, учитывая историческую ситуацию, которая сложилась на Кубе, когда погоня за прибылью затмила все аргументы и доводы, его агитация против работорговли носила прогрессивный характер. Понятна и реакция испанских властей и работорговцев всех мастей, считавших его проповедником аболиционизма и чуть ли не сепаратистом. Решительно осуждая продолжение контрабандной работорговли, Сако никогда прямо (вплоть до 60-х гг. XIX в.) не ставил вопроса об отмене рабства, тем более немедленной. В письме от 30 мая 1842 г. к своему другу Х. Л. Альфонсо он писал: «Меня всегда обвиняли в покровительстве неграм; а поскольку меня не могут сейчас обвинить преступником за то, что я требую запрещение работорговли, то мои враги переместили свою критику в другую область, куда я никогда не

²⁷⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 216-217.

²⁷⁵ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 132.

²⁷⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 350.

входил, сделав на этот раз меня сторонником немедленной отмены рабства. И не просто сторонником, по филантропическим соображениям или каким-либо другим достойным причинам, а действующим по указке Аболиционистского общества Англии. Это, как ты видишь, одно из самых тяжелых обвинений, которое может ранить благопристойного человека»²⁷⁷.

Во всяком случае, придя к пониманию неизбежности отмены рабства в 40-е годы, - он выступал только за его постепенное искоренение, с течением времени, предлагая в этом вопросе следовать умеренной политике. В ноябре 1868 г., когда уже началась Десятилетняя война за независимость 1868-1878 гг., он опубликовал статью «Рабство на Кубе и революции в Испании», в которой критиковал сторонников немедленной отмены рабства, отрекаясь от приписываемого ему титула аболициониста. Искоренить на Кубе этот институт, но не сразу, одним взмахом руки, а постепенно и прогрессивно – эту мысль он проводил в некоторых своих ранних работах. Он подчеркивал, какими опасностями чревата немедленная отмена рабства, которая может привести к непредсказуемым последствиям и вызвать экономический коллапс. Он разработал свой проект постепенной отмены рабства на Кубе, не детализируя его, не определяя конкретные сроки эмансипации рабов, только упомянув о необходимости компенсации бывшим владельцам²⁷⁸.

В 30-40-е гг. Сако часто переезжал из одной европейской страны в другую: Англия, Португалия, Австрия, Италия, Германия, Швейцария, Испания, Франция. В Париже он осядет надолго. Во Франции (Сорбонна) он изучал химию, в Испании (Севилья) и Париже работал в архивах, собирая документы по истории работорговли и рабства. В конце 1840 г. в частной переписке с друзьями он впервые упоминает о своем намерении написать свой главный исторический труд по истории рабства.

Поражение Кубы в ее стремлении добиться от метрополии либеральных свобод отразилось на его духовном и моральном состоянии. Это очень наглядно прослеживается в его эпистолярном наследии. Все эти годы он надеялся на скорое возвращение на родину. В конце 1838 г. он пишет своему другу Пепе

²⁷⁷ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 132.

²⁷⁸ Saco J.A. Historia de la esclavitud de la raza africana en el Nuevo Mundo y en especial en los países américo-hispanos. T. I-IV. La Habana: Ed. "Cultural", 1938-1940. T. 1. P. XXIII.

(Х.Луису Альфонсо): «Ты знаешь, как я меч тал об этом, но каждый раз я вновь и вновь убеждаюсь, что у меня нет родины. Остается лишь надежда, хотя и маловероятная, и ожидание какого-то чуда»²⁷⁹. В 1839 г, находясь в Монпелье (Франция) он пишет: «Скоро наступит 1840-й год, уже давно пришло время обрести если не свою родину, то, по крайней мере, свой домашний очаг. Мое здоровье пошатнулось, влажный зимний климат меня убивает, и тяжкий крест заграничного бро дьяжничества становится для меня все более невыносим»²⁸⁰. «Мое возвращение на Кубу, если это случится, окажется каким-то чудом, Что тогда со мной будет? Я всегда ждал этого момента, хотя может быть, этого никогда не случится; а если и случится, может, будет уже слишком поздно. И пока я ожидаю этого чуда, что мне делать, куда идти, как жить?»²⁸¹. И эти строки писал очень мужественный, сильный и волевой человек.

В 1842 г. испанские власти разрешили посетить родину, правда, с многочисленными оговорками (он не мог находиться в Гаване, а имел право жить только в Матансасе). Он отказался. Его гордость была задета. Огромной радостью для него стал приезд в Париж его верного друга и соратника Хосе да ла Лусаи-Кабальеро, вместе с которым они провели несколько счастливых месяцев в 1843-1844 гг. В 1846 г. ему исполнилось 49 лет. Это был уже не тот взрывчатый, темпераментный, ироничный и саркастичный Сако, Его кубинские друзья, встретившие его в Париже, увидели очень сдержанного, умудренного житейским опытом, спокойного и хладнокровного человека.

В 1846 г. его друзья уговорили его написать ответ на опубликованный в 1845 г. доклад инспектора Королевского финансового ведомства Висенте Васкеса Кеипо о привлечении белой иммиграции и прогрессивной отмене рабства на Кубе». Сако согласился, в результате чего возникла дискуссия, продемонстрировавшая не только его глубину его знаний в этой области, но и его блестящий полемический талант. Это была первая его работа, написанная после почти 8-летнего молчания. Однако он еще не знал, что впереди его ждут новые битвы и новые словесные сражения баталии, на этот раз со своими соотечественниками. (Продолжение следует)

²⁷⁹ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 35.

²⁸⁰ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 40.

²⁸¹ Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos. P. 38.

Библиография

Ивкина Л.А. Десятилетняя война за независимость на Кубе (1868-1878). М.: Наука, 2007.

Ивкина Л.А. Несостоявшийся диалог. Куба и Испания в 30-90- гг. XIX в.// Латиноамериканский исторический альманах. М., 2010. №10. С. 138-173.

Ларин Е.А. Куба конца XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1989.

Agüero y Sánchez P. de. Biografías de cubanos distinguidos. Don José Antonio Saco. Londres, 1858.

Calcagno F. Diccionario Biográfico Cubano. Nueva York. 1878.

Córdoba F. José Antonio Saco fue un Carácter. La Habana: Tip. Molina y Cía, 1931.

Correspondencia reservada del Capitán General Don Miguel Tacón. 1834-1836. La Habana, 1963.

De Cádiz (1812) a la Habana (2012). Escritos con motivo de bicentenario de la Constitución de 1812. La Habana, 2011.

Figarola-Caneda A. José Antonio Saco: Documentos para su vida. La Habana, 1921.

Guerra y Sánchez R. Manual de historia de Cuba. La Habana, Ciencias Sociales, 1971.

Moreno Fragnals M. José Antonio Saco. Estudio y bibliografía. La Habana: Univ. Central de las Villas, 1960.

Ortiz F. José Antonio Saco y sus ideas cubanas. La Habana: El Universo, 1929.

Pérez L.M. Estudio sobre las ideas políticas de José Antonio Saco.- La Habana: Avisador Comercial, 1908.

Pezuela y Lobo J. De la. Diccionario geográfico, estadístico, histórico de la isla de Cuba. T. I-IV. Madrid, 1863-1866.

Saco J.A. Papeles sobre Cuba. Collección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba ya publicados, ya inéditos. T. 1-3. La Habana: Editorial Nacional de Cuba, 1960-1963.

Saco J.A. Historia de la esclavitud de la raza africana en el Nuevo Mundo y en especial en los países américo-hispanos. T. I-IV La Habana: Ed."Cultural", 1938-1940.

Saco J.A. Contra la anexión. La Habana: Ciencias Sociales, 1974.

Saco J.A. Obras. T. I-V. La Habana: Imagen Contemporánea, 2001.

О. И. ПОСКОНИНА²⁸²
O. I. POSKONINA

АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕНЕСУЭЛЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ОТ С. КАСТРО ДО ВОЕННОГО ТРИУМВИРАТА)
ARMY IN VENEZUELAN POLITICAL HISTORY IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY (FROM S. CASTRO TO THE MILITARY TRIUMVIRATE)

Аннотация: После завершения Войны за независимость и до конца XIX в. большую роль в политической жизни Венесуэлы играли представители высших военных кругов. Генералы-президенты опирались на армию, но не выступали от ее имени. Вооруженные силы страны лишь служили опорой неограниченной личной власти очередного правителя в военном мундире. С наступлением XX в. положение начинает меняться.

Статья посвящена изучению процессов, происходивших в армии и стране в 1899-1948 гг. Изменения в вооруженных силах начались с их технической модернизации, которая потребовала повышения образовательного уровня офицерского корпуса. Новое поколение военных отличалось не только профессиональной подготовкой, но и корпоративным самосознанием, стремлением к дальнейшим реформам в армии и государстве. Армия стала претендовать на расширение своей роли в политике. В условиях, сложившихся в то время в Венесуэле, это привело к военным переворотам «нового типа».

Ключевые слова: вооруженные силы, военный переворот, модернизация армии, диктаторский режим, демократизация, Венесуэла.

Abstract: High-level military officers played an important role in Venezuelan politics from the War of Independence to the end of the 19th century. Military presidents relied on the army, but did not act on its behalf. The armed forces just supported unlimited personal power of the next ruler in military uniform. In the beginning of the

²⁸² Посконина Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Poskonina Olga I., Lomonosov Moscow State University).

20th century the situation started to change.

This article is devoted to the study of processes taking place in the army and in the whole country between 1899 and 1948. Changes in the armed forces started with technical modernization that required further education for the officers. The new generation of the military differed not only in skills, but also had the corporate identity and the desire for further reforms in the army and the state. The army became eligible to expand its role in politics. Along with the situation in Venezuela at that time, this has led to military coups of the "new type".

Keywords: armed forces, military coup, modernization of the army, dictatorship, democratization, Venezuela.

«История Венесуэлы вплоть до 1958 г. вращалась вокруг армии», – писал венесуэльский историк Х. М. Пинто²⁸³. После Войны за независимость в республиках Латинской Америки произошла «милитаризация власти», когда авторитетные военные лидеры, сначала «генералы революции», а затем их преемники-каудильо выдвинулись на первый план как гаранты существования молодых независимых государств, оплот мира и порядка на их территориях. Нестабильное внутреннее положение бывших испанских колоний, сложная социально-экономическая ситуация в каждой из них превратили пребывание военных во главе правительств в важнейший фактор политической жизни латиноамериканских стран. Конечно, применительно к XIX в. армию нельзя рассматривать как консолидированный корпоративный институт с собственными устремлениями и интересами, она более походила на ополчение, состоявшее из сторонников того или иного «вождя», победившего в борьбе за высший пост в государстве. В Венесуэле присутствие «военного фактора» приобрело наиболее длительный, устойчивый характер и не ограничилось XIX в. Начиная с 1899 г. еще почти 60 лет власть, с небольшим перерывом, также находилась в руках представителей армейских кругов, однако к середине 40-х гг. XX в. существенно изменилось сама армия.

Формирование регулярных вооруженных сил республики

²⁸³ Pinto J. M. Poder político y poder militar en Venezuela. 1958-1988. – Caracas, 1988. – P. 27.

началось с приходом к власти «андских либералов»²⁸⁴, первым среди которых стал генерал Сиприанро Кастро (1899-1908). Незадолго до его появления на политической сцене Венесуэлы, пережившей немало кровавых внутренних конфликтов, в стране вновь обострилась борьба между различными группировками, недовольными политикой непопулярного президента-либерала Игнасио Андраде. Выборы 1898 г., когда на пост президента было выдвинуто 27 кандидатов, продемонстрировали падение престижа Либеральной партии. Лагерь либералов раскололся, оживились проигравшие Федеральную войну (1859-1863) консерваторы. В обстановке непримиримой политической склоки, вылившейся в вооруженное противостояние, Кастро выступил в поход из родного штата Тачира, возглавив движение «Возрождение либерализма». Это походило на восстание очередного провинциального каудильо, «армия» которого состояла в основном из молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет, насчитывала около 60 человек и отличалась весьма пестрым составом. В нее входили андские землевладельцы, мелкие торговцы, недоучившиеся бакалавры, люди свободных профессий²⁸⁵. Однако по мере продвижения отряда «андинос» к Каракасу число сторонников Кастро быстро возрастало. Провозглашенные им лозунги – «новые люди», «новые идеи», «новые методы» встретили широкую поддержку населения страны, которое, не вникая в тонкости политической борьбы, интуитивно чувствовало необходимость перемен. Военная кампания Кастро продолжалась около пяти месяцев и завершилась победой. Он сумел войти в столицу, и, сместив Андраде с поста президента, сформировать правительство. «Андинос» впервые вмешались в борьбу за власть, которая прежде находилась в руках выходцев из прибрежных и центральных районов страны.

Постоянные антиправительственные мятежи, а затем и агрессия со стороны европейских держав поставили в повестку дня две важнейшие задачи: укрепление внутренней стабильности и сохранение независимости и суверенитета республики²⁸⁶.

²⁸⁴ Выходцев из андских штатов, к которым относятся Баринас, Мерида, Тачира и Трухильо.

²⁸⁵ Ермакович Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX-начале XX в. – М., Наука, 1989. – С. 48-49.

²⁸⁶ В декабре 1902 г. английские и немецкие корабли блокировали венесуэльское побережье с целью принудить правительство Кастро выплатить долги, затем к этим действиям присоединилась Италия. Начался обстрел

Решение этих задач было невозможно без хорошо вооруженной и обученной армии. Традиционно именно андские штаты поставляли контингент для военной службы. Подробное объяснение этому явлению дал бывший президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, «андино», родившийся в штате Тачира. Труднодоступные горные районы Анд меньше, чем другие, пострадали в годы Войны за независимость и Федеральной войны. Там, в силу природных условий, не сложилось крупного землевладения в виде латифундий, на горных террасах издавна возделывали кофе, поэтому местное население отличалось относительным материальным благополучием, хотя в целом не было зажиточным. Родители имели возможность дать своим детям начальное образование, но не располагали достаточными средствами для их обучения в университетах. Этим юношам были доступны две дороги: духовная карьера либо военная служба, причем последняя казалась предпочтительней²⁸⁷. Со времен Кастро представители высшего офицерского состава, как правило, являлись земляками президентов-генералов, что облегчало влияние в армейскую среду младших поколений «андинос». Формируя новую армию для обеспечения устойчивости собственной власти, он в то же время ставил перед ней более масштабную задачу: защитить страну от маячившей на горизонте внешней угрозы. Перевооружение войск началось уже в 1900-1901 гг., причем на эти цели тратилась почти половина государственного бюджета. В 1901 г. численность вооруженных сил достигла 18 тыс. человек, была введена единая система набора на службу, всем военным чинам установили соответствующее жалование. Появились первые военные училища и Навигационная школа, был издан декрет об учреждении Военной академии. Вооруженные отряды, находившиеся на службе провинциальных каудильо, объявлялись вне закона²⁸⁸.

Военная реформа Кастро, при всей ее значимости, не могла в полной мере обеспечить оборону страны в период «венесуэльского кризиса» 1902-1903 гг. Не случайно президент вынужден был призвать всех венесуэльцев к борьбе с иностранной агрессией, привлечь к сотрудничеству представителей оп-

прибрежных населенных пунктов, в Пуэрто-Кабельо высадился немецкий десант.

²⁸⁷ Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. – Caracas, 1979. – P. 58-59.

²⁸⁸ Подробнее см.: Ермакович Л. М. Указ. соч. – С. 106-108.

позиции, объявить амнистию участникам антиправительственных выступлений, готовым встать на защиту республики. В ответ на этот призыв страну охватил патриотический подъем, началось создание добровольческих военных отрядов, способных дать отпор интервентам. Кризис был разрешен при посредничестве правительства США, которое признало справедливость требований кредиторов, но не позволило европейским державам установить над Венесуэлой финансовый контроль.

В 1903-1905 гг. Кастро попытался обезопасить страну от возможного иностранного вмешательства в будущем, аннулировав контракты с двумя крупнейшими зарубежными фирмами – североамериканской и французской. Начался пересмотр контрактов с компаниями, развернувшими деятельность в прибрежных зонах р. Ориноко. Смелые действия президента вызвали осложнение отношений с США и едва не привели к новой иностранной интервенции. Консерваторы и часть либералов не поддерживали слишком смелую и опасную политику Кастро. Армия не спасла ни страну, ни его самого от государственного переворота. В 1908 г. североамериканцы поспособствовали свержению строптивного «андино», поддержав другого претендента на президентский пост – генерала Хуана Висенте Гомеса, земляка и сподвижника Кастро, примкнувшего в свое время к движению «Возрождение либерализма». Они вместе прошли путь от родной Тачиры до Каракаса, затем Гомес, правая рука Кастро, занял пост вице-президента Венесуэлы. Давняя дружба не помешала ему, дождавшись удобного случая, свергнуть своего соратника. С этого момента начинается длительный период диктатуры Гомеса, который в первые годы правления был вынужден уступить нажиму иностранных монополий и изыскать средства для погашения долга.

В отличие от Кастро, новому президенту удалось укрепить порядок в стране и сделать свою власть незыблемой, искоренив региональный каудильизм и вооруженные мятежи. Как отмечал известный венесуэльский историк Р. Гальегос Ортис, этому способствовала новая экономическая ситуация. Расширение нефтедобычи обеспечило рост государственных доходов, которые использовались для строительства дорог, закупки современной техники и вооружений²⁸⁹. Так, в 1920 г. Гомес приобрел

²⁸⁹ Gallegos Ortiz R. La historia política de Venezuela de Cipriano Castro a Pérez Jiménez. – Caracas, 1960. – P. 154-156.

первый самолет и с помощью итальянской фирмы «Фиат» организовал авиационную школу, затем было куплено несколько французских самолетов и приглашены инструкторы из Германии. Наряду с созданием наземных коммуникаций приобретались необходимые транспортные средства с целью быстрой переброски войск. Оппозиционеры теперь могли конспирировать чисто теоретически, так как вооруженная борьба с правительством в подобных условиях исключалась.

Одновременно с централизацией страны генерал добился и полной централизации командования армией, которая подчинялась непосредственно Верховному главнокомандующему. На этот пост Гомес был назначен Национальным конгрессом в 1913 г. и сохранял его за собой до самой смерти, тогда как президентские полномочия он время от времени передавал доверенным лицам, чтобы сохранить видимость законности своего правления.

Очередное обновление вооруженных сил сыграло важную роль в укреплении власти Гомеса, но главное – он в большей степени, чем Кастро, позаботился о создании «своей» армии, на что потратил более десяти лет. Генералитет и офицерский состав формировались по региональному принципу, на основе «общего происхождения», причем Гомес стремился выдвигать на ключевые посты своих родственников. В то же время он управлял Венесуэлой не от имени армии или ее командного состава, а исключительно «во имя национального возрождения». Генералы и полковники гомесовских войск никогда не принимали участия в обсуждении ситуации в стране и тем более в принятии правительственных решений²⁹⁰. Судьба офицера зависела от степени доверия к нему, назначения и продвижение по службе не регулировались какими-либо нормами. Существовала практика использования высшими офицерами армейских подразделений для охраны личного имущества, уборки урожая, ухода за скотом в собственных поместьях.

Между тем вопрос о предназначении вооруженных сил вызвал дискуссию в окружении Гомеса. «Старые военные кадры», служившие ему еще в 1908 г., в период захвата власти (многие из них были братьями, племянниками, кумовьями и прочими родственниками диктатора), рассматривали армию как силу,

²⁹⁰ Venezuela moderna: medio siglo de historia. 1926-1976. – Caracas, 1979. – P. 71.

полностью находящуюся в их распоряжении, и как источник бесплатных рабочих рук. «Новые друзья» диктатора, такие известные политические деятели, как Х. Хиль Фортул, С. Сумета, П. М. Аркайя, Л Вальенилья Ланс, считали, что вооруженные силы должны быть профессиональным институтом и выполнять только те функции, которые свойственны военной организации²⁹¹. Однако армия все более превращалась в репрессивный орган государства, выполняя полицейские операции. Внутри офицерского корпуса зрело недовольство, в полной мере проявившееся при преемниках Гомеса.

Социально-экономические процессы в период гомесовской диктатуры отличались определенным динамизмом в связи с наступлением в начале 20-х гг. «нефтяной эры». В 1920 г. нефть составляла лишь 2 % венесуэльского экспорта, а кофе и какао – 59%; в 1935 г. доля нефти в экспорте достигла 91, 2%, доля же кофе и какао сократилась до 5,3%²⁹². Урегулировав отношения с иностранными компаниями, Гомес проводил активную политику по привлечению в страну новых концессионеров. Благодаря доходам от экспорта нефти страна практически не пострадала от «великой депрессии» 1929-1933 гг. Более того, у Гомеса была возможность не только модернизировать армию и развивать инфраструктуру, но и финансировать производственную сферу через созданные при нем Банк развития сельского хозяйства и Рабочий банк²⁹³. Не случайно правление Гомеса называют «нефтяной диктатурой»²⁹⁴. В то же время взаимоотношения режима с иностранными нефтяными монополиями ущемляли национальные интересы страны, так как никаких ограничений правового характера для иностранцев не существовало, пошлины на экспорт нефти были низкими, в результате некоторые иностранные предприятия получали ежегодно до 100% прибыли²⁹⁵. Сам Гомес стал первым в стране нефтяным олигархом, владельцем «Венесуэльской нефтяной компании», одно-

²⁹¹ См.: Pizani Pardi A. De Cipriano Castro a Pérez Jiménez: principio y fin de la hegemonía andina. – Caracas, 1987. – P. 34-35.

²⁹² Ларрасабаль Р., Перес Л. Нефть и будущее Венесуэлы. М., Мысль, 1980. С. 17.

²⁹³ Dávila L. R. El Estado y las instituciones en Venezuela. 1936-1945. Caracas, 1988. P. 27.

²⁹⁴ Mudarra M. A. Historia general de Venezuela. Desde la época precolombiana hasta nuestros días. – Caracas, 1983. – P. 265.

²⁹⁵ Política y economía en Venezuela. 1810-1976. – Caracas, 1976. – P. 260.

временно остававшимся крупнейшим латифундистом. Значительную часть национальных богатств прибрали к рукам его многочисленные родственники и фавориты. Они становились акционерами нефтяных компаний, что укрепляло их союз с иностранным капиталом.

В политическом отношении Венесуэла пребывала в состоянии застоя. Обосновавшись у власти и укрепив «свою» армию, Гомес превратил страну в собственную вотчину. Он был хитрым и осторожным политиком, сохранившим «образ мыслей и привычки крестьянина», то есть той среды, из которой вышел²⁹⁶. Политический каудильизм, традиционный для Венесуэлы, полностью воплотился в фигуре Гомеса, в его методах управления, основанных на насилии и поддержании ореола «сильного человека», «отца нации», «демократического цезаря», который может все. К 1913 г. перестали выходить многие газеты, слово «партия» исчезло из политического лексикона. Страна вступила в период страха и молчания. Старая оппозиция была уничтожена, новая консолидировалась в эмиграции лишь к 1928 г. «Никто не осмеливался с трибуны или в прессе затрагивать темы, волнующие нацию, тем более вступать в политические дискуссии», – писал венесуэльский историк Р. Веласкес²⁹⁷. Гомес почти не совершал поездок в провинцию, за исключением собственных поместий в районе Маракая, но его настолько боялись, что многие простые люди не поверили сообщениям о смерти диктатора и продолжали трепетать от ужаса.

Малообразованное в большинстве своем общество не было готово к новой жизни. К концу правления Гомеса 70% детей и подростков не владело грамотой, и лишь 11% венесуэльцев в возрасте от 7 до 24 лет посещало учебные заведения²⁹⁸. Согласно переписи 1936 г., население страны составляло примерно 3,5 млн. человек, из которых только 22% проживало в городах, а в Каракасе насчитывалось около 250 тыс. жителей²⁹⁹. Несмотря на наступление «нефтяной эры» и начавшийся в связи с этим процесс урбанизации, Венесуэла представляла собой отсталую

²⁹⁶ Escovar Salom R. *Evolución política de Venezuela*. – Caracas, 1972. – P. 110.

²⁹⁷ Velásquez R. J. *La caída del Liberalismo Amarillo*. – Caracas, 1977. – P. XIX.

²⁹⁸ *Política y economía en Venezuela*. P. 263.

²⁹⁹ Segnini Y. *Los caballeros del postgomecismo*. – Caracas, 1990. – P. 55.

аграрную периферию Латинской Америки. Тем не менее смерть диктатора, последовавшая в декабре 1935 г., всколыхнула страну, открыла перед ней иные политические горизонты. Гомесизм как система авторитарной репрессивной власти, социально-экономическую основу которой составляли латифундии и нефтяные монополии, изжил себя, превратившись в преграду для дальнейшего развития Венесуэлы.

Преемниками Гомеса стали президенты-генералы Э. Лопес Контрерас (1935-1941) и И. Медина Ангарита (1941-1945). В первом послании Национальному конгрессу Лопес Контрерас заявил о начале преобразований, направленных на создание общества «свободы и справедливости», причем сразу же дал понять, какое значение он придает армии и насколько рассчитывает на ее поддержку. Так, президент подчеркнул, что престиж государства как внутри страны, так и за ее пределами в немалой степени зависит от вооруженных сил. Их задачей, помимо защиты территории республики, должна стать «защита государственных институтов и поддержание порядка и мира», причем необходимо установить «власть закона, являющегося высшей гарантией наших прав»³⁰⁰.

Лопес Контрерас и Медина Ангарита ликвидировали многие злоупотребления, царившие в гомесовской армии. При Лопесе армейские подразделения были освобождены от несвойственных им функций, например, от сельскохозяйственных работ, армия перестала выполнять полицейские операции, то есть не использовалась для разгона демонстраций и проведения репрессий. Однако в плане ее институционализации существенных изменений не произошло. Наметившиеся сдвиги имели в основном технико-профессиональный характер. Лопесом Контрерасом в войсках были созданы ремонтная, транспортная, ветеринарная службы, открылась школа для младших офицеров, была реорганизована Военная академия, появились кассы взаимопомощи для военнослужащих. Медина Ангарита принял ряд мер по улучшению пенсионного обеспечения бывших военнослужащих, при нем также открывались новые военные школы, был создан специальный инженерный батальон. Все эти нововведения не затрагивали коренных проблем венесуэльской армии, доставшихся в наследство от Гомеса. Важные законопро-

³⁰⁰ Venezuela. Presidencia. Mensajes presidenciales. V. 4. – Caracas, 1971. – P. 282-284.

екты, принятые Национальным конгрессом, зачастую торпедировались военной верхушкой. Так произошло, например, с Законом об армии и флоте, принятом в 1939 г., который устанавливал предельные сроки службы в одном и том же звании и упорядочивал продвижение по служебной лестнице.

Ключевые посты в вооруженных силах по-прежнему занимали представители старого генералитета, пережившие кризис 1935 г., связанный со смертью Гомеса. Лопес Контрерас сохранил значительную часть прежних кадров под предлогом отсутствия «новых людей», хотя некоторым гомесовским генералам пришлось покинуть страну³⁰¹. Пока высокопоставленные военные продолжали активно обогащаться, жалование офицеров оставалось низким. Основной костяк офицерского корпуса составляли выходцы их средних и «низших средних» слоев, для которых военная служба являлась средством достижения более высокого социального статуса. Все они испытывали глубокое разочарование, так как сложившееся положение дел закрывало для них возможности карьерного роста и улучшения материального положения. В то же время уровень подготовки молодых офицеров стал намного выше, поскольку Лопес Контрерас поощрял обучение выпускников венесуэльских военных школ за рубежом, особенно в перуанской академии «Эль Чоррильос». Первые группы слушателей академии вернулись в Венесуэлу в начале 40-х гг., при Медине Ангарите. Они уже не были послушными исполнителями чужой воли, многие из них, как заметил известный политический деятель Венесуэлы А. Услар Пиетри, находились под влиянием популярных в Перу идей Х. Д. Перона³⁰². Постепенно пришло осознание возможности вмешательства армии в политическую жизнь страны, необходимости перемен и глубоких реформ.

Между тем молодые офицеры были обречены на безысходное рутинное существование, на них давил уцелевший даже при Медине Ангарите старый офицерский состав, в большинстве своём полуграмотный и консервативный. Среди генералитета встречались люди более передовых взглядов, но высокие должности делали их недостижимыми, они все более отдалялись от новых армейских поколений. Так случилось и с самим пре-

³⁰¹ О «кадровой политике» Лопеса Контрераса см.: Segnini Y. Op. cit. P. 186-211.

³⁰² Peña A. Conversaciones con Uslar Pietri. – Caracas, 1978. – P. 46.

зидентом Мединой, который, по свидетельству современников, практически не появлялся в окружении военных. Он перестал предоставлять офицерам личные аудиенции, принимал просителей только группами один день в неделю, что лишало их возможности разрешить даже мелкие проблемы личного характера³⁰³. Недовольство в армии нарастало. В ноябре 1944 г. Каракас облетела весть о раскрытии заговора среди низших военных чинов, требовавших улучшения своего положения. «Это был первый военный заговор, организованный и раскрытый в Венесуэле после 1928 г.», – отмечал Р. Веласкес³⁰⁴. Медина Ангарита не придавал значения этому событию. До него и впоследствии доходили слухи о брожении в армии, но он не хотел этому верить.

Военный заговор 1944 г., организованный после столь длительного перерыва, был «сархентадой», то есть во главе его стояли нижние чины, главным образом в звании сержантов. Однако этот случай оказался исключительным. Ни в прошлые, ни в последующие годы сержантский, а тем более рядовой состав венесуэльской армии решающей роли в антиправительственных выступлениях не играл. При Гомесе заговоры в рядах вооруженных сил вообще были редкостью, особенно во второй половине его правления, Лопес Контрерас также сумел не допустить беспорядков в армии. Во времена Медины Ангариты на первый план выдвинулись решительно настроенные молодые офицеры, ощущавшие необходимость перемен, прежде всего в армии, а затем и в стране.

Пассивность рядового армейского состава объяснялась тем, что это был «временный контингент», не заинтересованный в защите корпоративных интересов вооруженных сил. С конца 20-х гг. в стране существовала всеобщая воинская повинность, причем срок солдатской службы составлял всего 2 года. С 1942 г. параллельно стала практиковаться и контрактная система.

³⁰³ Capriles Ayala C. Pérez Jiménez y su tiempo: biografía del ex-presidente y radiografía de Venezuela en algunas etapas de su historia. V. 1. – Caracas, 1985. – P. 236.

³⁰⁴ Venezuela moderna: medio siglo de historia. P. 73. В апреле 1928 г. против Гомеса выступила группа военных, расквартированных в столичных казармах Сан-Карлос. Мятежники, не успевшие оказать сопротивления, были арестованы Лопесом Контрерасом, в то время занимавшим пост командующего каракасским гарнизоном.

Срок службы призывников увеличился до трех лет, а контракты подписывались на 4 года. В результате у венесуэльского солдата, служившего относительно недолго, не возникало желания идти на риск ради каких-то улучшений в армии, а сержантский состав формировался из солдат, то есть уровень самосознания тех и других был невысок. Но, как уже отмечалось, к середине 40-х гг. качественно изменился младший офицерский состав, что во многом определило дальнейший ход политических событий в стране.

За десять лет, прошедших со смерти Гомеса, заметно изменилась и сама Венесуэла. Хотя и Лопес Контрерас, занимавший пост военного министра в правительстве диктатора, и Медина Ангарита принадлежали к поколению, сформировавшемуся при Гомесе, это были люди, испытавшие на себе влияние демократических идей. После 1935 г. из эмиграции на родину вернулись многие представители антидиктаторской оппозиции. Смягчение политического климата в стране способствовало переходу от жесточайшей диктатуры к более демократическому режиму, однако этот переход не мог произойти быстро, чем объяснялись колебания в политике обоих преемников Гомеса. Настали «годы тяжелой борьбы, продвижения вперед и отступлений, достижений и неудач»³⁰⁵. Как и при Гомесе, Национальный конгресс практически не влиял на принятие важных для страны решений. Верховный правитель одновременно осуществлял функции президента, главнокомандующего вооруженными силами, главы правительства, военного министра, хотя формально эти посты занимали другие лица³⁰⁶. Политическое влияние и экономические позиции «гомесистов» еще оставались прочными, местная буржуазия, вследствие незавершенности процессов накопления капитала и индустриализации, была слаба, средние слои оставались немногочисленными, рабочее и крестьянское движение было задушено в годы диктатуры.

В итоге политические проблемы Венесуэлы постгомесовского периода решались с трудом, ее движение к демократии постоянно буксовало. Традиционное мышление, отсутствие опыта демократического устройства государства также тормо-

³⁰⁵ Parilli J. M. Génesis y consecuencias del 23 de enero de 1958. Caracas, 1984. P. 17.

³⁰⁶ Подробнее см.: Velásquez R. La caída del Liberalismo Ammarillo. P. XIV-XV.

зили развитие страны. «Дело обстояло таким образом, - писал венесуэльский исследователь Р. Л. Давила, - что капиталистическая модернизация и демократические преобразования в Венесуэле были делом элиты», и до 1945 г. они проводились без участия широких слоев общества³⁰⁷. Хотя Лопес Контрерас разрешил деятельность политических партий и профсоюзов, они, как и Национальный конгресс, не допускались к принятию важных для страны решений. Иными словами, замыслы верховного правителя все еще осуществлялись традиционными методами – «сверху» и при опоре на вооруженные силы. В то же время была восстановлена свобода слова, вновь начали выходить запрещенные ранее периодические издания. Таким образом, режим Лопеса Контрераса представлял собой одновременно «рубеж и мост» между диктатурой и демократией³⁰⁸.

С приходом к власти Медины Ангариты процесс демократизации, начавшийся после 1935 г., ускорился. Если Лопес Контрерас для борьбы с оппозиционерами нередко использовал меры репрессивного характера, то при его преемнике в стране не было «ни одного политического заключенного, ни одного изгнанника, ни единой запрещенной газеты или преследуемой партии»³⁰⁹. В отличие от своего предшественника, Медина Ангарита, преодолевая сопротивление «гомесистов», испытывал все возрастающее давление слева, со стороны окрепшей оппозиции, особенно созданной в 1941 г. национал-реформистской партии «Демократическое действие» (АД).

Военная академия, расположенная в Каракасе, оставаясь центром профессиональной подготовки молодых офицеров, постепенно превратилась в своеобразный интеллектуальный клуб, где обсуждались насущные проблемы страны и предлагались пути их решения, поднимался вопрос о роли вооруженных сил в политической жизни, обсуждались профессиональные проблемы армии. Одним из лидеров преподавательского состава академии стал Маркос Перес Хименес, «андино», родившийся в штате Тачира в семье мелкого лавочника с очень скромным достатком, имевшего к тому же многочисленное потомство. Мар-

³⁰⁷ Dávila L. R. Op. cit. P. 33.

³⁰⁸ Подробнее см.: Посконина О. И. Элеасар Лопес Контрерас: «рубеж и мост» между диктатурой и демократией // Латиноамериканский исторический альманах. 2002, № 3. – С. 104-136.

³⁰⁹ Mudarra M. A. Op. cit. P. 293.

кос рано потерял отца, и его мать с детьми оказались на грани нищеты. С помощью более состоятельных родственников подростку удалось получить начальное образование, а затем поступить в Военно-морскую школу в г. Маракае, куда он прибыл еще при Гомесе, в начале 1931 г., имея «меньше десяти боливаров в кармане и множество честолюбивых устремлений в голове»³¹⁰.

Учился Перес Хименес отлично, так как для него это была единственная возможность «выбиться в люди», и овладел рядом военных специальностей. Продвигаясь по службе, он всегда оставался самым молодым среди офицеров того же звания. Прослужив около трех лет в артиллерийском полку Айякуччо, лейтенант Перес получил новое назначение – его направили преподавать в Военную академию. Дважды, в 1939 и 1940 гг. он проходил обучение на высших военных курсах в «Эль Чоррильос». По возвращении из Перу ему присвоили звание капитана, и он полностью посвятил себя преподавательской работе. Среди военных интеллектуалов академии были и другие заметные фигуры, однако Перес Хименес обладал качествами, которые отсутствовали у них – огромным честолюбием в сочетании с организаторскими способностями. Из капитана Переса получился отличный заговорщик. «Прежде всего он был конспиратором. Перес Хименес конспирировал всегда», - вспоминал впоследствии вице-адмирал В. Ларрасабаль³¹¹. В начале 1944 г. он продвинулся по службе. Его перевели в Генеральный штаб, соответственно расширились его связи и влияние в армии.

Между тем приближался срок окончания президентских полномочий Медины Ангариты. Активизировались сторонники Лопеса Контрераса, стремившиеся вернуть его к власти. Политическая ситуация в стране осложнилась. Медина не имел намерения сохранить за собой высокий пост, тем более что Конституция 1936 г. запрещала переизбрание на второй президентский срок, но пожелал, согласно установившейся практике, «указать пальцем на того, кто должен стать новым президентом Республики, то есть выдвинуть удобную ему кандидатуру и

³¹⁰ Подробнее биографию М. Переса Хименеса и сведения о его военной карьере см.: Capriles Ayala C. Op. cit. V. 1; Morón G. Los Presidentes de Venezuela. 1811-1879. – Caracas, 1981.

³¹¹ Цит. по: Blanco Muños A. Clases sociales y violencia en Venezuela. – Caracas, 1976. – P. 185.

провести ее через выборы»³¹². Кроме того, в период президентства он не решился реформировать устаревшую избирательную систему страны. Прямое тайное голосование применялось только при выборах депутатов в местные муниципальные советы и законодательные органы, а выборы членов Национального конгресса и президента оставались многостепенными. Лица, не умевшие читать и писать, а также женщины лишались права голоса. Нежелание Медины Ангариты провести реформу в условиях приближающихся президентских выборов вызвало всплеск недовольства в обществе и армии. В январе 1945 г. возник Военно-патриотический союз, в который вошли молодые офицеры, в большинстве своем слушатели «Эль Чоррильос» – М. Перес Хименес, Р. Фернандес, Э. Рамирес, М. Маркес Аньес и другие³¹³.

В преамбуле Манифеста, зафиксировавшего создание Союза, говорилось о необходимости обновления государственных институтов и методов управления, привлечения людей, способных и полных решимости вести страну по пути прогресса, подчеркивалось, что пора навсегда покончить с некомпетентностью и злоупотреблениями при принятии государственных актов. Было заявлено также, что Союз не имеет своей целью защиту личных или групповых интересов, а выступает за образование нового правительства, конституционную реформу и создание подлинно профессиональной армии³¹⁴. Никакой программы действий в документе не предлагалось. После преамбулы в нем давались инструкции по приему в организацию новых членов, оговаривались правила их поведения (в связи с конспирацией), приводился текст клятвы, которую должны были произносить офицеры, вступавшие в Военно-патриотический союз, определялись его организационная структура и функции руководящих органов. Таким образом, Союз напоминал не столько политическую организацию, сколько тайное общество.

Анализ документа позволяет сделать вывод о том, что определенные военные круги теперь были озабочены не только проблемами профессионального характера, но и политической обстановкой в Венесуэле. Они намеревались создать правительство, отвечающее требованиям времени и учитывающее

³¹² Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. P. 62.

³¹³ Parilli J. M. Op. cit. P. 22.

³¹⁴ Полный текст документа см.: Capriles Ayala C. Op. cit. V. 3. P. 267-272.

интересы вооруженных сил – правительство, «которое, будучи избавлено от пороков, тормозивших ранее развитие общественной жизни государства, ориентировалось бы ... на достижение общего блага страны и повышение престижа военной карьеры, что обеспечило бы членам Союза и их семьям эффективную социальную защиту»³¹⁵. Армия стремилась заполнить тот вакуум, который образовался в политической жизни страны в переходный период, когда с диктатурой было уже покончено, а демократическая система еще не сложилась. Однако к 1945 г. и сама армия еще не приобрела широкого влияния в обществе, поэтому возник вопрос о ее возможном союзнике в борьбе с президентом Мединой. В результате члены Союза решились на установление контактов с самой крупной на тот момент оппозиционной партией страны – «Демократическое действие» (АД). Первая встреча представителей двух организаций состоялась поздним вечером 6 июля 1945 г.

Как утверждал впоследствии лидер АД Р. Бетанкур, инициатива встречи принадлежала военным, делегацию от которых возглавлял майор Перес Хименес. Во главе переговорщиков от АД находились сам Бетанкур и другой известный партийный деятель – Р. Леони (оба – будущие президенты Венесуэлы). Первые слова были сказаны Пересом Хименесом, заявившим, что младшие офицеры в равной степени выступают и против Лопеса Контрераса, и против Медины Ангариты и готовы совершить государственный переворот³¹⁶. Сам Бетанкур так передавал сказанное майором: «Он говорил о недовольстве, наблюдавшемся в стране в связи с отсутствием элементарных норм в деле государственного управления и отказом официальных кругов провести свободные выборы; коснулся внутренней обстановки в армии, которую оценил пессимистически; заявил, что младшие офицеры, участвующие в заговоре, не стремятся к захвату власти, а добиваются создания временного правительства во главе с гражданским лицом на тот срок, который необходим народу для избрания нового президента Республики на всеобщих выборах». В заключение Перес Хименес якобы сказал: «Мы пришли к выводу, что главой временного правитель-

³¹⁵ Ibid. P. 269.

³¹⁶ Tarre Murzi A. (Sanin). Rómulo Betancourt: cuenta su vida. – Valencia, 1984. – P. 220.

ства должны стать Вы, господин Бетанкур»³¹⁷.

Многие современники событий отмечали, что главными заговорщиками, выступившими против президента Медины, оказались военные, вернее, часть офицерства. В 1979 г. К. Андрес Перес в своем интервью заявил, что о наличии военного заговора никто из гражданских лиц первоначально не знал: «Ни Бетанкур, ни кто-либо другой из руководителей АД не толкал офицеров к мятежу. Нет, восстание началось само по себе, в глубине казарм»³¹⁸. Другой свидетель, А. Пердомо, служивший тогда сержантом, вспоминал, что подготовку переворота осуществил Перес Хименес, несмотря на слежку за ним со стороны начальства, причем Перес был настолько осторожен, что даже близкие друзья, как ни старались, не могли вытянуть из него никаких сведений о готовящихся событиях³¹⁹. Лишь очень узкий круг людей в армии знал о существовании заговора. Так, согласно данным, которыми располагал А. Услар Пиетри, в перевороте участвовало не более 150 офицеров (из 1700, служивших тогда в армии, то есть менее 10%), причем они имели средние и младшие офицерские звания и не могли мобилизовать крупные воинские соединения. Даже в президентском дворце Мирафлорес восстанием руководил некий лейтенант Валеро³²⁰.

Руководство «Демократического действия» не сразу согласилось на участие в заговоре, так как это противоречило программным установкам и даже самому названию партии, выступавшей за демократические выборы и соблюдение законности при формировании институтов государственной власти. Кроме того, сложно было предсказать, как поведут себя военные после отстранения Медины, не грозит ли это новой диктатурой. Но соблазн захватить власть оказался сильнее принципов и опасений.

Накануне переворота Медина Ангарита из анонимного письма узнал о готовящемся выступлении, а также имена его руководителей. Был отдан приказ об их аресте, но задержать успели только Переса Хименеса, поэтому в самом восстании, которое началось 18 октября 1945 г., он непосредственного

³¹⁷ Цит. по: Pizani Pardi A. Op. cit. P. 238.

³¹⁸ Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. P. 62.

³¹⁹ Capriles Ayala C. Op. cit. V. 1. P. 236.

³²⁰ Peña A. Conversaciones con Uslar Pietri. P. 47, 58.

участия не принимал. Переворот произошел быстро, но не бескровно: в столице насчитывалось 72 убитых и более 200 раненых³²¹. Восстание началось в Каракасе в Военной академии и казармах Сан-Карлос. Мятежными войсками был захвачен ряд стратегических объектов, в том числе радиостанция и президентский дворец. В Маракае в руках восставших оказалась крупнейшая военно-воздушная база страны. Медина Ангарита почти сразу отказался от сопротивления и вскоре был арестован вместе с членами своего правительства³²².

На следующий день во дворце Мирафлорес было образовано временное правительство – Революционная правительственная хунта во главе с Р. Бетанкур. В нее вошли: от АД – Р. Леони, Г. Барриос, Л. Б. Прието Фигероа, от «независимых» – Э. Фернандес, от Военно-патриотического союза – майор К. Дельгадо Чальбо и капитан М. Варгас. Переса Хименеса в составе хунты не оказалось.

Существуют различные версии его «неучастия» в новом правительстве. Сам Перес Хименес по этому поводу определенно не высказывался, настаивая, что его интересовали только реорганизация вооруженных сил и повышение их технического уровня³²³. Он давал понять, что не вошел в правительство по собственному желанию, однако некоторые косвенные данные свидетельствуют, что о нем умышленно «забыли», чему способствовал арест. Бетанкур и его окружение сформировали правительственную хунту весьма поспешно, стремясь не упустить власть. Мнение армии было проигнорировано, что вызвало недовольство в армейских кругах. Член хунты Дельгадо Чальбо, назначенный военным министром, попытался исправить ошибку и на следующий день после образования правительства через доверенных лиц решил выяснить отношение офицеров Военной академии ко всему произошедшему. От имени собравшихся Перес Хименес ответил энергично и кратко: «Скажите майору Дельгадо: какого дьявола он спрашивает

³²¹ El Universal. 23.X. 1945/Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. Caracas, 1972. – P. 26-27.

³²² Подробнее о восстании 18 октября 1945 г. см.: Kolb G. L. Democracy and Dictatorship in Venezuela. 1945-1958. – Hamden, 1974. – P. 10-18; Burggraaff W. J. The Venezuelan armed forces in politics. 1935-1959. – Columbia, 1972. – P. 52-78.

³²³ См.: Capriles Ayala C. Op. cit. V. 1. P. 104; V. 3. P. 29.

об этом сейчас, когда уже сформирована хунта»³²⁴. Однако 23 октября Переса Хименеса назначили начальником Генерального штаба, и вскоре под предлогом реорганизации вооруженных сил он добился непосредственного подчинения армии именно Генштабу, тем самым выведя ее из-под прямого контроля министерства обороны и правительства³²⁵.

«Октябрьская революция» 1945 г. стала первым в Венесуэле военным переворотом «нового типа», когда армия вышла из казарм со своими собственными требованиями политического и профессионального характера, а не служила очередному правителю лишь средством для достижения и удержания власти, как было в прежние годы. В то же время она еще не была готова взять власть в свои руки, временно уступив ее более влиятельной политической силе – партии «Демократическое действие». С другой стороны, и АД не смогла бы прийти к власти без помощи военных. Когда впоследствии Переса Хименеса спросили, какова была основная причина «революции 18 октября», он без колебаний ответил: «Недовольство армии!»³²⁶. Эти события положили начало новому периоду не только в истории вооруженных сил страны, но и в политической истории Венесуэлы XX в. «Октябрьская революция» стала поворотным пунктом, с которого началось вмешательство армии в политическую жизнь республики. Антагонизм между старым командным составом и новым армейским поколением постепенно превратился в антагонизм между молодыми офицерами и правительством Медины Ангариты, не решившимся на глубокие реформы и не очистившим армию от «гомесистов». В то же время незавершенность процесса демократизации венесуэльского общества активизировала деятельность партии АД, стремившейся претворить в жизнь свою национал-реформистскую программу.

В результате переворота 18 октября впервые в истории Венесуэлы к власти пришло руководство «массовой поликлассо-

³²⁴ Цит. по: Ibid. V. 3. P. 89-90.

³²⁵ В этой связи Х. Е. Биглер отмечал: «Пост начальника Генерального штаба в 1945 г. был самым высоким в военной структуре и, благодаря положенному Пересом Хименесом началу, превратился в ключевой пост командования вооруженными силами». См.: Bigler G. E. La restricción política y la profesionalización militar en Venezuela/Politeia. V. 10. – Caracas, 1981. – P. 113.

³²⁶ Цит. по: Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. P. 230.

вой партии», состоявшее преимущественно из представителей интеллигенции. Помимо нее, АД объединяла в своих рядах средние слои города и деревни, рабочий класс, крестьянство, студенчество и выступала за проведение в стране демократических преобразований («антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции») ³²⁷. Как справедливо отмечал один из венесуэльских исследователей, в то время в Венесуэле не было другой политической силы, чьи программные установки отражали бы интересы широких слоев общества. Отмечая популистский характер лозунгов АД, он подчеркивал, что популизм заполнил собой тот вакуум, который образовался после ухода со сцены «военно-либерального» правительства Медины Ангариты ³²⁸. Представители армейских кругов, совершившие переворот совместно с АД, никакой долгосрочной программы в то время не выдвигали и потому не могли, в отличие от «адеков», претендовать на роль выразителей общенациональных интересов.

В результате военные, несмотря на активное участие в «октябрьской революции», не принимали участия ни в определении политической линии нового правительства, ни в разработке проекта социально-экономических преобразований – им нечего было предложить, тогда как партия «Демократическое действие» располагала идеологически обоснованной программой. Правительство, сформированное после переворота, по существу оказалось правительством одной партии. Из девяти членов кабинета семеро являлись руководителями АД. Военным были отданы посты министра вооруженных сил (К. Дельгадо Чальбо) и министра внутренних дел (М. Варгас).

В начале деятельность Революционной правительственной хунты проходила при поддержке широких слоев населения. «Народные массы, замороженные лозунгами демократических свобод, народного суверенитета, улучшения материального благосостояния, надеялись, что хунта самым решительным образом приступит к решению важнейших политических и соци-

³²⁷ Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. Партия «Демократическое действие»: идеология и политика. – М., Наука, 1972. – С. 62-63.

³²⁸ Belmonte Guzman A. Ensayo sobre historia política de Venezuela (1917-1968). – Caracas, 1981. – P. 62-63.

ально-экономических проблем страны»³²⁹.

Многие меры, осуществленные в период правления АД, стали шагом вперед в развитии Венесуэлы. В июне 1947 г. была принята новая Конституция, в которой подчеркивались независимость и суверенитет страны, перечислялись демократические свободы граждан, закреплялась ведущая роль государства в деле планирования и развития национальной экономики. В Конституции нашла отражение новая избирательная система, вводилось всеобщее избирательное право при тайном голосовании. В декабре того же года состоялись первые в венесуэльской истории свободные президентские и парламентские выборы. Президентом республики стал один из лидеров АД, известный писатель Ромуло Гальегос, набравший более 70% голосов. Сформированное им правительство вновь оказалось однопартийным, подавляющее большинство мест в обеих палатах Национального конгресса также принадлежало представителям АД³³⁰.

В социально-экономической области главной задачей нового правительства было объявлено создание, при решающей роли государства, независимой и высокоразвитой национальной экономики путем индустриализации и преодоления отсталости сельского хозяйства. В нефтяной сфере был продолжен провозглашенный еще при Медине Ангарите курс на увеличение государственных доходов от эксплуатации природных богатств. Появилось новое понятие «сев нефти», что означало направление «нефтяной ренты» на развитие других отраслей экономики, ее диверсификацию. В конце 1945 г. был введен налог на сверхприбыль, в ноябре 1948 г. последовало установление принципа 50:50, то есть государство ежегодно должно было получать 50% прибыли нефтяных компаний после уплаты ими всех налогов³³¹. Все это нанесло ощутимый урон иностранным интересам. В то же время правительство АД продолжило курс на привлечение в страну иностранного капитала, намереваясь делать это «на основе сотрудничества, а не колонизации»³³².

Среди прочих мер, которые попытались осуществить национал-реформисты, следует отметить смягчение аграрной про-

³²⁹ Демушкина Е. В. Венесуэла после второй мировой войны. – М., Наука, 1969. – С. 41.

³³⁰ Дабагян Э. С. Указ. соч. С. 67-69. См. также: История Латинской Америки. Т. 4. Вторая половина XX в. – М., Наука, 2004. – С. 324.

³³¹ Documentos que hicieron historia. V. 2. – Caracas, 1988. – P. 355-357.

³³² Демушкина Е. В. Указ. соч. С. 73.

блемы, некоторое улучшение положения трудящегося населения, в том числе введение 8-часового рабочего дня и оплачиваемых отпусков, повышение заработной платы, расширение деятельности профсоюзов. Политические и социально-экономические реформы были необходимы, и в этом отношении «адеки» продвинулись дальше своих предшественников, однако страна, как и после смерти Гомеса, вновь оказалась не готова к переменам радикального характера, новым формам организации государственной власти. Правительство Гальегоса не могло обеспечить условия для дальнейших преобразований в стране. Соотношение сил в обществе оказалось не в его пользу, несмотря на убедительную победу на выборах 1947 г. Как отмечал Э. С. Дабагян, «истинная слабость режима заключалась в том, что он не опирался на прочную поддержку каких-либо классовых сил»³³³. Средние слои оставались немногочисленными, местные предпринимательские круги еще не играли заметной роли ни в экономике, ни в политике, трудящееся население города и деревни тем более не могло рассматриваться в качестве серьезной политической опоры – слишком мало времени прошло со времени диктатуры Гомеса, когда были подавлены любые движения «низов». Основная база реакции – господство иностранных монополий и латифундизм ликвидированы не были. Недовольство выражали и венесуэльские предприниматели, возмущенные постоянным вмешательством государства в экономическую деятельность и ограничением свободного предпринимательства, причем не только в нефтяной сфере. Рост профсоюзного движения и популистский характер социальной политики национал-реформистов вызывал у них чувство тревоги³³⁴.

Немалую роль в ослаблении позиций и падении популярности партии АД сыграли просчеты, допущенные ее руководством в период пребывания у власти. Правительственным декретом был установлен ряд дискриминационных норм по отношению к частным учебным заведениям, в большинстве своем находившимся в ведении церкви. Стремление усилить позиции государства в сфере народного образования вызвало возмущение католических кругов Венесуэлы и простых граждан – уча-

³³³ Дабагян Э. С. Указ. соч. С. 80.

³³⁴ Rodríguez Campos M. Venezuela 1948-1958: El proceso económico y social de la dictadura. – Caracas, 1983. – P. 192.

щихся, их родителей и преподавателей. В столице прошли демонстрации протеста. Оппозиция власти со стороны церкви нарастала. Венесуэльцы «со страхом взирали на неуважительное отношение к себе... и на присутствие в правительстве признанных антиклерикалов»³³⁵. Обижены были и многие высшие чиновники прежнего государственного аппарата, привлеченные к судебной ответственности за казнокрадство, причем их имущество подлежало конфискации. В этом списке оказались даже Лопес Контрерас, Медина Ангарита и Услар Пиетри³³⁶. Бывшие функционеры, естественно, готовы были поддержать любую антиправительственную деятельность в стране.

Позиции правительства АД были подорваны также сектантскими действиями руководства партии. Искренне веря в свое высокое предназначение и способность обеспечить стране прогресс и процветание, лидеры национал-реформистов решительно отказывались от сотрудничества с другими политическими силами, отвергали саму мысль о возможности поделиться властью с какой-либо другой партией. Это вызывало протест со стороны представителей недавно созданного Республиканско-демократического союза (УРД) и особенно партии под названием Комитет по организации независимой избирательной политики (КОПЕЙ), близкой к католическим кругам. Обе эти организации оказались заинтересованными в отстранении АД от власти и питали иллюзии, что свержение национал-реформистского правительства с помощью армии повлечет за собой образование на короткий срок переходного военного правительства, после чего они сами унаследуют политическую власть³³⁷. К оппозиционным силам примкнули и венесуэльские коммунисты. С февраля 1948 г. политическая борьба обострилась, на правительство «обрушился шквал ненависти и резкой критики»³³⁸. Как отмечал выдающийся ученый А. Ф. Шульговский, в Латинской Америке одним из факторов, благоприятствовавших усилению роли армии в политике, была острая борьба за власть между буржуазными и мелкобуржуазными партиями, порождавшая политическую нестабильность, что усиливало тяготение различных слоев населения к сильной ав-

³³⁵ Ibid. P. 208.

³³⁶ El Nacional. 11. XI. 1945; 28. 11. 1945/Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. P. 38-40; Tarre Murzi A. (Sanin). Op. cit. P. 238.

³³⁷ Godio J. El movimiento obrero venezolano. V. 2. – Caracas, 1982. – P. 87.

³³⁸ Parilli J. M. Op. cit. P. 27.

торитарной власти³³⁹.

Роковым просчетом национал-реформистов стала и ошибочное представление о позиции военных, переоценка степени их лояльности. Когда по стране поползли слухи о серьезных разногласиях между правительством Гальегоса и армейскими кругами, это было опровергнуто представителями официальных властей. О сохранявшемся доверии президента к армии свидетельствует, например, следующий факт: когда в июле 1948 г. Гальегос решил отправиться в США, то, вопреки ожиданиям, временное исполнение президентских обязанностей было возложено не на министра внутренних дел, как обычно, а на министра обороны Дельгадо Чальбо, передавшего на этот срок свои полномочия подполковнику Пересу Хименесу³⁴⁰. Это стало предзнаменованием грядущих событий.

В условиях временного политического равновесия между двумя силами – национал-реформизмом с его неустойчивой социальной базой и реакцией, сомкнувшейся с политической оппозицией, решающее слово принадлежало именно армии. Правительства Бетанкура и Гальегоса, разумеется, отдавали себе отчет в необходимости привлечь на свою сторону как офицерский, так и рядовой армейский состав, но они ошибочно полагали, что достаточно несколько улучшить материальное положение военных, повысить технический уровень вооруженных сил – и проблема будет решена. Лидеры АД не сумели своевременно осознать, что единственной для них возможностью сохранить власть была частичная передача ее военным. В послании Национальному конгрессу 20 января 1947 г. Бетанкур перечислил те меры, которые были приняты его правительством «с целью технического совершенствования и поднятия жизненного уровня офицеров и солдат» после октября 1945 г.: на 37% было повышено жалование офицерам и на 57% – рядовому и сержантскому составу, наполовину больше обычного было выделено средств на их питание и обмундирование, на 250% больше – на военную медицину. Всего на социальное обеспечение армии было израсходовано 4 млн. боливаров³⁴¹.

³³⁹ Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке. – М., Наука, 1979. – С. 30.

³⁴⁰ El Gráfico. 29. VI. 1948/Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. P. 200.

³⁴¹ Betancourt R. Obras selectas. V. 1. Política y petróleo. – Barcelona, 1978. – P. 551-552.

Впоследствии он подчеркивал, что его военная политика отличалась «реалистичностью и прагматизмом» и осуществлялась несмотря на недостаточное содействие Дельгадо Чальбо, а также саботаж Переса Хименеса в Генеральном штабе, и якобы именно он, Бетанкур, первым в Венесуэле начал проводить курс на создание «современной достойной народной армии»³⁴².

По мнению национал-реформистов армия должна была оставаться профессиональным институтом, подчиненным исполнительной власти, и не вмешиваться в политику и административную деятельность³⁴³. Согласно декрету, изданному в июне 1946 г., вооруженные силы Венесуэлы имели три основные функции: обороны страны, поддержания внутреннего порядка и обеспечения условий, необходимых для действия конституции и применения законов³⁴⁴. Однако в той конкретно-исторической ситуации, которую переживала Венесуэла во второй половине 40-х гг., армия уже не желала существовать в отведенных для нее границах. Охваченные поначалу стремлением избавиться от «гомесовского» командования и самим контролировать положение в армии, молодые офицеры постепенно пришли к мысли о возможности установления контроля над государственной властью. Успех «октябрьской революции» 1945 г., безусловно, усилил эти настроения, а ошибочные действия национал-реформистских лидеров, их старания оттеснить вооруженные силы на второй план, как и политические партии, привели к тому, что правительство АД повисло в воздухе. Большинство офицеров, участвовавших в заговоре против Медины Ангариты, приступило к подготовке нового переворота, не желая мириться с «узурпацией власти» руководством одной партии.

По свидетельству самого Бетанкура, с января 1946 г. и до свержения правительства Гальегоса в различных районах страны постоянно вспыхивали военные мятежи. Часть из них была организована представителями старого командования (например, «гомесовским» генералом Х. А. Гонсалесом в ноябре 1946 г.) или сторонниками Лопеса Контрераса. Наряду с ними против национал-реформистов активно выступали и офицеры нового поколения. В декабре 1946 г. произошел мятеж в гарни-

³⁴² Tarre Murzi A. Op. cit. P. 265.

³⁴³ Betancourt R. Op. cit. P. 552.

³⁴⁴ El Universal. 23. VI. 1946/Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. P. 86.

зоне г. Валенсии, которым командовал старший брат Переса Хименеса – Хуан³⁴⁵. В апреле 1947 г. против правительства выступил отставной подполковник Х. Сесар Варгас – брат М. Варгаса. «Каждый день, каждую ночь, – вспоминал Бетанкур, – до меня доходили сведения о конспиративных собраниях и нелегальном прибытии высланных из страны военных»³⁴⁶. Однако в то время в армейских кругах не было единства. После падения своего правительства Гальегос в послании к венесуэльцам, распространенным подпольно, отмечал, что сразу же после «октябрьской революции» среди военных наметились две тенденции: одна – в поддержку гражданского правительства, другая – за усиление роли армии в политической жизни страны³⁴⁷. Министр обороны Дельгадо Чальбо не придерживался какой-либо определенной позиции и был склонен к компромиссам. С одной стороны, он заверял правительство в своей лояльности, с другой – находился под влиянием начальника Генерального штаба Переса Хименеса, вокруг которого группировались оппозиционные силы в армии.

Хотя впоследствии лидеры АД утверждали, что переворот 24 ноября 1948 г. стал для них неожиданностью, это не соответствует действительности, о чем свидетельствует попытка удалить Переса Хименеса из Генштаба, предпринятая в начале 1948 г.: его отправили «со специальной миссией» в страны Южного конуса. Много лет спустя К. Андрес Перес признался, что правительство намеревалось запретить Пересу Хименесу возвращение на родину и оставить его в должности военного атташе в посольстве одной из соседних стран³⁴⁸. Этот план не удался – за своего сослуживца вступился Дельгадо Чальбо, и Перес Хименес, судя по всему, вернулся в Венесуэлу с еще большим желанием покончить с правительством Гальегоса, тем более что во время своей поездки он встречался в Перу с военным диктатором М. А. Одриа, а в Аргентине – с генералом Х. Д. Пероном³⁴⁹. В частной беседе с К. Андресом Пересом (тогда

³⁴⁵ Перес Хименес-младший выступил тогда против мятежа, и его брат был арестован.

³⁴⁶ Цит. по: Tarre Murzi A. Op. cit. P. 266.

³⁴⁷ Текст послания см.: Gallegos R. Un dramático documento histórico. Mensaje dirigido al pueblo de Venezuela por R. Gallegos el 5 de diciembre de 1948. – Caracas, 1985.

³⁴⁸ Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. P. 98.

³⁴⁹ Venezuela moderna: medio siglo de historia. P. 113.

они были дружны) начальник Генштаба позволил себе резкое высказывание в адрес правительства, пытавшегося убрать его с дороги, и «вызывающим тоном» заявил: «Я – лидер армии!»³⁵⁰. Таким образом, его неприязнь к АД объяснялась как недовольством части военных, так и причинами личного характера. «Адеки», со своей стороны, продемонстрировали традиционный стереотип мышления: достаточно убрать лидера, «сильную личность», и движение развалится само собой. В тот период руководство партии так и не заметило, насколько глубокие и необратимые изменения произошли в сознании значительного числа представителей вооруженных сил страны. Это привело к трагическим для национал-реформистов последствиям.

Переворот 24 ноября 1948 г. был осуществлен исключительно военными. Если в 1945 г. они имели союзника в лице партии АД, то теперь дело обстояло иначе. Прочие заинтересованные силы проявили себя тем, что оказали немедленную поддержку теперь уже военному правительству. Правда, незадолго до ноябрьских событий лидеры партии КОПЕЙ совместно с группой высших офицеров предъявили Гальегосу требование о реорганизации правительства на паритетных с КОПЕЙ началах. Требование было отклонено³⁵¹. В заговоре против АД эта партия в качестве союзника армии не участвовала. В начале декабря 1948 г. ее руководство поспешило заявить о своей непричастности к перевороту, организованному военными³⁵².

Существуют две основные версии ноябрьского переворота. Первая заключается в том, что вооруженные силы устранили непопулярное правительство, вторая – небольшая группа вставших в амбиции военных свергла популярное правительство. В этом отношении чрезвычайно интересно исследование венесуэльского журналиста М. Кабальеро. Опираясь на документы и свидетельства той поры, он пришел к выводу, что первая версия, хотя она исходит от организаторов переворота, больше соответствует действительности³⁵³. Представленная Кабальеро аргументация убедительна и свидетельствует также о том, что, в отличие от «октябрьской революции» 1945 г., ноябрьский переворот отмечен участием практически всей армии. Кроме того,

³⁵⁰ Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. P. 95.

³⁵¹ Демущкина Е. В. Указ. соч. С. 92-93.

³⁵² El Gráfico. 3. 12. 1948/Historia Gráfica de Venezuela. V. 4. P. 28.

³⁵³ Подробнее см.: Caballero M. Las Venezuelas del siglo XX. – Caracas, 1988. – P. 137-144.

Кабальеро, проанализировав факты, опроверг утверждение Гальегоса о том, что в событиях 24 ноября непосредственное участие принимал Госдепартамент США, действовавший через американское посольство в Каракасе³⁵⁴. Вопрос о роли североамериканского правительства остается открытым, однако не вызывает сомнений заинтересованность в падении власти АД со стороны иностранных монополий, особенно нефтяных.

Переворот произошел стремительно – в течение часа были захвачены президентский дворец и стратегически важные пункты на подступах к столице. Гальегос и его правительство были арестованы. Свергнутый президент главным организатором заговора назвал Переса Хименеса³⁵⁵. Действительно, начальник Генштаба проявил огромную активность не только во время переворота, но и после его успешного осуществления. Журналисты, допущенные в министерство обороны, никак не могли взять у него интервью, так как Перес Хименес целые сутки не покидал служебных помещений, откуда постоянно выходили офицеры с различными поручениями³⁵⁶. Новое правительство возглавила срочно сформированная Военная правительственная хунта. В нее вошли только офицеры – Дельгадо Чальбо (глава хунты), Перес Хименес (министр обороны) и Л. Ф. Льовера Паэс (министр внутренних дел). Кабинет министров, подконтрольный хунте, состоял в основном из гражданских лиц, только три министра – обороны, внутренних дел и связи были военными³⁵⁷.

Состав хунты получил одобрение высших военных чинов, подписавших документ о ее создании³⁵⁸. Перес Хименес, вновь оказавшийся «на вторых ролях», видимо, проявил осторожность, как и во время подготовки переворота, когда он старался «не высовываться». «В его мыслях и планах Бетанкур и Дельгадо Чальбо были всего лишь разведчиками, которые прощупы-

³⁵⁴ Ibid. P. 145-146.

³⁵⁵ Documentos que hicieron historia. V. 2. – Caracas, 1988. – P. 415.

³⁵⁶ Capriles Ayala C. Op. cit. V. 3. P. 118.

³⁵⁷ Galería del Ministerio de Fomento. V. 1. – Caracas, 1963. – P. 369.

³⁵⁸ Documentos que hicieron historia. V. 2. P. 413-414. В 1945-1955 гг. в венесуэльской армии производство в генеральский чин не практиковалось. Почти все прежние генералы, согласно декрету Р. Бетанкура, были отправлены в отставку. Поэтому некоторое время высшие командные должности в армии занимали в основном полковники и подполковники.

вали для него почву», – писал один из авторов, близких к АД³⁵⁹.

На следующий день после переворота Перес Хименес обратился к гражданам Венесуэлы от имени вооруженных сил страны. В этом обращении вмешательство армии в политический процесс было представлено как протест против «сектантской» линии, которой придерживалось руководство партии АД. Ни социально-экономические реформы, ни внутренняя и внешняя политика правительств Бетанкура и Гальегоса осуждению подвергнуты не были. В качестве основных причин, побудивших армию «взять на себя контроль над ситуацией», выдвигались следующие: действие в стране «экстремистских групп» и как результат – угроза всеобщей забастовки с «непредсказуемыми последствиями»; злоупотребление властью со стороны АД, унаследовавшей пороки прежних правительств; партийное давление на президента, что не давало ему свободы действий и возможности выполнять, согласно Конституции, президентские функции; попытка «экстремистских групп», контролирующей партию АД, осуществлять надзор и за вооруженными силами, сея рознь и недовольство в их рядах³⁶⁰. Так от национал-реформистского правительства власть перешла к военному триумвирату, выступающему от имени армии.

Таким образом, потребовалось почти полвека, чтобы вооруженные силы Венесуэлы пережили глубокую эволюцию, превратившись из «личной гвардии» диктаторов XIX в. в профессиональный корпоративный институт. Хотя и в первой трети XX в. С. Кастро и Х. В. Гомес формировали «свою армию», постепенная техническая модернизация, повышение образовательного уровня и профессиональной подготовки молодого офицерского состава уже в то время создавали основу для ее институционализации и роста властных амбиций лидеров нового армейского поколения. Совершив два переворота «нового типа», армия заявила о себе как о самостоятельной политической силе и выразительнице общенациональных интересов. Правда, в 1948 г. венесуэльские военные еще не располагали собственной программой и идеологией, но в дальнейшем, особенно после установления диктатуры Переса Хименеса в начале декабря 1952 г., они разработали идейную платформу с целью обоснования действий своего правительства и сформули-

³⁵⁹ Berroeta R. Rómulo Betancourt. – Caracas, 1987. – P. 265.

³⁶⁰ См.: El Heraldo. 25. XI. 1948/Historia Gráfica de Venezuela. V. 4. P. 20.

ровали основные цели и приоритеты «военно-технократической» политики «Нового национального идеала». Последний в истории страны диктаторский режим, продержавшийся до января 1958 г., сосредоточился на материальных достижениях в ущерб моральным и интеллектуальным аспектам жизни общества, когда даже репрессии оправдывались необходимостью скорейшего достижения социально-экономического процветания Венесуэлы. Иными словами, после переворота 1948 г. Венесуэла пережила еще целое десятилетие диктатуры, прежде чем в стране установилась представительная демократия.

Библиография

Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. Партия «Демократическое действие»: идеология и политика. – М., Наука, 1972.

Демушкина Е. В. Венесуэла после второй мировой войны. – М., Наука, 1969.

Ермакович Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX-начале XX в. – М., Наука, 1989.

История Латинской Америки. Т. 4. Вторая половина XX в. – М., Наука, 2004.

Ларрасабаль Р., Перес Л. Нефть и будущее Венесуэлы. – М., Мысль, 1980.

Поскониная О. И. Элеасар Лопес Контрерас: «рубеж и мост» между диктатурой и демократией/Латиноамериканский исторический альманах. 2002, № 3.

Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке. – М., Наука, 1979.

Belmonte Guzmán A. Ensayo sobre historia política de Venezuela (1917-1968). – Caracas, 1981.

Berroeta R. Rómulo Betancourt. – Caracas, 1987.

Betancourt R. Obras selectas. V. 1. Política y petróleo. – Barcelona, 1978.

Bigler G. E. La restricción política y la profesionalización militar en Venezuela/Politeia. V. 10. – Caracas, 1981.

Blanco Muños A. Clases sociales y violencia en Venezuela. – Caracas, 1976.

Burggraaff W. J. The Venezuelan armed forces in politics. 1935-1959. – Columbia, 1972.

- Caballero M. Las Venezuelas del siglo XX. – Caracas, 1988.
- Capriles Ayala C. Pérez Jiménez y su tiempo: biografía del ex-presidente y radiografía de Venezuela en algunas etapas de su historia. V. 1. – Caracas, 1985.
- Dávila L. R. El Estado y las instituciones en Venezuela. 1936-1945. – Caracas, 1988.
- Documentos que hicieron historia. V. 2. – Caracas, 1988.
- Escovar Salom R. Evolución política de Venezuela. – Caracas, 1972.
- Galería del Ministerio de Fomento. V. 1. – Caracas, 1963.
- Gallegos Ortiz R. La historia política de Venezuela de Cipriano Castro a Pérez Jiménez. – Caracas, 1960.
- Gallegos R. Un dramático documento histórico. Mensaje dirigido al pueblo de Venezuela por R. Gallegos el 5 de diciembre de 1948. – Caracas, 1985.
- Godio J. El movimiento obrero venezolano. V. 2. – Caracas, 1982.
- Historia Gráfica de Venezuela. V. 3. Caracas, 1972.
- Kolb G. L. Democracy and Dictatorship in Venezuela. 1945-1958. – Hamden, 1974.
- Morón G. Los Presidentes de Venezuela. 1811-1879. – Caracas, 1981.
- Mudarra M. A. Historia general de Venezuela. Desde la época precolombiana hasta nuestros días. – Caracas, 1983.
- Parilli J. M. Génesis y consecuencias del 23 de enero de 1958. – Caracas, 1984.
- Peña A. Conversaciones con Carlos Andrés Pérez. V. 1. – Caracas, 1979.
- Peña A. Conversaciones con Uslar Pietri. – Caracas, 1978.
- Pinto J. M. Poder político y poder militar en Venezuela. 1958-1988. – Caracas, 1988.
- Pizani Pardi A. De Cipriano Castro a Pérez Jiménez: principio y fin de la hegemonía andina. – Caracas, 1987.
- Política y economía en Venezuela. 1810-1976. – Caracas, 1976.
- Rodríguez Campos M. Venezuela 1948-1958: El proceso económico y social de la dictadura. – Caracas, 1983.
- Segnini Y. Los caballeros del postgomecismo. – Caracas, 1990.
- Tarre Murzi A. (Sanin). Rómulo Betancourt: cuenta su vida. – Valencia, 1984.
- Velásquez R. J. La caída del Liberalismo Amarillo. – Caracas, 1977.

Venezuela moderna: medio siglo de historia. 1926-1976. – Caracas, 1979.

Venezuela. Presidencia. Mensajes presidenciales. V. 4. – Caracas, 1971.

А.И. СИЗОНЕНКО³⁶¹
A.I. SIZONENKO

СССР И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
THE SOVIET UNION AND LATIN AMERICA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация: Данная статья посвящена движению солидарности в странах Латинской Америки с борьбой Советского Союза против фашистской Германии, нормализации отношений между странами региона и СССР. Единство позиций советского и народов Латинской Америки в их борьбе против фашизма, за свободу и демократию, их стремление к достижению взаимопонимания и сотрудничества в центре внимания данной работы.

Ключевые слова: Советский Союз, Латинская Америка, солидарность, нормализация отношений, взаимопонимание.

Abstract: This paper is about solidarity of Latin America with the Soviet Union fighting against fascist Germany and normalization of international relations between countries of the region and the USSR. Unity of standpoints between Soviet and Latin American peoples in their struggle against fascism and for freedom and democracy, their striving for mutual understanding and cooperation are highlighted.

Keywords: Soviet Union, Latin America, solidarity, normalization, mutual understanding.

В этом году Россия и все свободолюбивое человечество отметили 71-ую годовщину победы над фашистской Германией. В праздновании этого исторического события активно участвовала и широкая общественность в странах Латинской Америки. И это вполне закономерно: народы этих стран приняли самое активное участие в движении солидарности с борьбой СССР, в те же военные годы состоялась и нормализация советско-латиноамериканских дипломатических отношений. Все это от-

³⁶¹ Ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук

крыло положительные перспективы для отношений обеих сторон в будущем.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне вместе с тем и более чем знаменательная дата в области международных отношений и внешней политики СССР, в том числе и развития его связей с Латинской Америкой, где в военные годы развернулось мощное движение солидарности с борьбой Советского Союза, его поддержка со стороны самых широких народных масс и представлявших их политических, общественных, профсоюзных, культурных и других массовых организаций. Это движение на его начальном этапе проходило в форме митингов, демонстраций, собраний в поддержку Советского Союза, на которых выступали представители самых разных слоев латиноамериканского общества. Уже первый день Отечественной войны, 22 июня, показал, на чьей стороне поддержка и симпатии народных масс Латинской Америки. В тот день тысячи жителей аргентинской столицы направились в морской порт, чтобы приветствовать моряков стоявшего у причалов советского парохода "Тбилиси". Морально-политическая и материальная поддержка народами Латинской Америки Советского Союза в его борьбе против фашистской Германии стала важным фактором этого благородного движения.

На втором этапе этого движения солидарности его участники активно выступили с предложениями начать для СССР и Красной Армии сбор денежных и материальных средств. Уже в 1941 г. на Кубе была организована отправка в СССР 1 млн сигарет и 40 тыс. мешков сахара. Тысячи аргентинских рабочих в октябре 1941 г. отдали свой однодневный заработок, а также деньги за сверхурочную работу в фонд помощи СССР. В 1942 г. Аргентинский демократический союз собрал 100 тыс. песо для закупки медицинских материалов для СССР.

В движении поддержки СССР принимал участие самый широкий круг организаций, начиная от Конфедерации трудящихся Латинской Америки – самой массовой организации континента. Рабочие, крестьяне, парламентарии, врачи, учителя, студенты, деятели культуры входили в их состав, в том числе и виднейшие представители интеллектуального мира, такие как писатель Хорхе Саламеа Борда (Колумбия), поэты Пабло Неруда (Чили) и Хуан Маринелья (Куба), писатель

Хосе Мансисидор (Мексика), политический деятель Нарсисо Бассольс (Мексика) и др.

«Быть другом Советского Союза, – говорил Бассольс, – значит быть достойным гражданином Мексики. Быть солидарным с Красной Армией – значит быть настоящим мексиканским гражданином»³⁶².

Широкие антифашистские настроения в странах Латинской Америки, солидарность с СССР не могли не оказать своего воздействия на внешнюю политику правящих кругов этого региона. Уже 24 июня 1941 г правительство Мексики официально осудило гитлеровскую агрессию против СССР. В декабре 1941 г. войну державам оси объявила большая группа стран Центральной Америки, 22 мая 1942 г. войну Германии объявила Мексика. Тогда же разорвали отношения с Германией Венесуэла и Колумбия. 22 августа 1942 г. такое же решение приняла Бразилия, а ее экспедиционный корпус принял активное участие в боях против германских войск в Северной Африке, а затем в Италии.

Таким образом, почти все страны Латинской Америки объективно стали союзниками СССР. Естественно, что в связи с этим на повестку дня встал вопрос о дипломатическом оформлении советско-латиноамериканских отношений, которые следовало начинать фактически с нулевой отметки (к началу 2-ой мировой войны чисто формальные отношения, без обмена посольствами, имелись только между СССР и Колумбией). И что особенно примечательно, процесс этой нормализации начался с обращенных к СССР предложений об их установлении, именно, со стороны латиноамериканских правительств, что лишний раз свидетельствовало о значительном росте международного авторитета СССР в Западном полушарии.

Первой на этот путь вступила Куба, что несомненно объяснялось особенно внушительным размахом солидарности в этой стране с Советским Союзом. Соответствующие переговоры как с Кубой, так и с последующими странами проходили через советское посольство в Вашингтоне. 3 октября 1942 г. государственный министр Кубы Ж. А. Мартинес направил ноту наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову с предложением установить дипломатические отноше-

³⁶² Narciso Bassols. Obras Mexico, 1964, p.637

ния между Кубой и СССР. Спустя 9 дней посол СССР в США М.М. Литвинов в ноте послу Кубы в США А. Кончесо известил, что советская сторона принимает кубинское предложение. 17 октября эти отношения были установлены. В качестве посланника СССР в Гаване был назначен (по совместительству) М.М. Литвинов. Соблюдая соответствующий уровень, Куба назначила в качестве посланника в СССР А. Кончесо.

По приезду Кончесо в Москву в апреле 1943 г. его принимали на самом высоком уровне: М.И. Калинин, В.М. Молотов, его заместители С.А. Лозовский и А.Е. Корнейчук. Но особо значимым стал прием Кончесо 22 мая 1943 г. И.В. Сталиным. Формальным поводом для этого стала передача посланником Сталину личного послания президента Кубы Ф. Батисты. Как нам представляется, прием Сталиным Кончесо свидетельствовал и о признании того важного факта, что Куба стала первой латиноамериканской страной, выступившей за нормализацию дипломатических отношений с СССР. Докладывая об этой встрече в Гавану, Кончесо подчеркнул исключительный характер этой встречи и особую его честь и уважение для Кубы³⁶³.

В свою очередь М.М. Литвинов нанес визит в Гавану, где 9 апреля 1943 г. вручил верительные грамоты. Встречали его весьма уважительно на всех уровнях: в правительстве, руководители Национального антифашистского фронта Кубы, в военном училище в Гаване, на промышленных предприятиях.

После отъезда в конце апреля 1943 г. Литвинова на родину, пост посла СССР в США занял А.А. Громыко, ставший также посланником по совместительству и в Гаване. В связи с этим следует обратить внимание на более чем высокий уровень дипломатического представительства в СССР на Кубе, имея в виду, что став посланником на Кубе, М.М. Литвинов оставался заместителем наркома иностранных дел СССР. При этом следует обратить внимание и на то, что начав развивать отношения со странами Латинской Америки, советская дипломатия, практически из-за отсутствия таковых до войны, не имела подготовленных кадров для работы в этих странах. Поэтому в первую очередь на руководя-

³⁶³ Россия-Куба 1902-2002. Документы и материалы, М., 2004, с. 53

щие должности подбирались кадры, которые имели должный опыт работы в США (а, следовательно, знавшие в той или иной форме обстановку в странах Западного полушария), как Литвинов, так и сменивший его А.А. Громыко. Такому представительству в значительной мере способствовали и приёмы И.В. Сталиным не только Кончесо, но и дважды в 1943, 1945 г. посланника Мексики в СССР Л. Кинтанильи, а также советско-латиноамериканский обмен посланиями на высших уровнях.

В ноябре 1942 г. были восстановлены (после их 12-летнего отсутствия) дипломатические отношения СССР с Мексикой, где также был высок уровень антифашистских настроений и симпатий к нашей стране. Послом СССР в Мексику был направлен один из лучших советских дипломатов того времени К.А. Уманский. Молодой (41 год), блестяще владевший несколькими европейскими языками, коммуникабельный, с богатым опытом работы послом СССР в США в 1939-41 гг., он также был хорошо знаком и Сталину, которому не раз переводил беседы с иностранными гостями. Не исключено, что кандидатура Уманского прошла апробацию вождя. В июне 1943 г Уманский прибыл в Мехико, где 22 июня вручил верительные грамоты и личное послание Сталина президенту Мексики А. Камарго. В своей деятельности Уманский активнейшим образом использовал буквально все формы дипломатической работы. Он начинал в Мехико фактически "с нуля", на неосвоенной почве. Он считал, что надо начинать с установления деловых и дружеских отношений с ведущими политическими и общественными деятелями страны. Именно такие связи у него установились с министрами иностранных дел, военным, просвещения, морского флота. Уманского не раз принимал А. Камарго. Гостями советского посольства не раз бывали художник Д. Ривера, писатель Х. Мансисидор. Среди добрых знакомых посла были П. Неруда (генконсул Чили в Мехико), писатель Х.С. Борда – посол Колумбии в Чили и др.

Важной формой дипломатической деятельности посольства СССР при Уманском стали приемы, проходившие в атмосфере побед Красной армии, начиная с 1943 г. Посещавшие его в большом количестве гости, представлявшие самые разные круги мексиканского общества, люди, далеко не все-

гда разделявшие антифашистские взгляды, ощущали на себе обстановку исторических побед Красной армии, в атмосфере роста авторитета СССР.

Уманский использовал буквально все возможности для выступлений в самых разных мексиканских аудиториях, чтобы доносить правду об СССР. После этих выступлений многие из гостей Уманского становились друзьями Советской страны.

Понимая роль печати, Уманский, сам журналист в 20-е гг., наладил выпуск бюллетеня Посольства СССР. При содействии посольств в Мехико прошли фотовыставка "Россия в войне", исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. С большой речью советский посол выступил 7 ноября 1943 г. на торжественной сессии мексиканского парламента, посвященной 26-ой годовщине Октябрьской революции.

Важнейшей составной частью дипломатической деятельности Уманского стали регулярно проводившиеся им пресс-конференции. Вот как вспоминал о самой первой такой конференции секретарь посольства А. Тарасов: "Пресс-конференция была для всех нас наглядным уроком тонкой политической дискуссии, мастерски проведенной нашим послом." В центре внимания Уманского был вопрос о необходимости скорейшего открытия второго фронта в Европе. Как дипломат, он избегал резкого осуждения США и Англии, затягивавших открытие второго фронта, но весьма убедительно доказывал, что бесконечные задержки являются нарушением союзнических обязательств перед Советским Союзом правительствами США и Англии, но делал это очень тонко." И далее Тарасов подчеркивал остроумные ответы Уманского на каверзные вопросы корреспондентов западных стран, их точность, иронию и быстроту³⁶⁴.

Как вспоминал известный советский дипломат Б.Е. Штейн, Уманский "знал и умел пользоваться всеми нюансами и разнообразными методами дипломатии. Общительный и остроумный, он привлекал к себе симпатии той страны, в которой он работал". Впрочем гостями советского посольства бывали не только мексиканцы. Среди его посетителей были известные писатель Х. Стейнбек и композитор П. Стоковский (США). В 1944 г. в посольство СССР приезжал

³⁶⁴ Москва, 1968, № 6, с. 159

бывший посол США в Москве Д. Дэвис, у которого состоялась обстоятельная беседа с советским послом. Через Дэвиса и Уманского Рузвельт информировал Сталина о своей встрече в Квебеке с Черчиллем.

Уманский по праву находился в центре дипломатической жизни в Мексике, что нередко вызывало недоброжелательную реакцию США. Оценивая пребывание Уманского в Мексике, мексиканская столичная газета "Эксельсиор" не без оснований писала спустя много лет: "С Уманским открылась новая эра в местной дипломатической деятельности... Многие иностранные дипломаты должны признать, что они жили тогда в дипломатическом мире Уманского"³⁶⁵.

25 января 1945 г. Уманский направлялся в Коста-Рику, куда был назначен посланником по совместительству. Трагическая авиакатастрофа при вылете в эту страну оборвала жизнь одного из самых талантливых советских дипломатов того времени. В послании М.И. Калинину президент Мексики А. Камарго писал: "Высокое представительство, которое было доверено господину Уманскому, его выдающиеся личные качества всегда вызывали у нас глубокое уважение и сердечную симпатию"³⁶⁶.

Характер советско-мексиканских отношений в годы второй мировой войны, налаживание дружественных связей народов обеих стран и стараниями дипломатов, прежде всего Уманского и Кинтанилья, заложили прочную основу для дальнейшего поступательного развития отношений между СССР, а сейчас Россией и Мексикой.

В победном 1945 г. сразу шесть стран региона: Доминиканская республика, Венесуэла, Бразилия, Боливия, Гватемала и Эквадор установили дипотношения с СССР. Таким образом, нормализация отношений охватила большинство стран региона.

Аналогичные назначения на весьма авторитетном уровне шли и с латиноамериканской стороны. Л. Кинтанилья и Х. Бассольс были авторитетными и опытными дипломатами у себя в стране, а Э. Фругони - (Уругвай), прибывший в Москву в 1944 г. в качестве посланника Уругвая, являлся депута-

³⁶⁵ Excelsior. México, 13 de noviembre, 1967

³⁶⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, М., 1947, с. 495

том парламента, профессором-юристом в университете Монтевидео, журналистом. Впоследствии по возвращении на родину он выпустил книгу своих воспоминаний о пребывании в Москве "В стране красного сфинкса", проникнутую чувствами симпатии к советскому народу и его борьбе с фашизмом.

Победа Советского Союза и разгром германского фашизма были с энтузиазмом встречены в самых широких кругах стран Латинской Америки, что нашло своё отражение в многочисленных митингах и демонстрациях. Х. Маринельо на митинге в Гаване подчеркнул: "Мы должны прежде всего склонить наши знамёна в знак благодарности перед исключительным героизмом Красной армии, советского народа"³⁶⁷.

Такая же высокая оценка звучала в тех приветствиях, которые главы государств Латинской Америки направили советскому руководству. О "великолепных усилиях героического советского народа" писал А Камарго. О "триумфе" и "самопожертвовании, которое было принесено во имя победы". Президент И. Медина (Венесуэла) отметил, что героическому русскому народу в достигнутой победе принадлежит выдающееся место"³⁶⁸. (9)

Весьма актуально в свете сегодняшнего дня, когда недруги России пытаются принизить роль СССР и Красной армии в разгроме фашисткой Германии, звучат слова президента Колумбии Льераса Камарго в его приветствии Сталину от 4 сентября 1945 г. в связи с окончанием Второй мировой войны. В нем президент подчеркнул, что советские солдаты "первыми добились того, что свели на нет усилия врага и после Сталинграда..., изменили исход войны, достигнув наиболее полной победы, превосходящей любую победу, одержанную когда-либо вооружёнными силами союзников"³⁶⁹. (10)

Отношения СССР и стран Латинской Америки в годы 2-ой мировой войны стали ярким примером как признания их народами исторической освободительной роли Советского

³⁶⁷ Noticias de hoy. Habana, 11 de mayo, 1945

³⁶⁸ Внешняя политика. т. 4, с. 533-534.

³⁶⁹ СССР-Колумбия. 50 лет установления дипломатических отношений. 1935-1985. Документы и материалы, М., 1988, с. 11.

Союза и его вооружённых сил, так и убедительным свидетельством их антифашистского единства, общности национальных интересов и солидарности.

Библиография

Bassols N. Obras Mexico, 1964.

Россия-Куба 1902-2002. Документы и материалы, М., 2004.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, М., 1947.

СССР-Колумбия. 50 лет установления дипломатических отношений. 1935-1985. Документы и материалы, М., 1988.

Н.Е.РАСТОРГУЕВА
N.E. RASTORGUEVA

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРГЕНТИНСКИХ СМИ
ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ
ВОЕННОЙ ХУНТЫ В 1976-1983 ГОДАХ
THE FUNCTION OF THE ARGENTINIAN MEDIA
UNDER THE DICTATORSHIP OF 1976 -1983

Аннотация: Статья посвящена проблемам функционирования аргентинских СМИ в условиях диктатуры 1976 -1983 гг. Особое внимание уделено вопросам свободы слова и печати, нарушению прав журналистов, а также анализу редакционной политики крупных национальных изданий в указанный период.

Ключевые слова: аргентинские СМИ, государственный переворот, военная хунта, диктатура, Процесс национальной реорганизации, цензура, нарушение прав человека, журналисты, газета, телевидение, радиовещание.

Abstract: The article is devoted to the problems of functioning of the Argentinian media under the dictatorship of 1976 -1983. Special attention is paid to the issues of freedom of speech and press, violation of the rights of journalists, as well as analysis of the editorial policies of major national periodical press during this period.

Keywords: Argentinian mass-media, coup d'etat, military junta, Argentinian military dictatorship, National Reorganization Process, censorship, human rights violations, journalists, periodical press, television, radio broadcasting.

24 марта 1976 г. в Аргентине произошёл государственный переворот, в результате которого Исабель Перон была свергнута с поста президента, а власть перешла к военной хунте, назвавшей своё правление «Процессом национальной реорганизации». С 1976 по 29 марта 1981 г. у власти находился генерал Хорхе Рафаэль Видела, с именем которого связан самый кровавый период диктатуры. Его сменил генерал Роберто Виола. 11 декабря 1981 г. он покинул свой пост в связи с болезнью, в результате чего президентом стал генерал Леопольдо Галтиери. Последним военным диктатором был Рейнальдо Биньоне. Он находился у власти с июня 1982 по 10 декабря 1983 г., после

чего президентом стал победивший на свободных выборах Рауль Альфонсин.

Целью пришедших к власти военных было создание новой системы ценностей и социальных норм, уничтожение любой политической оппозиции. Они распустили Конгресс, запретили забастовки и политические партии. Были похищены, убиты или просто «исчезли» многие потенциально опасные для хунты члены аргентинского общества – студенты, представители профсоюзов, деятели культуры. Ситуация со свободой прессы также существенно ухудшилась: появилась предварительная цензура, были закрыты многие СМИ, а большинство несогласных с курсом правительства журналистов – убиты.

Специализирующаяся на изучении истории СМИ аргентинская исследовательница Мирта Варела выделила два этапа в развитии прессы этого периода. Первый – период репрессий, преследований, и цензуры (и самоцензуры) длился с 1976 г. по 1980 г. Варела особо подчёркивает, что этот этап необходимо рассматривать в неразрывной связи с событиями конца 1974 – начала 1975 гг., когда фактически главой правительства стала не Изабель Перон, а министр социального обеспечения (1973–1975) и генеральный комиссар федеральной полиции (1974–1976) Хосе Лопес Рега. По мнению исследовательницы, именно с этого момента начался полицейский произвол, выразившийся в многочисленных нарушениях прав человека. Для второго этапа, закончившегося в 1983 г., характерно постепенное ослабление репрессивного аппарата и появление публикаций с элементами критики, которая становится всё более явной после поражения Аргентины в Фолклендской войне³⁷⁰.

24 марта 1976 г. в газете «La Prensa» было опубликовано правительственное сообщение № 19: «До сведения населения доводится следующее решение Хунты: тот, кто с помощью любых средств будет распространять, разглашать или пропагандировать сообщения или изображения, поставляемые незаконными объединениями или принадлежащие им, или людям (группам людей), про которых известно, что они занимаются подрывной или террористической деятельностью, подлежит наказанию в виде лишения свободы на неопределённый срок. Того,

³⁷⁰ Varesla M. Los medios de comunicación durante la Dictadura: silencio, mordaza y optimismo // Revista Todo es Historia. Buenos Aires, marzo 2001. № 404. P. 55.

кто с помощью любых средств будет распространять, разглашать или пропагандировать новости, сообщения или изображения с целью препятствования, нанесения ущерба или дискредитации деятельности Вооруженных сил, сил безопасности или полиции, ждёт наказание в виде лишения свободы до десяти лет».

Была создана так называемая «Бесплатная служба предварительного чтения», располагавшаяся в официальной резиденции президента Аргентины «Каса росада», в задачу которой входила предварительная цензура текста. Взявшие СМИ под свой контроль военные не обладали достаточными знаниями в данной области. Знаменитый аргентинский драматург, Роберто Косса, работавший в то время в газете «El Cronista», рассказывал, что однажды его пригласили в Министерство обороны, где военный заявил, что при написании материалов он должен пользоваться информацией, поступающей от государственного агентства «Télam». Косса спросил: «А «Аргентинские новости»?» (имея в виду другое аргентинское информационное агентство). Военный ответил: «Да, аргентинские новости, публикуйте все аргентинские новости»³⁷¹.

В СМИ царил строгий внутренний контроль, который проявился сразу после прихода хунты к власти. Многие газеты национального масштаба, такие, как «Clarín», «Crónica», «La Nación», «La Opinión», «La Razón», «Últimas Noticias» предпочли не использовать слово «переворот» для описания произошедших 24 марта 1976 г. событий. Вот лишь некоторые заголовки центральных газет, вышедших в тот день: «Новое правительство» («Кларин») «Хунта пришла к власти, Изабель находится под стражей» («Кроника»), «Вооружённые силы пришли сегодня к власти» («Ла Расон»). Необходимо отметить, что СМИ в течение всего 1975 г. предрекали возможность государственного переворота, используя для оценки происходящего в стране такие слова, как «хаос», «кризис» и «безвластие». Показательно, что за день до насильственной смены власти, 23 марта 1976 г., газета «Ла Расон» напечатала на первой полосе следующий заголовок: «Конец неизбежен. Всё сказано».

³⁷¹ Цит по: Medios, comunicación y dictadura. Edición de las jornadas de reflexión. Buenos Aires, Argentina: Centro Cultural General San Martín, 2004. P. 20.

Редакции выпускали собственные директивы, в которых излагали принципы информационной политики. Так, 22 апреля 1976 г. в одной из газет Кордобы, «La Voz del Interior» был издан «Внутренний меморандум №44», в котором говорилось: «В соответствии с этим распоряжением и в связи с поступившими сегодня указаниями командования III армейского корпуса, запрещается публиковать объявления родственников задержанных, желающих знать их местонахождение»³⁷². Об этом же говорится в документе «Принципы и методы», распространённом 22 апреля 1976 г. Секретариатом прессы и общественной информации. Согласно ему запрещалось информировать, комментировать или упоминать темы, связанные с «подрывной деятельностью, нахождением трупов, похищениями, исчезновениями, смертями мятежников и убийствами военных, полицейских или агентов безопасности» если только эти сведения не предоставлены официальным источником. Также рекомендовалось «воздержаться от распространения мнений лиц, не уполномоченных комментировать вызывающие общий интерес темы»³⁷³. Одной из первых газет, нарушивших данное постановление, была «Ла Пренса». Это консервативное антиперонистское издание, которое в своё время приветствовало «возвращение к порядку» и возможность «покончить с популизмом»³⁷⁴ опубликовало 5 октября 1977 г. обращение матерей и жён пропавших без вести во времена военной диктатуры людей к генералу Виделе. В частности, в нём говорилось: «...недавно на состоявшейся в США пресс-конференции Вы сказали: «Тот, кто говорит правду, не будет репрессирован за это». К кому мы должны обратиться, чтобы узнать Правду о судьбе наших детей? Мы олицетворяем собой боль сотен матерей и жён тех, кто пропал без вести»³⁷⁵. Начиная с конца 1977 г. газета постепенно

³⁷² Desaparición de periodistas [Электронный ресурс] // Proyecto Desaparecidos. URL: <http://www.desaparecidos.org/arg/conadep/nuncamas/367.html> (дата обращения: 05. 05. 2016).

³⁷³ Цит. по: Iturralde M. El diario Clarín y la construcción discursiva del golpe de Estado de marzo de 1976 en Argentina // Quórum Académico. Venezuela, julio-diciembre 2013. - Vol. 10, Nº 2. P. 215.

³⁷⁴ Цит. по: Borelli M. Voces y silencios: la prensa argentina durante la dictadura militar (1976-1983) // Perspectivas de la comunicación. – 2011. –Vol. 4, Nº 1. P. 38.

³⁷⁵ Цит. по: Blaustein E., Zubieta M. Decíamos ayer: la prensa argentina bajo el Proceso. – 1a ed. 2o reimp. – Buenos Aires: Colihue, 2006. P. 212.

стала публиковать статьи с критикой проводимой хунтой политики. Парадокс состоит в том, что издание продолжало оставаться консервативным, антиперонистским и антикоммунистическим, однако это не мешало ему обрести новых читателей среди оппозиции, привлечённой её позицией в вопросе о защите прав человека.

Одной из показательных акций, устроенных всего через месяц после захвата власти хунтой, 29 апреля 1976 г., стало публичное сожжение книг таких писателей, как Г. Гарсия Маркес, Х. Кортасар, П. Неруда, М. Пруст и др. В этот день в газете «La Razón» появилась информация, что подполковник Хорхе Эдуардо Горлери, возглавлявший расквартированный в Кордобе 14 полк Воздушно-десантных войск III армейского корпуса, приглашает журналистов присутствовать при сожжении книг марксистских и других нежелательных авторов, конфискованных в библиотеках города. Целью акции было «испепелить эти вредоносные материалы, пагубно влияющие на наш интеллект, наше христианское самосознание... и, в конце концов, на наши традиционные духовные ценности, базирующиеся на трёх основных понятиях: Бог, Родина, домашний очаг».

В сфере аудиовизуальных СМИ также царила жёсткая цензура. До 1974 г. в стране существовало 3 частных канала («Канал 9», «Канал 11», «Канал 13») и 1 государственный («Канал 7»). В 1974 г. государство не продлило трём первым лицензии, и они перешли под контроль государства, а после - военных («Канал 9» принадлежал Вооружённым силам, «Канал 11» - Военно-воздушным силам, а «Канал 13» - Военно-морским силам. Суд, начатый по заявлениям собственников каналов, закончился только после падения диктатуры. «Канал 9» был возвращён прежнему владельцу, а собственники двух других, отказавшись от лицензии, получили денежную компенсацию.

Вначале правления диктатуры телевидение в стране было черно-белым. Но, в качестве доказательства, что страна достигла больших успехов в экономическом развитии (которых на самом деле не было), перед Чемпионатом мира по футболу в 1978 г. в Аргентине появилось цветное телевидение. С конца 1978 г. в стране проводились локальные экспериментальные передачи, а регулярное цветное вещание началось 1 мая 1980 г. После прихода к власти военной хунты изменения в сфере телевидения происходили медленнее, чем с печатными изданиями. В первые годы диктатуры оно мало чем отличалось от существо-

вавшего ранее. Однако постепенно стали появляться различные распоряжения и рекомендации относительно тем программ, их ведущих и приглашаемых гостей. В 1977 г. на каждом канале появилась должность «литературного советника», в чьи функции входило чтение сценариев всех программ перед их записью. Тяжёлая экономическая ситуация и наложенные цензурой ограничения привели к резкому уменьшению числа программ аргентинского производства и росту доли американской телевизионной продукции.

Государственные радиостанции также контролировались военными. «El Mundo», «Mitre» и «Antártida» принадлежали Военно-морским силам, «Belgrano», «Radio Argentina» и «Radio del Pueblo» – Вооружённым силам, а «Splendid» и «Excelsior» – Военно-воздушным силам. В 1980 г. в Аргентине был принят «Закон о радиовещании № 22.285», целью которого было создать коммерческую систему СМИ, контролируемую Вооружёнными силами. В статье 7 предусматривалось ограничение права на свободу слова в целях «обеспечения безопасности государства»: «Средства радиовещания должны распространять информацию и оказывать необходимое содействие для обеспечения национальной безопасности. С этой целью исполнительная власть может устанавливать временные ограничения на использование и предоставление всех услуг, предусмотренных настоящим Законом»³⁷⁶. Несмотря на то, что в этом нормативно-правовом акте можно было найти и положительные стороны (например, запрет иностранного капитала в сфере СМИ и лимит на лицензии – не более четырёх на каждого собственника), в целом он способствовал концентрации медийного капитала в руках пособников диктатуры, фактически занимавшихся разграблением страны.

Ответственность за исполнение закона была возложена на созданный в 1972 г. Федеральный комитет по радиовещанию. Возглавлять его должен был комитет из семи человек, по одному представителю от армии, военно-морского флота, военно-воздушных сил, «Секретариата общественной информации», «Государственного секретариата по коммуникациям», «Ассо-

³⁷⁶ Radiodifusión. Ley № 22.285. [Электронный ресурс] // Información Legislativa. URL:

<http://www.infoleg.gov.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/17694/texact.htm> (дата обращения: (24. 04. 2016).

циации обладателей лицензии на радиовещание» и «Ассоциации обладателей лицензий на телевидение».

Следствием подобной политики властей в отношении СМИ стало качественное видоизменение информационных процессов, в том числе массовое распространение дезинформации. В качестве примера можно привести освещение в аргентинской прессе Фолклендской войны. Из сорока журналистов, полетевших в начале апреля на Мальвинские (Фолклендские) острова в качестве военных корреспондентов, к концу месяца там осталось только три: Николас Казанцев с «Argentina Televisora Color» (АТС), с 1980 г. - название канала «Canal 7») и Диего Перес Андраде и Карлос Гарсиа Малод из информационного агентства «Телам». В то время как аргентинские военные терпели поражение, в проправительственных газетах печатались статьи с громкими заголовками об успехах армии. Например, журнал «Gente» («Народ») несколько раз печатал на обложке фотографии с места событий (дымящийся корабль и самолёт в небе; аргентинский военный, сопровождающий идущих с поднятыми руками английских солдат), размещая поверх них заголовки: «Победа продолжается!» и «Мы видели, как сдавались англичане».

Показательна судьба единственного аргентинского телекорреспондента, освещавшего конфликт и прозванного в Аргентине «лицом Мальвинской войны» – Николаса Казанцева. Он был одним из самых известных телевизионных журналистов времен диктатуры. В интервью газете «Ла Насьон» Казанцев заявил: «девяносто процентов того, что мы снимали и отправляли на континент, так и не появилось в эфире, и было уничтожено. Мы не получали обратно отснятое и не имели возможности читать прессу»³⁷⁷.

«Известно, что цензура вводится во время всех войн. Это логично. Что касается нашего случая, это было абсолютно нелогично: ко мне приставили капитана, который был моим цензором и говорил, что я могу снимать, а что нет. Когда он не сопровождал меня (а это было часто), капитан просматривал отснятое и решал, что надо стереть. Но хуже всего было то, что

³⁷⁷ Caminos M. Nicolás Kasanzew, la cara de la TV en la Guerra [Электронный ресурс] // La Nación. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1460624-nicolas-kasanzew-la-cara-de-la-tv-en-la-guerra> (дата обращения: 23. 04. 2016).

материал, оставшийся после цензуры этого человека я посылал с самолётами, которые прорывались сквозь блокаду на континент и там он вновь подвергался цензуре»³⁷⁸. После падения военного режима Казанцев остался не у дел и был вынужден эмигрировать в Майями, где работал на испаноязычном канале: «Мальвинские острова стали пиком моей карьеры... я заплатил и продолжаю платить за них высокую цену»³⁷⁹.

Во времена правления военной диктатуры многие журналисты были убиты. Одним из жертв хунты стал аргентинский писатель, журналист и общественный деятель Родольфо Хорхе Уолш (1927 - 1977). В 1944 г. он начал работать корректором и переводчиком в издательстве «Nachette», а в 1951 г., начал карьеру в журналистике, публикуя статьи в журналах. В 1957 г. он опубликовал документальный роман «Операция «Бойня», про подавление мятежа, направленного против фактического правительства, заставившего уйти в отставку Хуана Доминго Перона в сентябре 1955 г. По его собственному признанию, Уолш никогда не был перонистом и даже поддержал переворот 1955 г., но не мог смириться с тем, что аргентинцев заставили выбирать между «перонистским и революционным варварством»³⁸⁰.

В 1959 г. Уолш уехал на Кубу, где его друг, аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти, предложил ему участвовать в создании открывающегося информационного агентства «Prensa Latina», которое задумывалось как альтернатива крупнейшим, прежде всего, американским информационным агентствам, формировавшим повестку дня в Латинской Америке. К тому времени, как 16 июня 1959 г. «Пrensa Латина» передала своё первое информационное сообщение, американские агентства «Associated Press» и «United Press International»³⁸¹,

³⁷⁸ Nicolás Kasanzew, polémico testigo televisivo de la guerra de Malvinas [Электронный ресурс] // El Diario. URL: <http://www.eldiario.com.ar/diario/interes-general/131668-nicolas-kasanzew-polemico-testigo-televisivo-de-la-guerra-de-malvinas.htm> (23. 04. 2016).

³⁷⁹ Caminos M. Nicolás Kasanzew, la cara de la TV en la Guerra [Электронный ресурс] // La Nación. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1460624-nicolas-kasanzew-la-cara-de-la-tv-en-la-guerra> (дата обращения: (23. 04. 2016).

³⁸⁰ Walsh R. Caso Satanowsky. - Buenos Aires: Ediciones de la Flor, 1997. P. 252.

³⁸¹ С момента своего создания в 1907 г. носило название «Юнайтед пресс»

реализующие внешнеполитическую стратегию США, монополизировали новостной рынок региона. Бюджет «Пренса Латина» был более, чем скромным, но там работали талантливые латиноамериканские журналисты и писатели того времени. Вернувшись в Аргентину, Уолш работал в журналах, и в 1968 г. основал еженедельник «Всеобщей конфедерации труда Аргентины», редактором которого был с 1968 по 1970 гг. В семидесятых годах Уолш стал членом группы «Монтонерос», левоперонистской партизанской организации, которая вела вооружённую борьбу против диктаторских режимов. В то время он разувверился в Пероне, но симпатизировал одному из основателей и главных руководителей «Монтонерос» Марио Эдуардо Фирменичу. Тем не менее, когда в 1974 г. организация ушла в подполье, Уолш выступил против такого решения.

24 марта 1976 г. он создал «Подпольное агентство новостей» («Agencia de Noticias Clandestina»), которое делало ежедневные рассылки по редакциям СМИ с информацией о том, что в действительности происходило в стране.

24 марта 1977 г. Родольфо Уолш опубликовал «Открытое письмо писателя военной хунте», в котором подвёл итоги годовому правлению диктаторского режима. Журналист обвинил власти в преследовании интеллектуалов, в цензуре СМИ, в причастности к исчезновению людей и в обнищании страны. Письмо заканчивается следующими словами: «Это мысли, которые я хотел бы донести до членов хунты в первую годовщину их несчастного правления без надежды быть услышанным, с уверенностью, что меня будут преследовать. Я остаюсь верен давно принятому обязательству – быть летописцем в самые тяжёлые времена»³⁸². Помимо двадцати четырёх редакций, письмо было разослано посольствам, политикам, деятелям культуры и правительственным организациям. На следующий день, 25 марта 1977 г., Родольфо Уолш был похищен, а затем убит.

Трагической судьбе политзаключённых того времени посвящена книга другого известного аргентинского журналиста Хакобо Тимермана «Заключённый без имени, камера без номе-

Ассошиэйшнс», в 1958 г., после слияния с агентством «Интернэшнл Ньюс Сервис» получило современное название.

³⁸² Carta abierta de un escritor a la junta militar, Rodolfo Walsh, 24 de marzo de 1977: propuestas para trabajar en el aula /seleccionado y comentado por Edgardo Vannucchi 1a ed. - Buenos Aires : Ministerio de Justicia, Seguridad y Derechos Humanos de la Nación, 2010. P. 13.

ра» (1981 г.), по которой в 1983 г. был снят одноимённый фильм. Редактор и основатель ежедневной газеты «La Opinión» («Мнение»)³⁸³ был схвачен военными 15 апреля 1977 г. и отвезён в одну из подпольных тюрем, где подвергся пыткам. Не являясь откровенно оппозиционным изданием, газета позволяла себе периодически публиковать критические материалы о ситуации в стране. Тимерману было предъявлено обвинение в связи с финансистом Давидом Грайвером (1941 - 1976), подозреваемым в отмывании денег «Монтонерос». Под давлением США в 1979 г. журналист был выпущен и переехал в Израиль.

22 сентября 1983 г. военная хунта, справедливо опасаясь обвинений в преступлениях против человечества, приняла «Закон о национальном примирении № 22.924» (моментально получивший название «закон о самоамнистии»), согласно которому срок исковой давности по делам об уголовных преследованиях со стороны государства или вооружённых сил считался истекшим «какими бы ни были их причины и какое бы законное право не было нарушено»³⁸⁴.

После плебисцита 1983 г. избранное правительство во главе с Раулем Альфонсином предложило отменить цензуру, гарантировать свободу слова. Новый президент направил в Конгресс проект закона, призванного отменить «Закон о самоамнистии». Он был принят 23 декабря 1983 г. Согласно Закону № 23.040 «Закон о национальном примирении № 22.924» был признан неконституциональным и недействительным.

Период правления последней военной хунты считается самым кровавым в истории Аргентины. Случившийся 24 марта 1976 г. государственный переворот был представлен в начале многими СМИ не как подрыв конституционных устоев, а как неизбежный процесс смены слабого перонистского правительства. Однако, углубление экономического кризиса и отсутствие чёткого политического курса, направленного на его преодоление, а также развязывание так называемой «грязной войны», в ходе которой было убито более 10 тысяч человек, а около 30 тысяч пропали без вести, привели к постепенной смене редак-

³⁸³ После ареста Тимермана газета продолжала издаваться до 1981 г., кардинально сменив информационную политику.

³⁸⁴ Ley de Pacificación Nacional. Ley № 22.924 [Электронный ресурс] // Información Legislativa. URL: <http://infoleg.mecon.gov.ar/infolegInternet/anexos/70000-74999/73271/norma.htm> (дата обращения: 14. 05. 2016).

ционного курса СМИ, появлению в них всё большего числа критических материалов. В июне 1981 г. в журнале «Humor» Энрике Васкес написал о роли работников СМИ в период диктатуры: «Мы, журналисты, виновны, потому что в определённый момент нам не хватило смелости... Мы не сказали ни слова о тайной Аргентине... Мы и подумать не могли, что наше молчание превратит нас в пособников того, что произошло и происходит. Да простит нас Бог! Надеюсь, топки в аду будут сломаны...»³⁸⁵. В то же время, несмотря на существование жёсткой цензуры, на царящую в стране атмосферу страха и репрессий, многие журналисты до конца с честью выполнили свой профессиональный долг, отдав жизнь за освобождение страны от диктаторского режима.

Библиография

- Blaustein E., Zubieta M. Decíamos ayer: la prensa argentina bajo el Proceso. – 1a ed. 2o reimp. – Buenos Aires: Colihue, 2006.
- Borelli M. Voces y silencios: la prensa argentina durante la dictadura militar (1976-1983) // Perspectivas de la comunicación. – 2011. – Vol. 4, № 1.
- Carta abierta de un escritor a la junta militar, Rodolfo Walsh, 24 de marzo de 1977: propuestas para trabajar en el aula /seleccionado y comentado por Edgardo Vannucchi. - Buenos Aires: Ministerio de Justicia, Seguridad y Derechos Humanos de la Nación, 2010.
- Iturralde M. El diario Clarín y la construcción discursiva del golpe de Estado de marzo de 1976 en Argentina // Quórum Académico. Venezuela, julio-diciembre 2013. - Vol. 10, N° 2.
- Medios, comunicación y dictadura. Edición de las jornadas de reflexión. Buenos Aires, Argentina: Centro Cultural General San Martín, 2004.
- Varesla M. Los medios de comunicación durante la Dictadura: silencio, mordaza y optimismo // Revista Todo es Historia. Buenos Aires, marzo 2001. N° 404.
- Walsh R. Caso Satanowsky. - Buenos Aires: Ediciones de la Flor, 1997.

³⁸⁵ Цит. по: Blaustein E., Zubieta M. Decíamos ayer. P. 21.

Н.С. ИВАНОВ³⁸⁶
N.S. IVANOV

ПАБЛО ЭСКОБАР: ПОРТРЕТ КОЛУМБИЙСКОГО НАРКО-
БАРОНА
PABLO ESCOBAR: PORTRAIT OF THE COLOMBIAN DRUG
LORD

Аннотация: В статье рассматривается судьба самого известного главаря наркомафии в современном мире – Пабло Эскобара, его связи с американской мафией, ЦРУ, правительственными и силовыми структурами Колумбии, роль наркобарона в создании колумбийских «эскадронов смерти», борьбе против партизанских объединений FARC и ELN. Реальный облик главаря наркокартеля противопоставляется «голливудскому» образу, созданному в рамках «классической» апологии зла и насилия в современной западной культуре.

Ключевые слова: Пабло Эскобар, Колумбия, Медельин, Кали, наркомафия, «эскадроны смерти», «Los Pepes», коррупция, ЦРУ, экстрадиция.

Abstract: The article deals with the fate of the famous leader of the drug mafia in the modern world – Pablo Escobar, his ties with the US mafia, CIA, government and the security forces of Colombia, the role of drug lord in the creation of the Colombian "death squads", the fight against the guerrilla armies FARC and ELN. The real personage of the drug cartel leader is counterposed to the "Hollywood" image, created in the framework of the "classic" apologia of evil and violence in the contemporary Western culture.

Key words: Pablo Escobar, Colombia, Medellin, Cali, drug trafficking, "death squads", "Los Pepes", corruption, CIA, extradition.

«Пиастры! Пиастры!» Кому не известен этот крик попугая, принадлежавшего одноногому пирату Сильверу? «Остров соковок», «Золотой кортик», романы М.Рида, Ф.Купера о захва-

³⁸⁶ Николай Серафимович Иванов - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Nikolai S. Ivanov, Institute of World History of the Russian Academy of Science, nik3334@yandex.ru)

тывающих приключениях пиратов, о спрятанных ими несметных сокровищах поражали воображение детей и взрослых всего мира, мечты найти клад и сказочно обогатиться бродили в их сознании до конца жизни. И ведь иногда такие удачи случаются! Вот например, в конце 2015 г., копаясь на своем клочке земли колумбийский крестьянин Картолос наткнулся на две пластиковые бочки, доверху наполненные пачками с валютой. Там оказалось, ни много ни мало 600 миллионов долларов!³⁸⁷

По версии колумбийских спецслужб, они принадлежали убитому в 1993 г. знаменитому «пирату» нынешних времен, главе Медельинского наркокартеля Пабло Эскобару. Сотрудники ЦРУ, участвовавшие в операции по ликвидации «крупнейшего наркобарона в мировой истории», состояние которого оценивали в десятки (а некоторые эксперты и в сотни) миллиардов долларов, считают, что он закопал значительную часть этих денег в многочисленных «схронах», вырытых в неприметных местах, наподобие участка Картолоса³⁸⁸.

Правительство Колумбии сразу же заявило, что деньги будут изъяты у крестьянина и использованы «для социальных программ борьбы с бедностью»³⁸⁹ (что сейчас повсеместно в мире означает лихорадочное рассовывание по карманам чиновников).

Но этот случай вызвал беспрецедентную волну кладоискательства. «Золотая лихорадка» охватила не только Колумбию. Так, некий владелец сети ресторанов в США Бордуар, купивший за 10 млн. долларов виллу в Майями, принадлежавшую некогда Эскобару, приказал снести ее целиком, «по кирпичику», будучи уверенным, что уж здесь-то гангстер спрятал немалую часть награбленного. Работы начались в феврале 2016 г., к ним привлекли лучших специалистов с радарными, металлоискателями и другой техникой. Бордуар уверен, что его также ждёт сенсационная находка³⁹⁰.

А что же говорить о Колумбии? Там у Эскобара было только одних вилл более восьмисот! Не говоря о других зданиях и сооружениях, многочисленных земельных угодьях, стадионах и спортивных клубах, ресторанах и ночных клубах, притонах,

³⁸⁷ La Prensa. Bogotá. 15.11.2015.

³⁸⁸ El Periódico. Bogotá. 13.11.2015.

³⁸⁹ El Publimetro. Bogotá. 06.11.2015.

³⁹⁰ Daily Caller. Miami. 15.02.2016.

тайных убежищах в джунглях. Был даже свой собственный зоопарк, из которого после убийства хозяина, сбежали бегемоты и долгое время пугали местных крестьян, да и животных — нападали на фермы скотоводов, и огромные быки в ужасе разбегались от невиданных темнокожих гигантов. Один из них разделил участь своего хозяина, будучи застреленным в лоб после очередной проказы. Однако африканские гиганты успели создать многочисленное потомство, и правительство до сих пор не знает как избавиться от них³⁹¹.

«Кокаиновый король»

Поиски спрятанных сокровищ подстегнули интерес к личности наркобарона. Что же особенного было в его судьбе? Пабло Эскабар Гавирия был третьим ребенком в семье фермера и сельской учительницы. С детства в нем проявились зачатки криминального авторитета. В нищих кварталах Медельина (второго по величине города Колумбии), где не было иной возможности «выбиться в люди» кроме криминальной деятельности, он сколотил банду подростков (*pandilla*), которая занималась кражей надгробий на местных кладбищах. С плит стирали надписи и перепродавали перекупщикам. Угоняли и перепродавали дорогие авто, затем («по восходящей») стали заниматься похищениями богачей за выкуп (*sequestros*), причем тех, кто отказывался платить, безжалостно убивали. Одним из главных источников доходов стало вымогательство (*рэкет*). Надо сказать, что при определении выколачиваемой суммы, Эскобар, по свидетельству сограждан, проявлял определенную гибкость. В отличие от государства, которое без разбора сдирало с налогоплательщиков три шкуры, он, по его собственным словам, был «знаком с математикой, но все же понимал, что в моем мире невозможно отнять от девяти десять»³⁹².

В 70-е годы банда стала заниматься посредничеством в продаже кокаина, который сменил марихуану в качестве популярного наркотика (сам «кокаиновый король» до конца жизни употреблял только марихуану). Постепенно обростая связями, пользуясь репутацией самого жестокого

³⁹¹ National Geographic. 10.05.2016.

³⁹² Legarda A. El verdadero Pablo: sangre, traición y muerte. – Bogotá: Ediciones Dipon, 2005. – P. 17-31.

гангстера, Эскобар создал крупнейшую наркоимперию в мире. У «кокаинового короля» появились в джунглях огромные плантации коки, собственные секретные химические лаборатории по производству наркотика, перевалочные базы на Багамах для торговли с США с причалами, бензозаправками и гостиницами. Ни один грамм кокаина не мог быть продан за пределы Колумбии без ведома Эскобара, который облагал каждую поставку 35-процентным налогом.

Свою империю наркобарон создал прежде всего за счет чудовищной жестокости и садизма. «Все империи, – говорил он, – построены на крови и пламени». Эскобар самолично зверски пытал своих противников или проштрафившихся членов банды, рассверливал дрелью коленные чашечки, выдирали ногти, а затем убивал и приказывал подчиненным выбрасывать трупы на помойку³⁹³.

На пике активности Медельинского кокаинового картеля ежедневно в США перевозилось более 15 тонн «порошка» (polvo), стоимостью полмиллиарда долларов. Только на резиновые полоски, которыми перевязывались пакеты с кокаином, тратилось две тысячи долларов в неделю. Для контрабанды наркотика использовались сотни личных самолетов, быстроходные катера и даже собственная подводная лодка! По данным американских спецслужб в 80-е годы картель захватил в США до 80% рынка кокаина, подмяв под себя наркобанды не только в Колумбии, но и других странах Латинской Америки, производящих коку – Боливии, Перу, Эквадоре, Венесуэле³⁹⁴.

Безусловно, львиная доля доходов шла на личное потребление, шикарную жизнь, расширение власти картеля. Но Эскобар понимал необходимость занятия прочного положения в «легальном» обществе. Подкупал политиков, полицейских, адвокатов, судей, прокуроров, журналистов. Если не удавалось подкупить, то безжалостно уничтожал правдолюбцев. Девизом банды было «Либо серебро, – либо свинец» (Plata o plomo)³⁹⁵.

Для создания массовой базы наркобарон не жалел денег на помощь беднякам и филантропию. В трущобах строил бесплат-

³⁹³ Legarda A. El verdadero Pablo. – P. 48.

³⁹⁴ Mollison J., Nelson R. The memory of Pablo Escobar. - N.Y.: Chris Boot, 2007. – P. 327

³⁹⁵ Rockefeller J.D. The Life of Pablo Escobar. – N.Y.: Createspace Independent Publishing Platform. 2016. – P. 15-25.

ное жилье для бедняков, школы, стадионы. Культивировал свой образ как «Робина Гуда», отнимающего деньги у олигархов и раздающего беднякам. Не случайно в нищих кварталах Медельина получил прозвище «El Doctor»³⁹⁶.

Однако, как и все остальные «робин гуды» преступного мира, он никогда не руководствовался альтруизмом или патриотизмом. Массовая поддержка была нужна для пополнения рядов «пехоты» картеля – киллеров, вышибал, охранников, сутенеров. И кроме того, она давала хорошие шансы для продвижения по политической лестнице.

Наркобарон, США и «эскадроны смерти»

Немало усилий приложил Эскобар чтобы стать «своим» среди власть имущих. Помимо обычных бандитских средств (подкупа, шантажа, «устранения» неудобных лиц), он стал одним из организаторов в 80-е годы в Колумбии «эскадронов смерти». Эти полувоеенные формирования (paramilitares) создавались для борьбы против народного партизанского движения (с 1962 г. «Революционные вооруженные силы Колумбии» – FARC, с 1964 «Армия национального освобождения» - ELN, с 1970 «Движение 19 апреля», М-19), которое, то вспыхивая, то разгораясь вновь, продолжалось в стране с 1948 г., когда агентами ЦРУ совместно с местными правыми экстремистами был убит популярнейший леволиберальный политик Хорхе Гайтан. В «эру насилия» (La Violencia), которая унесла жизни около 300 тысяч колумбийцев (в большинстве своем мирных жителей) правительство, с подачи США, взяло курс на подавление методами террора всех левых оппозиционеров (да и вообще всех «инакомыслящих»)³⁹⁷.

После победы кубинской революции в 1959 г. Вашингтон всячески поощрял использование жесточайшего террора внутри латиноамериканских стран с целью пресечения «коммунистической заразы». С помощью ЦРУ и американских советников повсеместно по всему континенту стали создаваться отряды «обеспокоенных граждан», которые составляли «черные спис-

³⁹⁶ Legarda A. El verdadero Pablo. – P. 283.

³⁹⁷ Henderson J.D. Colombia's Narcotics Nightmare: How the Drug Trade Destroyed Peace. – Jefferson (N.C.): McFarland and Company, Inc., Publishers. – P. 143, 158.

ки» тех левых деятелей, профсоюзных активистов, журналистов и политиков, которые подлежали уничтожению. В «серые списки» заносились те, кто подлежал шантажу и угрозам расправы с тем, чтобы они бежали и эмигрировали из родных мест. Каждая организация имела связников с ЦРУ, американским посольством, представителей армии и полиции, обильно снабжалась оружием и амуницией. Правительство, при поддержке СМИ и Вашингтонских «экспертов», полностью отрицало свою причастность к этим группам «местной самообороны», «гражданской милиции». Однако позже были получены неопровержимые документальные свидетельства координации деятельности между «эскадронами смерти» и правительственными войсками, участия в карательных операциях офицеров, солдат и полицейских (которые за эту «сверхурочную работу» получали от начальства премии, отгулы и награды)³⁹⁸.

Подобные организации, как указывал в 1962 г. разработчик «контрповстанческой стратегии» в странах «третьего мира», американский генерал П. Ярборо, должны были «использоваться для реализации тайных планов, поставленных перед ними правительством США, для контрпропаганды и контрразведывательной деятельности, а также заниматься полувоенными операциями, саботажем и террористической деятельностью, направленной против коммунистических элементов; они будут пользоваться полной поддержкой США»³⁹⁹.

Американские «спецы» разработали специально для Колумбии «План Лассо», который предусматривал постоянный инструктаж, военную подготовку, снабжение оружием этих формирований для ведения «грязной войны», в которой были садистски уничтожены десятки тысяч мирных жителей. Многие из них после зверских пыток сбрасывали с вертолетов в море живьем, на корм акулам, или закатывали в бетон в «кварталах Пабло Эскобара», и они до сих пор числятся среди «без вести пропавших»⁴⁰⁰.

В 80-е годы, когда правящие круги США уже были уверены в том, что удастся реализовать план по развалу Советского Со-

³⁹⁸ Stokes D. *America's Other War: Terrorizing Colombia*. – L., N.Y.: Zed Books, 2005. – P. 120-122.

³⁹⁹ Seymour R. *The Liberal Defence of Murder*. – N.Y.: Verso Books, 2008 – P. 128

⁴⁰⁰ Henderson, J. D. *When Colombia Bled*. – Tuscaloosa: The University of Alabama Press. 2010 – P. 200-222.

юза, они стали использовать Латинскую Америку как полигон для обкатывания стратегий будущего «однополярного» мира: новых разработок по «контрповстанческой» деятельности, «цветных революций», использованию различных «частных военных компаний» и «охранных предприятий». Главной целью было создание обстановки террора под прикрытием «борьбы с терроризмом».

«Эскадроны смерти» стали прообразом разношерстных группировок Аль-Каиды, ИГИЛа, ливийских «борцов за свободу», также как и печально известных ЧВК «Academi» («Blackwater»), «KMC Ltd», «Omega» и др. Не случайно в них, под видом «идейных антикоммунистов» в 80-е годы стали в массовом масштабе привлекать уголовников, прежде всего сброд из наркобанд (в настоящее время тот же контингент под видом «исламских фундаменталистов» вырезает мирных жителей в Сирии, Ливии, Афганистане и Ираке).

В 1981 г. по инициативе Эскобара 223 колумбийских гангстера собрались в Кали и организовали группу «Смерть похитителям» (Muerte a Secuestradores, MAS). Формальным поводом стало похищение партизанами сестры известных наркодельцов, братьев Очоа, которые входили в Медельинский наркокартель. Участники сходки «сбросились» по 7 млн. долларов на создание военизированного формирования, в которое официально вошло 2 тыс. бойцов.

На следующий год к этой банде присоединились вполне «респектабельные» военные (Х. Эчандиа), политики из консервативной партии, бизнесмены, в том числе сотрудники филиала американской нефтяной компании «Texas Petroleum», которые также назвали свое формирование «Смерть похитителям». Они призвали «очистить Колумбию от подрывных элементов», объявили сбор пожертвований, оружия, обмундирования, пищи для молодежи, которая с оружием в руках должна была «встать на защиту свободы и демократии»⁴⁰¹.

Группировка MAS стала одной из самых жестоких в истории «эскадронов смерти». Никто из paramilitares и не собирался вступать в открытый бой с партизанами. Они прежде всего стали «чистить» политических оппонентов проамериканского режима, социал-демократов и левых либералов. Начались убий-

⁴⁰¹ Calvo Ospina H. Colombia, laboratorio de embrujos. Democracia y terrorismo de Estado. – Madrid: Doca ediciones, 2008. – P. 145-151.

ства и похищения политиков, активистов прогрессивного крыла либеральной партии и профсоюзов. С 1983 г. государственные террористы стали орудовать в районах, близких к расположению партизан. Там, объединившись с правительственными войсками, они уничтожали тысячами мирных крестьян, якобы за их «пособничество» повстанцам, сжигали поселки, терроризируя местное население и создавая полосу «выжженной земли» вокруг мест дислокации партизан.

В городах *paramilitares* устраивали «чистки социального мусора», тысячами уничтожая проституток, беспризорных детей, мелких воров, гомосексуалистов и бездомных. В ходе подобной «социальной чистки» в Кали они сбрасывали трупы в местную реку, оставляя записки: «Чистое Кали, красивое Кали». Реку Каука местные жители называли «рекой смерти», и масштабы резни были таковы, что муниципалитет города почти разорился на очистке реки от трупов для восстановления нормального санитарного состояния⁴⁰².

Наряду с американскими инструкторами, обучавшими головорезов всем этим методам создания обстановки террора, в подготовке *paramilitares* принимали участие британские «спецы» и наемники, а также израильтяне. Поставками оружия из Израиля, а также подготовкой колумбийских *paramilitares* занимались такие печально известные деятели, как полковник израильской армии Яир Кляйн и сотрудники его частной военной компании «Spearhead Ltd». Кляйн стал лучшим другом и советником Эскобара и других дельцов наркобизнеса, оказывал техническую поддержку *traficantes* в поставках кокаина в США, Европу, другие регионы мира. В 2007 г. этот деятель, разыскиваемый Интерполом, странным образом оказался в России, где был арестован для выдачи колумбийским властям. Но затем, таким же странным образом, был выпущен и уехал в Израиль. Там он пишет мемуары и сетует на то, что такие «необходимые и благотворные для колумбийского государства формирования» как MAS расформируются и подвергаются критике⁴⁰³.

⁴⁰² Colombia. Comisión Internacional Permanente de Observadores para Colombia. – Madrid: IEPALA Editorial. 1987. – P. 219-220.

⁴⁰³ Parada Fernández A. Ironía histórica cínica: E.U. & U.E. en Colombia : la democracia más antigua de América en guerra su CIA de baja intensidad. – Bogotá: Universidad Autónoma de Colombia, 2004 – P. 349; Вестник News. Тель-Авив. 20.11.2010.

Для колумбийского наркобизнеса, благодаря «войне с терроризмом» 80-е годы стали периодом пышного расцвета. MAS и другие группировки опустошали огромные территории, которые затем скупались по дешевке и использовались для плантаций коки. «Защитники страны от терроризма» устроили обстановку тотального террора, которая позволила им за бесценок использовать местную рабочую силу, в беспрецедентных масштабах заниматься «рэкетом», мотивируя вымогательство «защитой местных бизнесменов от партизан».

Связи с правительственными войсками, чиновниками (среди которых был будущий президент страны Урибе Велес⁴⁰⁴), агентами ЦРУ, американскими, британскими и израильскими инструкторами, установленные через MAS, позволили сказочно расширить каналы сбыта наркотиков, что и стало основой возвышения Эскобара как главы крупнейшей в мире наркоимперии.

Взлет и падение «императора»

В 1982 г. Эскобар осуществил «голубую мечту» всех бандитов – стал членом Конгресса страны. Казалось, он достиг пика карьеры, откуда открывался прямой путь к его заветной цели – креслу президента Колумбии. Огромная власть Эскобара, а также совпадение бизнес-интересов многих сторон (и стран) на наркоторговле ярко проявились в крахе планов президента Б. Бетанкура Куартаса заключить в 1984 г. перемирие с партизанами. После серии переговоров было подписано соглашение о прекращении огня сроком на один год, стороны создали совместную комиссию для решения проблем разоружения и заключения мира. Значительная часть партизан встала на путь легальной политической борьбы. Было принято решение о создании Патриотического Союза (Unión Patriótica), который мог стать крупной левоцентристской парламентской партией, к которой примкнули бы не только левые партии и организации, но также и герильерос, прекратившие вооруженную борьбу.

Но это было невыгодно Медельинскому картелю, который под прикрытием «войны с терроризмом» стал частью колоссальной международной сети наркоторговли в тесной связке с

⁴⁰⁴ Camargo S. El narcotraficante no. 82: Álvaro Uribe Vélez. – Madrid: Universo Latino Association, 2008.

американскими, британскими и израильскими спецслужбами. Подтянув свои «эскадроны смерти» и пользуясь полной поддержкой армии, наркобароны начали настоящую резню бывших партизан, сдавших оружие и поверивших обещанию правительства соблюдать перемирие, левых либералов, правозащитников, местных активистов, профсоюзных деятелей, в результате чего, по заключению американского посольства в Колумбии, «Патриотический союз был полностью истреблен»⁴⁰⁵.

Однако это оказалась «пиррова победа». Эскобар не учел новой расстановки сил, связанной с приходом к власти в США Р. Рейгана. В 80-е годы в Вашингтоне шла активная подготовка «демократической волны», на гребне которой и был развален СССР. Цель состояла в том, чтобы создать облик «благородной американской империи», борющейся за «права человека», за помощь афганским «борцам за свободу» (моджахедам), за избавление мира от наркотиков. С этими лозунгами Рейган пришел к власти в 1980 г. А с 1985 г. президент Рейган официально объявил о начале «войны с наркотиками».

Пропагандистский эффект состоял не только в том, чтобы укрепить положительный образ США, но и закамуфлировать целую серию грандиозных скандалов, связанных с наркоторговлей, основные каналы которой, как оказалось, обеспечивались силами ЦРУ, армии, американских спецслужб.

Самым крупным политическим скандалом 80-х годов стало дело «Иран-контрас» о нелегальном снабжении банд наемников («contras»), пытавшихся свергнуть законно избранное правительство сандинистов в Никарагуа, американским оружием через посредников в Израиле и Иране. Оно было круто замешано на поставках наркотиков в США через каналы ЦРУ и других спецслужб США.

Из показаний главного фигуранта этого дела, высокопоставленного чиновника Совета национальной безопасности США, подполковника Оливера Норта явствовало, что высшие органы государственной власти не только знали о наркоторговле через каналы спецслужб, но (как минимум) не пытались препятствовать этой противозаконной деятельности. Похоже, что многие государственные чиновники просто получали очень хорошие

⁴⁰⁵ Matta Aldana L.A. Poder capitalista y violencia política en Colombia: terrorismo de estado y genocidio contra la Unión Patriótica. – Madrid: Edición Ideas y Soluciones Gráficas, 2002. – P.83.

«отступные», а мотивировали свою бездеятельность необходимостью «тщательного отслеживания маршрутов наркотрафика», а также получения никарагуанскими наемниками «дополнительных, не отслеживаемых через официальные каналы средств для борьбы с коммунизмом».

В ходе расследования в 1989 г. наркоторговли и действий спецслужб США комиссия сенатора Джона Керри (нынешнего Государственного секретаря США) фактически подтвердила эту связь: «Господин Норт, работавший в Совете национальной безопасности в Белом Доме, а также другие высшие должностные лица создали свою собственную сеть «контрас», которая привлекала торговцев наркотиками для прикрытия своих операций, затем эти чиновники покрывали их незаконную деятельность и игнорировали многочисленные сообщения о контрабанде наркотиков через каналы «контрас», а также активно сотрудничали с такими известными наркодилерами как панамский диктатор Мануэль Норьега с целью оказания содействия никарагуанским «контрас»⁴⁰⁶.

Американскому правительству надо было срочно «подчищать грязь», которая начала просачиваться в прессу и ТВ. Отсюда посылка спецназа и сотрудников Агентства по борьбе с наркотиками (DEA) в страны Латинской Америки, увольнения и отставки в ЦРУ и других разведцентрах. Главной целью действий американских «спецов» в Колумбии, Мексике, Панаме и других странах стало физическое устранение тех деятелей, «кто слишком много знал», либо жесткое требование экстрадиции в США, чтобы в американских стенах похоронить их тайны.

С начала 80-х годов объектом номер один, естественно, стал Эскобар (позже, в 1989 г. была организована интервенция в Панаму, где главу правительства М. Норьегу арестовали, вывезли в США и заточили в тюрьму – по сути за то, что он подобострастно выполнял все требования американских спецслужб, организовавших через Панаму канал сбыта кокаина).

Американское посольство в Боготе с начала 80-х годов развернулось на 180 градусов и стало поощрять политиков, которые выступали против наркомафии. Это были, помимо уничтоженного Эскобаром «Патриотического Союза», деятели колум-

⁴⁰⁶ Schulte-Bockholt A. The Politics of Organized Crime and the Organized Crime of Politics: A Study in Criminal Power. – Latham, N.Y., Toronto, Oxford: Lexington Books, 2006. – P. 65.

бийского движения «нового либерализма», которых привлек в правительство президент Б. Бетанкур Куартас – министр юстиции Р. Лара Бонилья и будущий кандидат на пост президента Колумбии Л. Карлос Галан.

Их выступления привели к тому, что в январе 1984 г. Эскобар был исключен из Конгресса. Это вызвало ярость наркокороль, который организовал убийство министра юстиции в апреле того же года⁴⁰⁷.

В ответ на это президент Бетанкур ввел в мае осадное положение в стране, провозгласил «беспощадную войну» наркодельцам и согласился экстрадировать их в США (с 1984 по 1987 гг. в США было выдано 13 колумбийских гангстеров). В июне в США было открыто уголовное дело против Эскобара и его помощника, К. Ледера Риваса, и американское правительство потребовало ареста наркодельцов и их передачи в США.

Эскобар пустился в бега и организовал террористическую группу «Los Extraditables», борющуюся методами террора против экстрадиции в США колумбийских наркодельцов. «Я предпочитаю, – заявил он, – сгнить в колумбийской земле, чем жить в американской тюрьме». Каждый случай выдачи колумбийцев в США вызывал, по приказу Эскобара, волну убийств полицейских, следователей, юристов, судей⁴⁰⁸.

В ноябре 1985 г. боевики партизанского движения М-19 захватили в Боготе дворец правосудия, взяв в заложники более 300 человек, в том числе членов Верховного суда. Это привело к краху дальнейших попыток организации мирных переговоров правительства с партизанами. Более того, в ходе штурма здания и возникшего пожара погибло более ста человек, в том числе 11 из 21 членов Верховного суда, сгорели все архивы уголовных дел, связанных как с партизанским движением, так и с наркомафией. Так как объективно это было выгодно Эскобару, до сих пор в Колумбии бытует версия о том, что наркобарон использовал партизан «втемную» для дестабилизации политической обстановки в стране (хотя доказательств этому нет)⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ Lee R.W. The White Labyrinth: Cocaine and Political Power. – New Brunswick, L.: Transaction Publishers, 1998. – P. 130-139.

⁴⁰⁸ Reconstructing Criminality in Latin America // Ed.by Aguirre C.A., Buffington R. – Wilmington, Delaware: Scholarly Resourced Inc., 2000. – P. 232

⁴⁰⁹ Piccoli G. El sistema del pájaro: Colombia, laboratorio de barbarie. – Talla: Editorial Tzalaparta, 2004. – P.297

В отношении США, куда Эскобар раньше ездил довольно часто, и где у него было немало роскошных вилл, точка зрения «короля» радикально поменялась. Если раньше он был ярким поклонником «американского образа жизни», то теперь заявлял: «Америка — это двести миллионов идиотов, которыми управляет один миллион спецагентов»⁴¹⁰. Огромные деньги и связи с коррумпированными чиновниками позволяли ему успешно скрываться в течение семи лет. Он строил тайные убежища по всей стране. Пользуясь информацией, полученной от своих агентов, он всегда на шаг опережал тайные операции полиции и спецназа.

Однако то, что всесильный Эскобар был вынужден пуститься в бег, сыграло роковую роль в судьбе его кокаиновой империи. Как и все ОПГ, она строилась на непререкаемом авторитете «короля» и прибыльности бизнеса. Как только начались неудачи, «верные братаны» стали разбегаться в разные стороны.

Американские спецслужбы, на дружбе с которыми строилась власть Эскобара, стали срочно обрубить все налаженные каналы поставок кокаина в США. Три главные структуры «империи» – Медельинский картель (тайные операции, плантации коки, финансовый центр), наркокартель Кали (производство наркотиков, лаборатории, легальная база в виде компаний в области фармацевтики и других сферах), сбытовая сеть через Багамы – стали расползаться в разные стороны.

Ближайший помощник Эскобара, Карлос Ледер Ривас, отвечавший за сбыт кокаина, был арестован в 1987 г. и выдан американцам (он до сих пор отбывает «пожизненный срок плюс 135 лет тюремного заключения» в США, и эта идиотская судебная формулировка лишний раз подтверждает правоту Эскобара в оценке американцев)⁴¹¹.

В 1986 г. ближайшие помощники Эскобара, братья Очоа (соорганизаторы Медельинского картеля) организовали громкое убийство американского пилота Барри Сила в США, который был связан с ЦРУ, ФБР, и с 1982 г. регулярно переправлял огромные партии наркотиков в США. Он использовал аэропорт в г. Мена (Арканзас) для своих операций – как утверждали в

⁴¹⁰ Lee R.W. The White Labyrinth: Cocaine and Political Power. – P. 139.

⁴¹¹ Gugliotta G., Leen J. Kings of Cocaine: Inside the Medellín Cartel. – N.Y.: Simon and Schuster, 1989. – P. 243-230.

свое время некоторые эксперты, «не без ведома тогдашнего губернатора, Билла Клинтона»

Сил даже прикупил транспортный самолет C-123 (ласково назвав его «Толстушкой» – The Fat Lady) для перевозки десятков тонн кокаина от Медельинского картеля. Самолет был оснащен кинокамерой, и президент Рейган использовал полученные кадры перегрузки кокаина в аэропорту Манагуа для обвинения сандинистов в пособничестве колумбийскому наркокартелю. Барри Силу «скостили» срок за перевозку наркотиков до 6 месяцев условного наказания под присмотром ФБР.

Но судья настоял на том, что он должен был каждую ночь проводить в здании американской Армии спасения в Батон Руже (штат Луизиана), не имея при себе даже личного оружия. Пилот предупредил власти о том, что невключение его в программу защиты свидетелей, полная осведомленность о месте его пребывания фактически обрекают его на гибель. Однако, видимо, это и было целью спецслужб США. 19 февраля 1986 г. подосланный картелем киллер двумя выстрелами убил «слишком много знавшего» Сила. Три исполнителя заказного убийства были арестованы и получили пожизненный срок в американских тюрьмах. Однако заказчиков не нашли, и отсутствие ценного свидетеля рассыпало дело об экстрадиции Хорхе Очоа из Испании, где он скрывался от колумбийских властей. Но самое главное, был ликвидирован агент, который лично знал множество важных лиц, участвовавших в наркобизнесе⁴¹².

Вскоре выяснилось, что многомиллионные банковские счета Сила в офшорах исчезли. По всем признакам, деньги были сняты деятелями из ЦРУ и ДЕА. Собственность пилота ЦРУ, занимавшегося перевозкой кокаина, была распродана, и деньги также бесследно исчезли. А вдова Сила наделала много шума, заявив, что в телефонной книжке мужа нашла домашний и мобильный номер тогдашнего вице-президента (и будущего президента США) Джорджа Буша⁴¹³ ...

Косвенным свидетельством того, что это убийство было выгодно многим высокопоставленным персонам в США является то, что братья Очоа сдались властям Колумбии в 1990 г. и отси-

⁴¹² Scott P.D., Marshall J. Cocaine Politics: Drugs, Armies, and the CIA in Central America. – Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1998. – P. 91-97

⁴¹³ Reed T., Cummings J. Compromised: Clinton, Bush and the CIA. – N.Y.: SPI Books, Shapolsky Publishers, 1994. – P. 98.

дели в тюрьме лишь пять лет. Через несколько месяцев после убийства пилота, в октябре 1986 г. неведомым образом самолет Сила, «Толстушка», оказался в воздушном пространстве Никарагуа с грузом оружия для «контрас» и был сбит сандинистами. Пилота удалось захватить живым, и он дал ценные показания. Оказалось, что самолет использовал Оливер Норт для своей тайной операции, в которой участвовали ЦРУ, власти Ирана и Израиля. С этого момента началось официальное расследование скандального дела «Иран-контрас»⁴¹⁴.

«Зачистка» лиц из ЦРУ и других спецслужб, занимавшихся поставками наркотиков в США нанесла тяжелейший удар по Эскобару и его «империи». Но не меньший урон был связан с тем, что картель Кали, пользуясь тяжелым положением наркокороля, начал непримиримую борьбу против него, захватив у конкурента свое «место под солнцем». Из Медельина туда стали перебегать бывшие «преданные» подручные Эскобара.

Единственным средством восстановления своего положения, к которому Эскобар прибегал всегда в любых ситуациях, был террор. «Считайте меня богом, – цинично заявлял он, – потому что если мне кажется, что кому-то суждено умереть, он умирает в тот же самый день»⁴¹⁵.

В 1989 году Эскобар попытался заключить сделку с властями, согласившись сдать в руки правосудия с условием его невыдачи в США. В ответ на отказ правительства он начал чудовищную кампанию террора. От рук его киллеров погибли судья Верховного суда Карлос Валенсия, полковник полиции В. Франклин Контеро. В августе 1989 г. на предвыборном митинге был застрелен кандидат на пост президента, давний враг наркобарона Л. Карлос Галан. В столице за две недели прогремело 7 взрывов, в результате которых погибли 37 человек, более четырехсот получили увечья. В ноябре 1989 г. бандиты подложили бомбу в самолет колумбийской авиакомпании. В результате взрыва «Боинга» погибли 107 человек. В декабре был организован подрыв здания департамента безопасности в Боготе (предположительно, с целью убийства его шефа, генерала М. Маса Маркеса). Бомба была заложена в автобусе, припаркован-

⁴¹⁴ Ray P.J. To Kill a Country. – Bloomington, UK: Authorhouse Ltd., 2009. – P. 295-312.

⁴¹⁵ Almazán A. El más buscado. – Madrid: Alejandro Almazan, Grijalbo, 2012. – P. 12

ном у здания департамента. В результате мощного взрыва погибло более 60 человек, сотни получили ранения⁴¹⁶.

Спецслужбы Колумбии захватили ближайших помощников Эскобара. В ответ на это бандиты похитили несколько богатейших людей Колумбии. Их родственники стали оказывать давление на правительство с целью отмены соглашения об экстрадиции – главного условия возвращения заложников. В итоге правительство приняло решение не выдавать Эскобара американцам. В июне 1991 г. он сдался властям, согласившись признать за собой вину в нескольких незначительных преступлениях.

Его поместили в тюрьму «Храм» (La Catedral), которую он сам же и построил для себя. Там были роскошные апартаменты, дискотека, сауна и джакузи, футбольное поле. Родственники, друзья и сообщники могли свободно посещать его в любое время, сам наркобарон мог приходить и уходить из этой своеобразной «тюрьмы», по своему желанию. Спецслужбы Колумбии, которые семь лет безуспешно преследовали его, по требованию Эскобара, теперь не могли приближаться к «Храму» на расстояние ближе 20 км.

Почувствовав себя вновь «в своей тарелке», наркобарон принялся «завинчивать гайки» в своей империи, чтобы восстановить пошатнувшиеся позиции. Он приглашал «отступников» в тюрьму, сам вместе с подручными жестоко пытал их, убивал и приказывал вывозить и закапывать жертвы в джунглях⁴¹⁷.

Но на этот раз Эскобар явно переоценил свои возможности. Правительству (и американцам, оказывавшим на него давление) нужен был только предлог для окончательного решения вопроса с Эскобаром. В июле 1992 г. президент С. Гавирия Трухильо отдал приказ перевести наркобарона в настоящую тюрьму с тем, чтобы потом выдать американцам. Эскобар узнал об этом решении и сбежал.

С этого момента за ним стали охотиться полиция, спецназ, армия Колумбии, агенты DEA и ЦРУ, присланные для ликвидации опасного для США свидетеля. Самые близкие подельники Эскобара по Медельинскому картелю братья Очоа в этот пе-

⁴¹⁶ Mollison J., Nelson R. The memory of Pablo Escobar. – P. 100; Momah S. Global disorders and the new world order. Lagos: Vista Books, 1994 – P. 70

⁴¹⁷ Bowden M. Killing Pablo: The Hunt for the World's Greatest Outlaw. 2007 – N.Y.: Atlantic Monthly Press, 2007. – P. 155-159.

риод находились в тюрьме, Х. Родригес Гача («Мексиканец», ответственный в картеле за канал сбыта через Мексику) был убит в 1989 г. во время перестрелки со спецназом.

Перебежчики же присоединились к преследованию своего бывшего вожака. В ответ на заказанные Эскобаром убийства «предателей», они организовали совместно с картелем Кали группу «Los Pepes», сокращенное название от «Perseguidos por Pablo Escobar» («Люди, преследуемые Пабло Эскобаром»), которая начала настоящую охоту за своим прежним предводителем. Во главе этой группы стоял один из ближайших друзей Эскобара, Фидель Кастаньо («Рэмбо»), который отвечал за связи со спецслужбами США, Британии и Израиля (на его вилле Las Tangas под руководством западных инструкторов проходили военную подготовку «бойцы» Медельинского картеля и «эскадронов смерти») ⁴¹⁸.

Участие в погоне Фиделя Кастаньо, знавшего практически все о своем бывшем шефе, сыграло решающую роль в ликвидации наркобарона. «Лос Пепес» взрывали и сжигали поместья Эскобара, убивали и терроризировали тех, кто был связан с наркобароном. Эскобар, беспокоясь за свою семью, пытался отправить своих близких в Германию. Но спецслужбы США договорились с немецким правительством об отказе во въезде, и самолет развернули обратно в Колумбию. Семью использовали как «приманку» для проведения окончательной операции ⁴¹⁹.

Телефоны тщательно прослушивались, и 2 декабря 1993 г., на следующий день после дня рождения Эскобара, тот позвонил сыну. По этому разговору удалось засечь местоположение наркобарона. Туда отправились боевики «Лос Пепес», спецназовцы и американские агенты DEA С. Мерфи и Х. Пенья. Снайпер «Лос Пепес» ранил убегающего Эскобара в ногу. Кажалось бы, вполне можно было брать его живьем. Но у DEA были другие инструкции. И Х.Пенья добил кокаинового «императора» несколькими выстрелами в голову. (Поскольку существует множество версий убийства Эскобара, вышеизложенная наиболее вероятна) ⁴²⁰.

⁴¹⁸ Cortés F. El asesinato de Galán. – Bogotá: Planeta, 1994 – P. 175

⁴¹⁹ Colombia's Killer Networks: The Military-paramilitary Partnership and the United States. // Human Rights Watch Project. – N.Y., Wash., L., Brussels: Human Rights Watch, 1996. – P. 18-20.

⁴²⁰ Bowden M. Killing Pablo. – P. 268-281.

Два Эскобара

После гибели началась новая, «киношная» жизнь наркобарона. Эскобар стал одним из основных «героев нашего времени». Известные режиссеры А.Фукуа, Б. Фурман, О.Стоун, Д.Карнахан либо сняли, либо хотели снять о нем полнометражные фильмы. Два года назад в Колумбии был поставлен сериал из 37 частей, посвященный наркобарону. В 2014 г. вышел в свет голливудский «блокбастер» «Потерянный рай», в котором роль Эскобара сыграл известный актер Бенисио дель Торо. В настоящее время в США на телевидении идет второй сезон популярного сериала «Narcos», посвященный судьбе бандита (режиссер Жозе Падилья, главную роль играет бразильский актер Вагнер Моура). Голливудский идол Том Круз снимает в настоящее время фильм об Эскобаре, который выйдет в свет в 2017 г. В нем он играет роль пилота ЦРУ Барри Сила.

По издавна накатанной Голливудом колее жизнь Эскобара (как и любого другого «крестного отца») показывают в положительных тонах («Да, но...»). «Да, жестокий, но как иначе выжить в мире криминала? Да, гангстер, но заботился о бедных» и т.п.⁴²¹

В качестве примера можно привести документальный фильм «Два Эскобара», показанный по российскому телеканалу «Матч ТВ» 9 февраля. В нем сопоставляются судьбы Пабло Эскобара и его однофамильца, известного колумбийского футболиста Андреса Эскобара, убитого гангстерами через полгода после смерти Пабло, в июле 1994 г. также в Медельине – за автогол, забитый во время матча с США на чемпионате мира⁴²².

Несмотря на ряд негативных высказываний в отношении Пабло, проявляются те же мотивы «благодетеля». Говорится о колоссальных средствах, которые он выделял на спорт (более всего на боготворимый им футбол). Что даже будучи в тюрьме «La Catedral», пригласил к себе сборную страны, и лучшие футболисты страны провели там матч специально для него! Что если бы Пабло был жив, то не допустил бы гибели Андреса.

⁴²¹ Fienberg D. «Narcos» Star Approached "All the Time" With Stories About Pablo Escobar// Hollywood Reporter. 17.12.2015

⁴²² Karanikas D., Harvey J. Dead before their time – N.Y.: MetroBooks, 1996 – P. 55

Что никто не посмел бы угрожать колумбийским футболистам в ходе чемпионата мира 1994 г.

Хотя, скорее всего, Эскобар, полностью зависимый от американцев, вряд ли смог бы помочь футболистам своей страны (беспорным фаворитам чемпионата мира 1994 г.), давление на которых шло именно от США, по жеребьевке оказавшихся с ними в одной группе. Будучи хозяевами турнира, американцы (новые «господа мира», только что победившие в Холодной войне) во что бы то ни стало должны были, как минимум, выйти из группы, пробиться хотя бы в 1/8 турнира. Это и привело Колумбию к злосчастному поражению в матче с США, который по всем признакам был договорным. Мяч, как заметил один из игроков сборной Колумбии, «упорно шел либо мимо ворот, либо прямо в руки американского вратаря». Благодаря автоголу капитана команды, Андреса Эскобара, колумбийцы проиграли 1:2, и были вынуждены собирать чемоданы и уезжать досрочно на родину (Андреса убили в Медельине еще до окончания турнира).

Просматривая фильм невольно приходишь к мысли о том, что название подходит не только к паре Пабло-Андрес, но и к самой фигуре наркокороля. Действительно, существует два Пабло Эскобара. Первый – жестокий садист, наркоделец, добившийся колоссального размаха «бизнеса» благодаря подключению картеля Эскобара к мировой сети наркотрафика, организованного банкирами Уолл-Стрита, спецслужбами США и других западных стран. Как у любого другого вожака банды, по стандартному сценарию, вначале все «мелкие сошки» тянутся к успешному «авторитету». Затем, когда он достигает определенного уровня, у него «сносит крышу», и теряется чувство реальности. Охваченный паранойей, главарь начинает борьбу против властей, «предателей» в своем картеле и конкурентов, и эта война в большинстве случаев заканчивается его гибелью. Как и в любом другом бизнесе (да и в политике, которая также стала бизнесом) партнеры и «братаны» гангстера действуют, как и он сам, – по законам эффективности: надо загребать максимум прибыли, устранять конкурентов и вовремя сбежать от тонущего вожака (а лучше всего самим «притопить» его, как сделали бывшие друзья Эскобара). «Ничего личного – просто бизнес».

Таким образом, если рассматривать этот тип личности рационально, то помимо огромных капиталов на крови и сломанных судеб миллионов (а может быть, и десятков миллионов) людей,

ничего экстраординарного, отличающего его от других бандитов, в характере Эскобара не было.

Однако, есть и «второй Эскобар», образ которого выходит за рамки рациональности. Вот, например, причины, по которым главой наркокартеля заинтересовался известный режиссер Антуан Фукуа, поставивший фильм «Эскобар» в 2009 г.: «Пабло был Робин Гудом: одним он казался святым, другим — дьяволом; он стал одним из самых успешных преступников в мире, поэтому так интересен в качестве героя кинофильма».

В народе сложилась стойкая легенда об Эскобаре как «защитнике бедных». В фильме «Два Эскобара» показаны похороны наркобарона, на которые собралось около 30 тыс. человек. Они рыдают, кричат: «На кого же ты нас покинул, Пабло?». Люди, у которых берут интервью, утверждают без тени сомнения: «Даже земля сотряслась в момент гибели Дона Пабло, и вихрь пронесся над ней!» (Чувствуешь, как мурашки пробегают по коже, и на твоих глазах зарождается новая мистическая легенда!). Говорят, что все бедняки скорбят, а ликуют лишь олигархи и политическая элита. Что смерть Пабло вызвала политический хаос в стране. Что у «Доктора» (как Эскобара уважительно называли в Медельине) «были принципы», и без его ведома никто из его подручных не мог совершать противоправные действия. Что он ненавидел бандитов, похищающих людей за выкуп. И это утверждается вопреки общеизвестным фактам! Еще на заре своей криминальной деятельности банда Эскобара промышляла похищениями зажиточных колумбийцев. В 1971 г. они похитили богача Д. Эчеварио, хотели получить выкуп, но не удалось. Тогда пленника задушили, а его труп выкинули на свалку. Причем Пабло открыто заявил о своей причастности к убийству. Но (вот они, парадоксы массового сознания!) жители трущоб ликовали по поводу смерти Эчеварио и именно тогда в знак одобрения стали называть 22-летнего бандита «El Doctor».

Эскобаровщина и годфазеровщина

Огромный тираж и популярность фильмов об Эскобаре и прочих бандитах, безусловно связаны с вышеуказанной народной легендой о «добром и справедливом гангстере», рожденной в трущобах не только «третьего», но и «первого мира».

Эта легенда поддерживается и пестуется «мейнстримом», поскольку в нынешнем извращенном, бандитском обществе,

«истинными героями» могут стать, естественно, только бандиты (либо, на более низком уровне, детективы, «следаки» и «сыскари», функцией которых является защита «элитных» разбойников у власти). Зрителям вдалбливают, что только «крестные отцы» живут полноценной жизнью, в отличие от «толпы посредственностей», к которой относится все остальное общество. В преддверии этой пропагандистской волны олигархи за последние десятилетия своей «железной пятой» разбили народные партии, профсоюзы, другие общественные организации, создали хаос в обществе, а теперь цинично и пренебрежительно плюют на «толпу» – и уважительно превозносят своих «героев».

Отвага этих «героев», сильный характер, склонность к авантюризму и риску, удачливость, обязательная привязанность к семье, беспрекословное подчинение им внутри мафии (наркокартеля), харизма (своеобразный магнетизм сильной личности) – вот характерные черты, которые закрепились в Голливуде со времен «Крестного отца». Естественно, в образе главаря преобладают симпатичные черты. Жестокость, насилие, конечно, присутствуют, но они либо являются ответом на кровопролитие со стороны конкурентов, либо связаны с «чрезмерно brutальными» помощниками.

Зрителя буквально заставляют жить внутри мафии с ее жестокими «законами», манипулируя эмоциями по методикам, разработанным специалистами по массовой психологии и пиару. Знаменитый фильм Копполы (по калькам которого делается большинство фильмов о бандитах и киллерах) заставляет людей завидовать могуществу вседозволенности «крестного отца» итальянской мафии (хотя она была на самом деле такой же «итальянской», как нынешняя «русская мафия» – русской).

В фильмах об Эскобаре (как и в большинстве западной гангстерианы) представлена «система правосудия» в уголовном мире, которая оказывается гораздо более справедливой по сравнению с государственной. Действие уводит зрителя от этической дилеммы, заставляя его полностью встать на сторону «героя». Сцены насилия побуждают испытывать отвращение к киллерам, но в то же время не подрывая симпатию к наркобарону. Зритель становится «инсайдером» криминального клана, невольно считая морально оправданной «защиту интересов семьи», противопоставление гангстерской «морали» закону.

Авторы фильмов внушают зрителям, что трагедия Эскобара (и других «крестных отцов») состоит не в криминальном характере их «бизнеса», а в том, что их «система ценностей» и «правила» (чаще всего более справедливые, чем государственные законы), приводят к непримиримому конфликту с властями. Главарь картеля всего-навсего «мстит за преступления», которые не подпадают под действие существующего законодательства. Более того, именно он олицетворяет справедливость перед лицом полностью коррумпированного общественного порядка. Однако сам по себе социальный порядок не волнует главаря картеля. За исключением подкупа «нужных людей», он просто игнорирует «легальный» мир политиков, судей и полицейских. Он становится «над законом», которому подчиняются обычные людишки. И зрителя заставляют думать, что именно эта поза морально оправдана. Поголовное истребление конкурентов в этих фильмах заставляет зрителей не содрогаться от ужаса, а испытывать восхищение перед «мудростью, дальновзоркостью и эффективностью» Эскобара.

Борьба с коррумпированным обществом обречена на поражение, поскольку силы неравны, а также поскольку всеобщая коррупция распространяется и на картель, где появляются «крысы» и предатели. Начинается чистка внутри своих рядов, перерастающая в паранойю. В итоге трагический «герой» становится легкой мишенью спецслужб.

Блокбастеры о бандитах и киллерах заполнили экраны, их трогательно, до мельчайших деталей копируют «попки» из российского кинематографа. Фильмы о «деде Хасане», «Япончике», других «эффективных менеджерах» преступного мира, положительные черты мудрых «воров в законе», которых уважают опытные «следаки» в бесконечной череде ТВ сериалов, «крутые парни», «братаны», олигархи (симпатичные, респектабельные, законопослушные, которых почему-то пытаются отравить их мерзкие жены и родственники), очеловеченные киллеры и милые, добрые проститутки. Вот куцый набор ролей, которым исчерпывается современное российское кино. Прimitивный лагерный «шансон» и блатная «феня», на которой «боятся» не только бандиты, но и следователи (а порой и высокопоставленные политики).

В нынешней антикультуре нет добра и зла, главное – эффективность. Эскобар был самым «эффективным», поэтому его и восхваляют в СМИ, поэтому в Голливуде ставят о нем фильмы.

Ошибкой, по мнению постановщиков этой киношпильни, было лишь то, что он стал заниматься политикой – на этом и «погорел». Никто из них не будет говорить ни слова о paramilitares, страшных пытках и казнях, «эскадронах смерти», связях с банкирами, ЦРУ и продажными политиками.

Насилие стало необходимым элементом идеологии мировых олигархов. Нас приучают к «обыденности» насилия и войн, воспевают не ученых и творцов, а мускулистых зомби, готовых убивать всех без разбора. Даже если они гангстеры, наркобароны и киллеры, в кино они чаще всего – «хорошие парни», а их жертвы – «плохие». Все зависит от ракурса, подачи материала киношниками.

Как отмечал «гуру» современного пиара, У. Липпман, для манипуляции сознанием, подмены истинных представлений навязываемыми фикциями необходимо «ограничить доступ людей к правдивой информации, использовать сцены насилия, деформацию внимания, бедность языка, однообразие, подсознательные чувства, отвлекающие моменты»⁴²³. Нетрудно заметить, что все это присутствует в фильмах о «королях» гангстерского мира.

В массовой пропаганде происходит «героизация» преступников. И это придает легитимность собственным чудовищным преступлениям олигархов и заправил «нового мирового порядка». И наконец, – суггестия. Насилие на экране придает оптимизм зрителям. «Они мертвы, а я-то, несмотря ни на что жив!». Пусть бесправен, пусть меня душат жесточайшими налогами и непомерными платами за коммунальные услуги, пусть дают мизерную зарплату, пусть запрещают и разгоняют дубинками протестные акции, пусть гнобят и увольняют начальники, пусть обворовывают все, кому не лень. Но жив! А вот на экране лежат в реках крови сотни трупов тех, кто осмелился бороться с «крутыми парнями». Смотришь на них и понимаешь, что надо затаиться, не высываться, думать только о выживании, не протестовать. Глядишь, как-нибудь и вывернешься, пронесет...

Помимо этого, как считают психологи, тысячи различных фобий нынешнего человека (страх перед войной, апокалипсисом, уличной преступностью, безработицей, нищетой) снимаются лишь агрессивностью. Отсюда постоянное навязывание точки зрения, что насилие является «обыденной формой» от-

⁴²³ Lippmann W. Public Opinion. – N.Y.: Greenbook Publications, 2010 – P. 76
188

ношений в обществе. То есть насилие и запугивает обывателей, и является (в киношном преломлении) своеобразной формой массовой психотерапии.

Как же этот ураган преступлений в кино (как и в реальной жизни) уживается с утверждением об «исключительности» США, их «моральном лидерстве», «превосходстве» их социальной системы, «социальной гармонии»? Выход был найден в том, что в продукции СМИ, ТВ и Голливуда полностью отрицается наличие социальных конфликтов. Насилие и конфликты подаются как нечто исключительно индивидуальное. Социальных корней у насилия нет, утверждают они. Есть, конечно, «плохие парни» и «хорошие парни», но они никак не связаны с общественной жизнью, классовой структурой.

Поэтому сцены насилия захлестывают экраны (причем не только «взрослого», но и детского кинематографа, где мультяшные диснеевские герои колошматят и убивают друга друга не меньше, чем в «Крестном отце») – но ни разу это насилие не свяжут с социальными причинами. В кинопродукции мельтешат разные эпохи – от палеолита до «трех мушкетеров» и футуристических картин о «космических войнах», но во всех подчеркивается незыблемость порядка, основанного на грабеже, собственности, деньгах, непререкаемом авторитете власти.

Для поддержания имиджа «динамически развивающегося общества» будут часами разглагольствовать о новом «Ай-фоне», марке «Мерседеса» или «чудесных» средствах омоложения и продления жизни. Но всегда постараются избегать анализа общественных отношений или критики заправил финансового «зазеркалья».

Мир, убеждают нас, за исключением поверхностной смены декораций, остается неизменным – как и природа человека.

Эскобары и скарабей

Магнаты средств массовой информации оправдывают «блокбастеры» и ежедневные телесериалы, в которых на каждую минуту приходится по убийству, утверждая, что «пипл хавает» – что СМИ лишь дают людям то, чего они сами хотят. Они даже порой лицемерно сетуют по поводу того, что «человеческая природа» постоянно требует насилия и крови.

Книжный рынок завален работами маститых авторов, объясняющих хищнический характер человека его «инстинктами», проводя параллели с поведением животных. Нобелевский лауреат К. Лоренц в книге «Агрессия» с горечью констатирует, что зло и насилие неискоренимы и внутренне присущи человеку как природному существу⁴²⁴.

Психологи пишут о «страшных желаниях убить, съесть, изнасиловать, ограбить», которые перешли в психику современного «гомо сапиенса» от архаичного человека. И, дескать, все попытки культурных людей бороться с этими желаниями «лишь загоняют глубже внутрь это филогенетическое наследство».

Зло и насилие «благодетельны» – до этого договорился известный польский писатель С. Лем в романе «Возвращение со звезд». Прилетевший после 120-летней космической миссии космонавт увидел деградировавший мир. Оказывается, всем людям была сделана «мозговая прививка» против агрессии, зла и насилия. В итоге исчезли таланты, гении, смелые люди, упрямы – оказалось, что их способности были неразрывно связаны со злом. Человечество превратилось в послушное дебильное стадо. К слову, сам автор позже признал это произведение творческой неудачей, так как «никакое воздействие на мозг не способно устранить общественные отношения, конфликты и противоречия, порождающие социальное зло». Тем не менее, «мысль изреченная» сыграла свою роль в общей кампании обеления зла и насилия.

СМИ неизменно заботятся о том, чтобы все люди узнали о каждой новой теории, связывающей преступность с жестоким брачным поведением насекомоядных или, скажем, агрессивности «священных» жуков-навозников (скарабеев). Что ж, возможно, они правы! Как гигантские скарабеи мировые олигархи и бандиты рангом поменьше (Эскобары) рвут живую плоть Земли и скатывают ее в шарики зеленого дерьма, которые тщательно берегут в Форт-Ноксах и банковских сейфах, либо закапывают в землю на участках бедных колумбийских крестьян.

Но зачем же тогда нужна цивилизация, культура – эта (по Ницше) «тоненькая яблочная кожура над раскаленным хао-

⁴²⁴ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). — Москва : Прогресс, 1994.

сом»?⁴²⁵ «Гомо сапиенс» тысячелетиями стремился подняться на животным миром, развить «человеческий характер природы человека». А антикультура пост-модерна, вместо того, чтобы помочь в этом движении ввысь, низводит человеческую сущность до древнего монстра, ящера и считает это «нормой».

Признать, что агрессивность человека, его стремление к обогащению и грабежу свойственны его «животной природе», — значит ошибочно принимать моральных уродов за все человечество. Цинизм и нарочитый пессимизм в оценке человека служат сохранению существующего общественного порядка. Это – подарок для олигархов, утешение для трусов и конформистов.

Американские политологи (раньше они назывались социологами, но с 90-х годов все слова с корнем «социал» намеренно удаляются из лексикона) придумывают все новые «теории», призванные развеять тягу людей к социальным переменам. «Генетика», наследственные факторы, пишут они, «позволяют сделать вывод о том, что стремление к перестройке общества путем формирования нового человека сменяется разумным пониманием неподатливости фундамента человеческой природы».

Получается, что мы обречены в силу нашей наследственности, что ничего нельзя изменить в этом «лучшем из всех миров». Все теории «прирожденного зла», обеляющие Эскобаров, мировых гангстеров, американских «ястребов» с их открытыми призывами к Третьей мировой войне, утверждающие о незыблемости нынешней системы вселенской несправедливости, нищеты и бесправия призваны посеять сомнение, неуверенность и пессимизм в отношении перспектив человечества.

Общая тональность фильмов об Эскобаре, других гангстерах (как и в целом, всей продукции Голливуда) состоит в изображении нынешнего олигархического общества как «устоявшегося организма, данного свыше», который невозможно изменить – к нему лишь надо приспособливаться.

Людам отводится роль либо «зрителей», либо «актеров». В этой пост-модернистской постановке Эскобар играл роль крутого гангстера, и «режиссёры» устроили эффектный финал спектакля с «контрольным выстрелом» в голову. Но по сути, большинство нынешних олигархов и политиков – те же Эскобары. Они гото-

⁴²⁵ Ницше Ф. Изречения и афоризмы Ф. Ницше. Злая мудрость. – М.: «Центрполиграф», 2007. – С. 331.

вы «играючи» уничтожать тысячи и даже миллионы ни в чем не повинных людей под предлогом «перенаселения Земли», «нанесения точечных ударов по террористам», «защиты национальной безопасности», «продвижения бизнеса».

Если не бороться за «очеловечение» человечества, против голливудской лакировки действительности и превознесения гангстеров в качестве «героев», люди деградируют до уровня обезьян с автоматом и ядерной кнопкой в руках, до Апокалипсиса. Другими словами, необходим трезвый оптимистичный взгляд на возможности развития человека (основанный на признании его слабостей, природных качеств, но и учитывающий достижения человечества), что должно стать предпосылкой для коллективных общественных действий, направленных на «превращение возможного в реальное».

Эскобар и Кудеяр

В любом обществе, где «низы» обречены на нищенское, бесправное прозябание в течение всей жизни, где насилие со стороны «верхов» является обыденностью, народ с уважением относится к разбойникам. Еще бы! Они смогли выбиться из грязи, стать богачами, они убивают и грабят ненавистных олигархов, они помогают беднякам, к ним можно в любой момент обратиться за помощью, они «свои», из народа, всегда помогут. Молодежь мечтает вступить в их шайки, это единственный способ преуспеть в жизни.

Ее привлекает в бандитах вольность, «безбашенность», свобода (прежде всего свобода от куцей морали рабов и господ, навязываемой враждебным обществом), стремление полностью довериться фортуне. В жизни разбойника, по мнению молодежи из трущоб, есть место для смелости, молодечества, романтики, риска, опасности, «адреналина», и пусть немногие дотягивают до старости, но зато это с лихвой компенсируется куражом и шикарной жизнью.

Не случайно так популярны романы о морских разбойниках, пиратах, флибустьерах. К вышеуказанному имиджу разбойников добавляется еще и морская романтика, парусные корабли, бригантины и каравеллы, лазурная морская гладь, красота экзотических островов Карибского моря, спрятанные несметные сокровища. В огромной литературе о разбойниках, включая древнеегипетские папирусы, «Эфиопику» Гелиодора, «Корсар» лорда Байрона, «Разбойников» Шиллера, недавнего блокба-

стера «Пираты Карибского моря», неприменные черты разбойника – свободолюбие, любовь и уважение к нему соратников, ужас у врагов, щедрость, галантность по отношению к дамам, непременно несчастная любовь.

Философ, лауреат Нобелевской премии А. Камю считал, что Разбойник, Пират, Завоеватель, наряду с Дон Жуаном и Актером являются основными ипостасями «абсурдного человека», бунтаря нынешнего времени, – человека, отошедшего от Бога и поставившего себе целью неограниченную свободу. «Суровые лица, поставленное под угрозу братство, сильная и целомудренная дружба – вот подлинные богатства Завоевателя; они подлинны, так как преходящи, в них могущество и пределы ума, то есть его эффективность».

Россиянам всегда были чужды эти псевдоценности Завоевателя – они коренным образом отличаются от нашей исторической судьбы Защитников. Но Камю вполне справедливо отождествил поиски свободы и страсть к завоеваниям. Действительно, светское либеральное («свободное») общество, сложившееся после буржуазных революций, насквозь пропитано логикой разбоя и территориальных захватов. Именно либералы ответственны за многочисленные кровопролитные войны европейских стран (начиная с «освободительных походов Наполеона»), направленные на грабеж и колониальное подчинение России, стран «третьего мира». Именно либеральные правительства грабили и грабят своих же собственных граждан непомерными налогами и поборами. Именно либеральные банкиры опутали грабительской долларовой паутиной весь мир, и как мерзкие пауки высасывают все соки не только из «низов», попавших в долговое рабство, но и из честных предпринимателей и «среднего класса», – а затем выбрасывают их на свалку как ненужные отходы.

Поэтому реакция «низов», создающих свои банды и грабящих богатых, вполне обоснованна. Она создает для них временную иллюзию «свободы». Не случайно легендарное государство пиратов XVII-XVIII веков на Мадагаскаре называлось Либерталией (почти что «Либералией») – «страной свободы». Любопытно, что самый «европейски просвещенный» российский император Петр I снарядил туда две экспедиции – видимо, чтобы поучиться у пиратов «уму разуму». Первая провалилась из-за поломки кораблей, вторая не состоялась по причине его смерти.

О разбойниках в народе слагают песни и былины. Достаточно вспомнить Стеньку Разина, «Кудеяра и 12 разбойников». Слушая эту песню в мощном и торжественном исполнении Ф. Шаляпина, невольно возникает аналогия со Спасителем и 12 апостолами. И это, видимо, не случайно.

Ведь, согласно Евангелие, первым уверовавшим в Христа представителем человечества, вступившим в рай, был «благоразумный разбойник» Дисмас, распятый рядом с Христом. Злодей, виновный в гибели множества людей, на пороге смерти попросил: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!». Ответ Христа потряс всех: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» (Лк.23:32-43).

К лику святых причислены жестокие душегубцы Варвар Луканский, преп. Моисей Мурин, преп. Варлаам Керетский и многие другие. Чем же отличается Эскобар от Кудеяра и других «святых разбойников»? Действительно, как у наркокороля, так и в случае с русским разбойником: «Много разбойники пролили крови честных христиан!» Но коренное отличие состояло в том, что Кудеяр раскаялся в содеянных страшных грехах и замаливал их всю оставшуюся жизнь: «Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил (...) Бросил своих он товарищей, Бросил набеги творить; Сам Кудеяр в монастырь ушёл Богу и людям служить!» Так произошло у всех «святых разбойников», которые покаяться и приняли мученическую смерть за свои преступления.

Но у нынешних представителей криминала, за исключением экстраординарных случаев, не может быть такого преображения. В условиях бандитского общества и бандитского мира все шайки и «картели» становятся частью глобального механизма, действующего по законам эффективности. Просто «уйти в монастырь» не получится, надо идти по указанной «свыше» узкой колее до конца.

Так сложилось на Западе уже в эпоху раннего капитализма, вопреки всем клише пиратских романов и фильмов. Известно, что почти все морские разбойники были включены в войны между государствами и альянсами государств, получали патенты и «лицензии на пиратство» (каперство). Если кто-то из них проявлял чрезмерное «свободолюбие», желание «уйти на покой» или сделать политическую карьеру, то быстро заканчивал свою жизнь с петлей на шее (как Уильям Кидд) или на плахе (как сэр Уолтер Рейли).

Более того, не приветствовалась и слишком большая популярность. Время от времени государство «чистило грязные перья», избавляясь от наиболее одиозных или известных пиратов. Пожалуй, единственным исключением, обеспечившим преемственность с нынешними мировыми бандитами был кровожадный морской разбойник XVII века, «сэр» Генри Морган, потомки которого, владея финансовым монстром «JP Morgan», стали одними из «хозяев планеты», наряду с Ротшильдами и Рокфеллерами.

Так что «свободой» для пиратов не пахло в те давние времена, а уж тем более сейчас. По законам «эффективности бизнеса» гангстеры, выбившиеся из «низов», включаются в жесткие рамки «контрактов», договоренностей о поставках «порошка» (оружия, проституток, нелегальных мигрантов и проч.), схем отмывания капитала, связей с местными и зарубежными властями и спецслужбами, взаимодействия с конкурентами и партнерами. Основные рычаги управления находятся у банкиров с Уолл-Стрита и политических заправил Запада, которые не могут позволить, чтобы такой прибыльный бизнес проходил мимо них. Видимо эту «подводную часть айсберга» наркоторговли имел в виде Роберто Эскобар Гавирия, который, комментируя кинопродукцию о «кокаиновом короле», сказал: «Мой брат будет показан как жестокий глава Медельинского наркокартеля, но это всего 10 процентов истории; остальные 90 не известны никому»⁴²⁶.

На поверхности, официально ведется «война с наркотиками», «война с терроризмом» (ИГИЛ и другие банды террористов создаются мировой «элитой» по тем же законам бизнеса, что и наркокартели). Время от времени, когда связи между криминалом и западными центрами власти становятся скандально известными, приходится освобождаться от «мелочевки» вроде Эскобара и его Медельинского картеля. Потом быстро и без ущерба для бизнеса создавать новые «картели», благо желающих вовлечься в криминальный бизнес хоть отбавляй.

Именно поэтому, несмотря на «титанические усилия» Вашингтона по борьбе с наркоторговлей, которая обходится американским налогоплательщикам ежегодно в круглую сумму более 50 млрд. долларов (включая содержание в тюрьмах более

⁴²⁶ Escobar Gaviria R. Mi Hermano Pablo. – Bogotá: Editorial Oveja Negra, 2008. – P. 6.

400 тыс. наркодельцов), никаких успехов не было и не предвидится. Согласно данным ООН, торговля и потребление кокаина неизменно росли уже после смерти Эскобара и ликвидации Медельинского картеля. По приблизительным оценкам наркотрафик из Колумбии, Перу и Боливии приносит в настоящее время ежегодный доход более 100 млрд. долларов. И львиная доля этих денег оседает на счетах «респектабельных» банкиров с Уолл-Стрита и вашингтонских политиков.

Безусловно, миллиарды долларов перепадают наркокартелям. Но эти деньги не дают эскобарам желанного чувства свободы. Они – заложники, находящиеся в неволе у мировых банкиров и большого бизнеса. Они действуют как конвейерные работники, только вместо завинчивания гаек уничтожают людей и травят их наркотиками. И постоянно находятся в страхе – когда же принесут «черную метку» в виде решения об экстрадиции в США или просто пристрелят как бешеных псов?

Начиная с «перестройки» много писалось и говорилось о «тоталитаризме» советского строя и социализма. Но, сравнивая ситуацию с современным капитализмом, нельзя не убедиться в том, что народ пользовался неизмеримо большей свободой по сравнению со странами империализма (не говоря о «периферийном капитализме» таких стран как Колумбия)! Продолжали работать (пользуясь модной терминологией) «социальные лифты». Человек из «низов» мог найти любую работу по вкусу, мог бесплатно окончить любой университет, заниматься наукой, творчеством. У него было огромный спектр жизненных перспектив – а это и есть настоящая свобода!

А что же Эскобар и десятки миллионов подобных ему представителей «низов» не только в странах «третьего мира», но и в зажиточных США? Детство в трущобах, перспектива либо зарабатывать гроши, вкалывая по 20 часов в день на местного или заморского олигарха, либо примкнуть к одной из уличных банд и вытряхивать деньги из жирных богатеев. Вторая перспектива, естественно, более заманчива. Поэтому у наркокартелей нет отбоя от желающих пополнить их ряды. Более того, боссы мафии, со своим воровским кодексом, зачастую оказываются более справедливыми, нежели продажное государство с продажной полицией, судами и адвокатами. Поэтому в трущобах авторитет деятелей, подобных Эскобару, огромен.

"Величие" Завоевателя (Пирата, Разбойника) Камю увидел в том, что он, порвав с традициями и верой, «добывает собствен-

норучно соразмерные ему истины». Но, возражая философу, можно отметить, что эти «соразмерные истины» весьма примитивны и намного ниже, чем инстинкты животных, которые влекут их к содружеству, стае, сообществу. Да и «истин» наберется не так много – по сути одна: правота всегда на стороне "крутых" и беспощадных злодеев, которые пройдут по горам трупов ради достижения сладостной власти и богатства.

Эскобар и ему подобные, при несомненных способностях, организаторских талантах обречены на своем бандитском поприще на логику «выживания сильнейших», войну против всех, обрушение социальных связей – они изначально стремятся к свободе, а приходят к пустоте. А пустота и есть смерть. Человек еще жив, но он уже не человек, поскольку его цели концентрируются лишь на поддержании своего физиологического бытия.

Тупиковость жизни в условиях империализма и порождаемый ею цинизм отрицают возможность раскаяния и обращения к вере. Эскобар, вполне в русле пост-модерна, выставлял себя неким «полубогом», который может по своей воле распоряжаться жизнью и смертью тысяч людей. Это приносило ему какое-то садистское чувство удовлетворения, психологическую компенсацию за испытываемые фобии и паранойю. Похлопывая себя по карманам, набитым деньгами, он куражился перед подельниками: «Пока существует рай, я могу на него рассчитывать».

Но это был кураж «живого трупа»...

Библиография

Almazán A. El más buscado. – Madrid: Alejandro Almazan, Grijalbo, 2012.

Bowden M. Killing Pablo: The Hunt for the World's Greatest Outlaw. 2007 – N.Y.: Atlantic Monthly Press, 2007.

Calvo Ospina H. Colombia, laboratorio de embrujos. Democracia y terrorismo de Estado. – Madrid: Doca ediciones, 2008.

Camargo S. El narcotraficante no. 82: Álvaro Uribe Vélez. – Madrid: Universo Latino Association, 2008.

Colombia's Killer Networks: The Military-paramilitary Partnership and the United States. // Human Rights Watch Project. – N.Y., Wash., L., Brussels: Human Rights Watch, 1996.

Cortés F. El asesinato de Galán. – Bogotá: Planeta, 1994.

Escobar Gaviria R. *Mi Hermano Pablo*. – Bogotá: Editorial Oveja Negra, 2008.

Gugliotta G., Leen J. *Kings of Cocaine: Inside the Medellín Cartel*. – N.Y.: Simon and Schuster, 1989.

Henderson, J. D. *When Colombia Bled*. – Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2010.

Karanikas D., Harvey J. *Dead before their time* – N.Y.: Metro-Books, 1996.

Lee R.W. *The White Labyrinth: Cocaine and Political Power*. – New Brunswick, L.: Transaction Publishers, 1998.

Legarda A. *El verdadero Pablo: sangre, traición y muerte*. – Bogotá: Ediciones Dipon, 2005.

Lippmann W. *Public Opinion*. – N.Y.: Greenbook Publications, 2010.

Matta Aldana L.A. *Poder capitalista y violencia política en Colombia: terrorismo de estado y genocidio contra la Unión Patriótica*. – Madrid: Edición Ideas y Soluciones Gráficas, 2002.

Mollison J., Nelson R. *The memory of Pablo Escobar*. - N.Y.: Chris Boot, 2007.

Momah S. *Global disorders and the new world order*. Lagos: Vista Books, 1994.

Parada Fernández A. *Ironía histórica cínica: E.U. & U.E. en Colombia : la democracia más antigua de América en guerra su CIA de baja intensidad*. – Bogotá: Universidad Autónoma de Colombia, 2004.

Piccoli G. *El sistema del pájaro: Colombia, laboratorio de barbarie*. – Tafalla: Editorial Tzlaparta, 2004.

Ray P.J. *To Kill a Country*. – Bloomington, UK: Authorhouse Ltd., 2009.

Reconstructing Criminality in Latin America / Ed. by Aguirre C.A., Buffington R. – Wilmington, Delaware: Scholarly Resourced Inc., 2000. – P. 232

Reed T., Cummings J. *Compromised: Clinton, Bush and the CIA*. – N.Y.: SPI Books, Shapolsky Publishers, 1994.

Rockefeller J.D. *The Life of Pablo Escobar*. – N.Y.: Createspace Independent Publishing Platform, 2016.

Schulte-Bockholt A. *The Politics of Organized Crime and the Organized Crime of Politics: A Study in Criminal Power*. – Latham, N.Y., Toronto, Oxford: Lexington Books, 2006.

Scott P.D., Marshall J. *Cocaine Politics: Drugs, Armies, and the CIA in Central America*. – Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1998.

Seymour R. The Liberal Defence of Murder. – N.Y.: Verso Books, 2008.

Stokes D. America's Other War: Terrorizing Colombia. – L., N.Y.: Zed Books, 2005.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). — Москва : Прогресс, 1994.

Ницше Ф. Изречения и афоризмы Ф. Ницше. Злая мудрость. — М.: «Центрполиграф», 2007.

КАРЛОС РОКЕ ГАРСИЯ⁴²⁷
CARLOS ROQUE GARCÍA

ВИЗИТ НА КУБУ ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА
ОБАМЫ

THE VISIT OF US PRESIDENT BARACK OBAMA
TO CUBA

Аннотация: в статье кубинского историка анализируется визит президента США Б.Обамы на Кубу с 20 по 22 марта 2016 г. и высказываются различные предположения о возможности дальнейших отношений Кубы и США на межгосударственном уровне.

Ключевые слова: Кубинская революция, экономическая блокада, военно-морская база Гуантанамо, возможные варианты дальнейшего развития отношений.

Abstract: The article of the Cuban historian analyses the visit of US President Barack Obama to Cuba from 20th to 22th March 2016 and presents different hypotheses about future relations of Cuba and the United States at the international level.

Keywords: Cuban revolution, economic blockade, military naval base Guantanamo, possible variants of the further development of relations.

История покажет какими будут последствия визита президента США Барака Обамы на Кубу, и насколько оправдается латинская максима *Historia est magistra vitae* (История – наставница жизни).

История Кубы лежит в основе воспитания нашей молодежи, является важнейшим принципом в идейно-политической работе на примере жизни и борьбы национальных героев, важнейших свершений и ценностей. Отношения между США и Кубой

⁴²⁷ Карлос Роке Гарсия, доцент Высшего политехнического института «Хосе Антонио Эчеверрия», Гавана, Куба. Carlos Roque Garcia, associate professor, Higher Polytechnic Institute "Jose Antonio Echeverria", Havana, Cuba.

складывались не просто. Но их развитие демонстрирует какие уроки можно вынести для воспитания в молодёжи обеих стран высокого социально-гуманистического потенциала, осознания собственных ценностей, корней патриотической и национальной идентичности.

В настоящее время существуют попытки обманчиво показать молодёжи предполагаемые преимущества благ, создаваемых в интересах мирового капитализма, чтобы вызвать разрыв между руководством нашей исторической Революции и новыми поколениями, и тем самым способствовать неопределённости и пессимизму в будущем.

История Кубы – одна из наук, наиболее важных для кубинцев и на международной арене, для тех, кто заинтересован в изучении особенностей развития нашего общества, не исключая и динамики поведенческих аспектов, призванных его искажать.

Страницы истории Кубы являются основой культуры всех поколений и незаменимым источником формирования личности граждан. Она учит чувствовать любовь к корням, понять настоящее и ответственно участвовать в строительстве будущего страны и человечества, учиться на своих собственных ошибках.

Визит Барака Обамы на Кубу имеет важное геополитическое значение. В следствие, кроме стабилизации отношений между США и Кубой, может возникнуть напряжённость в отношениях с целым рядом других стран, лоббирующих свои собственные интересы и не особенно заинтересованных «в перерезе пирога для будущих инвестиций». Обама пытается, без сомнения, ускоренными темпами решать вопросы, насколько это возможно в процессе нормализации двусторонних отношений после более чем пятидесятилетней конфронтации, начиная с победы Революции во главе с главнокомандующим и историческим лидером Фиделем Кастро и заканчивая консолидацией сил правительства страны на сохранение завоеваний революции на современном этапе.

Барак Обама стал первым президентом США, посетившим Кубу за последние 88 лет. До него Кубу посетил в 1928 г. Калвин Кулидж. Визит Обамы происходит через несколько месяцев после того, как Остров Свободы и наш Северный сосед в июле прошлого 2015 г. «перезагрузили» дипломатические отношения. Новый контекст отношений между Гаваной и Ва-

шингтоном может помочь заработать больше голосов кубинских эмигрантов во Флориде для будущих выборов.

Программа визита была тщательно подготовлена обеими сторонами, с учетом интересов сторон и, исходя из необходимости соблюдения законов и суверенитета Кубы. В визите на Кубу президента Обаму сопровождали его жена и дочери, а также в команде сопровождения были жена и дочь бейсболиста Джеки Робинсона, первого чернокожего игрока в бейсбольной Лиге США. В 1947 году вместе с другим известным бейсболистом, Доджером Бруклином они играли на Кубе. В состав многочисленной делегации входило около сорока конгрессменов, среди них лидер демократов в палате Представителей Нэнси Пелоси и известные сенаторы-демократы Патрик Лихи (Patrick Leahy) и Дик Дурбин; кроме того, представители бизнеса: компании по аренде жилья Airbnb, гостиничной сети Starwood и PayPal.

В сопровождении первой леди Мишель Обамы, дочерей Малии и Саши и тещи Марианны Робинсон, Обама прибыл в аэропорт Хосе Марти в кубинской столице, где американскую делегацию под проливным дождём, начавшимся за несколько минут до приземления самолёта, встречал министр иностранных дел Острова Бруно Родригес. Визит на Кубу Барак Обама начал с краткой встречи в отеле Melia Cohiba с сотрудниками Посольства США в Гаване. Президент Обама признал исторический характер своего визита, как первого президента США на революционном острове, хотя и уточнил, что это только “первый шаг” в развитии новых отношений между двумя странами.

Непрекращающийся дождь не позволил провести открытую встречу на территории посольства США в Гаване, что находится в центре Набережной, С 14 августа в центре кубинской столицы развевается звёздно-полосатый флаг, который был поднят на специальной церемонии под председательством государственного секретаря, Джона Керри, который также сопровождал Обаму в этой поездке.

Следующим в программе была прогулка по Старой Гаване, которую президент совершил со своей семьёй и частью официальной делегации в сопровождении ведущего историка Гаваны Эусебио Леаля. В ходе экскурсионной прогулки делегация посетила сначала Дворец Капитанов, где имелось также изображение Авраама Линкольна. После, из-за непрекращающегося дождя, делегация остановилась в Кафедральном Соборе, где

Обама встретился с кардиналом Хайме Ортегой, одним из инициаторов переговоров которые, начиная с 17 декабря 2014 г., привели к оттепели в двусторонних отношениях.

Повестка дня Барака Обамы включала в себя ужин в его честь, который дал Президент Рауль Кастро во Дворце Революции. В программе визита не была запланирована встреча с лидером Революции Фиделем Кастро, поскольку, как было заявлено, об этом не было обращений ни с кубинской стороны, ни со стороны США.

Нормализация двусторонних отношений между США и Кубой была объявлена еще в 2014 году. Она привела к отмене ряда ограничений на торговлю и подписанию ряда двусторонних соглашений, что вызвало неоднозначную оценку среди некоторых политических сил, как в Вашингтоне, так и в Гаване. В своей речи, произнесённой в Большом Театре Гаваны, американский Президент выступил в защиту свободы и демократии. Но, Обама не хватило честности попросить прощения за все преступления, совершенные США по отношению к нашему народу. В речи прозвучало обоснование финансовой поддержки борцов за демократию и права человека на Кубе. Президент США заявил, что эта политика имела в своей основе самые лучшие намерения, но тут же признал, что ни одна другая страна не присоединилась к американским санкциям. На наш взгляд, фактически – это была поддержка и постоянная финансовая помощь террористическим группам, которые пытались постоянно провоцировать террор и «грязную войну» для достижения своей цели – захвата Кубы и свержения народного правительства.

Достаточно остановиться на некоторых положениях его речи, в контексте возможности их реализации в будущем, чтобы в ближайшей перспективе осознать цель визита американского президента.

В самом начале своей речи Барак Обама заявил, что сегодня США кардинально меняют свои отношения с народом Кубы, благодаря чему откроется новая глава в отношениях народов Северной и Южной Америки. Ещё 17 декабря 2014 г. Барак Обама заявил, что США кардинально меняют свои отношения с народом Кубы. Подводится черта под устаревшим подходом, который на протяжении десятилетий мешал продвижению наших интересов. 50 лет показали, что изоляция не сработала. Пришло время для нового подхода. Те же слова прозвучали и в

Большом Театре Гаваны⁴²⁸.

В ходе встречи оба Президента – Кастро и Обама – заявили о своей готовности построить лучшие отношения, несмотря на различия, которые существуют между обеими странами, и экономическую блокаду острова, начавшуюся 55 лет назад, понимая, что этот путь будет долгим и не лёгким. Возобновление отношений между двумя странами уже достигло конкретных положительных результатов, которые были изложены президентом Кастро: возобновление прямой почтовой связи, подписание соглашения о создании регулярных авиационных рейсов, расширение сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес, а также заключение двух меморандумов о взаимопонимании, направленных на защиту окружающей среды и морских районов, повышения безопасности морской навигации.

Но главный вопрос, дестабилизирующий отношения между двумя странами, снятие экономической блокады – так и остаётся нерешённым. Барак Обама признал, что более чем пятидесятилетняя блокада не принесла своих результатов. После произошедшей в 1959 г. кубинской революции власти США наложили на Кубу торговое эмбарго, а в 1961-м разорвали с республикой дипломатические отношения. Первые американские санкции против Кубы были введены в 1960 г. Куба лишилась возможности торговать с США, а американским гражданам ограничили туристические поездки на Кубу. Разрешалось лишь раз в три года посещать родственников и тратить небольшие суммы на пропитание. Американским компаниям в третьих странах запрещалось сотрудничать с кубинцами, а фирмам третьих стран экспортировать в США продукцию кубинского производства. Суда, перевозившие продукцию из Кубы или на Кубу, не могли заходить в порты США. В 2003-м американский президент Джордж Буш ужесточил санкции введением дополнительного запрета на кубинские сигары: если раньше их просто нельзя было ввозить в США, то теперь американцам запретили их покупать и курить даже в третьих странах. В 2008 г., когда Фидель Кастро оставил свой пост, Белый дом объявил, что на режим санкций это не повлияет. Ещё до визита на Кубу президент Обама заявил о возможности снятия экономических запретов. Прежде всего, это коснётся увеличения суммы денег, отправляемых эмигрантами на Кубу, расширение сотрудниче-

⁴²⁸ Granma. 23.03.2016.

ства в сфере частного бизнеса, увеличения потока туристов⁴²⁹.

Эти шаги выгодны и американской стороне. Существующие американские запретные нормы, такие как акт Торричелли и закон Хелмса-Бертон, предусматривают санкции в отношении компаний, торгующих с Кубой, дестабилизируют отношения с Европой, Китаем и, прежде всего, латиноамериканскими странами.

Американский президент в своей речи, обращённой к кубинскому народу, умолчал об ещё одной проблеме. 16 февраля этого года исполнилось 113 лет незаконной оккупации и создания военно-морской базы Гуантанамо на юго-востоке Острова. В 2002 г. на территории базы было создано уголовно-исполнительное учреждение, где содержатся заключённые, статус которых оспаривается, и которого, по мнению многих кубинцев, не должно было существовать. После победы революции 1959 г. кубинское государство попыталось (безуспешно) расторгнуть договор аренды и добиться эвакуации базы. 21 января 2009 г., на 2-й день пребывания в должности, президент США Барак Обама подписал приказ о расформировании тюрьмы. Однако до сих пор тюрьма не закрыта. Фактически США осуществляют свой государственный суверенитет на данной территории безусловно и в полном объёме. В течение более полувека база была центром процветания проституции, азартных игр и наркотиков, открытой интервенции. Юрисдикция Кубы носит чисто формальный характер, что нарушает суверенитет Кубы.

Закрытие Гуантанамо остаётся нерешённым вопросом в нормализации отношений. По мнению кубинского руководства, база стала своеобразным анклавом нарушений воздушного пространства, морских и наземных перевозок, различных провокаций. Кроме того, после победы Революции, Куба отказалась от арендной платы согласно так называемой поправки Платта к проекту Закона США о бюджете армии, внесённой в Конституцию Кубы, что ставит под сомнение законность пребывания на территории независимого кубинского государства иностранной военной базы. Учения американских войск, пребывание на базе атомных подводных лодок стали причиной непоправимого ущерба окружающей среде. Несмотря на утверждения США

⁴²⁹ Подробнее см. Ларин Е.А. Особый период в истории Кубы (1991 – начало XXI века). // Новая и новейшая история. 2016, №2. С. 51 – 61.

что база была преобразована в 1994 году в лагерь беженцев, в основном гаитян, и до сих пор используется время от времени для этих целей, кубинское правительство понимает, что это лишь прикрытие для продолжения наращивания военного присутствия США на территории Острова Свободы.

Высшие органы власти заявляли много раз, что не примут никаких переговоров в отношении незаконно занятой территории, только безусловный вывод иностранных войск. С такой же серьезностью декларировалось, что Куба не будет пытаться восстановить свои законные права с помощью силы и будет ждать, что справедливость рано или поздно восторжествует.

Декларируя готовность поддерживать развитие гражданского общества на Кубе, президент умолчал, что Гуантанамо стала синонимом нарушения прав человека. Практика обращения с заключёнными на американской военной базе стала известна широкой международной общественности. Верховный Комиссар ООН по Правам Человека Зейд Раад Аль-Хусейн выразил надежду на закрытие Центра содержания под стражей, на военно-морской базе в Гуантанамо, либо, прекращение шокирующей практики содержания под стражей на неопределённый срок без предъявления обвинения или проведения судебных разбирательств. Кроме того, в рамках 31-й сессии Совета по Правам Человека, ряд организаций гражданского общества провели мероприятие под названием «Закрыть тюрьму в Гуантанамо, или переместить её на Север», т.е. в США.

Предлагая свободу человека «по-американски», американский президент должен понимать, что кубинский народ имеет право на собственное понимание этого вопроса.

Намерения к сближению, высказанные президентом Барак Обамой и президентом Раулем Кастро, представляют собой прорыв в реструктуризации двусторонних отношений в реализации внешней политики. Понимая, что правительство Кубы никогда не изменит внешнеполитических приоритетов и не будет идти в фарватере внешней политики США, Обама всё же предложил исключить Кубу из списка стран-спонсоров терроризма. По словам американского президента, государство, которое отказывается от использования террористических методов, не должно находиться в одном перечне с реальными пособниками террористов.

Проблема реализации декларированных изменений в том, что все ограничения относительно Кубы в США кодифициро-

ваны. И воли одного президента не достаточно. Необходимо решение Конгресса США, где не все конгрессмены разделяют изменение политики США относительно Острова Свободы.

Прибытие президента США в Гавану, совпало с 20-летним существованием закона Хелмса-Бертон. Закон Хелмса-Бертон, с отчетливо выраженным экстерриториальным характером, разрешает открывать судебные иски против иностранных торговых компаний, которые ведут бизнес с так называемым имуществом, конфискованным у американцев кубинским правительством после победы Революции 1 января 1959 года. Кроме того, закон стремится наказывать иностранные компании, ведущие бизнес с Кубой и отказывает во въезде на территорию этой страны менеджеров этих компаний. Раздел III Закона устанавливает предполагаемые права на имущество тех, кто покинул остров, и чье имущество было национализировано. Действие этого закона было подтверждено Бараком Обамой, а его отмена ни разу не рассматривалась Конгрессом.

Более чем полувековое стремление США положить конец Кубинской революции посредством политической, экономической, торговой и финансовой блокады, через обострение внутренних трудностей на Острове Свободы закончилось провалом. Признание провала этой политики и переход к постепенной нормализации отношений являются лишь сменой стратегии, но цель остаётся той же: положить конец кубинской революции.

Без сомнения, визит Обамы – это не конец экономической войны, а, скорее, начало нового витка политической борьбы в США, стремление заслужить доверие тех революционных кубинцев, а это – абсолютное большинство кубинского народа, сломать которых силой не удалось. Уважение суверенитета и самоопределения Кубы – это одна из основ, которые непоколебимо должны соблюдаться для нормализации двусторонних отношений с США.

Во время пресс-конференции, президент США Барак Обама улыбаясь, выразил готовность ответить на вопросы международных журналистов. Акцент делался на том, что его правительство не вмешивается во внутренние дела Кубы, и заявления, что при реализации новых соглашений в области сельского хозяйства, образования, торговли и здравоохранения, обе страны наметят путь для снятия блокады.

Во время пресс-конференции Барак Обама заявил, что США признаёт прогресс Кубы как страны, ее великие достижения в

области образования, здравоохранения, и самое главное – Куба является страной суверенной и только кубинцы вправе распоряжаться будущим своей страны.

Президент США поблагодарил кубинский народ за тёплый прием, оказанный ему и его семье, и отметил красоту исторических мест в Гаване. После этого, он выразил готовность расширить возможности сотрудничества обеих стран в сфере торговли, медицины, образования. В частности он сказал, что польза от взаимного сотрудничества между нашими странами была и раньше. Кубинец Карлос Финлей обнаружил, что комары являются переносчиками желтой лихорадки, и его исследование помогло Уолтеру Риду в борьбе с этой болезнью. Куба направила сотни медицинских специалистов в Африку для борьбы с лихорадкой Эбола, и, на его взгляд, американские и кубинские медики должны работать бок о бок, чтобы остановить эту эпидемию.

Далее Обама заявил: «Мы дадим кубинцам более широкий доступ к американскому доллару, международным сделкам. Это должно помочь им иметь лучшие возможности для бизнеса... Мы договорились углублять сотрудничество в сельском хозяйстве, чтобы поддержать наших фермеров, связанных с кубинскими фермерами.»

Во вторник Барак Обама встретился с 13 кубинскими диссидентами в посольстве США в Гаване. По словам президента, на Кубе есть люди, которые были задержаны. Некоторые в прошлом, некоторые совсем недавно. И, как уже говорилось, эта встреча является частью нашей политики в отношении обязательств с Кубой. Это не только встреча с президентом Кастро или отношения между правительствами. Представители оппозиции на Кубе заинтересованы в получении финансирования со стороны США и поездках за границу.

После завершения пресс-конференции, Обама провёл встречу с кубинскими предпринимателями, работающими в текстильной области и в сфере обслуживания, где заявил в который раз, что будущее Кубы прямо связано с отменой блокады, несмотря на которую кубинский народ сумел выстоять, построить собственное государство со своим правительством и сохранением ведущей роли Коммунистической партии. Как часть изменений в политике США в отношении Кубы, президент Обама объявил ряд мер, направленных на изменение некоторых аспектов блокады. 16 января 2015 г. вступили в силу поправки

к правилам Департаментов финансов и торговли, которые, хотя и являются шагом в правильном направлении, но явно недостаточны, по сравнению с масштабами ограничений существующих законов.

Согласно информации из доклада делегации Кубы по Резолюции 60/12 Генеральной Ассамблеи ООН, озаглавленной «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной США против Кубы» (июнь 2005 года), экономический ущерб, нанесенный кубинскому народу в результате применения экономической блокады, торгового и финансового эмбарго США против Кубы составляет 86,118 млрд. долларов, в среднем 1,832 млрд. долл. в год⁴³⁰. Причем эта сумма не включает прямых убытков на экономических и социальных объектах Кубы по причине диверсий и террористических акций, которые поощрялись, организовывались и финансировались с территории США. Эти убытки составили 54 млрд. долл.⁴³¹

В заключение визита президент США заявил, что перемены необходимы, но перемены даются нелегко особенно в жизни народов, которые вынуждены нести тяжелый груз истории на своих плечах. Визит президента Обамы это попытка оставить свой след в истории отношений со странами Антильских островов.

Главный претендент в борьбе за президентское кресло от Республиканской Партии, Дональд Трамп, охарактеризовал в своём Твиттере 35 минутное выступление президента США Барака Обамы так: «...он выглядит и звучит смешно в своем выступлении на Кубе, особенно после событий в Брюсселе».⁴³²

Обещание избавиться от последних пережитков «холодной войны» в Латинской Америке звучали как слова, выпущенные в вакуум. Отдаление двух стран более 55 лет назад возникло из-за агрессивной политики правительства США. Наш «северный сосед» не только подготовил эту «холодную войну», но и лю-

⁴³⁰ Доклад Кубы по Резолюции 60/12 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады Кубы, введенной Соединенными Штатами Америки»// El sitio del pueblo cubano. Cuba vs Bloqueo, 2006.

⁴³¹ Ларин Е.А. Особый период в истории Кубы (1991 – начало XX1 века). // Новая и новейшая история. 2016, №2. С. 51 – 61.

⁴³² http://mundo.sputniknews.com/america_del_norte/20160322/1057924160/trump-obama-cuba-discurso.html#ixzz479mlaabh

бой ценой стремился уничтожить нашу революцию. Задача улучшения в будущем отношений между нашими народами, должна не подразумевать отхода от наших принципов.

Политика изоляции провалилась, история снова дала нам пищу для размышлений. Будущее Кубы должно быть в руках кубинского народа, и именно в этом аспекте мы полностью согласны с президентом Обамой.

А.С. АНДРЕЕВ⁴³³
A.S. ANDREEV

КОМИНТЕРН И ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИ-
ЧЕСКОЙ ПАРТИИ УРУГВАЯ⁴³⁴

COMINTERN AND FOUNDATION OF THE COM-
MUNIST PARTY OF URUGUAY

Аннотация: История национальных секций Коминтерна в Латинской Америке продолжает оставаться нерешенной исследовательской проблемой. История компартии Уругвая (КПУ) и эволюция ее организационных связей с III Интернационалом никогда не становилась объектом специальных исследований. В данной статье на основе документов фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и документального фонда Центра исследований истории и культуры левых движений (CEDINCI, Буэнос-Айрес, Аргентина) показан процесс формирования КПУ и становление ее первоначальных связей со «всемирной коммунистической партией».

Ключевые слова: Уругвай, Коминтерн, Октябрьская революция, коммунистическая партия Уругвая.

Abstract. The history of the Comintern's national sections in Latin America is still an unsolved problem in world historical studies. Even more, the history of Communist Party of the Uruguay (CPU) and the evolution of its institutional links with the III International never became an object of special investigations. This article based on the documents of the Communist International collection of Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) and documentary collection of the Centre of Investigations of the History and Culture of Left-wing Movement (CEDINCI, Buenos

⁴³³ Антон Сергеевич Антонов, аспирант СПбГУ, преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук ГИЭФПТ, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ

⁴³⁴ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»)

Aires, Argentina) shows the peculiarities of formation of the Communist Party in that country and the development of its ties with “the world communist party”.

Key words. Uruguay, the Comintern, the October Revolution, the Communist Party of Uruguay.

История Коминтерна – III Интернационала, основанного В. И. Лениным в 1919 г., все еще продолжает во многом оставаться нерешенной исследовательской задачей, хотя последствия «архивной революции» начала 1990-х гг.⁴³⁵, открытие недоступных ранее документальных комплексов и позволили ученым по-новому взглянуть на историю «всемирной коммунистической партии», проследить судьбы ее лидеров и агентов, иначе оценить роль Москвы в формировании ее национальных секций.

По иронии судьбы открытие фондов Коминтерна, связанное с изменениями в политическом устройстве российского государства, совпало со стремительным снижением интереса исследователей к проблемам эволюции коммунистического движения, в том числе в Латинской Америке. Интерес к этим вопросам был весьма высок в 1970-1980-е гг., когда компартии континента выступали в авангарде борьбы с диктатурами: А.Стресснера – в Парагвае, А.Пиночета – в Чили, военными диктатурами в Уругвае и Бразилии. Компартии этих стран получали значительную помощь со стороны советского правительства, а их руководители принимались в качестве почетных гостей в Москве.

Так или иначе, несмотря на угасающий интерес к коммунистическому движению, открытие архивов сделало возможным детальное изучение политических траекторий латиноамериканских левых партий, судеб их лидеров, изучение роли Москвы в формировании организованного рабочего, в том числе коммунистического, движения на континенте.

За последние десятилетия была проделана значительная работа по включению в научный оборот документов фонда Коминтерна. Были опубликованы сборники документов⁴³⁶, ряд

⁴³⁵ Козлов В., Локтева О. Архивная революция в России (1991-1996) // Свободная мысль. - №1. - 1997. - С. 113-121; Patricia Kennedy Grimsted. Russian Archives in Transition: Caught Between Political Crossfire and Economic Crisis // American Archivist. Vol. 56. Fall 1993. Pp. 614-662.

⁴³⁶ Коминтерн и Латинская Америка: сборник документов /под ред. Н.П. 212

монографий, биографические словари⁴³⁷, статьи, проливающие свет на историю формирования и развития латиноамериканских секций III Интернационала в Бразилии⁴³⁸, Венесуэле⁴³⁹, Чили⁴⁴⁰, Аргентине⁴⁴¹, Боливии⁴⁴², Колумбии⁴⁴³, Эквадоре⁴⁴⁴, Кубе⁴⁴⁵,

Калмыкова. М.: Наука, 1998; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919-1943. М: РОССПЭН, 2004; Daniela Spenser, Rina Ortiz Peralta. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos: documentos, 1919-1922. Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2006; Ulianova O., Riquelme Segovia A. Chile en los archivos soviéticos 1922. Tomo 1. Komintern y Chile 1922-1931. Santiago de Chile: Dirección de bibliotecas, archivos y museos: LOM ed., 2005. Tomo II. Komintern y Chile. 1931-1935. Santiago: Centro de Investigaciones Diego Barros Arana, Lom Ediciones, 2009; Klaus Meschkat, José María Rojas. Liquidando el pasado: la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Taurus, 2009.

⁴³⁷ Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. / Л.С. Хейфец. – М.: Институт Латинской Америки РАН, Институт всеобщей истории РАН, 2000; Tarcus H. Diccionario biográfico de la izquierda argentina. Buenos Aires: Emece, 2007.

⁴³⁸ Waak, William. Camaradas Editora Companhia das Letras, 1993.

⁴³⁹ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Предтечи. Размышления о предыстории Коммунистической партии Венесуэлы. // Латинская Америка. - № 3. - 2012. - С. 44-61; Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Прыжок с Кюрасао» и ликвидация венесульской революционной партии // Латинская Америка. - № 7. - 2012. - С. 58-79.

⁴⁴⁰ Ульянова О. Революционный кризис и революционные иллюзии. Компартия Чили и Коминтерн: от Социалистической республики к осуждению «рекабарренизма» // Латиноамериканский исторический альманах. - № 8. – 2008. - С. 178-215;

⁴⁴¹ Хейфец В.Л. Коминтерн и Аргентина в 1919-1922 гг. // Российский Государственный архив социально-политической истории. Научно-информационный бюллетень. – Вып. 2 (12) (специальный). - 2000. - С. 53-57; Казаков В. П. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине // Латинская Америка. - № 11. - 1996. - С. 96-103; Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919-1920 // Зарубежная Россия, 1917-1939 гг Сборник статей. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, Санкт-Петербург, 2000. - С. 93-101.

⁴⁴² Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии // Латинская Америка. - № 5. - 1996. - С. 42-55. Его же. Коминтерн и тихоокеанская конфедерация рабочих республик // Латинская Америка. - № 12. – 2015. - С. 66-76; Schelchkov A. Roberto Hinojosa: ¿revolucionario nacionalista o Goebbels criollo? // Izquierdas, № 2, diciembre 2008, Schelchkov A. En los umbrales del socialismo boliviano: Tristán Marof y la Tercera Internacional Comunista // Izquierdas, № 5, 2009.

⁴⁴³ Jeifets L., Jeifets V. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación

Уругвае⁴⁴⁶, Перу⁴⁴⁷, Парагвае⁴⁴⁸, Мексике⁴⁴⁹ и Центральной Америке⁴⁵⁰. Отдельно стоит назвать работы, в которых исследованы взаимосвязи Коминтерна и советской дипломатии в Ла-

y orientación hacia la "transformación Bolchevique" // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura. № 28. - 2001. - С. 7-37; Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и формирование компартии Колумбии // Латинская Америка. - № 5. - 2008. - С. 41-61; Klaus Meschkat. The impact of Comintern on early colombian communism // Latin American Perspectives. - Issue 159. - Vol 35 No. 2. March 2008. - P. 39-56.

⁴⁴⁴ Marc Becker, "Mariátegui, the Comintern, and the Indigenous Question in Latin America", *Science & Society* 70, no. 4 (October 2006): 45-79; Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Компартия Эквадора и III Интернационал. // Латинская Америка. - № 8. - 2004. С. 20-38;

⁴⁴⁵ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво Д'Эското // Латинская Америка. - №4. - 2011. - С. 60-83; Хейфец Л.С. Коминтерн и коммунистическое движение Кубы / Л.С. Хейфец. // Латиноамериканский исторический альманах. № 2. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. - С. 135-152.

⁴⁴⁶ Leibner G. *Comaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay*, Trilce, Montevideo, 2011

⁴⁴⁷ Янчук И. И. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латиноамериканский исторический альманах. - № 1. - 2010. - С. 188-214; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. *Naaya de la Torre... ¿Un comunista latinoamericano?* // Электронный научно-образовательный журнал История. - № 6. - 2011. С. 14-15.

⁴⁴⁸ Хейфец, Л. С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории: Сборник статей. СПб, 2002. - С. 277-294.

⁴⁴⁹ Ортис Перальта, Р. Красные заговорщики: подрывная деятельность в Мексике в 20-е годы XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Том 1. №3; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Фрэнк Симэн – мексиканский делегат в Советской России. В сборнике: AMERICANA Материалы межрегионального научно-практического семинара, посвященного 200-летию установления дипломатических отношений России и США. Волгоградский государственный университет, Центр американских исследований «Американа»; А.И.Кубышкин (отв. ред.). Волгоград, 2007. - С.144-173; Хейфец Л.С. Мехико-Москва, 1919-1920 годы. К истории создания коммунистической партии в Мексике. / В. Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. // Латинская Америка. - № 3. - 2001. - С. 50-65; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексиканская авантюра советского правительства в 1919 // Источник. - № 4. - 1999. - С. 63-79.

⁴⁵⁰ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и создание коммунистического движения в Центральной Америке. // Латинская Америка. - № 12. - 2003. - С. 60-73.

тинской Америке⁴⁵¹, а также работы о взаимоотношениях коммунистов и Антиимпериалистической лиги.⁴⁵² История левого движения Уругвая уже становилась объектом исследований но история компартии страны и ее организационных связей с Коминтерном остается нерешенной исследовательской проблемой. В предыдущих публикациях⁴⁵³ уже рассматривались историография коммунистического движения в Уругвае, деятельность КПУ и ее отношения с Коминтерном в контексте формирования единого фронта и профсоюзного движения. Однако необходимо рассмотреть и сам процесс создания Коммунистической партии Уругвая, обозначив его внутренние и внешние факторы.

Рабочее движение в Уругвае в начале XX века

Процесс формирования рабочего движения шли в Уругвае одновременно с аналогичными процессами в других странах Латинской Америки. Несмотря на то, что ведущую роль в экономике страны играл аграрный сектор, в последней трети XIX в. в «латиноамериканской Швейцарии» начало увеличиваться количество рабочих, что было связано с ростом городов и развитием промышленных центров.

В связи с отсутствием крупного промышленного производства, первые рабочие группы, созданные в Уругвае, состояли, прежде всего, из городских наемных работников сферы услуг, пытавшихся отстаивать свои права на достойную заработную плату и требовавших создания рабочего законодательства, ко-

⁴⁵¹ Хейфец Л.С. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб: Нестор, 2002; Кутейщикова В.Н. Еще раз о первых советских полпредах в Мексике. // Латинская Америка.- № 1. - 1994.

⁴⁵² Kersfield D. *Contra el imperio. Historia de la Liga. Antimperialista de las Américas, México, Siglo Veintiuno*, 2012.

⁴⁵³ Андреев А.С. Коммунистическая партия Уругвая и III Интернационал в отечественной и зарубежной историографии // Латиноамериканский исторический альманах. Т. 14. - № 14. - 2014. - С. 292-309. Его же. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта // Клио. - № 12(96). - 2014. - С. 24-29; его же. Читая «открытое письмо»: Коминтерн и компартия Уругвая в 1928-1931 гг. // Клио. - № 4(100). - 2015. - С. 44-49; его же. Объединять или разделять? Коминтерн и компартия Уругвая в поисках профсоюзного единства (1920-1938) // Латинская Америка. - № 3. - 2015. - С. 88-95.

торое бы юридически закрепило права рабочих и их обязанности перед работодателями.

Стремительное развитие рабочего движения в странах Европы не могло не влиять на общественную жизнь Южной Америки, в частности Уругвая, основу населения которого составляли переселенцы из Старого Света. В уругвайской периодической печати активно обсуждалась социально-экономическая и политическая жизнь Европы, в частности, итоги революций 1848 г.⁴⁵⁴, в издательствах Монтевидео публиковались переводы наиболее значимых философских и публицистических работ европейских авторов, в частности, произведения социалиста-утописта А. Сен-Симона⁴⁵⁵ и анархиста П. Ж. Прудона⁴⁵⁶.

Исследователи отмечают, что главными чертами рабочего движения в Уругвае в 1880-1910-е гг. были массовые и длительные забастовки, жесткие репрессии со стороны государства, создание «черных списков» рабочих, массовые увольнения, отсутствие единства среди рабочих, непостоянство рабочих организаций, многие из которых существовали порой лишь на бумаге.

Несмотря на то, что, начиная с «Типографского общества», члены которого разделяли идеи Ж. Прудона⁴⁵⁷, идеологической основой рабочего движения был анархизм (и его различные направления, в частности, анархо-синдикализм), в к. XIX в. некоторую роль в жизни уругвайского рабочего движения стали играть социалисты, начавшие бороться с анархистами за влияние в профсоюзах. Этот процесс нашел свое выражение в открытии в 1896 г. рабочего социалистического центра⁴⁵⁸, небольшое количество участников которого ставило перед собой цель создания единой профсоюзной организации страны. В 1898 г. в Монтевидео был создан Международный центр социальных исследований (Centro Internacional de Estudios

⁴⁵⁴ Zubillaga C., Balbis J. Historia del movimiento sindical uruguayo. Tomo 1: cronología y fuentes (hasta 1905). Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 1985. P. 19.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 17.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 25.

⁴⁵⁷ Kruse Herman C. Los orígenes del mutualismo uruguayo. Montevideo: Ediciones Populares para América Latina, 1994. P. 16

⁴⁵⁸ Zubillaga C. Las voces del Combate: un vocabulario de los orígenes del movimiento sindical uruguayo. Montevideo: Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2000. P. 85

Sociales)⁴⁵⁹, в котором работали видные деятели не только уругвайского рабочего движения, но и интеллектуалы Аргентины – Хосе Инхеньерос (José Ingenieros), Пьетро Гори (Pietro Gori), Родольфо Пачеко (Rodolfo Pacheco), Паскуаль Гуаглианоне (Pascual Guaglianone)⁴⁶⁰.

Социальное реформирование и создание рабочего законодательства стали важнейшим пунктом политической программы Хосе Батлье-и-Ордоньеса, ставшего президентом Уругвая в 1903 г.⁴⁶¹ Х. Батлье принадлежал к одной из двух старейших партий Уругвая – «Бланко» (Partido Blanco), разделявшей идеи постепенного строительства в Уругвае современного капиталистического общества. К моменту прихода к власти Батлье на восьмистах предприятиях страны⁴⁶² трудилось почти 37 тыс. наемных работников⁴⁶³, что ставило перед правительством страны задачу решения рабочего вопроса через разработку рабочего законодательства. В течение второго президентского срока Х. Батлье (1911-1915 гг.) был принят целый ряд законопроектов, регламентировавших жизнь рабочих⁴⁶⁴. В частности, при участии президента в стране был установлен 8-ми часовой рабочий день, введено страхование жизни рабочих, всеобщее бесплатное образование, минимальный размер оплаты труда⁴⁶⁵.

Несмотря на заметное улучшение жизни рабочих Уругвая, именно реформы Батлье стали «камнем преткновения» для развития рабочего движения страны, в том числе для развития Региональной федерации рабочих Уругвая (FORU – ФОРУ), члены которой разошлись в своих оценках политики правительства страны⁴⁶⁶. Помимо ФОРУ, активно действовавшей на протяжении обоих президентских сроков Батлье (1903-1907, 1911-1915

⁴⁵⁹ Sánchez F. Barranca abajo. Ediciones Colihue SRL, 1994. P. 18

⁴⁶⁰ Fernández G., Vidal D. Orígenes del movimiento obrero y la 1° huelga general en Uruguay. Montevideo: Edición Aportes, 2012. P. 41

⁴⁶¹ Томас А. Б. История Латинской Америки. М.: Иностранная литература, 1960. С. 287.

⁴⁶² Pintos F. R. Batlle y proceso histórico del Uruguay. Montevideo: C. Garcia & Cia, 1938. P. 99.

⁴⁶³ Ibid. P. 100.

⁴⁶⁴ Гонионский С. А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М.: Просвещение, 1964. С. 334.

⁴⁶⁵ Alexander R. J. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. Greenwood Publishing Group, 2005. P. 20.

⁴⁶⁶ Fernández G., Vidal D. Op. cit. P. 85.

гг.) и президентства Клаудио Вильимана (1907-1911 гг.)⁴⁶⁷, в жизни рабочих Уругвая начала играть важную роль Социалистическая партия (СПУ), существовавшая с 1906 г. и официально созданная в 1910 г.⁴⁶⁸. Ее численность оставалась небольшой и составляла по официальным данным в 1912 г. 476 человек⁴⁶⁹, в то время как в ФОРУ в 1911 г. состояли 7 тыс. рабочих⁴⁷⁰.

Так же как и ФОРУ, Социалистическая партия испытывала на себе серьезное влияние аргентинских единомышленников (Социалистической партии Аргентины - СПА), которые, в отличие от уругвайцев, вели серьезную теоретическую и практическую работу. СПУ в своей программе и идеологии прямо опиралась на идеи лидеров Социалистической партии Аргентины – Хуана Б. Хусто, Николаса Репетто и Мануэля Угарте⁴⁷¹. Электоральные успехи социалистических партий обеих стран не были заметными.

Таким образом, к 1917 г. рабочее движение в Уругвае состояло из двух основных частей: ФОРУ, основную роль в которой играли анархо-синдикалисты, поддерживаемые аргентинскими анархистами (Региональной федерацией рабочих Аргентины, FORA, ФОРА) и международными анархистскими организациями, и СПУ, участие в организации которой принимали социалисты Аргентины, имевшие организационные связи со Вторым Интернационалом. Уже на этапе зарождения и формирования «левых» сил в Уругвае, особое влияние на него оказывали «левые» силы Аргентины, находившиеся в контакте с международными рабочими организациями.

Революционные события октября 1917 г. в России оказали воодушевляющее воздействие на левые силы Южной Америки. При этом, несмотря на, в целом, положительную оценку произошедших событий и первых действий советской власти, и анархисты, и социалисты не смогли сформулировать единого отношения к октябрьской революции, ее целям и методам.

Анархо-синдикалисты Аргентины и Уругвая, отмечая, что появление первого в мире государства рабочих является шагом вперед в общественном развитии, не могли согласиться с фор-

⁴⁶⁷ Томас А. Б. Ук. соч. С. 288.

⁴⁶⁸ Alexander R. J. A Op. cit. ... P. 18.

⁴⁶⁹ Sendic A. Movimiento obrero y luchas populares en la historia uruguaya. Montevideo: Liberación Nacional, 1985. P. 28.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ Ibid. P. 25.

мой установления советской власти – вооруженным переворотом, который оценивался как насилие и установление новой диктатуры. Хотя ФОРУ стала первой левой организацией страны, обратившейся к советскому государству с приветствием революции и предложением о сотрудничестве⁴⁷², среди ее членов не было консолидированного взгляда на политические события в России. Необходимо отметить, что если в 1918-1920 гг. анархисты Уругвая выступали в поддержку советской власти, то с установлением военного коммунизма и началом гонений на анархистов в Москве и Петрограде, большая часть ФОРУ отвергла ленинизм как политическую теорию и практику⁴⁷³.

Основание коммунистической партии Уругвая

Внутри СПУ противоречий было больше, т.к. помимо отношения к октябрьскому перевороту 1917 г. важным дискуссионным вопросом стала оценка Первой мировой войны. В то время как большинство социалистов во главе с Ф. Пинтосом заняли «интернациональную позицию», поддержав тезис некоторых европейских социалистов о империалистическом характере войны, меньшинство партии, руководимое Э. Фругони, встало на позицию Второго интернационала, заявлявшего о классовом мире и защите отечества⁴⁷⁴.

Создание в 1919 г. В.И. Лениным III Интернационала (Коминтерна) дало предпосылки для нового раскола в партии. Симпатии социалистов к новому интернационалу объяснимы разочарованием итогами Первой конференции социалистических и рабочих партий Латинской Америки, состоявшейся по инициативе социалистов Аргентины в апреле 1919 г.⁴⁷⁵ Этот конгресс стал первой попыткой создания общего координационного механизма работы левых партий внутри континента и, что нужно отметить, первым случаем организационной работы левых партий Аргентины в рамках целого региона. В работе

⁴⁷² Приветственное письмо ФОРУ в адрес Советской России - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 8. Л. 1-3.

⁴⁷³ Martínez J. J. *Crónicas de una derrota: testimonio de un luchador*. Montevideo: Trilce, 2003. P. 23.

⁴⁷⁴ Коваль Б. И. *Свет Октября над Латинской Америкой*. М.: Наука, 1987. С. 129.

⁴⁷⁵ Alba V. *Politics and the Labor Movement in Latin America*. Stanford University Press, 1968. P. 115.

конференции приняли участие делегаты из Перу, Чили, Парагвая, Уругвая, Боливии и Аргентины⁴⁷⁶. Несмотря на то, что члены конференции выразили поддержку революционным событиям в России, Германии и Венгрии, они лишь обозначили свою программу социальных реформ, заявив о необходимости сокращения рабочей недели, повышения зарплаты и доступного образования. Конференция не дала оценку итогам Первой мировой войны, не поставила крестьянский вопрос и не наметила шагов для достижения своих целей⁴⁷⁷.

Еще одним важным фактором интереса СПУ к III Интернационалу стало развитие ее контактов с социалистами Аргентины, переживавшими идентичный внутренний конфликт. В связи с поддержкой Первой мировой войны большинством членов СПА, в 1917 г. из нее вышли наиболее радикальные группы, разделявшие убеждения в необходимости борьбы с империализмом⁴⁷⁸. В январе 1918 г. эти группы образовали Интернациональную Социалистическую партию Аргентины (ИСПА), фактическим руководителем которой стал Хосе Пенелон⁴⁷⁹. ИСПА, среди лидеров которой были В. Кодовилья, Р. Гиольди и Х. Ферлини, поддержала Октябрьскую революцию в России и начала устанавливать контакты с большевиками. Приняв в декабре 1920 г. 21 условие вступления в Коминтерн, партия сменила название на Коммунистическую партию Аргентины (КПА) и сделала первый шаг на пути присоединения к III Интернационалу.

Однако уже в течение 1918-1920 гг. ИСПА успешно устанавливала контакты с радикальными группами внутри СПУ⁴⁸⁰, в частности, с Эухенио Гомесом, руководившим одним из крупнейших уругвайских профсоюзов – «Федерацией морских рабочих»⁴⁸¹. Федерация была одной из самых многочисленных

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Коваль Б. И. Свет Октября... С. 130.

⁴⁷⁸ Busky D. F. *Communism in History and Theory: Asia, Africa and Americas*. Greenwood Publishing Group, 2002. P. 224.

⁴⁷⁹ Хейфец Л. С. Миссия Вильмса и рождение «пенелонизма». СПб: Наука, 2005. С. 11-12. *Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional. (Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los Partidos Socialistas)*. Partido Socialista Internacional, 1919.

⁴⁸⁰ Хейфец Л. С. Миссия Вильямса... С. 13.

⁴⁸¹ Sendic A. *Op. cit.* P. 34.

и организованных профсоюзных организацией, имевшей значительное влияние на рабочих. После создания Коминтерна внутри СПУ развернулась глубокая внутренняя дискуссия между сторонниками и противниками Интернационала⁴⁸². Важным фактором этой борьбы было активное участие аргентинцев – СПА и ИСПА, имевших практически равное количество сторонников в СПУ при незначительном количестве центристов⁴⁸³.

В течение 1920 г., на сентябрь которого было намечено проведение VIII съезда СПУ, набирало силу движение за присоединение партии к Коминтерну. В августе 1920 г. радикальное крыло СПУ, представленное Э. Гомесом, Ф. Пинтосом, Х. Рамиресом, поставило перед собой задачу одержать победу во внутрипартийной борьбе, поставив в повестку дня вопрос о присоединении к Коминтерну⁴⁸⁴. С этой целью были организованы консультации с ИСПА, представившей на VIII съезд СПУ свою делегацию во главе с Х. Пенелоном⁴⁸⁵.

Несмотря на то, что роль ИСПА и Х. Пенелона в создании Компартии Уругвая не нашла отражения на страницах официальных партийных публикаций, в том числе на страницах книги многолетнего лидера партии Э. Гомеса⁴⁸⁶, ее нельзя недооценивать. Представляется очевидным, что хотя большинство членов СПУ искренне поддерживали Октябрьскую революцию и международное рабочее движение, участие аргентинской делегации стало важным фактором работы съезда, влиявшим на принятие решений.

13 октября 1920 г. за неделю до открытия VIII съезда СПУ, с приветствием к делегатам обратилось руководство ИСПА на страницах партийной газеты «Ла Интернациональ»⁴⁸⁷, редактором которой был Х. Пенелон⁴⁸⁸. В газете подчеркивалось, что в работе съезда примут участие аргентинские гости, приглашен-

⁴⁸² Коваль Б. И. Рабочее движение в Латинской Америке (1917-1959). М.: Наука, 1979. С. 15.

⁴⁸³ Коваль Б. И. Свет Октября... С. 130.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ D'Alessandro L. Historia de la izquierda uruguaya: La fundacion del partido comunista y la division del anarquismo, 1919-1923. Montevideo: Edicion del Nuevo Mundo, 1992. P. 277.

⁴⁸⁶ Gomez E. Historia del Partido comunista del Uruguay (hasta el año 1951). Montevideo: Trilce, 1991.

⁴⁸⁷ La Internacional. Buenos Aires, 13.IX.1920.

⁴⁸⁸ Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. М.: ИЛА РАН, 2000. С. 130.

ные лидерами СПУ. Авторы газетных публикаций не скрывали, что целью визита является вступление уругвайской партии в III Интернационал⁴⁸⁹.

Х. Пенелон и Морелли (настоящее имя - Ф. Моретти)⁴⁹⁰ прибыли в Монтевидео на пароме утром субботы 18 сентября⁴⁹¹. Они были встречены делегацией СПУ во главе с Л. Родригесом Сарралье (Rodriguez Sarraille)⁴⁹² и Э. Гомесом, который в своей приветственной речи благодарил ИСПА за сотрудничество и «плодотворное влияние», а также выразил надежду на вступление уругвайской партии в Коминтерн⁴⁹³. Вечером того же дня Пенелон и Морелли провели встречу с представителями СПУ, на которой собравшиеся приветствовали Октябрьскую революцию и обсуждали ситуацию в международном рабочем движении⁴⁹⁴.

В воскресенье, 19 сентября, Пенелон и Морелли посетили несколько профсоюзных объединений Монтевидео, в том числе объединения типографских работников⁴⁹⁵ - старейшую рабочую организацию страны. Думается, этот выбор был связан с профсоюзной судьбой самого Пенелона, который работал в типографиях Буэнос-Айреса и был членом местного профсоюза. Примечательно, что при общении с рабочими Пенелон подчеркивал, что является не просто представителем ИСПА, но и представителем партии, входящей в III Интернационал, хотя это вступление еще не было оформлено документально.

20 сентября 1920 г. открылся VIII съезд СПУ, главным вопросом которого было вступление партии в Коминтерн⁴⁹⁶. Председателем съезда был избран Х. Пенелон⁴⁹⁷. В течение 20-21 сентября с трибуны съезда выступило несколько десятков человек. Наиболее заметными были выступления лидеров пар-

⁴⁸⁹ La Internacional. Buenos Aires, 13.IX.1920.

⁴⁹⁰ Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна... С. 120.

⁴⁹¹ La Internacional. Buenos Aires, 27.IX.1920

⁴⁹² Zubillaga C. Perfiles en Sombra: Aportes a un Diccionario Biográfico de Los Orígenes Del Movimiento Sindical en Uruguay (1870-1910). Montevideo: Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2008. P. 161.

⁴⁹³ La Internacional. Buenos Aires, 27.IX.1920

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Gomez E. Op.cit. P. 46.

⁴⁹⁷ Jeifets L., Jeifets V. El Partido comunista de Argentina y III Internacional, Mexico: Nostromo ediciones, 2014. P. 24.

тии – Э. Фругони, Э. Гомеса - и представителя ИСПА Х. Пенелона, обратившегося с приветствием к съезду⁴⁹⁸. Подготовительная работа, контакты с ИСПА, отправлявшей в Уругвай свои книги, журналы, брошюры, листовки, дали организационный результат. Позиция Э. Фругони, поддержавшего революцию в России, но призвавшего отложить на время вступление в III Интернационал, оказалась в меньшинстве⁴⁹⁹. Вечером 21 сентября вопрос о вступлении партии в Коминтерн был поставлен на голосование. По его итогам 1297 делегатов высказались за вступление, 175 делегатов – против, 275 человек воздержались⁵⁰⁰.

Делегаты постановили назначить на апрель 1921 г. Чрезвычайный съезд партии, который должен был быть посвящен вступлению в III Интернационал. В связи с этим 21 сентября 1920 г. является официальной датой создания Коммунистической партии Уругвая (КПУ).

Апрельский съезд принял 21 условие вступления в Коминтерн, а также проголосовал за изменение название партии, которая стала называться коммунистической⁵⁰¹. Отметим, что Чрезвычайный съезд ИСПА, принявший 21 условие вступления в Коминтерн и поменявший название партии, состоялся в декабре 1920 г.⁵⁰², т.е. Пенелон, обращаясь к съезду СПУ практически от лица III Интернационала, опережал события.

Представляется, что итоги съезда напрямую связаны с формированием организационных связей южноамериканского левого движения. ИСПА, так же как до нее ФОРА и СПА, взяла на себя роль координатора действий левых сил континента. Вероятно, что именно в ИСПА социалисты Уругвая видели связующее звено с современным рабочим движением, европейскими рабочими организациями. Активная агитационная работа ИСПА привела к тому, что большая часть СПУ, поддерживавшая тесные связи с СПА, перешла на сторону радикальных ре-

⁴⁹⁸ La Internacional. Buenos Aires, 27.IX.1920

⁴⁹⁹ Alba V. Politics and the Labor Movement in Latin America. Stanford University Press, 1968. P. 84.

⁵⁰⁰ Коваль Б. И. Свет Октября над Латинской Америкой... С. 131.

⁵⁰¹ Pintos F. R. Historia del Uruguay (1851-1938)... P. 137.

⁵⁰² Jeifets L. La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario biográfico. / L. Jeifets, V. Jeifets, P. Huber. – Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias (Moscu) e Institut pour l'histoire du communisme (Ginebra), 2004. P. 82.

волюционеров, что нашло свое выражение в решениях съезда и убедительной победе «интернационалистов».

При этом необходимо отметить, что в условиях скромных электоральных успехов СПУ, получившей по итогам выборов 1919 г. два депутатских мандата⁵⁰³, именно поддержка аргентинских единомышленников и, через них, международных организаций открывала перед партией новые перспективы: ИСПА уже брала на себя функции регионального организационного центра, участвуя в судьбах партий соседних государств. Внутренние факторы, безусловно, играли гораздо меньшую роль в трансформации СПУ: рабочее законодательство, созданное Х. Батлье и развивавшееся в правление Ф. Виера (1915-1919) и Бальтасара Брума (1919-1923)⁵⁰⁴, во многом лишало левые силы страны социальной поддержки. Правительство Уругвая последовательно реализовывало политику социального реформизма, принимая законы о минимальной заработной плате для сельскохозяйственных рабочих, пенсии по старости, возмещениях за несчастный случай на производстве⁵⁰⁵. Продолжение этой политики в 1920-е гг. стало важным фактором развития левых сил страны. Генсек КПУ в 1955-1989 гг. Родней Арисменди, рассуждая об уругвайских национальных особенностях левого движения, подчеркивал значение мелкой буржуазии, которая стремилась занять свое место в общественном развитии страны, предлагая путь последовательных реформ⁵⁰⁶.

Таким образом, с момента основания партии перед ней встали две важные проблемы: формулировка актуальной политической повестки и формирование организационных связей с III Интернационалом.

Компартия Уругвая в поисках связей с Коминтерном

После проведения Чрезвычайного съезда СПУ в апреле 1921, на котором 1000 делегатов из 1100 присутствовавших

⁵⁰³ Alexander R. J. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay... P. 19.

⁵⁰⁴ История Латинской Америки. 1918-1945. М.: Наука, 1999. С. 209.

⁵⁰⁵ Томас А. Б. Ук. соч. С. 289.

⁵⁰⁶ Арисменди Р. Великая октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. М.: Госполитиздат, 1957. С. 16.

проголосовали за принятие условий III Интернационала⁵⁰⁷, одним из которых было требование переименования партии в коммунистическую, перед ее избранным центральным комитетом встал вопрос о формах и методах взаимодействия с Коминтерном. С другой стороны, Исполком Коминтерна (ИККИ) начал проводить анализ работы партии для принятия решения о ее членстве в Интернационале.

С самого начала взаимодействия КПУ и Коминтерна основной проблемой стало отсутствие постоянной качественной связи между Москвой и Монтевидео. Письма, посылавшиеся из ИККИ в Южную Америку, доходили с большим опозданием, что затрудняло исполнение компартиями континента указаний Москвы. Нужно заметить, что эта проблема так и не была решена вплоть до роспуска «всемирной коммунистической партии» в 1943 г. В связи с тем, что ИККИ порой не получал отчетов о работе КПУ и партийной прессы в течение нескольких месяцев, а порой и нескольких лет, он не мог дать партии точных указаний и рекомендаций⁵⁰⁸, а те письма, которые все же доходили до Монтевидео, становились неактуальными на момент доставки⁵⁰⁹. Отсутствие связи с московским руководством влияло на значимость работы КПА, которая возложила на себя координацию работы компартий континента еще до своего официального вступления в Интернационал.

Первоначальная связь КПУ с Коминтерном осуществлялась либо непосредственно через КПА, либо через аргентинцев, занимавших руководящие должности в ИККИ. Так, в 1921-1922 г. связь партии с ИККИ осуществлялась через члена КПА, представителя Федерации русских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА) на II всемирном конгрессе Коминтерна – М. А. Комина-Александровского⁵¹⁰, отправившего в течение этого времени несколько писем в адрес ИККИ о ситуации в Уругвае и КПУ. В письмах, отправленных им из Монтевидео в Москву в январе 1922 г., Комин-Александровский высоко оце-

⁵⁰⁷ Документы Чрезвычайного съезда Социалистической партии Уругвая - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 3. Л. 31.

⁵⁰⁸ Письмо из ИККИ в ЦК Компартии Уругвая от 16.203.1924 - Там же. Д. 6. Л. 1.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 2.

⁵¹⁰ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. М.Александровский. Делегат Аргентины в Коминтерне. Делегат Коминтерна в Аргентине// Персонажи российской истории (история и современность). СПб., 1996. С.227-230.

нивал работу уругвайской компартии, подчеркивая искренность, самоотверженность и энергичность ее членов⁵¹¹. По мнению Комина-Александровского, пропагандистская работа КПУ в 1921 г. была выдержана в строгом соответствии с идеями и тезисами III Интернационала, что позволило ему рекомендовать ИККИ принять партию в Коминтерн⁵¹². При этом необходимо отметить, что взгляды Александровского и ФРРОЮА не совпали с позицией ИСПА. Федерация заняла сдержанную позицию и не стремилась любой ценой вступать в Коминтерн, не ознакомившись до конца с его программными документами.

Трансформация СПУ в КПУ была оценена КПА как собственная победа и несомненный успех организаторской работы. В своем выступлении на III всемирном конгрессе Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.) генеральный секретарь КПА Р. Гиольди подчеркивал организационную работу партии на континенте, что позволяло ему обратиться к делегатам съезда с предложением о принятии КПА и КПУ в Коминтерн⁵¹³. При этом Гиольди настаивал на создании на основе КПА континентального центра коммунистической пропаганды, который бы руководил работой всех компартий Южной Америки⁵¹⁴.

Руководство ИККИ, Малое бюро которого 26 августа 1921 г. приняло резолюцию о принятии КПА в Коминтерн⁵¹⁵, было настроено на активную пропаганду коммунистической идеологии на южноамериканском континенте, что выразилось в решении отдела латинских стран Секретариата Коминтерна поручить аргентинским коммунистам создание в Буэнос-Айресе организационного и пропагандистского коммунистического центра, который должен был не только поддерживать связь с оформившимися компартиями региона (компартиями Уругвая и Чили), но и вести агитационную работу с прочими левыми партиями Южной Америки с целью их присоединения к Коминтерну⁵¹⁶.

Таким образом, с 1921 г. стали формироваться механизмы взаимодействия КПУ с Москвой. Часто отчеты руководства КПУ посылались не напрямую в ИККИ, а в Буэнос-Айрес, откуда они пересылались в руководящие органы Коминтерна с

⁵¹¹ Письмо М. Александровского в ИК Коминтерна от 20.01.1922 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 2. Л. 4-5.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Хейфец Л. С. Миссия Вильямса... С. 37.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Там же. С 38.

⁵¹⁶ Там же.

комментариями и пояснениями. Безусловно, между Москвой и Монтевидео существовали и прямые контакты, ответственным за которые был секретарь партии по международным связям Мартинес Каталина, регулярно отправлявший в ИККИ экземпляры партийной газеты «Ла Хустисиа»⁵¹⁷, директором которой, после исключения из партии ее главного редактора Э. Фругони по итогам Чрезвычайного съезда 1921 г.⁵¹⁸, стал депутат парламента Селестино Мибелли⁵¹⁹.

Необходимо отметить, что именно в 1921 г. Коминтерн изменил вектор своей работы в Латинской Америке, переориентировавшись с Мексики, где располагалось созданное в сентябре 1920 г. Панамериканское бюро (ПАБ), на Аргентину.

Панамериканское бюро стало следующей, после создания Латиноамериканского бюро (ЛАБ) на базе компартии Мексики⁵²⁰, делегаты которой были единственными представителями континента на II конгрессе Коминтерна⁵²¹, попыткой руководства Интернационала организовать деятельность коммунистических сил в Латинской Америке. Первоначально, в соответствии с решениями Амстердамского бюро, компартии США было поручено создание местного бюро, которое бы координировало работу коммунистических групп Северной (США и Канады) и Латинской Америки⁵²². Коммунисты США воодушевленно взялись за организацию Панамериканской конференции, на которой планировалось присутствие представителей рабочих групп со всего американского континента⁵²³. Конференция должна была стать, по задумке ИККИ, важным шагом на пути создания координационных механизмов коммунистического движения на континенте. Однако, ни Панамериканское бюро,

⁵¹⁷ Письмо ЦК КПУ в Исполком Коминтерна от 15.06.1923 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 4. Л. 25.

⁵¹⁸ Alexander R. J. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay... P. 26.

⁵¹⁹ Письмо ЦК КПУ в Исполком Коминтерна от 15.06.1923 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 4. Л. 25.

⁵²⁰ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1918-1929 гг.: В 2 т. Том 1. Рождение первых компартий. Санкт-Петербург: ГУАП, 2012. С. 89.

⁵²¹ Там же. С. 88.

⁵²² Spenser D. Stumbling Its Way Through Mexico: The Early Years of Communist International. University of Alabama Press, 2011. P. 77.

⁵²³ Draper T. The Roots of American Communism. New Jersey: Transaction Publishers, 1966. P. 234.

ни Латиноамериканское бюро, создание которого одобрил первый посланник Коминтерна в Латинской Америке М. М. Бородин⁵²⁴, не сыграли какой-либо особой роли, оставаясь формальными организациями и не имея серьезных международных связей. При этом ни одно из названных выше бюро не устанавливало контакты с южноамериканскими организациями, в частности, с КПУ.

Этот процесс стал отражением поиска руководством III Интернационала эффективных организационных механизмов работы на континенте. Попытки создания единого координационного центра находили свое выражение не только в появлении ПАБ в составе трех человек – С. Катаямы, Л. Фрайны и К. Янсона⁵²⁵, деятельность которых ограничилась перепиской и распространением печатных материалов⁵²⁶, – но и в высказанной американскими делегатами II конгресса Коминтерна идее создания Центральноамериканского бюро, которая в августе 1920 г. была отвергнута Малым бюро ИККИ. Неэффективная работа ПАБ, которое не смогло организовать связи ни с организациями Центральной Америки, ни с компартиями Южной Америки, стала причиной работы ИККИ над новыми механизмами влияния на коммунистические организации региона. При этом ПАБ успело направить в Аргентину своего делегата Г. Аллена, миссия которого оказалась неудачной, т.к. в Буэнос-Айресе не знали о существовании Панамериканского бюро и не доверяли документам посланника, который, к тому же, не говорил по-испански⁵²⁷.

Несмотря на то, что Комин-Александровский в своих письмах оценивал работу КПУ достаточно высоко, зачастую подчеркивая ее преимущества перед аргентинской партией⁵²⁸, именно КПА стала центром работы ИККИ на континенте. С

⁵²⁴ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Новые шаги на пути исследования работы Коминтерна в Мексике // Латинская Америка, 2009, № 10. С. 104.

⁵²⁵ Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Формирование и развитие... С. 104.

⁵²⁶ Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и создание коммунистического движения в Центральной Америке // Латинская Америка, 2003, № 12. С. 61.

⁵²⁷ Хейфец В.Л. Панамериканское бюро коммунистического интернационала и Южная Америка. Миссия Генри Аллена // Латиноамериканский исторический альманах. 2002. № 3. С. 137-150.

⁵²⁸ Письмо М. Александровского в ИККИ - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 2. Л. 3.

осени 1921 г. руководство Коминтерна начало активно работать над «аргентинским вектором», не имея при этом какого-либо четкого плана⁵²⁹. При этом создавая в Буэнос-Айресе Бюро коммунистической пропаганды (БКП), ИККИ учел неудачный предыдущий опыт и передавал в новую организацию не руководящие полномочия, а координационные функции⁵³⁰.

Безусловно, связи с КПУ стали одним из основных направлений работы Бюро, которое являлось связующим звеном уругвайской компартии с Коминтерном вплоть до создания в 1925 г. в Буэнос-Айресе Южноамериканского бюро ИККИ, ставшего новым этапом развития механизмов взаимодействия III Интернационала с его национальными секциями.

Заметим, что Уругвай играл некоторую роль в работе Бюро, которое собиралось в том числе и в Монтевидео⁵³¹. Так, А. Некете, один из лидеров бразильского рабочего движения, встречавшийся в Буэнос-Айресе с Коминым-Александровским и наделенный полномочиями организатора компартии Бразилии⁵³², представлялся как член КПУ и сотрудник Бюро⁵³³. Однако, говорить об активной работе Бюро не представляется возможным. Некоторые исследователи подчеркивают формальный характер этой организации, сомневаясь в наличии у нее какого-либо реального организационного потенциала⁵³⁴.

Представляется ясным, что в действительности координационной работой среди компартий Южной Америки занималась сама КПА, т.к. Бюро не смогло создать собственной внутренней структуры. При этом эмиссары ИККИ на континенте, направленные в Аргентину, в частности, Ф. Вайль⁵³⁵, смогли установить должный контакт с руководством КПА, пытаясь непосредственно участвовать в работе партии. Однако, позиции Вайля и Александровского, их взгляды и оценки работы КПА различались. Об боролись за влияние на аргентинское коммунистическое движение, что так же мешало развитию организационных

⁵²⁹ Хейфец Л. С. Миссия Вильямса... С. 32

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Dulles J. W. F. *Anarchists and Communists in Brazil, 1900-1935*. University of Texas Press, 1973. P. 167.

⁵³² Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна... С. 123.

⁵³³ Dulles J. W. F. *Op. cit.* P. 172.

⁵³⁴ Caballero M. *Latin America and Comintern*. Cambridge University Press, 1985. P. 27.

⁵³⁵ Хейфец Л. С. Миссия Вильямса... С. 32

связей. Так же как отношения ФОРУ с международными анархистскими организациями строились через ФОРА, а отношения СПУ со II Интернационалом строились через СПА, взаимодействие КПУ с Коминтерном шло, начиная с 1921 г., через компартию Аргентины, чьи амбиции совпали с желанием ИККИ получить эффективный инструмент работы с компартиями континента.

Важно отметить и другие попытки наладить организационные связи между компартиями Южной Америки Панамериканским бюро (Американским агентством) ИККИ. В этой связи необходимо упомянуть т.н. «миссию Генри Аллена» - поездку эмиссара Панамериканского бюро Максимилиана Коэна («Генри Аллена»), в том числе в Уругвай. Показательно, что в Монтевидео Коэн не смог установить контакты с официально существовавшей компартией страны, при этом общаясь с представителями анархических организаций. При этом он подготовил доклад для ИККИ о ситуации в Южной Америке, в котором давал положительную оценку работе КПУ. В этом же докладе Коэн отметил организующую роль КПА в коммунистическом движении всего региона⁵³⁶.

Вплоть до IV всемирного конгресса Коминтерна (ноябрь-декабрь 1922 г.), в котором впервые принял участие делегат КПУ Ф. Пинтос⁵³⁷, связи между КПУ и Коминтерном существовали лишь в формате переписки и обмена материалами. КПУ посылала в Москву отчеты о работе, получая в ответ указания и рекомендации. Работа партии курировалась КПА, регулярно посылавшей в Монтевидео своих представителей.

Необходимо сказать о том, что Коминтерн не только пытался создавать организационные центры, но и стремился формализовать свои отношения с национальными секциями. Основными документами, регламентировавшими эти отношения, были «21 условие» вступления в III Интернационал, принятые на II всемирном конгрессе Коминтерна, а также «Организационная структура коммунистических партий и методы и содержание их работы» (1921 г.)⁵³⁸.

⁵³⁶ Доклады Родольфо Гиольди и Генри Аллена - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 2. Л. 8-14.

⁵³⁷ Jeifets L., Jeifets V. América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario biográfico. Santiago: Ariadna Ediciones, 2015.

⁵³⁸ Маккензи К. Коминтерн и идея мировой революции. М.: Центрполиграф, 2000. С. 39.

Согласно этим документам, являвшимся вплоть до принятия в 1928 г. устава Коминтерна регламентом взаимодействия Интернационала с местными компартиями, главным принципом отношений «всемирной коммунистической партии» с национальными секциями был принцип демократического централизма, т.е. «единства пролетарского интернационализма и дисциплины»⁵³⁹. Программа местных компартий должна была содержать не только национальные специфические требования, но и все установки III Интернационала, руководство которого оставляло за собой право прямого вмешательства в партийную жизнь. Национальные компартии должны были подчиняться решениям всемирных конгрессов и исполкома Коминтерна, публикуя их на страницах своих официальных печатных изданий. Центральные комитеты партий формировались и менялись с согласия ИККИ, перед которым они отчитывались о своей работе⁵⁴⁰. В целом, КПУ, начиная с июля 1922 г., когда она была официально принята в Коминтерн⁵⁴¹, в своей деятельности следовала этим установкам, получая рекомендации и консультации в КПА, а также отчитываясь перед ИККИ через компартию Аргентины. Однако, как было указано выше, негативным фактором взаимодействия ИККИ и КПУ была плохая связь, вследствие которой партия не могла должным образом проводить агитацию и мероприятия, намеченные московским руководством Коминтерна⁵⁴².

Помимо развития внутренней организации партии и ее связей с III Интернационалом, КПУ, стараясь реализовать установки Коминтерна, работала над созданием эффективного молодежного коммунистического движения, спортивного движения, созданием национальных секций Интернационала Красных профсоюзов (Профинтерна) и Крестьянского интернационала (Крестинтерна). В Монтевидео постепенно создавались и культурные пролетарские организации⁵⁴³, в работе которых часто принимали участие иммигрантские рабочие группы⁵⁴⁴. Куль-

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Пинтос Ф. Профсоюзное движение в Уругвае. М.: Изд-во ВЦСПС. 1964. С. 154.

⁵⁴² Письмо ЦК КПУ генсеку Коминтерна от 25.07.1924 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 10. Л. 4.

⁵⁴³ Там же. Д. 4. Л. 30.

⁵⁴⁴ Андреев А. С. Украинские и белорусские иммигрантские группы в

турные организации выполняли образовательную, воспитательную и координационную функции, помогая рабочим осваивать как азы марксизма-ленинизма, так и методы пропаганды, агитации и уличной борьбы⁵⁴⁵.

Снабжение организаций наглядным материалом, книгами, брошюрами осуществлялось через Бюро коммунистической пропаганды, а после V всемирного конгресса Коминтерна – через Южноамериканский секретариат, основанный в Буэнос-Айресе на базе Бюро.

К моменту проведения V всемирного конгресса (июнь – июль 1924 г.) в Латинской Америке существовали четыре компартии, уже принятые в Интернационал – компартии Аргентины, Уругвая, Чили и Мексики. В других странах, помимо Бразилии, принятие компартии которой обсуждалось на конгрессе, существовали лишь отдельные коммунистические группы, не представлявшие собой организационной силы. Оценка работы Бюро коммунистической пропаганды не была удовлетворительной. Бюро смогло закрепить организационные успехи КПА, но не предложило собственных путей развития коммунистического движения региона. Стоит отметить, что и компартии континента не были активны в общественной жизни своих стран и не имели достаточного авторитета среди рабочих, которые по-прежнему ориентировались на анархистские профсоюзы.

Согласно отчету Э. Гомеса октября 1924 г. в КПУ состояло около 700 человек, 500 человек были членами Комсомола⁵⁴⁶. Партия носила «городской» характер, хотя и имела в провинции 13 ячеек при 14 ячейках в Монтевидео. Э. Гомес указывал ИККИ, что партия успешно борется с реформистскими элементами, начиная с Чрезвычайного съезда 1921 г., последовательно выявляя и исключая их из своих рядов. Лидер КПУ оценивал имущество партии к 1924 г. в 50 тыс. долларов, подчеркивая, что уругвайская организация богаче аргентинской и имеет лучшее материальное обеспечение⁵⁴⁷. При этом партия занима-

Уругвае в середине 30-х гг. XX в. // Латинская Америка, № 3, 2014. С. 75-80.

⁵⁴⁵ Письмо ЦК КПУ генсеку Коминтерна от 25.07.1924 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 10. Л. 4.

⁵⁴⁶ Доклад Э. Гомеса о состоянии дел в КПУ 14.10.1924 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 9. Л. 1

⁵⁴⁷ Доклад Э. Гомеса о состоянии дел в КПУ 14.10.1924 - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 9. Л. 1

лась агитаторской работой, не организовав самостоятельно серьезных рабочих демонстраций и митингов, участвуя при этом в мероприятиях, проводимых профсоюзами.

Изменить положение коммунистического движения в регионе должен был созданный на основе договоренностей латиноамериканских делегатов V всемирного конгресса Коминтерна Южноамериканский секретариат ИККИ (ЮАСКИ), датой начала работы которого можно считать май 1925 г.⁵⁴⁸

Секретариат, так же как до него БКП, наделялся координирующими функциями, не имея при этом реальных рычагов влияния на компартии континента. По мере развития Коминтерна Москва наращивала свое влияние на национальные ячейки и усиливала контроль, не желая доверять каким-либо местным центрам. Секретариат задумывался как связующее звено между отдельными партиями и ИККИ, а не как руководящий орган, принимающий самостоятельные решения.

Однако в условиях отсутствия постоянной качественной почтовой связи Москвы с компартиями Южной Америки, роль ЮАСКИ в организации коммунистического движения региона автоматически возрастала, что вполне устраивало КПА, на базе которой и создавался Секретариат.

Необходимо отметить, что так же как ЮАСКИ контролировал деятельность КПУ, сам Южноамериканский секретариат подвергался ревизиям со стороны ИККИ. В связи с этим нужно упомянуть т.н. «миссию Вильямса» – деятельность посланника Москвы Б. Д. Михайлова, отправленного в Южную Америку для оценки состояния местных компартий. Прибыв в Уругвай, Михайлов принял деятельное участие в решении самого крупного внутреннего конфликта в партии – «дела Мибелли», связанного с исключением из партии одного из ее лидеров депутата Селестино Мибелли за «отступление в либерально-буржуазный реформизм»⁵⁴⁹.

Отметим при этом, что социально-экономическое и политическое развитие Аргентины и Уругвая не способствовало росту авторитета коммунистических сил. В Аргентине, так же как и в Уругвае в правление Х. Батлье, с момента избрания в 1916 г. на пост президента И. Иригойена и первой победы Гражданского радикального союза (ГРС) на выборах в парламент в 1912 г.

⁵⁴⁸ Хейфец Л. С. Миссия Вильямса... С. 53.

⁵⁴⁹ Там же. С. 102

правительством был взят курс на постепенную модернизацию экономической жизни страны, последовательное социальное реформирование. Иригойен и партия радикалов сохраняли экономическую структуру страны, расширяя при этом экономические, политические и гражданские права и свободы⁵⁵⁰. На фоне успешной политики правительства, результатом которой стало умеренное процветание страны и улучшение качества жизни, революционная коммунистическая идеология не имела поддержки ни среди рабочих, ни среди крестьян страны, вынуждая КПА оставаться на периферии политической жизни страны, имея нескольких депутатов в парламенте⁵⁵¹.

В связи с этим организационный ресурс ЮАСКИ изначально был достаточно ограниченным. При этом Коминтерн не желал направлять серьезные финансовые ресурсы в Латинскую Америку, относя ее к разряду колониальных и полуколониальных территорий, которые должны были, прежде всего, пройти через буржуазно демократические революции и уничтожение феодальных пережитков. Важным фактором работы Секретариата стал его «аргентиноцентризм», что не позволяло увидеть национальную специфику коммунистического движения. К тому же, региональные партии, не имевшие своих представителей в ЮАСКИ, относились к нему сдержанно, без признания его авторитета в качестве континентального коммунистического центра.

Представляется, что КПУ искренне стремилась сотрудничать с ЮАСКИ, доверяя ему в принятии решений. Секретариат получал постоянные отчеты о работе уругвайской компартии, передавая их в ИККИ. Эту схему взаимодействия подчеркивал в своей переписке с ИККИ Э. Гомес, который, кратко давая оценку работы партии, обращал внимание своих адресатов на то, что полные отчеты отправлены в ЮАСКИ и оттуда будут переданы в Москву⁵⁵². На имя аргентинских коммунистов (в частности, В. Кодовильи и Х. Пенелона) поступали финансовые отчеты КПУ, запросы на финансовую помощь, анализ партийной печати. При этом, ЮАСКИ отчитывался перед ИККИ в том числе и о ситуации в Уругвае, периодически отправляя в Москву подробный анализ состояния КПУ, состояния профсоюзного

⁵⁵⁰ Луна Ф. Краткая история аргентинцев. М.: Весь мир, 2010. С. 143.

⁵⁵¹ Там же. С. 144.

⁵⁵² Письмо Э. Гомеса в ИККИ - РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 10. Л. 26.

и молодежного движения, работы партии в деревне.

Заключение

Безусловно, рабочее движение в Уругвае было гораздо более широким социальным явлением, нежели движение коммунистическое. Компартия Уругвая, официально созданная в 1920 г., испытывала на себе сильное влияние «старшего брата» - компартии Аргентины, которая стремилась быть региональным организационным центром коммунистического движения в Южной Америке.

Контакты КПУ с руководством Коминтерна в Москве строились через КПА, которая предлагала ИККИ свое видение состояния комдвижения в Уругвае, перспективы, проблемы и задачи уругвайской партии. Через Буэнос-Айрес проходили и обратные контакты Москвы с Монтевидео, а значит, директивы ИККИ сопровождались комментариями и дополнениями руководства КПА.

Проблема связи руководства Коминтерна с национальными секциями в Южной Америке оставалась актуальной вплоть до роспуска «всемирной коммунистической партии». Несмотря на это КПУ старательно реализовывала все доходившие до Монтевидео установки Коминтерна: активно участвовала в создании единого фронта, в работе с профсоюзами, в составлении и реализации аграрных программ. Компартия Уругвая вела пропагандистскую работу среди молодежи, спортивных организаций, участвуя в создании комсомольских организаций и национальных секций Крестинтерна и Спортинтерна.

Необходимо отметить, что процесс формирования организационных связей КПУ с Коминтерном продолжался на протяжении всего времени существования Интернационала, однако полное взаимопонимание так и не было достигнуто.

Библиография

Андреев А. С. Украинские и белорусские иммигрантские группы в Уругвае в середине 30-х гг. XX в. // Латинская Америка, № 3, 2014. С. 75-80.

Андреев А.С. Коммунистическая партия Уругвая и III Интернационал в отечественной и зарубежной историографии // Латиноамериканский исторический альманах. Т. 14. - № 14. - 2014. - С. 292-309.

- Андреев А.С. Объединять или разделять? Коминтерн и компартия Уругвая в поисках профсоюзного единства (1920-1938) // Латинская Америка. - № 3. – 2015. - С. 88-95.
- Андреев А.С. Читая «открытое письмо»: Коминтерн и компартия Уругвая в 1928-1931 гг. // Клио. - № 4(100). - 2015. - С. 44-49.
- Арисменди Р. Великая октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. М.: Госполитиздат, 1957.
- Гонионский С. А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М.: Просвещение, 1964.
- Казаков В. П. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине // Латинская Америка. - № 11. - 1996. - С. 96-103.
- Коваль Б. И. Рабочее движение в Латинской Америке (1917-1959). М.: Наука, 1979.
- Коваль Б. И. Свет Октября над Латинской Америкой. М.: Наука, 1987.
- Козлов В., Локтева О. Архивная революция в России (1991-1996) // Свободная мысль. - №1. - 1997. - С. 113-121.
- Коминтерн и Латинская Америка: сборник документов /под ред. Н.П. Калмыкова. М.: Наука, 199.;
- Маккензи К. Коминтерн и идея мировой революции. М.: Центрполиграф, 2000.
- Ортис Перальта, Р. Красные заговорщики: подрывная деятельность в Мексике в 20-е годы XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Том 1. №3.
- Томас А. Б. История Латинской Америки. М.: Иностранная литература, 1960.
- Ульянова О. Революционный кризис и революционные иллюзии. Компартия Чили и Коминтерн: от Социалистической республики к осуждению «рекабарренизма» // Латиноамериканский исторический альманах. - № 8. – 2008. - С. 178-215;
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Прыжок с Кюрасао» и ликвидация венесульской революционной партии // Латинская Америка. - № 7. - 2012. - С. 58-79.
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и создание коммунистического движения в Центральной Америке. // Латинская Америка. - № 12. – 2003. - С. 60-73.
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Новые шаги на пути исследования работы Коминтерна в Мексике // Латинская Америка, 2009, № 10.

- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Предтечи. Размышления о предстории Коммунистической партии Венесуэлы. // Латинская Америка. - № 3. - 2012. - С. 44-61.
- Хейфец В.Л. Коминтерн и Аргентина в 1919-1922 гг. // Российский Государственный архив социально-политической истории. Научно-информационный бюллетень. – Вып. 2 (12) (специальный). - 2000. - С. 53-57.
- Хейфец В.Л. Панамериканское бюро коммунистического интернационала и Южная Америка. Миссия Генри Аллена // Латиноамериканский исторический альманах. 2002. № 3. С. 137-150.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и формирование компартии Колумбии // Латинская Америка. - № 5. - 2008. - С. 41-61.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Компартия Эквадора и III Интернационал. // Латинская Америка. - № 8. – 2004. С. 20-38;
- Хейфец В.Л., Хейфец Л. С. Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919-1920 // Зарубежная Россия, 1917-1939 гг Сборник статей. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, Санкт-Петербург, 2000. - С. 93-101.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво Д'Эското // Латинская Америка. - №4. - 2011. - С. 60-83.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. М.Александровский. Делегат Аргентины в Коминтерне. Делегат Коминтерна в Аргентине// Персонажи российской истории (история и современность). СПб., 1996. С.227-230.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексиканская авантюра советского правительства в 1919 // Источник. - № 4. - 1999. - С. 63-79.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1918-1929 гг.: В 2 т. Санкт-Петербург: ГУАП, 2012.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Naaya de la Torre... ¿Un comunista latinoamericano? // Электронный научно-образовательный журнал История. - № 6. - 2011. С. 14-15.
- Хейфец Л. С. Миссия Вильмса и рождение «пенелонизма». СПб: Наука, 2005. С. 11-12.
- Хейфец Л.С. Коминтерн и коммунистическое движение Кубы // Латиноамериканский исторический альманах. № 2. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. - С. 135-152.

- Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. / Л.С. Хейфец. – М.: Институт Латинской Америки РАН, Институт всеобщей истории РАН, 2000;
- Хейфец Л.С. Мехико-Москва, 1919-1920 годы. К истории создания коммунистической партии в Мексике. / В. Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. // Латинская Америка. - № 3. - 2001. - С. 50-65.
- Хейфец Л.С. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб: Нестор, 2002;
- Кутейщикова В.Н. Еще раз о первых советских полпредах в Мексике. // Латинская Америка.- № 1. - 1994.
- Хейфец, Л. С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории: Сборник статей. СПб, 2002. - С. 277-294.
- Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии // Латинская Америка. - № 5. - 1996. - С. 42-55.
- Щелчков А. А. Коминтерн и Тихоокеанская конфедерация рабочих республик // Латинская Америка. - № 12. – 2015. - С. 66-76;
- Янчук И. И. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латиноамериканский исторический альманах. - № 1. – 2010. – С. 188-214.
- Alba V. Politics and the Labor Movement in Latin America. Stanford University Press, 1968.
- Alba V. Politics and the Labor Movement in Latin America. Stanford University Press, 1968.
- Alexander R. J. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. Greenwood Publishing Group, 2005.
- Becker, Marc “Mariátegui, the Comintern, and the Indigenous Question in Latin America”, Science & Society 70, no. 4 (October 2006). P. 45-79;
- Busky D. F. Communism in History and Theory: Asia, Africa and Americas. Greenwood Publishing Group, 2002.
- Caballero M. Latin America and Comintern. Cambridge University Press, 1985.
- D’Alessandro L. Historia de la izquierda uruguaya: La fundacion del partido comunista y la division del anarquismo, 1919-1923. Montevideo: Edicion del Nuevo Mundo, 1992.
- Draper T. The Roots of American Communism. New Jersey: Transaction Publishers, 1966
- Dulles J. W. F. Anarchists and Communists in Brazil, 1900-1935.

University of Texas Press, 1973.

Fernández G., Vidal D. Orígenes del movimiento obrero y la 1° huelga general en Uruguay. Montevideo: Edición Aportes, 2012.

Gomez E. Historia del Partido comunista del Uruguay (hasta el año 1951). Montevideo: Trilce, 1991.

Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional. (Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los Partidos Socialistas). Partido Socialista Internacional, 1919.

Jeifets L. La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario biográfico. / L. Jeifets, V. Jeifets, P. Huber. – Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias (Moscú) e Institut pour l’histoire du communisme (Ginebra), 2004.

Jeifets L., Jeifets V. América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario biográfico. Santiago: Ariadna Ediciones, 2015.

Jeifets L., Jeifets V. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la "transformación Bolchevique" // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura. № 28. - 2001. - C. 7-37.

Jeifets L., Jeifets V. El Partido comunista de Argentina y III Internacional, Mexico: Nostromo ediciones, 2014.

Kersfield D. Contra el imperio. Historia de la Liga. Antimperialista de las Américas, México, Siglo Veintiuno, 2012.

Kruse Herman C. Los orígenes del mutualismo uruguayo. Montevideo: Ediciones Populares para América Latina, 1994.

Leibner G. Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay, Trilce, Montevideo, 2011

Martínez J. J. Crónicas de una derrota: testimonio de un luchador. Montevideo: Trilce, 2003.

Meschkat Klaus, Rojas José María. Liquidando el pasado: la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Taurus, 2009.

Meschkat Klaus. The impact of Comintern on early colombian communism // Latin American Perspectives. - Issue 159. - Vol 35 No. 2. March 2008. - P. 39-56.

Patricia Kennedy Grimsted. Russian Archives in Transition: Caught Between Political Crossfire and Economic Crisis // American Archivist. Vol. 56. Fall 1993. Pp. 614-662.

Pintos F. R. Batlle y proceso histórico del Uruguay. Montevideo: C. Garcia & Cia, 1938..

- Sánchez F. Barranca abajo. Ediciones Colihue SRL, 1994.
- Schelchkov A. En los umbrales del socialismo boliviano: Tristán Marof y la Tercera Internacional Comunista // Izquierdas, Nº 5, 2009.
- Schelchkov A. Roberto Hinojosa: ¿revolucionario nacionalista o Goebbels criollo? // Izquierdas, Nº 2, diciembre 2008,
- Sendic A. Movimiento obrero y luchas populares en la historia uruguaya. Montevideo: Liberación Nacional, 1985.
- Spenser D. Stumbling Its Way Through Mexico: The Early Years of Communist International. University of Alabama Press, 2011.
- Spenser, Daniela, Peralta Rina Ortiz. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos: documentos, 1919-1922. Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2006.
- Tarcus H. Diccionario biográfico de la izquierda argentina. Buenos Aires: Emece, 2007.
- Ulianova O., Riquelme Segovia A. Chile en los archivos soviéticos 1922. Tomo 1. Komintern y Chile 1922-1931. Santiago de Chile: Dirección de bibliotecas, archivos y museos: LOM ed., 2005. Tomo II. Komintern y Chile. 1931-1935. Santiago: Centro de Investigaciones Diego Barros Arana, Lom Ediciones, 2009;
- Zubillaga C. Las voces del Combate: un vocabulario de los orígenes del movimiento sindical uruguayo. Montevideo: Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2000.
- Zubillaga C. Perfiles en Sombra: Aportes a un Diccionario Biográfico de Los Orígenes Del Movimiento Sindical en Uruguay (1870-1910). Montevideo: Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2008.
- Zubillaga C., Balbis J. Historia del movimiento sindical uruguayo. Tomo 1: cronología y fuentes (hasta 1905). Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 1985.

В.Л. ХЕЙФЕЦ, Л.С. ХЕЙФЕЦ⁵⁵³

VI КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА И СОВЕРШЕН-
СТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ III
ИНТЕРНАЦИОНАЛА С ЛАТИНОАМЕРИКАН-
СКИМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ⁵⁵⁴
THE VI CONGRESS OF THE COMINTERN AND
THE ENHANCEMENT OF ORGANIZATIONAL CON-
NECTIONS BETWEEN THE III INTERNATIONAL
AND THE LATIN AMERICAN COMMUNISTS

Аннотация: В статье проанализировано «открытие» Латинской Америки Коминтерном с точки зрения развития организационных связей между штаб-квартирой III Интернационала и его национальных секций. Исследованы детали обсуждения ряда ключевых вопросов и показаны противоречия в позициях коминтерновских аппаратчиков и представителей латиноамериканских компартий по вопросам стратегии и тактики мировой революции. Продемонстрированы особенности приема ряда латиноамериканских секций в Коминтерн.

Ключевые слова: Коминтерн, Шестой конгресс, Эмбер-Дро, Бухарин, латиноамериканские компартии, ЮАСКИ, большевизация, Карибское бюро

Abstract: The article deals with the "discovery" of Latin America by the Comintern within the perspective of development of the organizational connections between the III International's headquarters and its national sections. The details of discussion of a number of key questions are researched and contradictions concerning strategy and tactics of world revolution between the cominternian *apparatchiki* and the representatives of the Latin American Communist Parties are shown. The peculiarities of affiliation of some Latin

⁵⁵³ Хейфец Виктор Лазаревич – профессор РАН, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения; Хейфец Лазарь Соломонович – д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, зав. кафедрой Государственного института экономики, финансов, предпринимательства и технологий.

⁵⁵⁴ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»)

American sections with the Comintern are demonstrated.

Keywords: the Comintern, the VI Congress, Humbert-Droz, Bucharin, the Latin American Communist parties, the South American Secretariat of the Comintern, bolshevization, the Caribbean Bureau

«Открытие» Латинской Америки Коминтерном

VI всемирный конгресс стал важным рубежом в развитии международного коммунистического движения, означая закат «романтического периода» и рассвет сталинско-бюрократического, начало перехода к русификации аппарата Коминтерна. Форум принял официальную программу, которая не менялась вплоть до его роспуска, и служила теоретическим и практическим ориентиром для всех национальных секций, в том числе в Латинской Америке. С другой стороны, конгресс определил, что мир вступил в «третий период» развития капитализма, чертой которого должно было явиться «кардинальное ослабление капиталистической системы, проявившееся в увеличении числа сильных экономических и политических кризисов, завершающихся войнами и революциями»⁵⁵⁵. Для коммунистического движения Латинской Америки он стал началом перестройки деятельности партии в духе большевизации. При этом для некоторых компартий континента, например в Уругвае, переход к большевизации вызвал внутренние противоречия и конфликты⁵⁵⁶. Сама же большевизация часто ограничивалась тем, что компартии региона копировали политическую практику ВКП(б), не пытаясь учитывать национальную специфику: например, организовывали кампании против троцкистов, боролись с правой оппозицией.

Нужно сказать, что большевизация была изобретением не руководства Коминтерна, а Политбюро ЦК ВКП(б). В протоколе заседания высшего партийного органа от 13 марта 1925 г. говорится: «утвердить тезисы о большевизации и внести их в

⁵⁵⁵ Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. М.: Центрполиграф, 2008. С. 13.

⁵⁵⁶ Андреев А. С. Читая «открытое письмо»: компартия Уругвая и Коминтерн 1928-1931 гг. // Клио, 2015, № 4(100), с. 44-49; López D'Alesandro, Fernando. "Los orígenes de la cultura estalinista en el comunismo uruguayo" // Yaffé, Jaime. Dossier 'Cinco estudios recientes sobre el comunismo uruguayo', historiapolitica.com, [en línea], URL: <http://historiapolitica.com/dossiers/comunismouruguayo/>.

соответствующую комиссию ИККИ как тезисы Зиновьева»⁵⁵⁷. Это подчеркивает тесную связь III Интернационала с советским руководством, которая стала усиливаться в период сталинизации структур Коминтерна. Те же самые проблемы – тактики в период кризиса капитализма, большевизации – были подняты на X пленуме ИККИ, состоявшемся в 1929 г., а его результаты оказали существенное влияние на внутривнутрипартийную жизнь национальных секций Коминтерна в Латинской Америке.

С отменой решения о проведении встречи латиноамериканских коммунистов накануне VI конгресса он мог стать «дежурным мероприятием», не имеющим более принципиального значения для Латинской Америки, чем прошлые форумы III Интернационала. Поэтому руководство ИККИ сократило число делегатов региона, поездка которых должна была быть оплачена Москвой (фактически обозначая окончательное количество латиноамериканских представителей – в силу финансовых проблем всех компартий Южной и Центральной Америки).

Представляется, что не только невозможность обеспечить репрезентативные делегации ведущих партий континента обусловила такое решение руководящих инстанций Коминтерна. Формирование делегаций и их прибытие в СССР было вопросом техническим. Важнее было заставить работать региональный орган Коминтерна в Южной Америке (Южноамериканский секретариат), поручив ему провести предварительную организационную работу по подготовке форума, который должен был подвести итоги деятельности III Интернационала в Западном полушарии.

Латиноамериканская тема прозвучала уже при открытии конгресса. Николай Бухарин, обращая внимание на расширение коммунистического движения, отметил: «Впервые слово «коммунизм», впервые организационные принципы коммунистического движения, ясные и четкие ленинские слова проникли на огромные территории, на новые континенты, к новым народам, к новым слоям рабочего класса. *Южная Америка впервые широко вступает в орбиту влияния Комму-*

⁵⁵⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф 17. Оп. 3. Д. 492. Л. 2.

нистического Интернационала»⁵⁵⁸ [выделено авторами].

Бухаринскую позицию уточнил руководитель Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ Жюль Эмбер-Дро, заявив, что для последнего периода деятельности III Интернационала «характерным является своего рода открытие Америки, открытие революционного движения в странах Латинской Америки, быстрое увеличение сил Коммунистического Интернационала в этих странах». Докладчик отметил наличие секций Коминтерна в ряде латиноамериканских стран еще до V конгресса, признав: «Никогда, однако, Коммунистический Интернационал не подходил вплотную к политическим проблемам, стоящим перед этими секциями».⁵⁵⁹

Тезис о «втором открытии Америки» вызвал энтузиазм далеко не у всех «аборигенов». В приветствиях на первых заседаниях латиноамериканские делегаты говорили о «пробуждении» континента, выражая надежду на то, что VI конгресс даст молодому революционному движению возможность постоянно учиться в школе старых борцов европейских компартий, волеет новую жизнь во все партии и довершит идеологическую борьбу против оппортунистических уклонов.⁵⁶⁰ Но уже в прениях по тезисам Бухарина бразильский делегат Паулу Ласерда охладил восторг вождей Коминтерна, заявив: «Не коммунистическое движение впервые охватило теперь Латинскую Америку, а **Коммунистический Интернационал впервые проявил интерес к коммунистическому движению в Латинской Америке**» [выделено авторами], и выразил надежду на то, что «внимание Коминтерна не ослабнет».⁵⁶¹

На Первой конференции коммунистов континента в Буэнос-айресе (1929 г.) Эмбер-Дро признал некоторое запоздание III Интернационала в оказании помощи латиноамериканским партиям: «Ясно, что Коминтерн не мог сразу же «открыть» весь мир, и, принимая во внимание, что коммунистическая деятельность в некоторых странах только недавно началась, можно сказать, что внимание Коминтерна распро-

⁵⁵⁸ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск 1. Международное положение и задачи Коминтерна. М.-Л.: 1929. С. 2.

⁵⁵⁹ Там же. Выпуск 4...С.106.

⁵⁶⁰ Там же. Выпуск 1... С. 7.

⁵⁶¹ Там же. С. 228.

странялось по этапам».⁵⁶² Таким образом, этап, открывавшийся VI конгрессом, явно расценивался в ИККИ как латиноамериканский.

Особое, судьбоносное для коммунистического движения континента, значение имел вопрос о представительстве на конгрессе. На состоявшихся ранее профсоюзных конференциях в Москве представительство компартий Латинской Америки было очень широким по сравнению с предыдущими конгрессами, но по разным причинам, явно не соответствовало уровню задач, стоявших перед Коминтерном на латиноамериканском направлении его деятельности.

Первой причиной снижения уровня представительства, как отмечалось выше, был отказ Политсекретариата ИККИ от идеи проведения панамериканской конференции во время VI конгресса из-за отсутствия серьезной подготовки и необходимого времени перед форумом. Невозможность качественно подготовить проведение конференции стала прямым следствием кризиса КПА и ЮАСКИ.

В ИККИ считали возможным созвать такую встречу позже, совместив ее с латиноамериканской конференцией Профинтерна, которую планировалось организовать в Москве, поставив перед Южноамериканским секретариатом задачу назначить в профсоюзные делегации «лучших борцов из руководства каждой из наших партий, чтобы можно было в данном случае провести латиноамериканскую конференцию с хорошим представительством с точки зрения политического веса присутствующих товарищей».⁵⁶³

Иной точки зрения придерживалось руководство КПМ, настаивавшее на необходимости проведения краткой конференции представителей всех компартий Латинской Америки и США до открытия конгресса для обмена впечатлениями и подготовки конкретных предложений на сам конгресс,⁵⁶⁴ тем более, что опыт таких оперативных встреч имелся (в феврале 1928 г. представители компартий США, Мексики и Канады встретились в Нью-Йорке, обсудив вопросы антиимпериалистической борьбы).

⁵⁶² El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires: 1929. P. 366.

⁵⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 9-10.

⁵⁶⁴ Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1328. Л. 34-34 об.

Второй причиной было понимание в Москве невозможности для ряда партий направить представительные, «сильные» делегации, связанной как с объективными, так и с субъективными обстоятельствами. Викторико Кодовилья, возглавивший ЮАСКИ, и Родольфо Гиольди только что приехали в Буэнос-Айрес из Москвы и занимались вместе с другими наиболее теоретически подготовленными лидерами КПА восстановлением партии и реорганизацией ЮАСКИ после исключения Хосе Пенелона. Отъезд уже отобранных делегатов КПЧ стал невозможен из-за прерванного снежными заносами сообщения между Чили и Аргентиной, а находившегося в Буэнос-Айресе Руфино Росаса ЮАСКИ считал более рациональным использовать для координации нелегальной деятельности чилийской партии, чем отправлять в Москву. Не удалось обеспечить представительство коммунистической группы Боливии. Секретарь ЮАСКИ рассматривал необходимость своей поездки в Боливию для участия в назначении делегата, но осуществить это намерение в тот момент было невозможно.⁵⁶⁵

В связи с решением об отмене конференции, Политсекретариат сократил число латиноамериканских делегатов на конгресс, проезд которых оплачивался ИККИ. Были установлены следующие нормы представительства: по 2 делегата от Аргентины, Бразилии, Мексики и Колумбии, по одному – от Чили, Уругвая, Парагвая; Боливии, Перу, Кубы, Эквадора, Гватемалы.⁵⁶⁶ При этом Исполком предложил критерий отбора делегатов, сводивший на нет возможности творческого обсуждения латиноамериканских проблем на конгрессе – включение в делегации «рабочих и хороших борцов наших партий, с которыми можно было бы беседовать по основополагающим политическим, профсоюзным вопросам и т.п. их стран и движений».⁵⁶⁷ Это решение отражало тенденцию усиления пролетарского ядра партий и было красивым жестом по отношению к партийной массе. Но политический уровень

⁵⁶⁵ Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 21-22.

⁵⁶⁶ Там же. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 9-10. Гарантируя оплату дорожных расходов делегатам, Интернационал рассчитывал на оплату партиями стоимости поездки до СССР, обещая компенсировать расходы в Москве. В большинстве случаев это было практически невозможно, т.к. латиноамериканские компартии не имели средств для решения такой задачи.

⁵⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 9-10.

большинства таких делегатов был невысок.

Бюрократические процедуры, характерные для работы аппарата Коминтерна, не позволяли выполнять собственные инструкции и нормы. При формировании делегаций латиноамериканским партиям не удалось выдержать квоты представительства, установленные Политсекретариатом ИККИ. Так, получив из «неофициальных источников» сообщение об установлении для мексиканской партии нормы в шесть делегатов, конференция КПМ избрала соответствующее количество своих представителей. Не имея достоверной информации, мексиканская партия просила Р(К)ПА сообщить точную дату конгресса и повестку дня, точное число своих делегатов, и проинформировать, получит ли право послать своего представителя компартия Центральной Америки, «братский» делегат которой участвовал в работе конференции.

Первоначально было отказано в праве участвовать в конгрессе генеральному секретарю КПЭ Рикардо Паредесу, оставшемуся в Москве после окончания празднования Х-летия Октября, и он предложил партии срочно направить другого делегата. Уже после принятия решения послать в Москву Хорхе Карреру Андраде, Паредесу также было разрешено представлять Эквадор. Каррера Андраде, которому ИККИ выделил 130 долларов, сумму, явно недостаточную для его поездки, получил материальную поддержку от друзей семьи, но и этих средств не хватало на продолжение хаджа в коммунистическую Мекку. Это обстоятельство и болезнь задержали его в дороге, и он прибыл в Берлин уже после окончания конгресса.⁵⁶⁸

Из-за ареста не смог реализовать свой мандат делегата Социалистической Революционной партии Колумбии кубинец Хорхе Виво, хорошо теоретически подготовленный марксист,⁵⁶⁹ но приехали как представители партии Нефтали Арсе и Хорхе Карденас, не обладавшие опытом и широким кругозором и в общем-то люди случайные в СРП. Не смог попасть в Москву делегат КПЦА.

Серьезным качественным недостатком латиноамерикан-

⁵⁶⁸ Паредес, уже вернувшийся в Эквадор, просил Коминтерн оказать помощь этому товарищу, «способности которого делают его одним из лучших элементов в партии», если тот «выскажет желание подчиниться К.И.» — Там же. Д. 8, Л. 3, 8.

⁵⁶⁹ Там же. Оп. 230. Д. 134. Л. 45.

ского представительства на конгрессе было отсутствие преемственности, опыта участия в обсуждении вопросов стратегии и тактики коммунистического движения на международных форумах. Только среди членов мексиканской делегации были участники предыдущих конгрессов или пленумов ИККИ (Мануэль Диас Рамирес и Рафаэль Каррильо).

В докладе Осипа Пятницкого от имени мандатной комиссии особо подчеркивалось, что на конгрессе присутствуют делегаты 9 партий, не представленных на V конгрессе. 6 из них были латиноамериканскими: СРП Колумбии, компартии и группы Уругвая, Эквадора, Парагвая, Венесуэлы и Чили. Из приглашенных на конгресс партий с правом решающего голоса не смогла прислать делегата только компартия Кубы, с правом совещательного голоса – коммунистическая группа Перу.⁵⁷⁰

Мандатная комиссия конгресса, определяя количество голосов, получаемых партиями, участвовавшими в конгрессе, исходила из решений IX пленума ИККИ, предоставляя столько голосов, сколько у нее мандатов с решающим голосом. КПА получила 4 мандата с решающим голосом; КПБ – 2; КПМ – 3 (мандат с правом совещательного голоса по просьбе партии был предоставлен Эдгару Воогу);⁵⁷¹ КПЧ, КПУ – по одному; не являвшиеся национальными секциями Коминтерна СРП Колумбии – 2 мандата с совещательным голосом, КП Эквадора, КП Парагвая, КП Венесуэлы – по одному.⁵⁷² И хотя численность делегатов Латинской Америки не шла ни в какое сравнение с представительством ведущих партий Коминтерна, это был серьезный шаг вперед по сравнению с предыдущими конгрессами.

При этом мандатная комиссия отклонила просьбу КПА о

⁵⁷⁰ Присутствовавший на конгрессах Коминтерна и КИМа студент МЛШ от КПМ перуанец Николас Террерос (Лопес) не имел полномочий представлять коммунистическую группу Перу.

⁵⁷¹ Там же. Ф. 493. Оп. 1. Д. 621. Л. 6.

⁵⁷² Компартии Венесуэлы к этому моменту не существовало. Возможно, в данном случае было принято решение для расширения представительства латиноамериканских стран назвать делегатом виртуальной партии единственного венесуэльца, находившегося в то время в Москве, к тому же работавшего в аппарате Профинтерна.

делегатском статусе для студента МЛШ Антонио Кантора⁵⁷³ и самой школы – о предоставлении делегатского мандата мексиканцу Хавьеру Герреро. Последний получил право участия в конгрессе в качестве гостя вместе с другими студентами школы – бразильцем Эйтором Феррейра Лима и уругвайцем Карлосом Имасом.⁵⁷⁴

С латиноамериканским коммунистическим движением была связана большая группа участников конгресса. Как член ИККИ делегатом конгресса был Ж. Эмбер-Дро. В делегацию компартии США входили: Бертрам Вольф, Мануэль Гомес, Дж. Джонстон, Джей Ловстон, Джон Пеппер, Джозеф Зак; французской компартии: Анри Барбе, Анри Лозере (от французских колоний), Октав Рабатэ, М. Делобель; итальянской: Руджиеро Гриеко, Луиджи Лонго, Эннио Ньюди, Пальмиро Тольятти; ВКП(б): Борис Васильев, Сергей Гусев, Александр Лозовский, Дмитрий Мануильский, Осип Пятницкий. В списке приглашенных персонально (с совещательным голосом) были: Борис Михайлов, Михаил Грольман, Стоян Минев, среди гостей конгресса – Станислав Пестковский, Лев Хайкис.⁵⁷⁵ Такое количество участников, или работавших в Латинской Америке, или имевших повседневный опыт знакомства с проблемами революционного движения континента позволяло повысить уровень обсуждения латиноамериканских вопросов на конгрессе, естественно, в русле тогдашнего восприятия Коминтерном ситуации в Новом Свете и перспектив компартий.

Латиноамериканские делегаты были включены в руководящие органы конгресса,⁵⁷⁶ почти во все комиссии и принимали участие в обсуждении проектов документов и

⁵⁷³ Это не помешало временно, до прибытия делегата из Аргентины, зарезервировать за Кантором место в сеньорен-конвенте конгресса. –РГАСПИ. Ф 493. Оп. 1. Д. 400. Л. 1.

⁵⁷⁴ Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. М., 2000; Jeifets L., Jeifets V. America Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile: 2015.

⁵⁷⁵ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск 5.. С. 151-152, 156, 158; РГАСПИ. Ф.493. Оп. 1. Д. 628. Л.1-17; Д. 619. Л. 29-37; Д. 620. Л. 2.

⁵⁷⁶ В президиум конгресса были избраны бразильский и мексиканский делегаты, в сеньорен-конвент – представители Мексики и Аргентины. –Там же. Д. 382. Л. 45- 46; Д. 400. Л. 1.

резолуций высшего коммунистического форума, представляя или свои партии, или единую делегацию от компартий континента, сформированную на время работы конгресса.⁵⁷⁷ Делегация систематически собиралась во время конгресса и вырабатывала консолидированную позицию, озвучивавшуюся от ее имени на пленарных заседаниях, во время которых специально оговаривалось, представляет ли делегат единое мнение латиноамериканской делегации или выступает от имени своей партии. Такая работа затруднялась отсутствием возможности заранее подготовиться к обсуждению сложных теоретических вопросов. Например, к дискуссии по проекту Программы Коминтерна ИККИ не успел или не считал необходимым обеспечить делегатов нужными материалами до конгресса, и только делегации ВКП(б), компартий Германии и Чехословакии смогли заблаговременно обсудить этот вопрос. Это стало ахиллесовой пятой конгресса, но такое положение отражало общую ситуацию в Коминтерне, складывавшуюся в международной партии: мнение малочисленных и малозначительных секций все меньше интересовало руководство ИККИ, т.е. стоявших за ним лидеров ВКП (б). По оценке делегации КПМ, «в качестве логичного последствия этой неготовности к обсуждению, дискуссия оказалась на 90% отрицательной, поскольку ее инициаторы главным образом дискутировали вопросы внутренней борьбы в своих партиях».⁵⁷⁸

Принятые конгрессом поправки к Уставу закрепляли установившуюся практику взаимоотношений Коммунистического Интернационала с его секциями. О. Пятницкий обращал внимание делегатов конгресса на два обстоятельства: ощущавшуюся почти во всех секциях «потребность в непосредственном руководстве» со стороны ИККИ и невозможность «руководить непосредственно из Москвы». Поэтому руководство решило организовать Западноевропейское бюро за границей, опыт которого показал невозможность обойтись без таких органов. «Возможно, – отметил председатель Уставной комиссии, – что придется организовать такое же

⁵⁷⁷ Председателем латиноамериканской делегации был избран мексиканец Рафаэль Каррильо, секретарем – уругваец Леопольдо Сала.– Там же. Ф. 493. Оп. 1. Д. 627. Л. 1-3; Д. 382. Л. 44.

⁵⁷⁸ Там же. Ф. 495. Оп. 108. Д. 83. Л. 17-18.

бюро и в Южной Америке, может быть на Востоке». В предложенном делегатам проекте Устава было зафиксировано право ИККИ и его Президиума «для установления более тесной связи и лучшего руководства секциями КИ создавать постоянные бюро, круг деятельности которых устанавливался учреждающими их органами. Секции Коминтерна, на которые распространялось воздействие бюро, обязывались проводить в жизнь их указания и директивы, но за ними оставалось право обжаловать их в Президиум ИККИ или Исполком, что не освобождало от выполнения решений до их изменения вышестоящими органами Коминтерна.⁵⁷⁹

Резкие повороты в партийном строительстве, совершенствовании структуры III Интернационала были судорожны и зачастую логически малообъяснимы. Пятницкий и возглавляемая им Уставная комиссия как бы забыли о существовании с самых первых шагов Коминтерна практики создания зарубежных бюро. Латиноамериканский опыт как раз и показал разные варианты деятельности таких структур: Латиноамериканское бюро, Амстердамское бюро, Американское агентство, Бюро коммунистической пропаганды. Да и ЮАСКИ действовал уже в течение почти трех лет, и речь шла не об его учреждении, а о законодательном закреплении факта существования.

Обновленный Устав подтверждал и уточнял два важнейших положения, имевших прямое отношение к латиноамериканским проектам Коминтерна: необходимость для секций соседних стран, и в особенности метрополий и их колоний, «поддерживать тесную организационную и информационную связь, устанавливая взаимные представительства на конференциях, съездах; а также обмен – с согласия ИККИ – руководящими силами», и возможность для двух или более партий, «которые (подобно секциям скандинавских или балканских стран) политически связаны друг с другом общими условиями борьбы» создавать, с согласия ИККИ и под его руководством и контролем, для координации своих действий федерации.⁵⁸⁰

⁵⁷⁹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5... С. 109.

⁵⁸⁰ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6... С. 164.

Для реализации этого положения Устава делегаты компартий Латинской Америки и США разработали план совместных действий, в рамках которого договорились: проводить совместные пропагандистские антиимпериалистические кампании на основе единых лозунгов (обращая особое внимание на поддержке борьбы Никарагуа); шире освещать латиноамериканские проблемы в «Daily Worker»; рекомендовать ИККИ создать испанское издание «Инпрекорр» и распространять в США литературу на испанском языке. В качестве важных организационных мер континентального единства предусматривалась необходимость обмена представителями в ЦК КПМ и Р(К)ПА; направление трех латиноамериканских студентов в Национальную Рабочую школу американской партии; проведение совместных кампаний по организации в США испаноязычных рабочих; помощь в формировании союзов коммунистической молодежи в Латинской Америке.⁵⁸¹

Латиноамериканские компартии: трудный путь в «национальные секции».

Прием на конгрессе новых национальных секций носил явно демонстрационный характер и был увязан руководством Коминтерна с увеличением удельного веса в мировом коммунистическом движении колониальных и полуколониальных стран. Эмбер-Дро специально подчеркнул наличие кризиса II Интернационала в отношениях с революционным движением этих стран, в то время как к Коминтерну присоединяются семь новых секций, представляющих колонии и полукolonии, в том числе четыре – латиноамериканские.⁵⁸² У каждой новой секции III Интернационала были особенности, требовавшие от всемирного конгресса поиска отдельной формулы для объяснения причин приема. Позднее, в своих мемуарах Эмбер-Дро расценил ситуацию с приемом латиноамериканских кандидатов категорично, не дифференцируя их: «Они не имели ничего от коммунистических партий, кроме очевидной доброй воли стать ими».⁵⁸³

С этой позицией на конгрессе солидаризировался Б. Васильев, усматривавший у компартий колониальных и полуко-

⁵⁸¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 39. Л. 88.

⁵⁸² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5... С. 136.

⁵⁸³ Humbert-Droz J. L'Internazionale comunista tra Lenin e Stalin. Memorie di un protagonista 1891-1941. Milano: 1974. P. 221.

лониальных стран типичные, с точки зрения Коминтерна, недостатки: их влияние базировалось на личном авторитете лидеров, а не на организационной работе партий; они были «верхушечными организациями». Заведующий орготделом ИККИ считал серьезной политической и тактической ошибкой позицию тех работников Коминтерна, которые, ссылаясь на отсталость стран Латинской Америки, считали необходимым сдерживать формирование там компартий: «Надо ковать железо, пока горячо. Коминтерн должен оказать самую серьезную помощь странам Латинской Америки для того, чтобы укрепить существующие там коммунистические партии, создать коммунистические партии там, где их нет».⁵⁸⁴

В случае с компартией Кубы конгресс констатировал, что решением VIII пленума ИККИ она уже была «условно» принята партии в качестве члена III Интернационала.⁵⁸⁵ В тексте резолюции ИККИ о КПК 1927 г., правда, формула об «условном» принятии не звучала, и Устав не требовал подтверждения решений ИККИ конгрессом. Прием КПК конгрессом должен был подтвердить тенденцию и увеличить число латиноамериканских секций, пополняющих Коминтерн. С этими же причинами был связан и прием парагвайской партии, хотя она была оценена как слабая идеологически и организационно.⁵⁸⁶ Коллизия с компартией Парагвая заключалась в том, что процедура вхождения ее в III Интернационал осуществлялась, несмотря на конфронтацию лидера КПП с секретарем ЮАСКИ Кодовильей, готовившем в то время, когда Ибаррола находился в Москве, его устранение с поста генерального секретаря партии.⁵⁸⁷

Решение о признании национальными секциями Коминтерна коммунистических организаций Колумбии и Эквадора – яркий пример умения международных функционеров находить нетривиальные варианты выхода из ситуаций казалось бы тупиковых. Обе партии мало соответствовали жестким

⁵⁸⁴ Выступление Васильева. – Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4... С. 258-261.

⁵⁸⁵ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск 5... С. 136.

⁵⁸⁶ Там же. С. 137.

⁵⁸⁷ Хейфец Л.С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории. Сб. статей. СПб: 2002. С. 277-294.

требованиям «21 условия», и годом раньше, а тем более – годом позже, они ни под каким видом не попали бы в международное объединение коммунистов. Но «второе открытие Америки» требовало продемонстрировать миру коммунистический Новый Свет во всей красе, и были найдены компромиссы.

Р. Паредес направился в СССР втайне от руководителей СПЭ, не входивших в коммунистическую группу. Делегат IV конгресса Профинтерна Мануэль Доносо вспоминал, какой неожиданностью для него была встреча с Паредесом в Москве.⁵⁸⁸ Оба эквадорца участвовали в работе всемирного профсоюзного форума, но на VI конгресс Коминтерна остался один Паредес, уполномоченный КПЭ просить о ее приеме в качестве национальной секции III Интернационала.

Уже в Москве Паредес получил письмо Энрике Терана, сообщавшего о своем избрании генеральным секретарем СПЭ, в результате которого обе партии (социалистическая и коммунистическая) оказались под руководством коммуниста, а Центральный Совет стал «полностью левым». Тем самым была достигнута искомая радикальным сектором эквадорской левой целью. Обновленное руководство СПЭ приняло декларацию об официальном присоединении к Коминтерну,⁵⁸⁹ и делегировало Паредесу полномочия для решения вопроса о вступлении обеих эквадорских партий (!) в Коминтерн. Тем самым была создана сложнейшая коллизия: две партии из одной страны, находившиеся под руководством одних и тех же людей, одновременно претендовали на роль национальной секции всемирной компартии. Это не остановило Паредеса, обратившегося к VI конгрессу Коминтерна с просьбой принять обе партии,⁵⁹⁰ но все же представившего различные обоснования для приема. В заявлении, направленном кон-

⁵⁸⁸ El 15 de Noviembre de 1922 y la fundación del socialismo, relatados por sus protagonistas. Segunda parte. Quito: 1982. P. 107.

⁵⁸⁹ Los comunistas en la historia nacional. Guayaquil: Instituto de Investigaciones y Estudios Socioeconomicas del Ecuador, 1987. P. 14; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 10. л. 43.

⁵⁹⁰ Уникальность эквадорского феномена заключалась и еще в одном обстоятельстве. ЦС СПЭ, просил Провинциальные Советы провести решение о присоединении к Коминтерну «тайно [выделено авторами], дабы не столкнуться с препятствиями в общественном мнении страны». – Там же. Д. 6. Л. 1.

грессу от имени СПЭ, отмечалось, что партия, основанная в 1926 г. с коммунистической идеологической программой, сходной с программой Коминтерна, решила на своем первом съезде просить о приеме в ряды Интернационала и готова выполнять все его распоряжения, борясь в его рядах за «победу Пролетарской Революции, за Установление Коммунизма».⁵⁹¹ Декларация КПЭ, в свою очередь, подчеркивала: созданная в 1925 г. партия уже принята в Коминтерн в качестве сочувствующей группы, и просила об окончательном приеме в качестве эквадорской секции, в то время как СПЭ все еще не являлась по своей организационной структуре компартией, выражая надежду на ее эволюцию «в направлении коммунизма». Отсюда вытекал логичный, по мнению эквадорца, вывод – для содействия образованию в будущем единой, сильной коммунистической партии принять в ряды III Интернационала и КПЭ, и СПЭ.⁵⁹²

Дополнительные сложности для решения эквадорского вопроса создавали претензии на членство в Коминтерне, предъявленные в то же время еще одной группой под названием Коммунистическая партия Эквадора, созданной членами Ассоциации детей труда. Без ложной скромности считая свою группу способной стать «душой и сердцем» борьбы трудящихся, ее лидеры С. Коломан и А. Хурадо недвусмысленно заявили Коминтерну, что необходима финансовая помощь из Москвы, так как их организация «едва вышла из экспериментальной стадии». В первую очередь деньги были необходимы, чтобы направить делегата в СССР для демонстрации позиций партии и получения советов по поводу дальнейших действий.⁵⁹³

⁵⁹¹ РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 67. Д. 4. Л. 85.

⁵⁹² Там же. Л. 86.

⁵⁹³ Там же. Д. 4. Л. 87-88, 73-74. Вряд ли исследователям представится возможность выяснить, чем была попытка «Детей труда» создать свою партию: искренним порывом представителей пролетариата, не сумевших найти общего языка со своими единомышленниками из СПЭ, или авантюрой с целью добиться московских денег. Деятельность этой группы оказалась незамеченной в историографии рабочего движения Эквадора и не оставила других следов, кроме приведенного выше документа. С. Коломан уже через год оказался в Нью-Йорке, где вступил в Р(К)ПА и рекламировал себя как основатель эквадорской компартии. Будучи депортирован из США, обратился в советское полпредство в Турции с

Разобраться в эквадорской проблеме оказалось для Коминтерна делом непростым, и решения принимались на высшем уровне – Президиумом ИККИ. Лидеры международной коммунистической партии признали Эквадор страной с высоким революционным потенциалом, а аграрный вопрос – «рычагом революционного действия», считая восстания крестьян и индейцев способствующими расширению борьбы за землю, увлекающей за собой и десятки тысяч рабочих.⁵⁹⁴ Успех военного переворота 1925 г., как отмечалось в проекте резолюции по Эквадору, был достигнут армией при поддержке трудящихся масс. Однако военное правительство, быстро уступившее «давлению империализма и национальной буржуазии», стремясь «замаскировать свою капитуляцию перед северо-американским империализмом и предательство интересов масс, привлекая к участию в правительстве нескольких вождей *социалистической и коммунистической* партии [выделено в тексте], пыталось, таким образом деморализовать революционное движение и обмануть рабочих и крестьян». Ответом на маневры военной диктатуры, по мнению Коминтерна, стал рост влияния СПЭ, «единственного вождя рабочих и крестьянских масс в их революционной борьбе [выделено в тексте], против империализма, за независимость страны, против крупных землевладельцев, за аграрную революцию, против эксплуатации, против диктаторского правительства, служащего агентом империализма и буржуазии, за рабоче-крестьянское правительство».⁵⁹⁵ В борьбе против диктатуры партия превратилась в массовую организацию рабочих и революционных крестьян, пережив своего рода внутреннюю революцию, характеризовавшуюся очисткой от реформистов, «поддавшихся на удочку», поверивших в «социалистический характер» переворота 1925 г.» [на полях документа от руки: sic! NB.] и решивших сотрудничать в правительственных структурах, что, по мнению Москвы, означало пойти в услужение империализму США.

Против упрощенного взгляда на ситуацию в революционном движении Эквадора, способного вызвать необоснован-

просьбой о предоставлении ему гражданства СССР. – Там же. Ф. 495. Оп. 261. Д. 5823.

⁵⁹⁴ Там же. Д. 4. Л. 41-42.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 43.

ную эйфорию, предостерегал С. Лозовский, обративший внимание на бытовавшую среди латиноамериканских левых, в том числе коммунистов, идею о кануне социальной революции в их странах.⁵⁹⁶ Организационное состояние коммунистических сил Эквадора оценивалось в Москве как «довольно сложное»: существуют две партии, решившие примкнуть к Коминтерну: социалистическая – массовая федеративная организация, внутри которой действовала тайная компартия из нескольких десятков членов, организованных «в своего рода закрытое братство, напоминающее секту; вступление в нее связано с известным церемониалом».⁵⁹⁷ В ИККИ, считая, что в соцпартии были «хорошие революционные коммунисты», не являвшиеся членами компартии, а в последней имелись «мелко-буржуазные оппортунистические элементы», оценивали грань между этими двумя организациями как произвольную. Лозовский недвусмысленно заявил, что коммунистическая партия обладает идеологической слабостью практически в той же степени, что и социалисты.

Путь для превращения социалистической партии в массовую компартию виделся очень непростым: Коминтерн предлагал коммунистической партии в той форме, в какой она существовала в тот момент, «добиваться растворения ее в социалистической партии», а ее членам стать наиболее активным элементом в политических организациях соцпартии и вести в последней воспитательную и просветительную идеологическую работу. Таким образом, присоединение СПЭ к III Интернационалу должно было стать равносильным «сознательному принятию его программы, его тактики, его методов организации борьбы».⁵⁹⁸ Это означало не полную ликвидацию коммунистической структуры внутри СПЭ, а ее превращение в «марксистский кружок», ставящий своей целью привлечение всех членов партии, согласных с принципами и тактикой Коминтерна и стремящихся к принятию всей социалистической партией этих принципов и превращения ее таким образом в «подлинную коммунистическую партию». Присоединение СПЭ к III Интернационалу было расценено в

⁵⁹⁶ Там же. Л. 71.

⁵⁹⁷ На полях рядом с последним предложением Бухарин поставил пять восклицательных знаков. – Там же. Л. 48

⁵⁹⁸ Там же. Л. 49

Москве как выражение «инстинктивного влечения» масс к международной революционной организации пролетариата и русской революции. Перед коммунистами ставилась задача превратить этот эмоциональный порыв в сознательное присоединение, а мероприятия по «перевоспитанию» партии рассматривались не как «внезапная операция, порождающая раскол, или широкая чистка социалистической партии, которая лишит ее характера массовой партии», а как «терпеливая, настойчивая работа с целью убедить и завоевать для К.И. подавляющее большинство партии».⁵⁹⁹

В случае с Эквадором Коминтерн пошёл на невиданный компромисс: СПЭ предлагалось на съезде самой решить, ликвидировать ли прежнюю социалистическую партию и оставить только компартию или же сохранить Социалистическую партию как подобие британской Лейбористской партии, которое объединяло бы массовые организации рабочих и крестьян на основе коллективного членства. Таким коллективным членом могла бы быть и коммунистическая партия, имевшая в этом случае шансы стать «политическим вождем широкого блока рабочих и крестьянских организаций». Любой из этих вариантов оказывался для Президиума ИККИ приемлем при условии обеспечения «политического ~~руководства~~ *влияния* [правка в тексте документа] коммунистической партии на эксплуатируемые массы Эквадора».⁶⁰⁰

Однако лидеры Коминтерна понимали, что такая модель нарушает существующие в международной компартии каноны и не собирались широко ее афишировать. Именно поэтому делегаты VI конгресса не были посвящены в нюансы решения, показывавшего осознание Москвой своеобразия ситуации в эквадорском коммунистическом движении. Предлагая проект резолюции о приеме в III Интернационал новых национальных секций, Ж. Эмбер-Дро, не рассказывая о двусмысленности коллизии, существовавшей в Эквадоре и способной спровоцировать раскол, говорил о наличии просьбы о вступлении только социалистической партии, в которой работает коммунистическая группа.⁶⁰¹

⁵⁹⁹ Там же. Л. 50.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 51.

⁶⁰¹ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 5... С. 137-138.

Выступая от имени новых латиноамериканских секций Коминтерна, Паредес обещал, что новые секции будут стойко бороться плечом к плечу со всем международным пролетариатом, а партии Эквадора и Колумбии будут под руководством Интернационала идти по пути большевизации. Движение по этому пути уже очень скоро радикально изменило партии, а многие из руководителей, приведших СРП и СПЭ в Коминтерн, оказались за бортом коммунистического движения.

Начало нового этапа отношений Коминтерна и его латиноамериканских секций

Свидетельством признания новой роли латиноамериканского коммунистического движения стало резкое расширение его представительства в руководящих органах III Интернационала. В ИККИ были избраны генеральный секретарь КПМ Рафаэль Каррильо, члены ЮАСКИ аргентинец Родольфо Гиольди, бразилец Астрожилду Перейра (Америко Ледо), уругваец Эухенио Гомес, представитель Чили Исаис Ириарте (Фермин Арайя). Кандидатами в члены ИККИ стали кубинец Алехандро Баррейро (Лопес) и представитель Колумбии и Эквадора Томас Урибе (Хулио Риаско). Одновременно был понижен статус в коминтерновской иерархии Викторико Кодовильи и главы делегации ИККИ в Буэнос-Айресе Эджидио Дженнари: их включили в Интернациональную Контрольную комиссию. Следует отметить, что избрание в высший контрольный орган Коминтерна людей, не имевших реальной возможности участвовать в его работе, т.к. они находились за тысячи километров от Москвы, говорит о декоративном характере ИКК.

Среди членов руководства III Интернационала остались занимавшиеся делами латинских стран Ж. Эмбер-Дро (избранный персонально), П. Тольятти и А. Барбе, членом ИККИ стал А. Таска, кандидатами – Р. Гриеко и С.И. Гусев.⁶⁰² Четверо из вышеупомянутых (Эмбер-Дро, Тольятти, Таска, Барбе) были избраны в Президиум ИККИ, они же (кроме Тольятти) 3 сентября 1928 г. были введены в состав Политсек-

⁶⁰² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5... С. 139-140.

ретариата ИККИ.⁶⁰³

Наряду с известными лидерами компартий Латинской Америки в ИККИ попали и люди, которых в Москве знали только по документам (Ириарте, Урибе).⁶⁰⁴ Единственной причиной этого было стремление как можно шире представить коммунистическое движение континента. Возможно, сами они так и не узнали о своем избрании, об этом вполне могли не знать в их партиях, во всяком случае, ни в одном доступном документе партий, ЮАСКИ и ЛА л-с, литературе по истории партий, ни Ириарте, ни Урибе, ни Баррейро даже не упоминаются как члены высшего руководства Коминтерна.⁶⁰⁵

Помимо интенсивной работы на самом конгрессе, включая и участие в рабочих органах, делегаты проявляли активность и в кулуарах, общаясь между собой, с делегациями компартии США и некоторых европейских секций, работниками аппарата ИККИ. Поистине масштабную деятельность развернула мексиканская делегация, выглядевшую особенно эффектно на фоне протокольной, не выходящей за рамки необходимого, работы безликой делегации аргентинской компартии. Повышенная активность делегации КПМ была выражением стремления руководства партии изменить центр тяжести в латиноамериканском коммунистическом движении, радикально изменить организационную модель взаимоотношений между Коминтерном и его национальными секциями в Латинской Америке, вернуть утраченную в начале 20-х гг. роль лидера континентального коммунистического движения, или хотя бы потеснить аргентинскую компартию. Раскол КПА и кризис ЮАСКИ дал возможность поставить под сомнение правильность выбора Коминтерном аргентиноцентристской модели руководства.

Работа делегации компартии Мексики на конгрессе была целенаправленной и явно заранее спланированной. Во всех дискуссиях, в комиссиях, на заседаниях объединенной латиноамериканской делегации, встречах с делегатами Р(К)ПА, совещаниях в структурах ИККИ представители КПМ всегда

⁶⁰³ Адидбеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 142-143.

⁶⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 2. Д. 1. Л. 3, 8, 55.

⁶⁰⁵ Uribe M.T. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá:1994.

появлялись с согласованной позицией, всегда с единым мнением. Состав делегации позволял придерживаться, насколько это было вообще возможно на конгрессе, наступательной тактики: в нее входили высшие руководители партии (в т. ч. действующий генеральный секретарь и его предшественник, имевшие опыт участия в международных коммунистических форумах). Эффективную поддержку официальным делегатам КПМ оказывали студент МЛШ Н. Террерос и С. Пестковский. Делегация в любой момент могла рассчитывать на моральную поддержку Э. Воога, эксперта Коминтерна, лучше всех знакомого с мексиканской ситуацией, и руководителей «большинства» Р(К)ПА Д. Ловстона и Б. Вольфа.

КПМ стремилась добиться решения задач, годами стоявших на повестке дня, используя конъюктуру, вызванную эйфорией «Открытия Америки». На встречах с руководством Профинтерна была снята часть разногласий по вопросам профсоюзной тактики КПМ и уточнено отношение Лозовского к созданию в Мексике третьего профсоюзного центра. Под давлением мексиканской делегации было отменено приглашение в Москву для переговоров с Коминтерном делегации АПРА. В Орготделе ИККИ была достигнута договоренность о выработке программы немедленных действий для КПМ, основанной на Программе, принятой VI Конгрессом. От Бюджетной комиссии мексиканцы добились обещания увеличить субвенции партии, в первую очередь предназначенные на бесперебойный выход «El Machete».

На заседаниях Расширенного Исполкома МОПРа представители КПМ добились решения о создании в Мексике Карибского бюро этой организации, которую было поручено возглавить Видали. В Берлине мексиканские делегаты провели переговоры с руководителями Международной Антиимпериалистической лиги, получив обещание поддержки для Континентального комитета ВААИЛ. В Латинском лендерсекретариате прошло несколько совещаний по общим вопросам латиноамериканских стран. Специальная встреча в Москве с делегацией американской компартии была посвящена критическому анализу деятельности секретаря североамериканской секции ВААИЛ Мануэля Гомеса и определению направлений совместной работы в деятельности, наиболее важной для обеих партий.

Вся эта работа на конгрессе и вокруг него способствовала

росту престижа КПМ в международном коммунистическом движении и, что может быть еще важнее, в аппарате Коминтерна, помогая решить стратегическую задачу «*борьбы против тенденции Аргентины (Кодовилья) на гегемонию во всех партиях Латинской Америки*» [выделено авторами].⁶⁰⁶ Аргентинского представителя в ИККИ мексиканцы объявили персонально ответственным за создание «гнетущей и враждебной атмосферы», в которой оказалась КПМ в Коминтерне, видя в его лице «сильного врага», чья политическая жизнь продолжается, создавая угрозы для положения партии в международном коммунистическом движении. Мексиканцы пришли к выводу о сложившейся у некоторых работников Коминтерна практике игнорирования мнения небольших национальных секций при принятии решений, затрагивающих их интересы.⁶⁰⁷

Мексиканцы считали базой создания второго регионального центра Коминтерна в Латинской Америке уже сложившуюся систему связей организаций коммунистического фронта, действовавших в Мехико (Континентального комитета ВААИЛ, американского представительства Межрабпома и Международной лиги борьбы против империализма, Карибского комитета МОПРа, Карибского субкомитета Комитета Монтевидео); контакты революционной эмиграции (в первую очередь, кубинской и венесуэльской); опыт своего сотрудничества с коммунистами Центральной Америки и Кубы; практику систематической работы в Мексике делегатов Коминтерна и Профинтерна; более широкие и результативные, чем у любой другой латиноамериканской партии, взаимоотношения с североамериканской секцией Коминтерна.

КПМ инициировала обращение латиноамериканских делегатов в руководящие органы конгресса, предложив новое видение структуры организационных связей III Интернационала и его секций в Латинской Америке.⁶⁰⁸

Проект предполагал учредить в Мехико, «в соответствии с уже принятым решением», Центральноамериканский Секретариат и назначать в ИККИ двух специальных представите-

⁶⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 83. Л. 15.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 16.

⁶⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 43. Л. 9.

лей латиноамериканских стран (от ЮАСКИ и ЦАС),⁶⁰⁹ выражающих мнение этих региональных структур. Секретариатам предлагалось поделить между собой работу, исходя из «политико-экономических нужд латиноамериканских государств»: в ведение ЮАСКИ переходила работа в странах Южной Америки (за исключением Колумбии и Венесуэлы), а ЦАС предстояло сосредоточиться на Мексике, Центральной Америке, Антильских островах, Колумбии и Венесуэле. Специальных представителей предлагалось ввести в состав Латиноамериканского департамента внутри Латинского Секретариата Коминтерна, с целью обсуждения проблем революционного движения континента и представления их для окончательного разрешения ИККИ.⁶¹⁰ На ЦК КПМ возлагалась ответственность за созыв региональной конференции компартий Центральной Америки и Карибского бассейна, которая должна была назначать представителя для постоянной работы в Москве до следующего конгресса III Интернационала. Подкрепляли планировавшиеся изменения в оргструктуре Коминтерна решения о создании испанского издательства в Париже, его отделений в Буэнос-Айресе и Мехико и формировании еще до конца 1928 г. испанской редакции «Инпрекорр».⁶¹¹

Для реализации планов по созданию второго центра в Латинской Америке мексиканская компартия интенсифицировала свою деятельность в регионе. Первым шагом стала недельная остановка делегатов VI конгресса М. Диаса Рамиреса и В. Видали на Кубе в августе 1928 г., во время которой они провели несколько рабочих встреч с членами ЦК КПК, в результате которых было решено подчинить кубинскую эмигрантскую группу в Мексике Центральному Комитету

⁶⁰⁹ Названия секретариатов вписаны в тексте документа от руки вместо зачеркнутых слов: мексиканской и аргентинской коммунистическими партиями. В первоначальном замысле очевидно желание формировать второй (мексиканский) региональный центр в противовес аргентинскому. Новая редакция камуфлировала эту задумку под форму коминтерновской структуры, хотя знающие ситуацию работники ИККИ должны были понимать — речь идет о создании двухполюсной модели организационных связей, основанной на уравнивании влияния КПА и КПМ на континентальное коммунистическое движение.

⁶¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 43. Л. 9.

⁶¹¹ Там же. Оп. 108. Д. 83. Л. 20.

КПМ.⁶¹²

В конце 1928 г. делегация КПМ (Рафаэль Каррильо, Хулио Антонио Мелья, Дионисио Энсина, Хорхе Фернандес Анайя) приняла участие в создании организаций МОПРа, АИЛ и Коммунистической молодежи Гватемалы.⁶¹³ Мексиканские и гватемальские коммунисты оценили состояние и перспективы КПЦА и пришли к выводу, что она не могла в полной мере выполнять свои задачи, хотя претендовала на роль авангарда пяти разных народов, и было бы правильным создать собственную партию в каждой стране в момент, когда это станет необходимым и возможным.⁶¹⁴ Важной деталью, характеризующей ситуацию в стране и партии, была почти полная, со времени визита Блекуэлла, смена руководства КПЦА. Мексиканская делегация имела дело с новыми людьми. И эта тенденция прослеживалась постоянно и являлась одной из причин неэффективности организационных связей, причем с обеих сторон.⁶¹⁵

В ходе очередной реорганизации структуры аппарата ИК-КИ, произошедшей сразу же после окончания VI конгресса, руководство Коминтерна пошло дальше плана, согласованного с КПМ. 28 сентября 1928 г. по предложению Политсекретариата были уточнены функции лендер-секретариатов. В состав секретариатов, количество которых сократилось с 11 до 8, входили: заведующий и его заместитель, представители нескольких партий, подведомственных секретариату, референты.⁶¹⁶ Одним из вновь созданных подразделений стал Латин-

⁶¹² Vidalí V., Weiss L. *Patria o Muerte, Venceremos*. Milano: 1973. P. 215.

⁶¹³ Ветеран коммунистического движения в Центральной Америке М.А. Васкес вспоминал о поездке в Гватемалу Р. Каррильо для учреждения КПЦА (1925 г.) и перуанца Н. Террероса (1926 г.) с поручением от ВААИЛ. Террерос, вместе с Х.А. Мельей и Э. Павлетичем, способствовал формированию гватемальской секции ВААИЛ. – Taracena Arriola A. *Un salvadoreño en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Angel Vázquez Eguizabal* // *Memoria (México)*. 1990. № 29. P. 92-93.

⁶¹⁴ Mora Valverde E. *Habla Chigüichon, veterano comunista de Centroamérica* // *Memoria (México)*. 1991. № 33. P. 347.

⁶¹⁵ Х. Фернандес Анайя дважды ездивший в Центральную Америку, ничего не знал об участии делегата КПЦА М. Мельгара в V съезде своей партии (1927 г.). – Figueroa Ibarra C. *El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya*. // *Memoria (México)*. 1990 (septiembre-octubre). № 31. P. 215.

⁶¹⁶ Адилбеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 152-153.

ноамериканский лендер-секретариат ИККИ. Для латиноамериканского коммунистического движения это решение имело судьбоносное значение – впервые после ликвидации Южноамериканской секции при ИККИ в 1922 г. Латинская Америка была выделена в самостоятельное направление работы.

Лендер-секретариат возглавил француз А. Барбе, его заместителем был назначен М. Грольман, членами: Б. Гитлоу, А. Таска, Стоян Минеев (Степанов). В таком составе новая структура ИККИ просуществовала недолго. В документах практически нет подтверждения одновременного участия этих людей в заседаниях секретариата (каждый в отдельности время от времени присутствовал при обсуждении тех или иных вопросов). Не замедлила последовать очередная перестановка кадров. Вскоре после окончания VI конгресса латиноамериканская работа Коминтерна оказалась заложником в многоходовой комбинации, разыгранной Сталиным с целью дискредитации Бухарина, одной из центральных фигур которой оказался Ж. Эмбер-Дро. В кулуарных интригах, направленных на подрыв его влияния, Бухарин проиграл Сталину.⁶¹⁷

Еще на конгрессе некоторые делегации раскололись на сторонников Сталина и Бухарина. Не остались в стороне от этого противостояния и латиноамериканские коммунисты, охотно использовавшие в своей риторике термины, ставшие на конгрессе модными, возможно не до конца понимая сути конфликта и расклада политических сил. В дискуссии по докладу Бухарина Р. Каррильо обрушился на правые и левые уклоны в латиноамериканском коммунистическом движении. С точки зрения лидера КППМ к правым относились сторонники «реформистского тезиса» о невозможности победы латиноамериканской революции, «пока рабочие Соединенных Штатов не разобьют у себя буржуазии, не свергнут американского империализма». Другой правый уклон, «быть может, наиболее опасный», мексиканский делегат усматривал в «признании за мелкой буржуазией гегемонии в аграрной революции и революции вообще».⁶¹⁸

Бухарин явно усмотрел в критике со стороны Каррильо атаку на свои позиции и, в свою очередь, обвинил тех, кто го-

⁶¹⁷ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: 1988. С. 356-357.

⁶¹⁸ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1...С. 231

ворит о необходимости уделять больше внимания крестьянскому вопросу, в поддержке идеи организации особых крестьянских партий, т.е. по сути, переадресовал обвинение в «правом уклоне» своему мексиканскому оппоненту.⁶¹⁹

Предлогом для атаки на «правых» и «примиренцев» после конгресса стал кризис в германской компартии, вызванный т.н. «аферой Витторфа». Эмбер-Дро и А. Таска (Серра), солидарные с требованием отстранить от руководства германской компартией Тельмана, скрывшего информацию о растрате партийных средств, открыто заявили о своем несогласии с решением Президиума ИККИ о восстановлении того в должности председателя партии. Эта дискуссия со Сталиным стала «последним всплеском «коммунистического плюрализма».⁶²⁰

Сталин, выступая на заседании Президиума ИККИ, заявил, что Эмбер-Дро и Таска «попали в болото трусливого оппортунизма», «оппортунизма примиренчества в отношении правого уклона». По мнению Сталина, Эмбер-Дро и Таска, «привыкшие смотреть не вперед, а назад», не увидели нарастания в недрах капиталистических стран предпосылок нового революционного подъема рабочего движения, отказываясь от признания руководящей роли компартий.

Если Эмбер-Дро и Таска категорически возражали против исключения «правых», ссылаясь на постановление VI конгресса о преодолении правых уклонов «в порядке идеологической борьбы», Сталин обратил внимание на другую сторону этого решения, требовавшего *безусловного подчинения меньшинства большинству, безусловного подчинения нижестоящих органов руководящим партийным центрам*. Вождь партии большевиков ясно указал на необходимость применения дисциплинарных мер не только к «правым» и «примиренцам» в КПГ, но и к их «провинциальным адвокатам, пытающихся представить белое черным, а черное белым» -- Эмберу-Дро и Таске.⁶²¹ Как отмечает Ф. И. Фирсов, добившись осуждения Эмбер-Дро, Сталин «наглядно показал, что любую попытку противодействовать он рассматривает как сопротив-

⁶¹⁹ Там же. С. 607.

⁶²⁰ Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. М.: 1993. С. 104-118.

⁶²¹ О правой опасности в германской компартии. Речь тов. Сталина на заседании Президиума ИККИ 19.XII. 1928 г. // Коммунистический Интернационал. 1928. № 52. С. 14-20.

ление линии Коминтерна.⁶²²

Для Таски этим демаршем закончилась его коммунистическая деятельность. Покинув Москву, он заявил, что «Коминтерна больше не существует», ибо он «у Сталина в кулаке».⁶²³ Ответом на столь радикальную оценку Сталина было удаление Таски из всех руководящих органов Коминтерна и исключение из итальянской компартии.⁶²⁴ Эмбер-Дро не демонстрировал желаний сжигать за собой мосты и пытался продолжить поиск компромисса. Это дало возможность вождю ВКП (б) поиграть со швейцарцем в присущем ему стиле аппаратных игр: он был негласно отстранен от участия в обсуждении стратегических вопросов в руководящих органах ИККИ, членом которых продолжал формально числиться, но оставлен на работе в аппарате Исполкома. Секретарь ИККИ О. Пятницкий предложил в письме к Сталину и Молотову 27 декабря 1928 г.: «Товарища Эмбер-Дро можно было бы назначить заведующим Латиноамериканским секретариатом, а в Бюро Секретариата ввести тт. Петровского и Гусева. Таким образом, в этом Секретариате проведение правильной линии было бы обеспечено». Сталин на полях письма написал: «Согласен».⁶²⁵

Положение Эмбера-Дро в руководстве Коминтерна было настолько двусмысленным, что это не могло не отражаться на отношениях внутри ЛА л-с и на отношении к возглавляемой им структуре, а следовательно, ко всему латиноамериканскому направлению работы ИККИ. Генеральный секретарь ИККИМ Р. Хитаров еще на заседании Президиума ИККИ недвусмысленно дал понять, что Эмбер-Дро и Таска свою особую позицию в важном, но частном вопросе переносят на всю деятельность Коминтерна, естественно, и на возглавляемые ими направления работы, фактически обвинив их в проведении

⁶²² Там же. С. 170.

⁶²³ Annali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano. 1966. p. 67. – Цит. по: История и сталинизм. М.: 1991. С. 170-171.

⁶²⁴ Формально Таска был заменен в составе Президиума ИККИ Р. Гриеко (Гарланди) 14 мая 1929 г. – Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 143.

⁶²⁵ История и сталинизм. С. 170.

фракционной деятельности в Интернационале.⁶²⁶ Фигуры «комиссаров» от ВКП (б) были выбраны не только по признаку хоть какой-то причастности к делам Латинской Америки, но и для явной демонстрации унижения опального коминтерновского чиновника. И Гусев, и Петровский активно участвовали в осуждении Эмбера-Дро на заседаниях Президиума ИККИ и повседневная работа с ними, несомненно, была для швейцарца дополнительным наказанием.

Борьба Сталина против «правого уклона» в ВКП (б) и Коминтерне непосредственным образом отражалась и на развитии латиноамериканского коммунистического движения. Предпринятая им атака на «известные круги коммунистов», отрицающих целесообразность лозунга «класс против класса», выступающих против самостоятельных кандидатур от компартии во время избирательных кампаний или не желающих заострять вопрос о борьбе с «левой» социал-демократией,⁶²⁷ в Латинской Америке означала полный отказ от линии на союз антиимпериалистических сил, включая мелкую буржуазию, интеллигенцию, крестьянство. Применение этой линии на практике очень скоро привело к разрыву КПМ с Национальной Крестьянской лигой, сведению на нет деятельности ВААИЛ, изгнанию из КПБ А. Перейры за попытку создать союз с «тенентистами» и т.д. В теоретическом и организационном плане это потребовало активизировать борьбу в партиях против «правых измов»: «пенелонизма», «мариатегизма», «рекабарренизма».⁶²⁸

Учитывая сложившуюся вокруг Эмбера-Дро ситуацию, наиболее опытные аппаратчики ИККИ поспешили дистанцироваться от него как от прокаженного. Уже в ходе разбора германского вопроса С. Минев направил членам Политсекретариата ИККИ меморандум, категорически отмежевавшись от соавторства проекта тезисов о революционном движении в Латинской Америке. Многолетний товарищ швейцарца по

⁶²⁶ «Правый уклон» в КПГ и сталинизация Коминтерна. Стенограмма заседания Президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. М.: 1996. С. 73-139.

⁶²⁷ История и сталинизм. С. 170.

⁶²⁸ При проведении в жизнь этой тенденции имели место серьезные противоречия. Осудив Перейру, ЮАСКИ и ЛА л-с, по инициативе Августа Гуральского, сумели добиться от Л.К. Престеса перехода на позиции Коминтерна, ценой которого стал окончательный раскол «тенентизма».

Коминтерну обратил внимание руководства на свои разногласия с ним и Тольятти по поводу проекта, указал на свое алиби в связи с авторством («я спорил с ними, говорил с латино-американскими товарищами из Лен.[инской] Школы и со всеми товарищами, которых интересовало моё мнение») и переложил всякую ответственность на руководство («... я был чрезвычайно поражён и удручён, когда узнал, что Политсекретариат ИККИ одобрил указанный проект. Моё положение рядового сотрудника ИККИ заставило меня замолчать, чтобы не поставить себя в идиотскую позу бузотёра против уже принятого руководящим органом ИККИ решения»). Минев предупреждал: «Принятие без существенных радикальных изменений указанного проекта принесёт громадный вред, а пользу либо незначительную, либо никакой компартиям в странах Латинской Америки».⁶²⁹

VI Всемирный конгресс стал не только рубежом, отделявшим «романтический» период в развитии Коминтерна, но и важным этапом в становлении латиноамериканского коммунистического движения. «Открытие Латинской Америки», о котором немало говорили на конгрессе, на деле означало признание III Интернационалом наличия серьезных перспектив в развитии континентальной революции. Обсуждение латиноамериканских вопросов показало серьезную специфику формирования и функционирования латиноамериканских партий и существование различных подходов к разработке их стратегии и тактики.

Библиография

- Андреев А. С. Читая «открытое письмо»: компартия Уругвая и Коминтерн 1928-1931 гг. // Клио, 2015, № 4(100).
- Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. М.: 1993.
- Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: 1988.
- Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. М.: Центрполиграф, 2008.
- Правый уклон» в КПГ и сталинизация Коминтерна. Стенограмма заседания Президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. М.: 1996.
- Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск 1. Международное положение и задачи Коминтерна. М.-Л.: 1929.

⁶²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 39. Л. 90.

- Хейфец Л.С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории. Сб. статей. СПб: 2002.
- Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. М., 2000.
- El 15 de Noviembre de 1922 y la fundación del socialismo, relatados por sus protagonistas. Segunda parte. Quito: 1982.
- El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires: 1929.
- Figeroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya. // Memoria (México). 1990 (septiembre-octubre). № 31.
- Humbert-Droz J. L'Internazionale comunista tra Lenin e Stalin. Memorie di un protagonista 1891-1941. Milano: 1974.
- Jeifets L., Jeifets V. America Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile: 2015.
- Los comunistas en la historia nacional. Guayaquil: Instituto de Investigaciones y Estudios Socioeconomicas del Ecuador, 1987.
- Mora Valverde E. Habla Chigüichon, veterano comunista de Centroamérica // Memoria (México). 1991. № 33.
- Taracena Arriola A. Un salvadoreño en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Angel Vázquez Eguizabal // Memoria (México). 1990. № 29.
- Uribe M.T. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá:1994.
- Vidali V., Weiss L. Patria o Muerte, Venceremos. Milano: 1973.

ЭРНАН ТОПАССО⁶³⁰
HERNAN TOPASSO

ТРИСТАН МАРОФ: ИДЕЙНЫЙ ПУТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. СЛОЖНЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА В XX ВЕКЕ.

TRISTAN MAROF: IDEA AND POLITICAL PRACTICE. COMPLICATED PATH OF LATIN AMERICAN INTELLECTUAL OF THE XXth CENTURY.

Аннотация: Боливийский интеллектual Тристан Мароф был широко известным политическим деятелем в 20-30-е годы XX в., его деятельность связана с ведущими идейными направлениями этой эпохи, модернизмом в литературе, коммунизмом, анархизмом, троцкизмом в политике. Его космополитический образ связан с изменениями в политической карьере, от гражданского политика к политическому эмигранту, проведшему более двадцати лет в 15 странах Европы и Америки. Несмотря на его молодость он был принят в ранг признанных левых лидеров в Европе, был связан с Анри Барбюсом, с американскими левыми таким как, Хосе Карлос Мариатеги или Диего Риверой. У него складывались непростые отношения с Коминтерном, при этом он оставался признанным лидером боливийских левых и рассматривался СССР как возможный лидер будущей коммунистической партии Боливии, что так и не стало фактом. Во время Холодной войны он критически относился в обеим враждующим сторонам. Данная статья анализирует сложный путь политика и интеллектуала, в течение всего XX века творившего и искавшего пути решения латиноамериканского и боливийского кризиса.

Ключевые слова: коммунизм, модернизм, интеллигенция, эмиграция, ссылка, Боливия, Тристан Мароф.

Abstract: Tristán Marof was a Bolivian intellectual with an outstanding political activity during the thirties. Because of the wide range of political and ideological connections with which he was associated through the years – modernism, communism, anarchism,

⁶³⁰ Аргентинский исследователь htopasso@yahoo.com.ar

trotskyism – his figure ended up in an air of ambiguity and unintelligibility. His cosmopolitan profile was outstanding: first as a civil servant and then as a political exiled, for almost twenty years he lived in more than fifteen countries in Europe and America. Despite his youth he managed to be in touch with some of the leading figures of the European political left – such as Henri Barbusse – and with the Latin American political and artistic avant-gardes among them the Peruvian intellectual José Carlos Mariátegui and the Mexican painter Diego Rivera. Despite his problematic relationship with the Comintern, he was for some time the most prominent figure of the Bolivian left wing and was seen by the Soviet Union as a potential leader of the yet to be created Bolivian Communist Party. That never happened. Instead, during the Cold War years Marof ended up arguing fiercely with both sides of that bipolar era, the communist and the capitalist worlds. This article aims to give an account of the ideological parabola of an intellectual and politician who went through more than half of the 20th century absorbing and producing ideas, trying first to understand and then design possible solutions for the Latin American and the Bolivian crisis.

Keywords: Communism, Modernism, Intellectuals, Exile, Bolivia, Tristan Marof

«Не знаю, буду ли я лишь агитировать и поддерживать революцию, и тогда меня изгонят из страны. Кто знает? Но точно я иду в этом направлении, убеждён как никогда, готовый к поражениям и разочарованиям. Я оптимист, что питается не моими чувствами, а научным убеждением и пониманием сути. Если Боливия не национализирует свои рудники, свою нефть, то она исчезнет. Янки уже присматриваются к этим богатствам. Наивные обитатели Боливии и Америки не отдадут себе отчёта в этом, как обычно...» - письмо Тристана Марофа Мануэлю Угарте, Париж, 4 сентября 1926 г.⁶³¹

Тристан Мароф, настоящее имя Густаво Адольфо Наварро Амельер, (Чукисака, 1898 – Санта-Крус, 1979) был выдающимся левым политическим деятелем и интеллектуалом Боливии в первой половине XX в. за 29 лет, прошедших с 1917 по 1946 г.,

⁶³¹ Archivo General de la Nación (AGN). Argentina. Archivo Ugarte. Tomo V, folio 90.

Густаво Наварро жил в Боливии небольшими перерывами только семь лет. Остальные 22 года он провёл в постоянном движении по другим странам. Он был дипломатом, изгнанником, политэмигрантом, побывал в 15 странах, проехал десятки тысяч километров между Европой и Америкой. Его интеллектуальная карьера неразрывно связана с этими переездами.

До своей первой поездки в Европу в 1920 г. Наварро был уже известен в Боливии как писатель с модернистским уклоном, политиком и журналистом. Его юношеские произведения отражают влияние на его поколение ариелизма, идей Э. Родо, приспособленного к эпохе кризиса, европейской войны и первых откликов, пока ещё слабых, на Российскую революцию. Помимо этого, молодого Наварро беспокоили другие проблемы Боливии. Наряду с интересом к теме общественного просвещения или порокам разлагавшейся политической системы Боливии, Наварро активно настаивал на требованиях возвращения его стране океанского побережья, отторгнутого в результате поражения в Тихоокеанской войне. Его ариелизм, который выражался в антиутилитаризме, становился более подчинённым его главному беспокойству о положении в стране, что все более находило выражение в антиамериканизме. В политике он был яростным противником правящего либерализма. Он активно участвовал в перевороте июля 1920 г., положившему конец правлению Либеральной партии, когда к власти пришла Республиканская партия. Затем он получил дипломатический пост во Франции. Он занимал консульские посты в Гавре, Глазго, Женеве. Из Европы он вернулся в Боливию для организации социалистического движения.

Первый этап

Густаво Наварро изучал право в своём родном городе Сукре, очень рано проявил склонность и талант к литературной деятельности, начав публиковаться в местных газетах и журналах. В молодости Наварро вошёл в группу оппозиционеров, сформировавшуюся во второй период президентства Исмаэля Монтеса, а уже с 1915 г. становится формальным редактором газеты «EL Chicote» в Сукре⁶³². Эта газета становится центром

⁶³² Эту газету возглавлял Альфредо Паласиос Мендоса, всего вышло 33 номера в марте – сентябре 1915 г.

нарождавшейся оппозиции к либеральной партии. Это сатирическое издание приобрело большую популярность, но и вызвало резкую полицейскую реакцию, в результате чего Наварро впервые оказался в тюрьме⁶³³.

Через несколько лет, подталкиваемый полицейскими преследованиями⁶³⁴, решает покинуть страну и уезжает в Чили и Аргентину. Небольшой рассказ⁶³⁵ и лекции в Аргентине – вот некоторые литературные следы его пребывания в Аргентине. Габриэла Мистраль, Хуан Парра дель Риго, Мануэль Гальвес и Констансио Вихиль были частью той интеллектуальной сети, в которой вращался этот молодой космополитный интеллигент.

Во время поездки Наварро прочитал лекции в Сантьяго-дель-Эстеро, а затем опубликовал их текст в Боливии. Тема конференции говорила сама за себя: «Коммунизм у Инков», – тема, к которой он будет возвращаться не раз в своих европейских публикациях⁶³⁶. Тогда, еще глядя на вещи глазами Родо, а затем уже сквозь призму марксистской теории, инкское прошлое и идея общинности, казалось, предлагали Наварро, как и потом Мариатеги, пути социального возрождения для Америки.

Вернувшись из поездки, он полностью окунулся в интенсивную политическую и интеллектуальную жизнь. Он основал журнал, написал книгу очерков и литературной критики⁶³⁷, повесть и хронику революции 12 июля, приведшем республиканцев Баутисты Сааведры к власти⁶³⁸. К 1920 г. он уже был признанным молодым писателем и журналистом в лагере антилиберальной оппозиции. Его видное участие в перевороте 12 июля заслонило его предыдущую активность в рядах Радикаль-

⁶³³ Его арестовали за статью “Banquete político fúnebre. En las esferas del poder. Cómo será la convención del montismo” в El Chicote, N° 8, Sucre, 29/4/1915, p. 1. – Marof T. Habla un condenado a muerte, Córdoba, Ed. Logos, 1936, p. 25.

⁶³⁴ Наварро участвовал в организации взрыва в городе, сразу после президентских выборов 1917 г. Marof T. La novela de un hombre. Memorias, La Paz, Estado 1967, p. 100; Baciú S. Tristán Marof de cuerpo entero, La Paz, Ed. Isla, 1987, p. 21.

⁶³⁵ Navarro G. El Juramento // La Novela del Día, Año I, N° 35, Buenos Aires, viernes 5 de septiembre de 1919.

⁶³⁶ Navarro G. Poetas idealistas e idealismos en la América Hispana, La Paz, 1919, p. 181

⁶³⁷ Navarro G. Renacimiento Altooperuano. Estudios filosóficos, Editor Darío N. Pórcel, Charcas. Mayo 1918.

⁶³⁸ Navarro G. Los Cívicos, Arnó Hermanos editores, La Paz, S/F (1919).

ной партии. В действительности, его симпатии и политические интересы были связаны именно с группой интеллектуалов Ла-Паса из Радикальной партии.

Опыт активизма в Радикальной партии касался интеллектуальных кругов в различных городах страны, однако мало связанных между собой. Связи с рабочим движением, сначала установленные через Радикальную рабочую лигу, были активно поддержаны прессой. «El Figaro», а затем «El Hombre Libre» были рупором радикализма. Наварро активно сотрудничал в этих печатных изданиях.

К концу 1919 г., когда в «Рабочем центре общественных исследований» создавали Социалистические партии в различных городах страны, на страницах «El Hombre Libre» все чаще появляется тематика, связанная с положением рабочего класса. В ноябре – декабре газета отражала интересную полемику вокруг восприятия и распространения социалистических идей в Боливии⁶³⁹. В газете появилась серия статей под заголовком «Радикализм и социализм», а затем целая секция «Рабочая страница». Именно во время этой полемики вокруг социализма и рабочего вопроса Наварро присоединился к группе этой газеты⁶⁴⁰.

Хотя Наварро активно участвовал в создании Радикальной партии⁶⁴¹, за кулисами он выполнял важную роль в подготовке событий, которые положили конец господству Либеральной партии. Уже после переворота Радикальная партия сразу же поддержала хунту, но предпочла сохранить независимый от нового правительства статус. После захвата власти республиканцами Баутиста Сааведра назначил Наварро директором тюрьмы в Ла-Пасе, которая тогда была наполнена политическими арестантами, деятелями свергнутого правительства.

После короткого пребывания на этом посту Наварро прошел через Министерство развития, но затем попросил правительство отправить его консулом в Европу и получил это назначе-

⁶³⁹ Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia. Editorial Los Amigos del Libro, La Paz, 1994.

⁶⁴⁰ El Hombre Libre, La Paz, 17/12/1919, p. 5.

⁶⁴¹ Ночью 3 марта 1920 г. в редакции «El Hombre Libre» состоялось собрание Радикальной партии Ла-Паса, на котором Наварро и Клаудио Суасо были избраны секретарями партии. - El Hombre Libre, La Paz, 5/3/1920, p. 1. Несколько дней спустя состоялся съезд этой партии в Муниципальном театре Опуру, и Наварро представлял на нем партийную организацию Сукре. - El Hombre Libre, La Paz, 21/5/1920.

ние. Перед отъездом он женился на Кармен Пантохе Эстенсоро, которая сопровождала его в поездке в Европу. В Старом свете Наварро прожил пять лет, написал несколько книг очерков и одну повесть.

Второй этап

В Европе Наварро быстро интегрировался в сеть латиноамериканских интеллектуалов-эмигрантов. Как указывает Беатрис Коломби, речь шла о писателях-модернистах от Рубена Дарио до Амадо Нерво, от Энрике Гомеса Каррильо до братьев Гарсия Кальдерон⁶⁴². Наварро полностью погрузился в бурную жизнь этих социальных связей, общения и даже интриг, что происходило как из потребностей его творчества, так и дипломатической работы.

Во Франции Наварро посещал лекции в «L'Humanité», на которых также ходили такие деятели как Жорж Пио и Шарль Раппопорт. Во Франции он познакомился с Анри Барбюсом, которому посвятил статью, изданную в Боливии, и который многие годы был его корреспондентом и лицом, представляющим социализм, антифашизм и борьбу за мир. В кафе Латинского квартала пути Марофа пересекались с разными писателями и интеллектуалами из Латинской Америки, он посещал тертулии, где познакомился с Сесаром Вальехо, Карлосом Меридой, Виктором Раулем Айя де Ла Торре.

Затем, после появившихся в Боливии публикаций, разоблачавших его связи с европейскими марксистами, он был вынужден уехать из Гавра в Глазго⁶⁴³. В Глазго его постигло первое личное несчастье, умер, не прожив и несколько месяцев, его первенец Тупах Валентин. Отец назвал своего первого сына инкским именем Тупах, что отражало его интерес к инкской истории, который мы видели в одной из первых его работ «Наивный американский континент»⁶⁴⁴, и который полностью про-

⁶⁴² Colombi B. Vocación migrante y viaje intelectual. Manuel Ugarte. // Viaje intelectual, Migraciones y desplazamientos en América Latina, Rosario, Beatriz Viterbo, 2004.

⁶⁴³ Его начальником в Великобритании в 1922 г. был земляк из Чукисаки, будущий президент страны Мамерто Урриолагоития. Memoria y Anexos que presenta el Ministro de relaciones exteriores y culto al Congreso Nacional de 1922. La Paz – Bolivia, Litografía e Imprentas Unidas, 1922.

⁶⁴⁴ Marof T. El ingenuo continente americano, Casa editorial Maucci, Barcelona, 1922.

явиться в его самой известной книге «Справедливость Инки»⁶⁴⁵.

Последующее его перемещение из Глазго в Геную более связано с его античилийской позицией, которая так очевидна в его первой книге «Наивный американский континент», подписанной его новым псевдонимом Тристан Мароф. Его идеи все более не соответствовали его положению дипломата, тем более что предисловием к этой книге было письмо Анри Барбюсса. Выход книги вызвал протест чилийского МИДа, и Баутиста Саavedра решил переместить Наварро консулом в фашистскую Италию. Мароф ответил сатирическимopusом «Суетонио Перчик, воспоминания дипломата республики морковок»⁶⁴⁶.

Тесты, изданные Марофом в Европе, позволяют провести границу, когда молодой боливийский интеллигент переходит к левому ариэлизму и латиноамериканскому модернизму с декларацией латиноамериканизма, антииспанизма и антиамериканизма (антиутилитаризма) на основе антиклерикализма и антибуржуазности с явной тенденцией поворота к социализму. Он все более оказывался под влиянием большевизма, через призму которого он изучал инкское прошлое и рассматривал будущую модернизацию Боливии. Мароф выдвинул тогда ставший знаменем народного национализма лозунг: Земля крестьянам, рудники государству. Он сразу же стал популярным среди левых, рабочих и студентов. Хотя он оставался в плену увлечения инкским прошлым, уже появились новые идеи, приходившие из Советской России.

В Европе он издал три книги, нашедшие большой отклик в Латинской Америке. Также попытался реализовать издательский проект, но потерпел в этом неудачу. Об этом он с разочарованием написал в журнале «Repertorio Americano». В письме к Мануэлю Угарте (1875-1951) в 1925 г. он писал: «Должен признаться – я убеждённый коммунист, точнее, верую в коммунистическую доктрину»⁶⁴⁷.

Однако политическая ситуация в Боливии изменилась, и он идеологически оказался вне политической системы страны, которую представлял в Европе. 4 сентября 1926 г. из Парижа он

⁶⁴⁵ Marof T. La justicia del Inca. Bruselas, Ed. Latino-Americana, 1926.

⁶⁴⁶ Marof T. Suetonio pimienta, memorias de un diplomático de la república de zanahoria Libr. de Alejandro Pueyo. Madrid, 1926.

⁶⁴⁷ Tristán Marof a Manuel Ugarte, Génova, 12/6/1925. AGN. Archivo Ugarte. Tomo V folio 20.

сообщил о своём возвращении в Боливию: «17-го сажусь на корабль и 13 октября буду в Буэнос-Айресе». И добавляет: «Не знаю, что будет со мной далее, возможно, я полностью посвящу себя революции, .. и вполне возможно, меня вышлют из страны»⁶⁴⁸.

Третий этап

Оказавшись в Боливии, Мароф отмежевался от традиционных партий, начал активную деятельность по организации социалистического движения, активно сотрудничал с лидерами рабочего и студенческого движения Ромуло Чумасеро и Абрамом Вальдесом. Тогда же он вступает в контакт с Хосе Карлосом Мариатеги, которому пишет в марте 1927 г.: «В Боливии нас сопровождает успех в социалистической пропаганде»⁶⁴⁹. Он отправил Мариатеги свою статью для «Amauta», журнала с которым он будет сотрудничать вплоть до смерти Х.К. Мариатеги в 1930 г.

Через несколько месяцев Мароф прочитал лекции о социализме в Оруро, Ла-Пасе и Сукре, вместе с Ромуло Чумасеро и другими лидерами участвовал в Третьем рабочем конгрессе в Оруро⁶⁵⁰. В апреле 1927 г. его приглашают выступить по социально-экономическим проблемам на Боливийской секции Латиноамериканского союза⁶⁵¹.

5 января группа социалистов в Сукре объявила о создании партии в общенациональном масштабе. Для распространения своих идей они стали издавать газету «El Socialista», первый номер которой вышел в Сукре 18 января 1927 г. На выборах мая 1927 г. Соцпартия выдвинула свой список кандидатов, среди которых выделялись известные левые лидеры Энрике Г. Лоса, Тристан Мароф, Роберто Инохоса и М.Л. Дик Ампуэро⁶⁵². Несколько месяцев спустя, 15 июня 1927 г. в коминтерновском журнале «Correspondencia Sudamericana» был опубликован манифест Максималистской социалистической партии Боливии, в

⁶⁴⁸ Tristán Marof a Ugarte, París, 4/9/1926 . AGN Archivo Ugarte. Tomo V folio 90.

⁶⁴⁹ Mariátegui J.C. Correspondencia (1915-1930). Tomo I, Editorial Amauta, Lima, 1984, pp 248-249.

⁶⁵⁰ El Socialista, Sucre, Nro 11, 22/04/1927, p. 2.

⁶⁵¹ El Diario, La Paz, 21/04/1927, p. 4

⁶⁵² Klein H. Orígenes de la revolución nacional boliviana. La crisis de la generación del Chaco. Ed, Juventud, La Paz, 1968, p.114; Lorini I. El movimiento socialista “embrionario”. p. 166.

исполкоме которой уже не было ни Инохосы, ни Дика Ампуэро, ни Лосы. Его подписали Мароф, Альберто Мурильо Кальвимонте, Ромуло Чумасеро, Абраам Вальдес, Рафаэль Рейерос, Виктор Э. Санхинес, Оскар Серруто, Натуш Веласко⁶⁵³. Программа партии провозглашала своей целью пропагандистскую работу посредством лекций, прессы, агитации и листовок. Партия заявляла, что она является марксистской и антипарламентской, выступает за национализацию горнорудной промышленности и индустриализацию Боливии. Партия также призывала к развитию рабочей кооперации, сельской колонизации и созданию сельских школ. Партия считала себя выразительницей интересов городского пролетариата, ремесленников, горнорудных рабочих, а также заявляла о желании сблизиться с «индейским крестьянством, которое пробуждается для борьбы с эксплуататорами»⁶⁵⁴. Однако судьба боливийского социализма не была лёгкой, партия попала под суровые репрессии полиции, а также была ослаблена внутренними расколами.

Когда 27 января Мароф прибыл в Потоси для чтения лекций, он был арестован и выслан из этого города. Два месяца спустя муниципалитет Сукре отказал федерациям студентов и рабочих использовать местный театр для лекций Вальдеса и Марофа⁶⁵⁵. И это было только начало полицейских преследований.

14 июля 1927 г. Мароф был арестован вместе с Вальдесом, Оскаром Серруто и другими товарищами. Социалистические газеты были закрыты. Социалистов обвинили в подготовке «коммунистического заговора» против президента Эрнандо Силеса. В прессе писали о коммунистическом и сааведристом заговорах⁶⁵⁶. Проводились массовые аресты высылки из страны оппозиционеров. Несколько дней спустя, 25 июля произошло индейское восстание в Чайянте. В августе был арестован Луис Наварро, брат Марофа, обвинённый в коммунистической пропаганде среди индейцев⁶⁵⁷.

После нескольких месяцев пребывания в заключении 10 сентября 1927 г. суд приговорил Тристана Марофа к высылке

⁶⁵³ Correspondencia Sudamericana, Año 2, Nro 25, 15/06/27, pp. 13-16.

⁶⁵⁴ Ibidem, p. 13.

⁶⁵⁵ El Socialista, Sucre, Nro 11, 09/04/1927, p. 3; Bandera Roja, La Paz, 14/2/1927, p4; Correspondencia Sudamericana, Año 1, Número 20-21, 15/03/1927, p. 45.

⁶⁵⁶ La Razón, 15/07/1927, p.4.

⁶⁵⁷ El Diario, La Paz, 12/08/1927, p. 4.

из страны⁶⁵⁸. Находясь в тюрьме, он развернул кампанию за своё освобождение среди интеллигенции, дипломатов, политиков на всем континенте, с которыми он был ранее знаком. В августе он написал письмо из тюрьмы Моисесу Винсенци, которая была опубликована в журнале «Repertorio Americano». Он писал: «Необходимо, чтобы все интеллектуалы Америки, левые политики оказали нам моральную поддержку и направили протесты правительству Боливии, требуя нашего освобождения»⁶⁵⁹. Хотя эти требования поддержали Марофа, решительное значение имело послание аргентинского социалиста Альфредо Паласиоса от имени Латиноамериканского союза, повлиявшее на решение о высылке вместо тюремного заключения. 11 сентября Мароф покинул под стражей Ла-Пас.

Четвёртый этап

В конце 1927 г., воспользовавшись небрежением охраны, Мароф бежал из под стражи и пересёк границу Перу. Так начались его скитания по Перу, Кубе, Мексике, США, Уругваю, Бразилии и Аргентине. В своих поездках он установил многочисленные контакты с левыми политиками этих стран. Им строился образ гонимого левого писателя и политика. В феврале 1928 г. аргентинская газета «Crítica» опубликовала обширную заметку «Высланный тиранией нам поведал о своём невероятном спасении», в которой указывала: «Тристан Мароф, защитник боливийских индейцев, рассказывает о своём бегстве из тюрьмы. Это яркий и захватывающий рассказ»⁶⁶⁰. К фигуре Марофа было также приковано внимание секретных служб, так как за ним закрепилась репутация агента Кремля. Этот образ повлиял и на деятелей Коминтерна, которые стали рассматривать его, несмотря на его «эксцентричность», возможным лидером будущего коммунистического движения в Боливии.

Мароф некоторое время оставался на юге Перу, но вскоре понял, что страна, управляемая диктатором Легия, не даст ему политического убежища, и он отправился на Кубу. Его корабль несколько часов стоял на пристани в Кальяо, и Мароф исполь-

⁶⁵⁸ La Razón, La Paz, 10/09/1927, p. 4.

⁶⁵⁹ Repertorio Americano. Semanario de Cultura Hispánica, Tomo 15, Nro 12 (24/09/27), San José, Costa Rica, p 190.

⁶⁶⁰ Crítica, Buenos Aires, 10/02/1928, p. 6.

зовал это время, чтобы лично познакомиться с Мариатеги.

На Кубе он оставался несколько месяцев, где наладил связи с левыми интеллектуалами и политиками, например, с кубинскими апристами и группой Минористов⁶⁶¹. Мароф зарабатывал на жизнь журналистской деятельностью, публиковал свои статьи в «Atuei» и в литературном приложении «Diario de la Marina», которым руководил Хосе Антонио Фернандес де Кастро. Однако Куба при Мачадо также была враждебной для него территорией, и он перебрался в Мексику.

Мароф находился в Мексике с апреля 1928 г. по январь 1930 г. Президентом тогда был Плутарко Элиас Кальес, это было время создания Национальной революционной партии. О сложном положении в этой стране он писал Мариатеги: «Нельзя ничего писать о Мексике, если не живёшь здесь»⁶⁶². Это были сложные времена, и он скоро почувствовал это на себе.

На рубеже 30-х годов этот боливийский писатель и политик крепко освоился в мексиканской интеллектуальной жизни. Его связи затрагивали артистические и интеллектуальные круги, близкие к Компартии Мексики, а также университетские сферы. Мароф получил приглашение от посла на Кубе Карлоса Трехо Лердо де Техада прочитать цикл лекций в Национальном университете, которые затем были изданы большим тиражом мексиканским правительством⁶⁶³. Также он работал профессором истории Америки в Национальной подготовительной школе, а позднее перешёл на факультет философии и литературы в Институте экономики, созданном Хесусом Сильвой Эрсогом, который собрал там латиноамериканских эмигрантов таких как Мароф или кубинец Хулио Антонио Мелья. Мароф писал для аргентинской «Crítica», его тексты можно прочитать не только в Мексике (Crisol, El Libertador), в Перу (Amauta, Labor), на Кубе (El Diario de la Marina), в Уругвае (Justicia) и в Бразилии (Folha Acadêmica). Мексиканское пребывание Марофа дало ему всемирную славу.

Мароф сблизился с высоко политизированной группой мексиканского художественного авангарда, с миром местной божественной

⁶⁶¹ Это была группа, состоящая из художников и интеллигентов, принадлежащих к авангардистам.

⁶⁶² Mariátegui J.C. Correspondencia (1915-1930), Tomo II, Amauta, Lima, 1984, p. 408.

⁶⁶³ Marof T. Opresión y falsa democracia, algunos aspectos sociales contemporáneos de América. Talleres Gráficos de la Nación, México, 1928.

мы. Во время мексиканской жизни он вступил в Антиимпериалистическую лигу Америк, участвовал в компании “Руки прочь от Никарагуа”. В своих статьях и выступлениях он поддерживал Сандино, осуждая американский империализм⁶⁶⁴. Он вошел в Латиноамериканский комитет по организации Первой антиимпериалистической конференции Карибского бассейна, подписал вместе с Риверой, Мачадо и Гурвицом воззвание ко второму всемирному конгрессу Антиимпериалистической лиги, который должен был состояться в Париже в июле 1929 г., но был перенесён во Франкфурт⁶⁶⁵. Под воздействием Мельи и Компартии Мексики публично порвал с апристами⁶⁶⁶.

С Третьим Интернационалом у Марофа складывались сложные отношения именно во время его пребывания в Мексике. Коминтерновцы прилагали большие усилия, чтобы привлечь Марофа на свою сторону. Хотя Мароф представлялся плохо управляемым человеком, они признавали его авторитет среди боливийских левых и считали его способным организовать сильную компартию в Боливии. Компартия Мексики предлагала его кандидатуру для учёбы в Москве в Международной ленинской школе⁶⁶⁷.

Мароф критически оценивал мексиканскую революцию, не считал её радикальной, что вызывало недовольство провластных политиков и интеллектуалов. Мароф считал её либеральной революцией, разбудившей движение сапатистов, которые не вписывались в её социальное содержание. Он проводил сравнительный анализ андской айлью и мексиканской общины-эхидо. Кальеса и кальизм он характеризовал как поворот вправо

⁶⁶⁴ El libertador, núm. 19, vol. II, agosto de 1928, p. 6, y Raquel Tibol, Julio Antonio Mella en El Machete, Editora Abril, La Habana, 2007, pp. 185-189. Melgar Bao R. El exiliado boliviano Tristán Marof: tejiendo redes, identidades y claves de autoctonía política. Ponencia presentada en III Jornadas de Historia de las Izquierdas “Exilios políticos argentinos y latinoamericanos”, Inédito, Buenos Aires, 2005.

⁶⁶⁵ Как явствует из письма Марофа Мануэлю Угарте, он рассчитывал принять участие в этом конгрессе, что не удалось - Marof a Ugarte, 31 de mayo de 1929, AGN, Archivo Ugarte, t. VI, folio 103.

⁶⁶⁶ El libertador, núm. 20, vol. II, noviembre de 1928, p. 7.

⁶⁶⁷ Schelchkov A. La internacional comunista y Tristán Marof: sobre el problema de relaciones entre la intelectualidad latinoamericana y los comunistas.// Anuario, Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia, Sucre, 1998, p. 8; Щелчков А.А. У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа.// Новая и новейшая история. 2000. № 5. С.45 – 60.

в процессе мексиканской революции, состоявшийся в 1929 г. с заключением соглашения с Ватиканом и подавлением мартовских восстаний⁶⁶⁸. После ноябрьских выборов того года, когда Васконселос проиграл выборы, а КППМ ушла в подполье, в стране началось преследование коммунистов и политических эмигрантов. В результате в январе 1930 г. Мароф был выслан из страны.

Он выехал в Нью-Йорк, а супруга в этот раз не последовала за ним. У них родился второй сын, с которым она выехала в Перу, а затем вернулась на родину. Когда через семь лет спустя Мароф смог вернуться в Боливию, он уже жил с другой женщиной. В Нью-Йорке 16 февраля 1930 г. он прочитал лекцию «Антиимпериалистическая борьба в Латинской Америке» в Рабочем испанском центре. По его собственным свидетельствам, в этом городе он приобрёл оружие, которое тайно было переправлено в Аргентину для последующей доставки в Боливию.

22 июня 1930 г. он отправился в Буэнос-Айрес, где по приезде дал несколько интервью местным газетам, из которых было видно, что он солидаризируется со просталинской позицией мексиканского коммунистического лидера Эрнана Лаборде. Тем временем приходили беспокоящие сообщения о политической ситуации в Боливии. 16 июня 1930 г. группа во главе с Роберто Инохосой захватила небольшой приграничный городок в Боливии Вильясон, объявив о начале социалистической революции. Эта провалившаяся вскоре акция вызвала яростную дискуссию с Инохосой⁶⁶⁹. Эти споры совпали с обострением политического положения в Аргентине. 6 сентября 1930 г. произошёл реакционный военный переворот Хосе Феликса Урибуру. Мароф оказался в тюрьме, а затем выслан из Аргентины в Монтевидео. На корабле в Уругвай он плыл вместе с Луисом Карлосом Престесом. В Уругвае он оставался несколько месяцев и издал книгу, написанную ещё в Нью-Йорке «Уолл-Стрит

⁶⁶⁸ Tristán M. El arreglo de México y el Vaticano // *Crítica*, Buenos Aires, 24/08/1929, p. 23.

⁶⁶⁹ Los olvidados de la izquierda latinoamericana. Roberto Hinojosa: ¿ un "Goebbels criollo" o un revolucionario apasionante? // *Historias*, México: IN-NA, 2012, No.82. P. 87-90; Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или “креольский Геббельс”// *Латиноамериканский исторический альманах*. № 7, 2007. С. 69 - 96

и голод»⁶⁷⁰. Там же тогда находился Инохоса, с которым у Марофа возникали бурные споры, переходившие порой с уличных скандалов, о чем написала газета уругвайских коммунистов: «Вчера в 6 вечера у дверей газеты “El Nacional” произошёл бурный и комический инцидент между несколькими интеллектуалами, среди которых особо грязно отличился бессовестный тип, боливиец Инохоса»⁶⁷¹.

Не имея средств к существованию в Уругвае, Мароф решил уехать в Рио-де-Жанейро. Там он общался в кругу поэтов и писателей, объединившихся вокруг поэта Мануэля Бандейры. Его существование поддерживала солидарность местных товарищей. Ему было 34 года, а его уже называли «старый солдат». С уходом из Розового Дома Урибуру в марте 1932 г. Мароф написал Альфредо Паласиосу о своем интересе вернуться в Буэнос-Айрес. И вскоре он там оказался. В своих письмах к Мануэлю Угарте он выражает недовольство местной прессой и политической ситуацией в Аргентине, высказывался об империалистических интересах в парагвайско-боливийском конфликте в Чако⁶⁷². Мароф, как когда-то Барбюс, бывший для него примером⁶⁷³, объявил войну войне. 20 декабря 1932 г. он писал Угарте из Жужуя: «В Чако идет бесполезная война... Я сейчас на границе в Боливией»⁶⁷⁴. Оттуда он призывал боливийских солдат дезертировать из действующей армии, осуждал правительство за кровавую бойню. За это на родине против него открыли уголовное дело, что надолго затруднило возможность возвращения домой. В Аргентине вместе с боливийскими эмигрантами он создал антивоенную группу «Тупак Амару», провозгласившую борьбу за дело пролетариата и против империализма.

В 1932 – 1937 гг. Мароф живёт в провинциях Кордоба, Сантьяго-де-Эстеро, Тукуман. Его связывают тесные отношения с университетским движением за автономию. Его активно поддерживали Деодоро Рока и Грегорио Берманн. В 1934 г. Хо-

⁶⁷⁰ Marof, Tristán, *Wall street y hambre: historia novelesca de dolor y de miseria, en el país más rico del mundo, de muchos que trabajan por una humanidad mejor*, Impresora uruguaya, 1931.

⁶⁷¹ Justicia, Montevideo, 5/12/1930

⁶⁷² Tristán Marof a Manuel Ugarte, Buenos Aires, 10/08/1932. AGN Archivo Ugarte. Tomo VIII folios 105-106.

⁶⁷³ El Hombre Libre, La Paz, 1/5/1920, p. 1.

⁶⁷⁴ Tristán Marof a Manuel Ugarte, Jujuy, 20/12/1932. – AGN Archivo Ugarte T. VIII, fs 163-164

се Агирре Гайнсборг и группа боливийских эмигрантов из Чили (Боливийская левая) и Перу (Кольясуйо) создали в Кордобе Революционную рабочую партию (Partido Obrero Revolucionario (ПОР), которая откровенно выразила свои симпатии к Троцкому. В 1935 г. он сблизился с троцкистами Эстебаном Рейем и Акилесом Гармендией, стал издавать в Кордобе орган боливийских эмигрантов «América Libre».

Во время эмиграции в Аргентине Мароф опубликовал две свои самые знаменитые работы «Мексика в фас и в профиль», изданную в издательстве Кларидад⁶⁷⁵, а также «Трагедию Альтиплано»⁶⁷⁶, в которой изложил свое видение проблем Боливии. В этой работе он развернул программу национализации рудников, нефти и железных дорог. Он утверждал, что только революция откроет для Боливии путь модернизации и развития национальной промышленности, коллективизации экономики и аграрной реформы. В центре его программы было решение индейской проблемы через перераспределение земли и уничтожения латифундий и крепостничества, сохранившихся со времён колонии. Авангардом этой революции должны были стать рабочие горняки и студенты.

Аргентинская полиция постоянно преследовала Марофа, и на некоторое время он перешёл на подпольное положение в Сантьяго-дель-Эстерио и Тукумане. Сначала он разоблачал поджигателей войны в Чако, а после подписания мира обвинял в заговоре против страны подписантов договора. Аргентинское правительство смогло его задержать и отправило нелегально обратно в Боливию, о чем Мароф рассказал в своей книге «Говорит приговорённый к смерти». Однако тайная операция полиция была разглашена, и его друзья потребовали немедленно освобождения, развернули большую кампанию солидарности по всей Латинской Америке. Аргентинское правительство должно было отступить и освободить Марофа.

Вскоре начались жаркие дискуссии в компартии Аргентины о Марофе, когда он поддержал Троцкого. От него отвернулись некоторые его друзья (Туньон и Берманн), ну а его отношения с компартией всегда были сложными. Южноамериканский секретариат Коминтерна характеризовал его авантюристом, но публично не нападал на него, не желая полностью порвать связи с

⁶⁷⁵ Marof T. México de frente y de perfil, Ed. Claridad, Buenos Aires, 1934.

⁶⁷⁶ Marof T. La tragedia del altiplano, Ed. Claridad, Buenos Aires, 1935.

влиятельным лидером боливийских левых⁶⁷⁷. К 1936 г. боливийский социалист Энрике Бальдивьесо предложил Марофу вступить в революционный фронт, который в 1936 г. сверг правительство Техады Сорсано. Они поддерживали программу национализации рудников, но только в случае если будет гарантирован внешний рынок для их продукции. Они рассчитывали, что таковым может стать СССР. Предложение о поездке Марофа и Ивана Кесвара для переговоров в Москву не было реализовано⁶⁷⁸. Действительно, в этот год чувствовалось некоторое сближение с компартией Аргентины, но его поездке в Москву с Кесваром воспротивился Орестес Гиольди⁶⁷⁹.

Пятый этап

В конце 1937 г., получив гарантии от правительства Хермана Буша, Тристан Мароф возвращается в Боливию. Некоторое время живёт в Сукре, и жалуется, что полиция не соблюдает данные ему гарантии. Он заявил, что готов сотрудничать с «социалистическим правительством»⁶⁸⁰. Представитель Генерального штаба армии встретился там с Марофом, о чем сообщал: «Он заявил, что не является коммунистическим агитатором, не будет таковым, он пользуется серьёзной репутацией на континенте, но не из-за агитации, а благодаря своим книгам, статьям, лекциям в Университетах Мехико и Нью-Йорка. И если проанализировать его работы, то ясно, что он является ярким националистом»⁶⁸¹.

Проблема состояла также в том, что от него ожидали в Боливии, и что он сам собой представлял. Некоторые левые студенты высказали свое разочарование. Мароф, высылаемый всеми тиранами, не смог толком объяснить на одной лекции, как

⁶⁷⁷ Об отношениях Марофа и Коминтерна см. Schelchkov A. Historia de un desengaño. La Internacional Comunista, Tristán Marof y Bolivia // Revista Archipiélago, La Paz, Nro 2, Enero–Marzo, 2008 pp. 56–67; Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии// Латинская Америка. № 5. 1996. С. 42-55

⁶⁷⁸ Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии// Латинская Америка. № 5. 1996. С. 53-55.

⁶⁷⁹ РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 20, д. 353 Л. 1 – 3.

⁶⁸⁰ Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936 – 1939. М: ИВИ РАН, 2001. С. 255

⁶⁸¹ Archivo Nacional de Bolivia, PG. 1937. T. 166 (PG7212)

он понимает марксистскую теорию стоимости, не смог ответить на критику со стороны коммунистов. К тому же ПОР раскололась на две фракции: одно крыло во главе с Хосе Агирре Гайнсборгом говорили о классовой пролетарской партии, и другое объявляло о задаче создания многоклассовой партии. За второй группой стоял сам Мароф, который создал новую Рабочую социалистическую партию Боливии (ПСОБ – Partido Socialista Obrero de Bolivia), которая издавала газету «Batalla». Эта партия выступила на выборах, и Мароф был избран в Конгресс в 1940 г. Будучи депутатом, продолжал печатать статьи и брошюры, разоблачающие пронацистские силы в лице молодых националистов Виктора Паса Эстенсоро и Карлоса Монте-негро.

В 1943 г. к власти в Боливии пришли военные из тайной националистической ложи РАДЕПА и политики националисты из партии МНР. Мароф перешёл в яростную оппозицию к ним. Он снова должен был скрываться и искать убежища за рубежами Боливии. Он оставался в эмиграции в Лиме все три года правления Гуальберто Вильярроэля. Когда в 1946 г. после народного восстания в Ла-Пасе бездыханные тела Гуальберто Вильярроэля и Роберто Инохосы были повешены на фонари площади Мурильо в Ла-Пасе, дорога Марофа домой была открыта. В последующие годы он посвятил себя журналистике и литературе, он издал: «Националистический эксперимент»⁶⁸², «Просвещённый город»⁶⁸³, «Шеф (политическая комедия)»⁶⁸⁴, «Латинская Америка, загадка»⁶⁸⁵. В 1967 г. вышел в свет первый том его мемуаров.

После возвращения из Лимы в 1946 г. он покинул политическую сцену и социалистические идеи, выражал свой глубокий скептицизм в отношении будущего. Его партия ПСОБ «умерла» после участия в олигархическом правительстве в 1949 г., и запомнилась в эти годы лишь яростными протестами против присуждения Нобелевской премии по литературе Пабло Неруде⁶⁸⁶.

⁶⁸² Marof T. El experimento nacionalista, La Paz, 1947.

⁶⁸³ Marof T. La ilustre ciudad. Historia de badulaques, Ed. Gamarra, La Paz, 1950

⁶⁸⁴ Marof T. El Jefe (Comedia Política), Ed. Talleres Gráficos Bolivianos, La Paz, 1965.

⁶⁸⁵ Marof T. América Latina. Un enigma. Ed. Chuquisaca, Lima, 1970.

⁶⁸⁶ Baciú S. Tristán Marof de cuerpo entero. Ediciones Isla, La Paz, 1987, p. 217.

В обстановке Холодной войны Наварро посылал проклятия обеим противостоящим сторонам. Критикуемый левыми и правыми, Мароф удалился в 50-е годы в Санта-Крус и полностью изолировался от внимания общества. Его вторая жена покинула его. Он остался одиноким старым изгнанником, хотя и на своей родине. Годы спустя в своём письме аргентинскому социалисту Хуану Антонио Солари он признавался: «Единственное, что меня интересует сегодня – это демократический социализм, противостоящий варварству и печальному опыту первой половины века»⁶⁸⁷. Тристан Мароф умер в Санта-Крусе 10 февраля 1979 г.

Библиография

Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии// Латинская Америка. № 5. 1996.

Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936 – 1939. М: ИВИ РАН, 2001.

Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или “креольский Геббельс”// Латиноамериканский исторический альманах. № 7, 2007.

Щелчков А.А. У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа.// Новая и новейшая история. 2000. № 5.

Baciu S. Tristán Marof de cuerpo entero, La Paz, Ed. Isla, 1987.

Klein H. Orígenes de la revolución nacional boliviana. La crisis de la generación del Chaco. Ed, Juventud, La Paz, 1968.

Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia. Editorial Los Amigos del Libro, La Paz, 1994.

Mariátegui J.C. Correspondencia (1915-1930). Editorial Amauta, Lima, 1984.

Marof T. América Latina. Un enigma. Lima, Ed. Chuquisaca, 1970.

Marof T. El experimento nacionalista, La Paz, 1947.

Marof T. El ingenuo continente americano, Casa editorial Maucci, Barcelona, 1922.

Marof T. El Jefe (Comedia Política), La Paz, Ed. Talleres Gráficos Bolivianos, 1965.

Marof T. Habla un condenado a muerte, Córdoba, Ed. Logos, 1936.

⁶⁸⁷ Tristán Marof a Juan Antonio Solari, Santa Cruz de la Sierra, 15/03/1974.

Marof T. La ilustre ciudad. Historia de badulaques, La Paz, Ed. Gamarra, 1950

Marof T. La justicia del Inca. Bruselas, Ed. Latino-Americana, 1926.

Marof T. La novela de un hombre. Memorias, La Paz, Estado, 1967.

Marof T. La tragedia del altiplano, Buenos Aires, Ed. Claridad, 1935.

Marof T. México de frente y de perfil, Buenos Aires, Ed. Claridad, 1934.

Marof T. Opresión y falsa democracia, algunos aspectos sociales contemporáneos de América. Talleres Gráficos de la Nación, México, 1928.

Marof T. Suetonio pimienta, memorias de un diplomático de la república de zanahoria Libr. de Alejandro Pueyo. Madrid, 1926.

Marof T. Wall street y hambre: historia novelesca de dolor y de miseria, en el país más rico del mundo, de muchos que trabajan por una humanidad mejor, Impresora uruguaya, 1931.

Melgar Bao R. El exiliado boliviano Tristán Marof: tejiendo redes, identidades y claves de autoctonía política. Ponencia presentada en III Jornadas de Historia de las Izquierdas “Exilios políticos argentinos y latinoamericanos”, Inédito, Buenos Aires, 2005.

Memoria y Anexos que presenta el Ministro de relaciones exteriores y culto al Congreso Nacional de 1922. La Paz – Bolivia, Litografía e Imprentas Unidas, 1922.

Navarro G. Los Cívicos, La Paz, Arnó Hermanos editores, S/F (1919).

Navarro G. Poetas idealistas e idealismos en la América Hispana, La Paz, 1919.

Navarro G. Renacimiento Altooperuano. Estudios filosóficos, Editor Darío N. Pórcel, Charcas. 1918.

Raquel T. Julio Antonio Mella // El Machete, La Habana, Editora Abril, 2007.

Schelchkov A. Historia de un desengaño. La Internacional Comunista, Tristán Marof y Bolivia // Revista Archipiélago, La Paz, Nro 2, Enero–Marzo, 2008.

Schelchkov A. La internacional comunista y Tristán Marof: sobre el problema de relaciones entre la intelectualidad latinoamericana y los comunistas.// Anuario, Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia, Sucre, 1998.

Schelchkov A.A. Los olvidados de la izquierda latinoamericana.
Roberto Hinojosa: ¿un "Goebbels criollo" o un revolucionario apasionante? // Historias, México: INHA, 2012, No.82.

А.А. ЩЕЛЧКОВ⁶⁸⁸
A.A. SCHELCHKOV

МЕЖДУ ТРЕТЬИМ И ЧЕТВЕРТЫМ ИНТЕРНАЦИОНА-
ЛАМИ: ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ БОЛИВИЙСКИХ
ТРОЦКИСТОВ, 30-Е ГОДЫ XX В.⁶⁸⁹

BETWEEN THE III-RD AND THE IV-TH INTERNATIONAL:
THE FIRST GENERATION OF BOLIVIAN TROTSKYISTS.

Аннотация: Деятельность Коминтерна в 30-е годы в Латинской Америке столкнулась с появлением мощного «диссидентского» течения в коммунистическом движении, троцкизма. В некоторых странах, как например, в Боливии троцкизм приобрел гораздо большее влияние нежели признаваемые Москвой и ВКП(б) коммунистические партии и группы. В центре внимания этой статьи появление троцкистского движения в Боливии в 30-е годы XX в., так называемого первого поколения троцкистов, давших начало мощному политическому движению в этой стране, завоевавшему огромное влияние на боливийскую политику второй половины XX в.

Ключевые слова: троцкизм, Коминтерн, Боливия, Тристан Мароф, Хосе Агирре Гайнсборг, коммунистическое движение в Латинской Америке.

Abstract: Comintern activities in the 1930s in Latin America, faced with the emergence of a "dissident" in movement in he communism, the Trotskyism. In some countries, such as Bolivia, Trotskyism gained a much greater influence than communist parties and groups, recognized by Moscow and the Committer. The focus of this article is the appearance of the Trotskyist movement in Bolivia in 1930s, the first generation of the Bolivian trotskists politician, giving a rise to a powerful political movement in this country. Trotskyism have won a huge impact on Bolivian politics of the second half of the twentieth century.

Keywords: Trotskyism, Comintern, Bolivia, Tristan Marof, José

⁶⁸⁸ Андрей Аркадьевич Щелчков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

⁶⁸⁹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00138 «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка»)

История левого, коммунистического движения в Латинской Америке в последние два десятилетия оказалась в центре внимания многих историков. Почти взрывной интерес в этой теме объясняется не только открытием архивов в бывшем СССР после 1991 г., но и упадком самого коммунистического движения, переосмыслением прошедшего пути, достижений и проблем. Между тем, по-прежнему далеко не исчерпанным является поле исследований этой тематики. Одной из тем, представляющих большой интерес для исследователя, является история расколов и формирования альтернативных «московскому» течений в левом, коммунистическом движении, в частности, троцкизма. Данная работа посвящена самым первым шагам формирования троцкистского движения в Боливии в 30-е годы, в стране, где именно троцкизм стал ведущей левой силой на многие десятилетия.

Боливийское направление занимало мало места в работе Коминтерна. Это объяснялось отсутствием сильного рабочего и левого общественных движений, с одной стороны, и географической удалённостью Боливии, что осложняло получение информации и поддержание регулярной связи, с другой. Наличие связи и возможность поддерживать постоянный контакт было основным условием проникновения Коминтерна в ту или иную страну. Отсюда ориентированность на Аргентину, Уругвай, Чили, а затем и Бразилию. Отчасти это обусловило преобладание «диссидентских» направлений в левом движении в Боливии и слабость промосковских сил.

Коминтерну, несмотря на несколько попыток создать партию или стабильную, растущую коммунистическую группу, тесно связанную с Южноамериканским бюро (секретариатом) Коминтерна в Буэнос-Айресе (ЮАБ), так и не удалось сформировать «пользующуюся доверием» центра основу для компартии⁶⁹⁰. У южноамериканского центра Коминтерна в Буэнос-Айресе долгое время теплилась надежда, что они смогут создать партию с опорой на очень популярного боливийского писателя, публициста и

⁶⁹⁰ См. Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии // Латинская Америка. № 5. 1996. С. 42-55. Щелчков А.А. Коминтерн и Тихоокеанская конфедерация рабочих республик // Латинская Америка. № 12. 2015. С. 66-76

политика Тристана Марофа (Густаво Наварро). В истории Боливии 20-30-х годов его имя было синонимом социальной революции и национального освобождения. Его судьба была тесно связана с развитием революционного движения в Боливии. Рассмотреть его политическую биографию, проанализировать его взгляды представляется важным для понимания политической и социальной реальности тех лет как в Боливии, так и во всей Латинской Америке.

Густаво А.Наварро родился в Сукре в 1898 г. в небогатой семье. Очень рано Наварро занялся литературно-публицистической деятельностью. Его повести «Сетонио Пимента», «Просвещённый город» содержали резкую критику общественного строя латиноамериканских стран. Его работы «Эксперимент», «Шеф» отмечены сложившимся литературным талантом. Ещё молодым человеком он включился в политическую борьбу. В 1919 г. он примкнул к оппозиционной Республиканской партии, представлявшей собой союз клерикальных помещиков и городских средних слоёв, студентов, ремесленников, народных низов города. В 1920 г. он активно участвовал в перевороте, свергнувшем либералов и приведшем к власти республиканцев. Внутри неоднородной Республиканской партии поддерживал лидера реформаторского крыла Баутисту Сааведру. В тот исторический момент сааведристы представляли собой леволиберального толка реформаторскую партию. За активное участие в перевороте Сааведра награждает его назначением на должность консула Боливии в Гавре (Франция).

Густаво А.Наварро попал в Европу, когда ему было 23 года. Послевоенный революционный подъём и интеллектуальные поиски европейской интеллигенции произвели на него огромное впечатление. Он сам так описывал состояние общественной жизни в послевоенный период: «Драма войны открыла глаза на наш беспорядочный, недисциплинированный и трагический романтизм, который был сброшен с пьедестала... Кровь, пролитая в мире, очистила нас. Настало время революций»⁶⁹¹. В Европе Наварро эволюционирует влево, его политические симпатии все более склоняются к марксизму и коммунизму.

В 1921 г. он придумывает себе экстравагантный псевдоним Тристан Мароф. В интервью, данном в 1967 г., он так рассказы-

⁶⁹¹ Francovich, G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz: Amigos de los libro, 1984. P. 86.

вал об этом: «Это было в Париже, где-то в 1921 г. Я написал книгу «Наивный американский континент» и, будучи консулом, не мог подписать ее собственным именем. Разумеется, я хотел выбрать псевдоним Иван, но мой испанский друг поэт Дариус Форти убедил меня принять имя Тристан». К имени он присоединил, как ему казалось, русскую фамилию Мароф. Его антиимпериалистическая и радикальная левая позиция была несовместима с дипломатическим постом, и он его покидает.

В работе «Наивный американский континент» Мароф впервые открыто заявил о своей приверженности идеям коммунизма. Он декларировал, что в Боливии на политическое вооружение необходимо взять «коммунизм» как систему ценностей, восходящих к Инкской империи⁶⁹². Важной характеристикой коммунизма, согласно изложению Марофа, являлось производительное государство, принимающее на себя экономическую функцию, в частности, проводящее столь необходимую для стран континента индустриализацию. Для того, чтобы демократия была подлинной, она должна быть рабочей, пролетарской⁶⁹³. Взгляды Марофа формировались под сильным влиянием коммунизма, а страстность изложения и яркий язык создали ему репутацию новой восходящей звезды латиноамериканских левых, что не могло не обратить на него внимание Коминтерна.

Яркий, ироничный памфлетист открыто левой ориентации привлёк к себе внимание Анри Барбюса и Ромена Роллана, активно пропагандировавших коммунизм и русскую революцию. Барбюс обратился к Марофу с восторженным письмом по поводу одной из его статей. Между ними установились дружеские отношения. Дружба с Барбюсом, который писал вступительные статьи к книгам Марофа, способствовала переориентации его идейных поисков от латиноамериканского модернизма к марксизму и коммунизму. Барбюс связал его с европейскими коммунистами, среди которых он считался признанным лидером боливийских марксистов, что в тот момент было далеко от действительности.

Первой книгой Марофа, получившей общеконтинентальный резонанс, была «Справедливость Инки», изданная в Брюсселе в 1926 г. В этой книге он цитировал Маркса, Ленина, писал о русской революции. По его мнению, континент самой судьбой

⁶⁹² Marof, T. El ingenuo continente americano. Barcelona, 1922. P. 140-141.

⁶⁹³ Marof, T. El ingenuo continente americano. P. 123.

предназначен, и главное, уже готов к переходу к социализму и коммунизму. И больше всех подходит для социализма Боливия. Во-первых, потому что основная масса населения – индейцы, сохраняющие в своей исторической памяти и в общинной организации основы инкского коммунизма. А во-вторых, это – богатейшая по своим ресурсам страна, способная обеспечить благосостояние своего населения. То, на что Европе понадобились века, а именно - подготовка к принятию коммунизма, Боливия имеет от природы, от своего исторического прошлого⁶⁹⁴.

Переход к социализму для Марофа сводился лишь к национализации природных богатств. Он предлагал ввести монополию внешней торговли во избежание ограбления страны иностранным капиталом, что создаст, как он писал, национальный капитал⁶⁹⁵. Впервые здесь Мароф сформулировал исторический лозунг «землю – индейцам, рудники – государству». Эта «магическая» формула сделала Марофа общенациональным лидером. Уже через год после опубликования «Справедливости Инки» Рабочий конгресс в Оруро проходил под этим лозунгом.

Хотя Мароф не отличался особой глубиной анализа или целостностью взглядов, в некоторых своих работах он высказывал новаторские идеи и художественно ярко формулировал суть проблем: также как и Хосе Карлос Мариатеги, он обратился к индейцу как основе национальной жизни Боливии. Постепенно в его работах индеанистские воззрения стали сочетаться с марксистскими установками. В целом взгляды Марофа были очень противоречивы и непоследовательны. С одной стороны, его считают одним из основоположников левого индеанизма, а с другой - часто упрекали в том, что его видение боливийской действительности всегда было европейским и отчуждённым.

Мароф проповедовал идеи латиноамериканской солидарности и общеконтинентальной антиимпериалистической революции. Он верил в особый латиноамериканский социализм: «Наш прямой путь – идти к чисто американскому коммунизму со своими отличительными чертами и особыми свойствами»⁶⁹⁶. В его теоретических построениях марксистская терминология прикрывала левый национализм.

В 20-е годы Мароф становится лидером боливийских

⁶⁹⁴ Marof T. *La justicia del Inca*. Bruselas: Falk Fils, 1926. P. 21-26.

⁶⁹⁵ Marof T. *La justicia del Inca*. P. 15, 31-39.

⁶⁹⁶ Marof T. *La justicia del Inca*, P. 26.

левых: от него ждали создания общенациональной коммунистической или социалистической партии. В сентябре 1926 г. он уехал из Парижа на родину. В январе 1927 г. Мароф вместе с профсоюзным лидером Ромуло Чумасеро создал в г. Сукре недолговечную Социалистическую партию, объединившую в своих рядах местных радикальных молодых политиков, таких как Абраам Вальдес, Роберто Инохоса и синдикалистов Д. Дик Ампуэро, Э. Лоса. Эта партия издавала газету «El Socialista», ставшую влиятельным печатным органом левых в те годы. В газете высказывалась поддержка русской революции, но осуждался политический режим в СССР как диктаторский⁶⁹⁷. Уже тогда Мароф отказался от безусловной поддержки СССР, склонялся к «диссидентским» версиям социализма. Затем в Потоси он объявил о создании Максималистской социалистической партии. Он активно разъезжал по стране, проводил бесконечные встречи и лекции в рабочих и студенческих кругах. Эта партия приняла участие в выборах в Конгресс в 1927 г.

В феврале 1927 г. Мароф и его сподвижник по Максималистской соцпартии Роберто Инохоса были арестованы, провели 60 дней в центральной тюрьме Ла-Паса, а затем были высланы в Аргентину. В защиту Марофа были организованы слушания в Конгрессе. Вернуться на родину ему удалось лишь через 10 лет.

Активная деятельность группы Марофа в Боливии привлекла внимание Коминтерна. У представителя Коминтерна, одного из руководителей Компартии Аргентины Х. Пенелона запрашивалась дополнительная информация об этой организации.⁶⁹⁸ Коминтерн интересовался деятельностью Марофа, рассчитывая использовать его влияние среди левой интеллигенции и профсоюзных лидеров Боливии для создания ядра компартии. Первый номер коминтерновского журнала «Correspondencia sudamericana» вышел с протестом против ареста и высылки Тристана Марофа из Боливии. С этого момента Коминтерн повёл активную работу с Марофом, и во многом удачную, о чем свидетельствует последовавшая за высылкой из Боливии дискуссия Марофа с его соратником Роберто Инохосой, который придерживался анархистских, народнических взглядов на револю-

⁶⁹⁷ El Socialista. Sucre. No. 1. 18 de enero, 1927.

⁶⁹⁸ РГАСПИ. Ф.495, оп. 122, д.1. Л. 4-5.

цию⁶⁹⁹. Инохоса предлагал немедленно поднять восстание в Боливии и провозгласить там социалистическую республику. Его программа содержала анархо-синдикалистские положения об отмене налогов и пошлин, о свободе торговли, а также об организации жизни общества на основе профсоюзов⁷⁰⁰. Мароф же противостоял ему как революционный марксист. Он критиковал его синдикалистские воззрения, указывая на необходимость формирования классовой пролетарской партии.

Благодаря связям Марофа с европейскими коммунистами в Москву из Европы присылали его статьи и работы⁷⁰¹. В Коминтерне надеялись использовать его авторитет для формирования коммунистической партии. В своих документах КИ выражал солидарность с его партией, рекомендовал развернуть в рабочей прессе кампанию поддержки Марофа, подвергавшегося преследованиям правительства. После двухлетнего пребывания в Аргентине, в 1929 г. Мароф выехал в Мексику, где тесно сотрудничал с коммунистами. Мексиканские коммунисты представили его кандидатуру для учёбы в Ленинской школе в Москве.⁷⁰² Однако в Москву ему попасть не удалось.

В 1930 г. его имя называлось среди тех, кого мексиканское правительство обвиняло в антимексиканской деятельности, направленной из Москвы, и этот факт фигурировал среди претензий мексиканского правительства к СССР накануне разрыва дипотношений в январе 1930 г. Мексиканский представитель в Москве изобличал Т.Марофа как агента Кремля, виновного в разжигании антимексиканской кампании в различных странах Латинской Америки.⁷⁰³ Однако тогда же отношение Коминтерна к Марофу резко изменилось, так как он открыто поддержал Троцкого в его конфронтации со сталинским руководством СССР. В официальных документах Коминтерна Мароф отныне именовался как троцкист и «мелкобуржуазный интеллигент»⁷⁰⁴.

Следует отметить, что Мароф находился под влиянием аргентинца Мануэля Угарте, который в те годы активно продви-

⁶⁹⁹ Marof T. La tragedia del Altiplano. Buenos Aires: Claridad, 1935. P. 183

⁷⁰⁰ Hinojosa R. La revolución de Villazón. La Paz: Universal, 1944. P. 25-29.

⁷⁰¹ В архиве Коминтерна содержится солидная подборка статей и брошюр Марофа. – РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 1.

⁷⁰² РГАСПИ. Ф.495, оп. 122, д. 1, л. 4-5; оп. 79, д. 65. Л.2

⁷⁰³ Sobre rusos y Rusia. Antología documental. México, 1994. P. 333.

⁷⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 4. Л. 10

гал идею общей латиноамериканской родины, что совпадало с идеей Троцкого о единой советской республике латиноамериканских народов. Эта тема была важной для Марофа, ей он посвятил немало строк в своих работах. Угарте был одним из его постоянных корреспондентов и друзей. Неудивительно, что и аргентинский социалист Угарте, и Мароф симпатизировали Троцкому и его идеям, хотя не до конца вникали к их сути и не являлись убеждёнными марксистами-троцкистами. Мароф и Угарте вдохновлялись общими идеалами и идеями, казавшиеся близкими к постулатам троцкизма, приверженность или симпатию к которым демонстрировали оба писателя и политика.

С началом войны в Чако (1932-1935) левые, коммунистические кружки были репрессированы, многие молодые политики, «пораженцы», такие как Хосе Антонио Арсе, Гильермо Вискара, Рикардо Анайя, Хосе Агирре Гайнсборг были вынуждены покинуть страну. Эти левые деятели, также как и Мароф, рассматривали войну как шанс повторить ленинский лозунг «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Война, и не без основания, представлялась им как катализатор революции, и то что эта революция будет пролетарская, у них не было сомнения. Однако для реализации революционного потенциала предстояло создать партию пролетарского авангарда. Во время войны и особенно на её финальной стадии, когда поражение Боливии стало очевидным, левые эмигранты в соседних странах стали создавать революционные группы. Такими группами были под руководством находившегося в Чили Хосе Агирре Гайнсборг и Тристана Марофа в Аргентине.

Хосе Агирре Гайнсборг (1909-1938) наряду с Марофом – ключевая фигура первого поколения боливийских троцкистов, видный боливийский политик в 30-е годы. Агирре Гайнсборг включился в политическую борьбу в 20-е годы в рядах студенческого движения, являясь яркой фигурой поколения «нонконформистов столетия республики»⁷⁰⁵. С ранних лет своей биографии он встал на марксистские позиции, хотя не был жёстким доктринёром и догматиком, как его коллега по студенческой федерации, «фило-сталинист» Хосе Антонио Арсе. Он был

⁷⁰⁵ Это определение молодежному движению 20-х годов дал аргентинский исследователь Пабло Стефанони – Stefanoni P. *Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925-1939)*. La Paz: Plural, 2015.

членом коммунистической группы, вошедшей в историю как Подпольная коммунистическая партия⁷⁰⁶.

С началом войны в Чако Хосе Агирре Гайнсборг эмигрировал в Чили, где жил под именем Макса Фернандеса, активно участвовал в местной политической борьбе, был заметной фигурой среди левой молодёжи⁷⁰⁷. Он вступил в компартию, которую возглавлял М. Идальго, и даже стал членом её ЦК. Он в 1932 г. вошёл в группулевой оппозиции, поддерживавшей Троцкого в мировом коммунистическом движении (впоследствии эта группа создала Революционную рабочую партию Чили, в то время как большинство идальгистов влились в соцпартию). Партия Идальго противостояла компартии во главе с Элиасом Лаферте, официально признанной ЮАБ Коминтерна. В партии Идальго в тот момент было больше членов, чем в промосковской партии. Там же в Чили совместно с другими боливийскими эмигрантами (среди них были видные в будущем троцкисты Ригоберто Армаса Лопера, Аугусто Гусман Монтальво, братья Антесана, Рафаэль Чавес Ортис⁷⁰⁸) он создал группу «Боливийские левые», которая декларировала свою солидарность с Троцким и «левой оппозицией» в мировом коммунистическом движении⁷⁰⁹. В этой группе среди лидеров выделялся также Эдуардо Арсе Лоурейро. Последний в интервью в Джоном Стивом Сандором вспоминал: «Мы решили организовать коммунистическую партию. Но как? Выпустим манифест. Мы написали манифест боливийских эмигрантов. Но тогда меня арестовали. Я уверен, что вся революционная литература проходила через отделы секретной полиции в Сантьяго. Однако мы все же продвинулись в нашей идее создания партии.

⁷⁰⁶ Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia, 1920-1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz: Los Amigos del Libro, 1994. P. 188.

⁷⁰⁷ Биография Х. Агирре Гайнсборга см. Abecia López V. Siete políticos bolivianos. La Paz: Editora Urquiza, 1986.

⁷⁰⁸ Рафаэль Чавес Ортис проявлял большую активность в Чили в борьбе со «сталинистами» и Народным фронтом, даже попадал в больницу после столкновений с коммунистами. Вернулся в Боливию, оставался верен своим убеждениям, и даже почти сагитировал принять троцкизм своего брата, одного из лидеров МНР Ньюфло Чавеса Ортиса (вице-президент республики в 1956-1960 гг., который хотя не вступил в ПОР, но симпатизировал троцкистам.

⁷⁰⁹ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1933-1952. Vol.4. La Paz: Los Amigos de los Libros, 1980^P. 124-134.

Нашу группу в Сантьяго мы назвали Боливийская левая, что было первым шагом к новой партии. Большая часть пропагандистской литературы была написана Хосе Агирре Гайнсборгом». Затем встал вопрос о лидере, который обладал бы престижем и пользовался бы доверием большинства. Агирре предложил Марофа⁷¹⁰, который уже тогда высказывался в пользу Троцкого, что для Агирре и Э. Арсе Лоурейро, которые солидаризировались с принципами «левой оппозиции» в коммунистическом движении, означало выбор в пользу троцкизма.

За Марофом тогда закрепилась противоречивая репутация. Среди многих боливийцев, особенно студентов бытовала легенда о том, что он, будучи активным участником «республиканского переворота» 1920 г. во главе с Баутистой Сааведрой, после победы республиканцев несколько дней был начальником тюрьмы, где якобы издевался над арестованными политиками. Чтобы исключить возможность столь порочающей страницы в биографии, молодые люди (Агирре и Эдуардо Арсе) встретились с проживавшим в Сантьяго бывшим президентом Баутистой Сааведрой, который убедил их, что это всего лишь легенда, не соответствующая действительности. Это был окончательный аргумент в пользу Марофа, которого молодые политики признавали безусловным лидером⁷¹¹.

Тем временем, в 1932 г. находившийся в Аргентине Мароф создал марксистскую группу «Революционная группа Тупак Амару». В её программе декларировалась антивоенная позиция в отношении авантюры в Чако, подчёркивалась необходимость объединения различных антиимпериалистических групп для завоевания первого социалистического правительства в Америке. В написанной Марофом декларации группы говорилось: «Наше главное стремление – это пролетарская и антиимпериалистическая революция, единственно способная дать свободу угнетённым, землю индейцам, разрушить варварский феодализм, всё ещё существующий на боливийском Альтиплано»⁷¹². Хотя группа откровенно и ясно высказалась в поддержку Троцкого, она продолжала поддерживать отношения со «сталини-

⁷¹⁰ Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. Permanent Revolution in the Andes. Tuscon: University of Arizona Press, 2009. P. 34.

⁷¹¹ Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. P. 44.

⁷¹² Marof T. La tragedia del Altiplano. P. 222.

стами», членами бывшей Подпольной компартии Боливии⁷¹³, с так называемыми кропистами⁷¹⁴ во главе с Хосе Антонио Арсе и Хосе Куадросом Кирогой, также находившихся в эмиграции после начала войны в Чако. В группу Марофа входил также Иван Кесвар (Алипио Валенсия Вега), долгое время затем являвшийся его соратником и убеждённым троцкистом⁷¹⁵, а также Луис Пеньялоса, в скором будущем – лидер правого крыла национал-реформистской партии Националистическое революционное движение (МНР)⁷¹⁶.

В 1934 г. группа Агирре стала называться Боливийская коммунистическая группа (*Agrupación Comunista Boliviana* - АСВ), которая в своей декларации об образовании заявила, что присоединяется к будущему IV Интернационалу. Сознавая свою слабость и малочисленность, группа искала поддержку в членстве в международной коммунистической (троцкистской) партии, а свою стратегию и тактику определяла только как часть международной пролетарской организации⁷¹⁷. Группа договорилась о едином фронте с Революционной группой Тупак Амару во главе с Марофом. Одновременно А. Валенсия Вега (Иван Кесвар) на севере Аргентины организовал Союз боливийских эмигрантов. В декабре 1934 г. все три группы подписали соглашение об образовании Единого социалистического фронта. Его манифест был написан Марофом и опубликован в приложении к изданию его книги «Трагедия Альтиплано» (Буэнос-Айрес, 1934)⁷¹⁸. Вся

⁷¹³ Коммунистическая группа, признанная Коминтерном, действовавшая в Боливии в период с 1929 г. по 1932 г. – см. Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии // Латинская Америка. № 5. 1996. С. 42-55.

⁷¹⁴ КРОП – испанская аббревиатура Тихоокеанской конфедерации рабочих республик, организация основанная Хосе Антонио Арсе в 1931 г. Однако эта инициатива была осуждена Коминтерном как мелкобуржуазный уклон, а члены КРОП были исключены из компартии.

⁷¹⁵ Г.Лора нелицеприятно бросает упрёк А. Валенсии Веги, с которым у него никогда не было хороших отношений, в том, что тот искал любой предлог, в том числе и по идейным соображениям, чтобы только не воевать на фронте. – Lora G. Historia del POR. Contribución a la historia política de Bolivia. Tomo 1. La Paz: Isla, 1978. P. 77.

⁷¹⁶ Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. P. 41.

⁷¹⁷ Lora G. Historia del POR. P. 70.

⁷¹⁸ Мароф помимо этих групп в качестве участников соглашения упоминает группы «Эмигранты в Перу» и «Кольясуйо». – Setaro R.M. Secretos de Estado Mayor. Buenos Aires, 1936. Г. Лора подверг сомнению правдивость этих данных и предпочитал говорить о трёх группах, о которых есть под-

эта активность подогревалась проведением в 1933 г. в Монтевидео Антивоенного конгресса, инициаторами которого были коммунисты. На удивление и в противоречии с установками Коминтерна, на него пригласили и троцкистов и анархистов, которые затем со скандалом покинули конгресс. Естественной темой конгресса должна была стать военная авантюра Боливии и Парагвая в Чако. В Кордобе промосковские коммунисты, такие как парагвайский лидер Оскар Крейдт, аргентинские пацифисты, близкие коммунистам Г. Берманн и Д. Рока активно сотрудничали с боливийскими эмигрантами, живущими в этом городе, и прежде всего с Марофом. Аргентинские пацифисты издавали журнал «América Libre» и «Flecha»⁷¹⁹, главным вдохновителем которых был Мароф. «América Libre» публиковала статьи Троцкого, Радека, антисталинские памфлеты. Мароф тогда занимал откровенно протроцкистскую позицию⁷²⁰. Как отмечал Г. Лора, именно критическая в отношении сталинизма позиция Марофа привлекала к нему боливийских левых⁷²¹.

Позднее в Кордобе состоялось совещание, на котором присутствовали Тристан Мароф, Хосе Агирре Гайнсборг, Алипио Валенсия Вега, Эстебан Рей и как наблюдатели – представители ЮАБ Коминтерна аргентинец Уго Мансилья Ромеро и парагваец Оскар Крейдт. После совещания, 24 июня была основана Революционная рабочая партия (Partido Obrero Revolucionario - ПОР)⁷²². В письме к Троцкому лидеры ПОР информировали, что новая партия является «боливийской секцией» Международной коммунистической лиги, из которой затем был образован IV Интернационал. В партии состояло 50 членов из числа левых эмигрантов в Аргентине и около ста боливийских пленных в Парагвае⁷²³. Внутри страны у новой партии не было никаких ячеек, все это предстояло создать.

ПОР объявила себя марксистско-ленинской. Хотя лидеры

линные сведения их существования и участия в создании новой партии. – Lora G. Figuras del trotskismo boliviano. La Paz: Masas, 1983. P. 29.

⁷¹⁹ Кордобские пацифисты к этому времени уже порвали свои тесные отношения с апризмом, которому симпатизировали.

⁷²⁰ Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. P. 173-183.

⁷²¹ Lora G. Historia del POR. P. 77.

⁷²² El socialismo olvidado: el otro trotskismo en Bolivia (Entrevista con Carlos Salazar Mostajo) // Autodeterminación. No.5. mayo-julio 1988. La Paz, 1988. P. 147.

⁷²³ Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. P. 46-48.

партии открыто заявляли о своей солидарности и поддержке Троцкого в его конфликте с ВКП(б), удивительно, что на первом съезде и на предварительных совещаниях присутствовали представители «сталинистов», в частности такой видный деятель как лидер парагвайских коммунистов Оскар Крейдт, что свидетельствовало об интересе ЮАБ к новой группе. «Сталинисты» все ещё считали возможным использовать Марофа для образования коммунистической партии Боливии под своим контролем, впрочем до тех пор пока тот не стал делать откровенно про-троцкистские и антисоветские публичные заявления, хотя публично называли его не иначе как «буржуазным писателем»⁷²⁴. Формально участие парагвайского лидера представлялось ЮАБ как часть антивоенной политики коммунистов, выступавших за союз трудящихся Боливии и Парагвая в борьбе с войной⁷²⁵. Затем, в очередной раз осторожное отношение к Марофу в Коминтерне резко меняется на открыто враждебное. Теперь его обвиняют в троцкизме и провокациях: он якобы, работая в Комитете поддержки Испании в Кордобе, похитил деньги, книги и прочее имущество организации и создал свой Комитет, который боролся в основном с «легитимным» с точки зрения промосковских коммунистов комитетом⁷²⁶.

В этом конфликте вокруг Комитета Мароф выступил с яростной антисоветской статьёй в журнале «Claridad». Он писал: «Привычкой этой партии (Коминтерна) в России является расстреливать и сажать в тюрьмы, а здесь, где они не могут этого сделать, они клеветают и лгут на всех, кто им не угоден. Это уже не интернационал революции, а клеветнический интернационал». Мароф здесь заявил себя твёрдым антисталинистом, а Сталина обвинил в том, что тот «стал самым жестоким тираном в истории человечества, перед которым бледнеют преступления царизма», «встав на путь Гитлера и Муссолини»⁷²⁷.

Между тем Агирре Гайнсборг стремился привлечь марофистов в Аргентине на сторону «международного большевизма», то есть троцкизма, в то время как идея Марофа состояла в создании поликлассовой, широкой, народной партии⁷²⁸. Троцкизм Марофа не был твёрдым убеждением, именно поэтому у ЮАБ

⁷²⁴ Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934. С. 240.

⁷²⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 228. Л. 9

⁷²⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 6. Л. 4.

⁷²⁷ Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. P. 183-184.

⁷²⁸ Lora G. Figuras del trotskismo boliviano. P. 35.

оставалась надежда на его «перевербовку». По мнению американского исследователя Джона Стивена Сандора, боливийское троцкистское движение до 1935 г. состояло из двух течений: одно – это бывшие пораженцы, высланные из Боливии в Чили, молодые марксисты, связанные с чилийскими троцкистами, и второе – более идеологически размытое, поликлассовое, возглавляемое Марофом в Аргентине, в котором сочетались индигенизм, антиимпериалистический национализм и марксизм⁷²⁹. Боливийский историк-троцкист Гильермо Лора утверждал, что ПОР, созданная в Кордобе, ещё не была собственно партией, а представляла собой блок, единый фронт, в который входила группа Марофа и «Боливийская левая», и представляла собой результат усилий Агирре Гайнсборга по созданию большевистской партии в Боливии, а её программа из десяти пунктов была разработана и предложена партии именно его группой⁷³⁰. Для Агирре ПОР была большевистской партией, то есть способной повести массы к пролетарской революции, в то время как для Марофа это был инструмент политического взаимодействия с другими антиолигархическими силами Боливии во имя создания общего фронта с признанием его (Марофом) лидерства всех левых Боливии. Если Агирре придерживался идей «перманентной революции» Троцкого, то Мароф был очень далёк от таких теоретических установок, хотя и декларировал свою симпатию Троцкому⁷³¹.

В июне 1935 г. в Кордобе стал выходить журнал «América Libre», издаваемый аргентинскими пацифистами, но его главным редактором был Мароф. Во втором выпуске журнала сообщалось о создании ПОР, лозунгом которой вновь была взята ставшая исторической формула Марофа 20-х годов: «Землю тем, кто её обрабатывает, рудники – государству»⁷³². В феврале – марте 1936 г. на страницах аргентинского журнала «Claridad»⁷³³ развернулась полемика между Оскаром Крейдтом и Тристаном Марофом. Крейдт, представляя Коминтерн, защи-

⁷²⁹ Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. P. 49.

⁷³⁰ Lora G. Historia del POR. P. 83.

⁷³¹ Steven Sandor J. Permanent Revolution on the Altiplano. P. 52.

⁷³² Justo.L. Bolivia:la revolucion derrotada. Cochabamba, 1967. P. 102.

⁷³³ Журнал «Claridad» выходил в Буэнос-Айресе с 1922 г., его возглавлял левый демократ Антонио Самора, на страницах журнала выступали представители различных течений левого политического фланга не только Аргентины, но и всего континента.

щал новый курс коммунистов, сформулированный на VII Конгрессе (1935 г.), на создание широкой антифашистской коалиции, Народного фронта. Крейдт призывал Марофа присоединить свои усилия к общему антивоенному движению под знаменем Коминтерна. Казалось, что отношения, хотя и в форме вполне мирной дискуссии, между Марофом и «сталинистами» вновь восстановлены. Крейдт весьма осторожно приглашал ПОР и Марофа присоединиться к Коминтерну, несмотря на жёсткую позицию Москвы по отношению ко всем, выражавшим какую-либо симпатию в отношении Троцкого. Учитывая, что Агирре Гайнсборг был уже известным троцкистским деятелем, прославившимся в Чили, его союз с Марофом рассматривался ЮАБ как досадная ошибка, которую ещё можно исправить.

В марте 1936 г., несмотря на декларацию протроцкистских позиций, Мароф возобновляет контакты с компартией Аргентины. Прибывший из Москвы в Буэнос-Айрес в 1934 г. представитель Коминтерна один из лидеров аргентинской компартии Орестес Гиольди, отправил в марте 1936 г. секретную записку в Бюро секретариата ИККИ Ван Мину, в которой изложил свои предложения в отношении Марофа. В ней указывалось, что в связи с тем, что в Боливии нет партии, а влияние коммунистических групп ничтожно, аргентинская компартия попыталась привлечь на свою сторону сторонников Марофа. Сообщалось, что с этой целью в 1935 г. коммунисты связались с Марофом, который охотно заявил, что порвёт с троцкизмом.

В 1936 г., пишет далее Гиольди, Мароф вновь связался с аргентинской компартией. На этот раз он предложил свои услуги в создании компартии в Боливии. Более того, для установления связей с Коминтерном он предлагал организовать свой приезд в Москву вместе с другим активистом ПОР Иваном Кесваром – А.Валенсией Вегой. В письме подчёркивалось, что Кесвар – человек, с которым можно работать, тем более, что он уже состоял в компартии, а точнее в коммунистической группе в Ла-Пасе, но был ошибочно исключён в 1929 г. во время «чистки интеллигентов» в южноамериканских партиях и борьбы с КРОП. Мароф же, по мнению автора записки, неисправимый политикан и крайне тщеславный человек. Вместе с тем, учитывая тот факт, что в Боливии нет компартии, и ее очень трудно создать без Марофа, Гиольди предлагал пойти на уступки. Их цель – с одной стороны, руками Марофа организовать массо-

вую коммунистическую партию, а с другой, с помощью Марофа нанести удар по троцкизму в ПОР, главным защитником которого был Х.Агирре Гайнсборг. Приезд Марофа в Москву обуславливался требованиями публичного разрыва с троцкизмом, поддержки руководства СССР и принятия решений VII-го конгресса Коминтерна по Народному фронту⁷³⁴. Этот возможный союз Марофа с Коминтерном не состоялся, более его связи с Москвой не возобновлялись.

Что вызывает недоумение, так это настойчивость, с какой Коминтерн в лице ЮАБ и аргентинских коммунистов стремился завоевать Марофа на свою сторону. Все говорило против его кандидатуры, если исходить из декларируемых принципов Коминтерна. Всё это выглядит особенно нелепо в сравнении с тем решительным отказом от сотрудничества с Хосе Антонио Арсе, всегда, до конца жизни оставшегося «верным сталинцем» и почитателем СССР. Можно было бы понять аргентинских коммунистов, если бы за Марофом стояла мощная организация. Между тем, уже по возвращении в Боливию он так и не смог создать массовой партии. А вот Арсе в 1940 г. занял второе место на президентских выборах. Ничто не могло склонить аргентинских товарищей к сотрудничеству с Арсе. Видимо, это означало для них признание своей ошибки 1931 г., когда они отвергли все инициативы Арсе и заклеили его как мелкобуржуазного политика. К тому же Арсе находился в эмиграции в Перу, а не в Аргентине, то есть как бы его для ЮАБ не существовало, а Мароф был на виду. Провалом Коминтерна в Боливии коммунистическое движение обязано близорукости и упрямству аргентинской партии, сделавшей не ту ставку, на Марофа, в то время как отвергаемый Арсе сумел создать в Боливии массовую партию, деклариовавшую верность идеалам Маркса-Ленина-Сталина.

В мае 1936 г. в Боливии к власти приходит союз военных-националистов и так называемых социалистов, в стране был установлен «режим государственного социализма». Создаются новые партии социалистического и лево-националистического толка, из эмиграции возвращаются многие левые политики, в то числе и Агирре Гайнсборг. Ещё до переворота, в июле 1935 г. левые молодые политики, как националисты, так и марксисты создают полуподпольную организацию БетаГамма, расшифро-

⁷³⁴ РГАСПИ, Ф. 495, оп.20, д.353. Л.3

ываемую как Bolivia Grande – Великая Боливия. Эта организация установила тесные контакты с рабочим движением, что повлияло на радикализацию её программы, провозглашавшую своей целью – построение социалистического государства в Боливии с опорой на союз рабочего класса, крестьянства и средних слоев⁷³⁵. По возвращении в Боливию Агирре Гайнсборг создал Социалистический левый блок, вступивший в БетаГамму в качестве коллективного члена. Он преследовал цель изнутри способствовать превращению идейно аморфной группы в рабочую партию авангарда троцкистского толка. Это была тактика «энтризма», часто применяемая троцкистами: от испанского слова «вступать» – речь шла о членстве в непролетарских партиях с целью подталкивания их к радикализации и переходу на классовые, марксистские позиции.

Агирре Гайнсборг, следуя за общими настроениями в боливийском обществе, в этот момент заявлял о непосредственной, казавшейся тогда прагматической и возможной, цели «нового социалистического движения» – построения «государства профсоюзов»⁷³⁶. Агирре Гайнсборг оказывал огромное влияние на позиции этой новой политической группы, способствуя её эволюции влево. Это привело к союзу БетаГаммы с марксистскойлевой группой из Кочабамбы, которая, правда, не разделяла троцкистские взгляды Агирре Гайнсборг, но для последнего это было непринципиально в этот решающий момент боливийской истории, ибо он надеялся на формирование массовой рабочей социалистической партии. Агирре Гайнсборг настоял на смене названия группы: БетаГамма была переименована в «Социалистическое действие БетаГамма». Агирре Гайнсборг же написал краткую декларацию принципов организации, в которой нашло выражение его троцкистское кредо, в частности, ставилась цель партии – Латиноамериканская конфедерация социалистических республик континента и общеконтинентальная революция⁷³⁷.

Принципы солидарности с Троцким и противостояние со «сталинистами» Агирре Гайнсборг отодвинул на второй план, отдавая предпочтение идее единой массовой рабочей партии. В

⁷³⁵ Valencia Vega A. Historia Política de Bolivia. Vol.6. La Paz: Juventud, 1987. P. 1808-1809.

⁷³⁶ Última Hora. La Paz. 04 de noviembre, 1935.

⁷³⁷ Lora G. Figuras del trotskismo boliviano. P. 37.

Сукре действовала марксистская группа «Центр Анри Барбюса», превратившийся в местную рабочую партию. В 1935 г. Агирре Гайнсборгу удалось создать своего рода сеть организаций, состоящую из этого Центра в Сукре, Боливийской левой в Кочабамбе во главе со «сталинистом» Хосе Антонио Арсе и его сподвижниками, будущими лидерамилевой революционной партии (ПИР), группы «Avance» в Оруро, которые должны были, по его идее, сформировать единую большевистскую партию в Боливии⁷³⁸.

В январе 1936 г. руководство БетаГамма решило войти в идейно близкую Социалистическую конфедерацию. В заявлении об объединении говорилось о будущей единой Социалистической партии, первый съезд которой состоялся 15 марта. В новую партию вошли все партии и группы, считавшие себя социалистическими. Программа партии повторяла декларацию Социалистической конфедерации. Агирре Гайнсборг рассматривал процесс объединения с разношёрстными группами социалистов и националистов как формирование Единого фронта борьбы с олигархией, но выступал против создания с ними общей партии⁷³⁹.

Между тем в эмиграции товарищи Агирре Гайнсборга по ПОР писали статьи в аргентинской левой прессе в поддержку политических перемен в Боливии. Кесвар и Мароф выступили в газете «Flecha», высказывая, с одной стороны, поддержку объединению левых сил в Боливии вокруг Соцпартии, но с другой, опасались, что в этих обстоятельствах ПОР будет слишком слабой, чтобы оказывать влияние и руководить массами в революции, так как партии «не хватает теоретической подготовки и чёткого видения национальных проблем»⁷⁴⁰. Эти лидеры ПОР чувствовали свою оторванность от стремительно развивающихся политических процессов внутри Боливии.

Примерно такие же чувства испытывал и Агирре Гайнсборг, находясь внутри страны. Он видел, что преобладающей тенденцией внутри Социалистической конфедерации, а затем и Соцпартии стал национализм различных оттенков, столь далёкий от марксистских идеалов, которые он исповедовал. В феврале 1936 г., накануне съезда социалистов, он со своими сто-

⁷³⁸ Lora G. Historia del POR. P. 113.

⁷³⁹ Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia. P. 221.

⁷⁴⁰ Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. P. 183.

ронниками решил выйти из Социалистической конфедерации. Агирре Гайнсборг выпустил манифест, в котором говорилось: «Конфедерация не является социалистической организации, она защищает капиталистическую и феодальную собственность, обещает отдать страну в руки империализма и иностранного капитала... Мы выступаем за создание классовой Социалистической партии!»⁷⁴¹. Соратники Агирре Гайнсборга, вышли из конфедерации, объединившись с небольшой марксистской группой «Новый путь» во главе с синдикалистом Максом Португалем. Вместе они стали называться как и старая группа Агирре Гайнсборга – «Левый социалистический блок». Это новообразование объявило себя пролетарской классовой партией. При этом группа приняла решение сотрудничать с социалистами там, где интересы сторон совпадали. Агирре провёл переговоры с лидерами социалистов и группой «Анды», предлагая создать межпартийный Единый левый фронт с целью свержения олигархии и проведения революционных реформ⁷⁴². Агирре Гайнсборг рассчитывал создать нечто подобное ПОР, но внутри страны⁷⁴³.

Однако его усилия были напрасны. Разношёрстная антиолигархическая оппозиция, объединявшая и профашистские, националистические элементы, не могла стать основой пролетарской марксистской партии. Агирре в некоторой степени сам попал в западную риторику новых партий, объявлявших себя социалистическими и даже пролетарскими. Марксисты находились в ничтожном меньшинстве. ПОР осталась объединением эмигрантов, так и появилась в Боливии.

В июле 1937 г. Мароф вернулся в Боливию, но правительство военных-социалистов первоначально разрешило ему поселиться у него на родине в Сукре. Затем военные пригласили его в Ла-Пас. Его приезд был с энтузиазмом встречен всеми левыми и националистическими группами. Газеты «La Calle» и «La Noche» посвятили этому бесспорному лидеру радикальных левых большие статьи, приветствуя его возвращение на родину. Более того, к ужасу олигархических сил, его принял сам президент. Между ними состоялась дружеская беседа, и оба остались

⁷⁴¹ Álvarez España W. Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916-1952. La Paz: Inca, 1986. P. 85.

⁷⁴² Abecia López V. Siete Políticos Bolivianos. P. 89.

⁷⁴³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 122, д. 4. Л. 12-13

очень довольны друг другом⁷⁴⁴.

У Агирре с военными-социалистами отношения складывались куда сложнее. В мае 1936 г. в отличие от всех других социалистических партий и групп он не стал поддерживать приход военно-социалистической коалиции к власти. Одновременно принял приглашение занять важный пост в новом созданном военными министерстве труда, которое возглавил его знакомый и товарищ по коммунистическим кружкам конца 20-х годов, профсоюзный лидер печатников Вальдо Альварес. Агирре много работал с рабочими профсоюзами в осуществлении программы министерства по всеобщей синдикализации страны. В сентябре 1936 г. военное правительство провело чистку от «экстремистских», марксистских элементов и выслало его вместе с Х.А. Арсе в Чили. Вернуться на родину он смог только в 1938 г., когда Мароф уже вернулся на родину и прочно укрепился как лидер левого политического фланга.

В октябре 1938 г. в доме старого друга Агирре и одного из создателей ПОР Эдуардо Арсе Лоурейро состоялось совещание, которое назвали 2-ой национальной конференцией ПОР. Накануне Мароф и Агирре представили товарищам свои тезисы в письменном виде. Речь шла о стратегии развития партии. Мароф предлагал идею широкой, многоклассовой, народной партии, хотя и признавал основы троцкизма. Агирре же отстаивал формулу классовой, пролетарской, большевистской партии, защищал тезисы перманентной революции и революционный троцкизм. Более того, Агирре считал, что партия должна направить свои пропагандистские усилия на горняцкий пролетариат как авангард революции. На конференции произошёл разрыв Марофа и его сторонников с троцкистской ПОР⁷⁴⁵.

23 октября 1938 г. Хосе Агирре Гайнсборг нелепо погиб,

⁷⁴⁴ Archivo Histórico Genaro Estrada (AHGE). SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

⁷⁴⁵ Участник тех событий Карлос Саласар Мостахо в своих воспоминаниях в 1988 г. давал несколько иную картину тех событий: дискуссия марофистов и Агирре была острой и достигала крайних форм и даже оскорблений, однако было решено возобновить её в конце октября, и никакого разрыва между лидерами не было. Только неожиданная трагическая смерть Агирре решила спор в пользу Марофа, а также способствовала возникновению легенды о разрыве между ними. - El socialismo olvidado: el otro trotskismo en Bolivia (Entrevista con Carlos Salazar Mostajo) // Autodeterminación. No.5. mayo-julio 1988. La Paz, 1988. P. 148.

упав с колеса обозрения. С его смертью ПОР как троцкистская революционная партия фактически прекратила своё существование. После дискуссии Марофа и Агирре в доме Арсе Лоурейро и смерти Агирре из партии, или из того, что могло считаться партией – ПОР, вышел Луис Пеньялоса, который создал Региональный комитет левых в Ла-Пасе. Он оставался на позициях троцкизма и затем поддержал воссоздание ПОР. Впоследствии в конце 40-х он присоединился в «революционным националистам» и даже возглавил их правый фланг⁷⁴⁶. Томас Уарки (Оскар Баррьентос) удалился в Кочабамбу, откуда уже действовал с союзе со студентом Гильермо Лорой по восстановлению ПОР как секции IV Интернационала. К партии в Кочабамбе присоединился видный адвокат и политик Эрнесто Айяла Меркадо (известный в партии как Эрнесто Альба), сыгравший видную роль во время Национальной революции 1952 г. как идейный вдохновитель левого крыла МНР.

В декабре 1938 г. группа в Кочабамбе провела 2-ую конференцию ПОР, ставшую актом формального возрождения партии⁷⁴⁷. Им даже удалось издать информационный бюллетень партии, в котором опубликовали новую программу партии, написанную Томасом Уарки⁷⁴⁸. В марте 1939 г. ПОР Кочабамбы выпустила программу борьбы профсоюзах. В отличие от позиции Агирре Гайнсборга, а впоследствии и Г. Лоры, ставка делалась не на горняков как передовой отряд пролетариата в Боливии, а лишь указывалось, что большая часть пролетариата занята в полуремесленном и кустарном производстве⁷⁴⁹. Это было шагом назад в понимании движущих сил революции в Боливии. Видимо, сказывалось социальное окружение аграрной Кочабамбы. Авторство большинства документов ПОР этих лет принадлежало Уарки и Айяла Меркадо.

⁷⁴⁶ Региональные комитеты левых, созданные в 1939 г., были немногочисленны, но вели активную пропагандистскую работу, распространяли революционную литературу, занимались идеологическим просвещением рабочих организаций. Преобладание в них оставалось у троцкистов, что затем привело к их слиянию с возрожденной ПОР. – Lora G. Historia del POR. P. 201-203.

⁷⁴⁷ Lora G. Historia del POR. P. 215.

⁷⁴⁸ Г. Лора квалифицирует эту программу как несостоятельную и слабую, не учитывающие ни боливийских особенностей, ни мировых достижений троцкизма.

⁷⁴⁹ Lora G. Historia del POR. P. 229.

В 1937 г. несколько бразильских троцкистов Фульвио Абрамо, Марину и Инес Безушеты, спасаясь от репрессий в своей стране, перебрались в Боливию. Там они стали общаться со студентами Вальтером Асбуном и Гильермо Лорой, принадлежавшим ко «второму» поколению боливийских троцкистов. С помощью бразильцев Гильермо Лора воссоздал ПОР и перенёс основную работу партии в среду горняков, что дало силе партии на многие годы вперёд⁷⁵⁰.

После смерти Агирре Гайнсборга Мароф увёл за собой большинство ПОР и создал в ноябре 1938 г. Социалистическую рабочую партию Боливии (ПСОБ – Partido Socialista Obrero de Bolivia). С ним ушли Э.Арсе Лоурейро, А.Валенсия Вега (Иван Кесвар), А. Мендеса Лопес. Создание новой партии приветствовали националистические и реформистские политики, в том числе, газета «La Calle». Т.Мароф ещё в конце 1937 г. пока находился в Сукре вел переговоры с властями, результатом которых было его согласие на поддержку им военно-социалистического режима. Тогда Генштаб по поручению президента отправил в Сукре своего представителя полковника Гаррона для конфиденциальной встречи с Марофом – с целью выяснить его намерения и провести переговоры с тем, чтобы привлечь влиятельного левого лидера на сторону режима. Т.Мароф заверил военных в своей лояльности режиму и желании сотрудничать с ним «со всей сердечностью и в духе гармонии». Также он отмежевался от коммунистов и марксистской агитации. Более того, он подчеркнул, что все его прошлые выступления, статьи и книги выдержаны «в духе глубокого национализма»⁷⁵¹.

В манифесте ПСОБ говорилось: «Единственная возможность освобождения Боливии – это установление социалистической экономики и защита национального достояния с опорой на народ и армию». Фактически ПСОБ осудила марксизм и троцкизм как «левый инфантилизм». Впервые марофисты признавали ведущую роль армии в социалистических преобразованиях, тем самым выразили поддержку военно-социалистическому режиму. ПСОБ заявляла о политическом плюрализме как принципе строительства новой партии: предлагалось сформировать конфедерацию социа-

⁷⁵⁰ Coggiola O. Historia del trotskismo en Argentina y América Latina. Buenos Aires: ediciones Ryr, 2006. P. 417-418.

⁷⁵¹ Докладная записка полковника Гаррона в генштаб от 22 ноября 1937 г. – Archivo Nacional de Bolivia. PG. 1937. С. 13. Т. 166. (PG7217).

листических партий и групп, которые приглашались присоединиться к ПСОБ. Создание ПСОБ поддержали не только троцкисты и «стойкие марксисты» такие как, Иван Кесвар (А.Валенсия Вега) или Э.Арсе Лоурейро, но и индеанисты, и националисты. Среди подписавших манифест партии следует упомянуть известных левых националистов. Например, там есть подписи В.Гевара Арсе, впоследствии ставшего одним из идеологов боливийского национал-реформизма, а также рабочего лидера Р.Вильярроэля Клауре⁷⁵². Индеанистская и националистическая составляющая ПСОБ была важной частью марофизма, в котором сочетались индеанизм и отдельные положения марксизма.

Первоначально ПСОБ и сам Мароф имели большой успех. По свидетельству мексиканского посла в Боливии, партия Марофа превосходила своей численностью и влиянием все новые партии.⁷⁵³ Марофисты продемонстрировали своё решающее влияние на рабочее движение во время 2 общенационального рабочего конгресса⁷⁵⁴, прошедшего с 22 по 30 января 1939 г. Все дискуссии проходили при «интеллектуальной гегемонии» члена ПСОБ А.Валенсия Вега (Ивана Кесвара) и самого Т.Марофа. При этом против съезда выступали анархосиндикалистские федерации ФОЛ и ФОТ, объявившие конгресс детищем бюрократической работы правительства.⁷⁵⁵ Провинциальные федерации, где доминировали марофисты и те, кого называли коммунистами, то есть и члены ПОР, ПСОБ, и марксистских кружков, прислали в столицу представительные делегации от Ла-Паса, Оруро, Потоси, Кочабамбы, горнорудных регионов Корокоро, Пулакайо, Унсия и др. Конгресс, в работе которого участвовали мощные федерации железнодорожников и студентов (ФУБ), принял очень радикальную программу.

В 1938 г. состоялся 4-ый конгресс Студенческой федерации, где всегда были сильны позиции промосковских марксистов. Однако троцкистам, как марофистам из ПСОБ (А. Валенсия Вега), так и троцкистам из ПОР (Эрнесто Айяла Меркадо) уда-

⁷⁵² La Calle. 06 de noviembre, 1938.

⁷⁵³ ANGE. SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 30 de noviembre de 1938. 30 – 3 – 16.

⁷⁵⁴ Предыдущий конгресс трудящихся октября 1937 г. (Оруро), на котором преобладали коммунисты, не был признан таковым большинством профсоюзов, поэтому конгресс 1939 г. также считался Вторым общенациональным.

⁷⁵⁵ La Calle. 22 de noviembre, 1938

лось навязать свои формулировки в принятые документы, что свидетельствовало о сильном идейном и политическом влиянии троцкистов. В качестве почётных гостей на этот конгресс были приглашены Мароф и известный аргентинский троцкист Либерио Хусто. Многие руководители и просто студенты после этого конгресса были увлечены троцкизмом. Так, студенческая организация Сукре декларировала приверженность троцкизму⁷⁵⁶.

Коминтерн же прочно связывал имя Марофа с троцкизмом, хотя его партию не считал потерянной для общего дела. Марофа обвиняли в поддержке диктатуры Х. Буша, а также в том, что он сознательно мешает росту ПСОБ⁷⁵⁷. Несмотря на более широкую, внеклассовую программу и популистскую риторику, ПСОБ продолжала позиционировать себя как троцкистская. В 1939 г. Альфредо Санхинес, Алипио Валенсия Вега и Эдуардо Арсе Лоурейро посетили в Мехико Л. Троцкого, взяли у него интервью и провели немало времени, беседуя о боливийской ситуации. Троцкий поддержал ПСОБ, как бы благословил её наименование как троцкистской⁷⁵⁸. Немаловажное значение в отношении Троцкого к этой партии были не её программные документы, а её противостояние «сталинистам» из ПИР. Надо признать, что большинство членов ПСОБ впоследствии присоединились к возрождённой Гильермо Лорой троцкистской ПОР.

Мароф повсюду выступал с лекциями, публиковал статьи, пропагандируя свои «новые идеи», об особенностях боливийского социализма, что на деле было воскресением его прежних инданистских, полусоциалистических воззрений⁷⁵⁹. Мароф стремился отмежеваться от своего марксистского прошлого. Он заявлял, что никогда не входил ни в какие международные организации, тем более, в коммунистические⁷⁶⁰. Очередной его вираж, на этот раз от троцкизма, вполне объясним. Мароф, несмотря на свое участие в марксистском движении, собственно никогда марксистом не был. Его идеалом была широкая массовая рабочая партия с размытыми идеологическими границами, без жестких доктринальных установок, типа лейбористской в Англии. Он не был ни троцкистом, ни сталинистом, ни марксистом. Марксизм, даже в его примитивном, вульгарно-доктринальном виде, он не усвоил.

⁷⁵⁶ Lora G. Historia del POR. P. 252.

⁷⁵⁷ РГАСПИ Ф. 495, оп. 17, д. 36. Л. 78.

⁷⁵⁸ Lora G. Historia del POR. P. 55.

⁷⁵⁹ La Calle. 16 de noviembre, 1938.

⁷⁶⁰ La Calle. 13 de noviembre, 1938.

Его поведение было во многом типичным для леворадикальной интеллигенции в Латинской Америке. Либорио Хусто⁷⁶¹ называл его «социалистующим либералом». В 1939 г. Л. Хусто писал своим друзьям в Боливию: «Мы не можем согласиться с вашей защитой Марофа и ПСОБ. Я хорошо знаю Марофа..., чтобы быть уверенным, что он не имеет ничего общего с марксизмом..., поэтому мы всегда выступали и выступаем против него, но не по личным соображениям, а начиная с его разрыва с Хосе Агирре Гайнсборгом на съезде ПОР, когда Мароф показал со всей очевидностью свою тенденцию к размытому, пустому, мелкому социализму, граничащему с буржуазным либерализмом, не имеющим ничего общего с марксистским, классовым, революционным социализмом. И то, что против него выступают сталинисты из ПИР (как и он против них), ещё не свидетельствует о его революционности».⁷⁶² Крупнейший боливийский историк и политический деятель троцкист Г.Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотели бороться со Сталиным за «чистоту» марксистско-ленинских идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступали против марксизма, и со временем покидали ряды троцкизма.⁷⁶³

Первые троцкисты в Боливии отличались теоретической слабостью, неопытностью, склонностью к самым противоречивым политическим союзам. Их слабая доктринальная база обуславливала особую позицию к первым троцкистским партиям и группам в Боливии со стороны Коминтерна, в иных случаях непримиримо относившихся ко всем троцкистам. «Про-московские» коммунисты видели эту слабость и рассчитывали повернуть развитие этих партий в свою пользу. Действительно, ни Мароф, ни Кесвар, ни другие лидеры не были убежденными сторонниками троцкистского марксизма. Это привело к банкротству той части троцкистского движения в Боливии, которая пошла за Марофом, партия которого бесславно прекратила своё существование в начале 40-х годов. Вместе с тем, в троцкистском движении существовала и другая тенденция, более сознательная и доктринально сильная, лидером которой был Агирре Гайнсборг. Эта тенденция не погибла, а была подхвачена следующим поколением троцкистов во

⁷⁶¹ Либорио Хусто (Кебрачо) – видный аргентинский троцкист. Сын президента Аргентины ген. Хусто. Активно участвовал в политической жизни Боливии.

⁷⁶² Justo L. Bolivia: la revolución derrotada. P. 104.

⁷⁶³ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. P. 310.

главе с Г. Лорой и Т. Уарки, которое восстановило ПОР и сделало из неё, пожалуй, одну из самых влиятельных политических сил на левом фланге Боливии в 40-50-е годы. Её наследие и влияние сказывалось на боливийской политике в течение всей второй половины XX века. Кроме того, и марофизм и доктринальный троцкизм в Боливии смогли уже в 30-е годы создать предпосылки того, что именно это направление лево-революционного движения стало преобладающим, завоевало себе прочные позиции в рабочем и профсоюзном движении, вытеснив на периферию иные марксистские течения, партии и группы.

Библиография

- Проблемы Южной и Караибской Америки. М, 1934.
- Щелчков А. А. К истории создания Компартии в Боливии // Латинская Америка. № 5. 1996. С. 42-55.
- Щелчков А.А. Коминтерн и тихоокеанская конфедерация рабочих республик // Латинская Америка. № 12. 2015. С. 66-76
- Abecia López V. Siete políticos bolivianos. La Paz: Editora Urquiza, 1986.
- Álvarez España W. Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916-1952. La Paz. Inca, 1986.
- Coggiola O. Historia del trotskismo en Argentina y América Latina. Buenos Aires: ediciones Ryr, 2006. P. 417-418.
- El socialismo olvidado: el otro trotskismo en Bolivia (Entrevista con Carlos Salazar Mostajo) // Autodeterminación. No.5. mayo-julio 1988. La Paz, 1988.
- Francovich, G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz: Amigos de los libros, 1984.
- Hinojosa R. La revolución de Villazón. La Paz: Universal, 1944.
- Justo.L. Bolivia:la revolucion derrotada. Cochabamba, 1967.
- Lora G. Figuras del trotskismo boliviano. La Paz: Masas, 1983.
- Lora G. Historia del POR. Contribución a la historia política de Bolivia. Tomo 1. La Paz: Isla, 1978.
- Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1933-1952. La Paz: Los Amigos de los Libros, 1980
- Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia, 1920-1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz: Los Amigos del Libro, 1994.
- Marof T. La justicia del Inca. Bruselas: Falk Fils, 1926.
- Marof T. La tragedia del Altiplano. Buenos Aires: Claridad, 1935.

Marof, T. El ingenuo continente americano. Barcelona, 1922. P.
Setaro R.M. Secretos de Estado Mayor. Buenos Aires, 1936.
Sobre rusos y Rusia. Antología documental. México, 1994.
Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925-1939). La Paz: Plural, 2015.
Steven Sandor J. Bolivia's Radical Tradition. Permanent Revolution in the Andes. Tuscon: University of Arizona Press, 2009.
Valencia Vega A. Historia Política de Bolivia. Vol.6. La Paz: Juventud, 1987.

Круглый стол

ЛИБЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Е.А. ЛАРИН

E.A. LARIN

В ПЛЕНУ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫХ
ИДЕЙ⁷⁶⁴

CAPTURED BY LIBERAL-CONSERVATIVE IDEAS

Аннотация: В статье анализируются взгляды известного кубинского политического деятеля, философа, поэта и писателя Энрике Хосе Варона. Основное внимание уделяется его увлечённости либеральными и консервативными идеями.

Ключевые слова: Энрике Хосе Варона, либерализм, консерватизм, история Кубы, отношения Кубы и США, основные труды, Испано-американская война.

Abstract: The article analyzes the views of the famous Cuban politician, philosopher, poet and writer, Enrique Jose Varona. It focuses on his passion for liberal and conservative ideas.

Keywords: Enrique José Varona, liberalism, conservatism, history of Cuba, Cuba-USA relations, major works, Spanish-American war.

Энрике Хосе Варона (13.04.1849 Камагуэй – 19.11.1933 Гавана) – известный кубинский общественный и политический деятель, поэт, писатель, философ. Окончил колледж Сан-Франсиско в своем родном городе. Хотя он не получил университетского образования, но, тем не менее, благодаря самообразованию, достиг значимых высот в области науки и культуры того времени. Владел греческим, латинским, французским, итальянским, английским и немецким языками. В начальный пе-

⁷⁶⁴ Круглый стол проведён при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

риод творчества его перу принадлежат несколько десятков крупных научных работ: Оды Анакреона. Пуэрто Принсипе, 1868; Взгляд на интеллектуальное движение в Америке. Гавана, 1878; Психологическая эволюция. Гавана, 1879; Философские конференции (первая серия). Логика. Гавана, 1880; Метафизика в Гаванском университете. Гавана, 1880; Литературные и философские исследования. Гавана, 1883. Варона зарекомендовал себя как мастер литературных и философских эссе. Среди них произведения об Эмерсоне, Викторе Гюго и Сервантесе, об основах морали и др. Несмотря на отсутствие университетского диплома в 1893 г. Гаванский университет присвоил ему звание доктора в области философии и литературы.

Варона играл важную роль и в политической жизни Кубы. В 1868 г. он оказался в списке 76 жителей Камагуэя, которые поддержали решение Карлоса Мануэля де Сеспедеса начать борьбу за независимость Кубы. В 1884 г. он был избран депутатом в испанские кортесы от Либерально-автономистской партии Кубы. Принимал активное участие во второй Войне за независимость Кубы 1895-1898 гг. После смерти Х.Марти руководил газетой «Patria» (Родина) – главным органом патриотических сил. В 1899 г. в качестве министра образования входил в первое военное правительство Кубы, возглавляемое американским генералом Леонардо Вудом.

В 1900 г. возглавил Кафедру логики, психологии, этики и социологии Гаванского университета. В 1912 г. Был избран вице-президентом Кубы. В двадцатые годы являлся непримиримым противником диктатуры Мачадо. В конце XIX – первой трети XX вв. увидели свет многие новые труды Вароны, в частности такие как: «Колониальный провал Испании. 1. Колониальный период. 2. Революционный период». Нью-Йорк, 1896-1897; «Марти и его политическая деятельность». Нью-Йорк, 1896; «Образование на Кубе. Его прошлое и настоящее». Гавана, 1901; «Курс психологии». Гавана, 1905; «Империализм глазами социологии». Гавана, 1937.

Варона оказался фактически единственным известным кубинским политическим деятелем кто возглавлял последовательно и либеральную и консервативную партию. С того либерала связаны его молодые годы. Судя по краткому перечню политических увлечений, помещенному выше, во взглядах Вароны 60-х – 90-х годов XIX столетия причудливо смешались самые неожиданные тенденции. Изначально он, вслед за Спен-

сером, видел эволюцию общества в либерально – позитивистском духе, в переходе от гомогенности к гетерогенности. Таким образом, на его взгляд, могла сформироваться истинно кубинская буржуазия, что предопределяло бы ее патриотизм и извечную преданность кубинской земле. Однако реализация этого плана, как показала Десятилетняя война 1868-1878 гг, была весьма проблематична, т.к. сама эта гомогенная масса была весьма далека от данной идеи и отнюдь не стремилась к ее осуществлению.

Варона много думал о том, каким образом должны воспринимать кубинцы порой абсолютно бесцеремонное присутствие США на Кубе, и, как было отмечено выше, даже вошел в первое оккупационное правительство, сформированное американским генералом, скорее не как коллаборационист, а как некий противовес этим беспардонным устремлениям. Возможно, он к этому и стремился, когда принимал предложение генерала Вуда. Однако наша доброжелательность по отношению к Вароне возможно и излишня. Попробуем сравнить два фрагмента, написанные им на этот счет. В своей работе «Куба: от колонии к республике» Варона писал: «США с тех пор как оказались на берегах Миссисипи всегда воспринимали кубинский вопрос как свою собственную проблему...Интервенция (объявление войны Испании) состоялась, потому что она должна была состояться, так как была объявлена еще со времен генерала Гранта».⁷⁶⁵ Фактически Варона подтвердил, что президент США в 1868-1876 гг. мог в любой момент вторгнуться на территорию Кубы. Однако Варона не только не осудил этого потенциального интервенциониста, но и больше того, на той же самой странице начал петь США дифирамбы: «Соединенные Штаты Америки спасли Кубу для цивилизации и человечества и за это им наша вечная благодарность»⁷⁶⁶. Спасли от кого? И когда? Видимо от Испании. И, по всей вероятности, в 1898 г. Трудно придумать более циничную интерпретацию кубинской истории того времени. Тогда США, бесцеремонно вмешавшись в военное противоборство Кубы и Испании, просто украли у Кубы уже практически одержанную патриотами победу.

Вряд ли Варона не знал в то время (его цитируемая выше

⁷⁶⁵ Varona E.J. De la colonia a la República. Cuba contemporánea. La Habana, 1919, P. 195.

⁷⁶⁶ Ibid.

книга увидела свет в 1919 г.), что превратившая Кубу в начале 20 в. в колонию США «Поправка Платта» – это дело рук отнюдь не сенатора О. Платта, а государственного секретаря Е.Рута и самого президента США У. Мак-Кинли, признавшегося, что именно он редактировал тот документ, который впоследствии озвучил Платт. Трудно понять Варону как вице-президента Кубы и одного из ведущих деятелей национальной культуры, который фактически поддерживал зафиксированное в «Поправке Платта «право» США на вооруженную интервенцию на Кубу в любой момент, который Вашингтон посчитал бы необходимым, для сохранения там удобного Белому дому политического режима. Грош цена всем его либеральным ценностям. В связи с этой позицией он отказался войти в октябре 1898 г. в состав Ассамблеи представителей кубинского народа. Этот акт был позитивно расценен в США, но оставил горький осадок на Родине, тем более, что обоснование политиком этого поступка вызвало на Кубе полное непонимание. Свое решение он объяснил «долгом кубинцев быть достойными тех жертв, которые понесла ради нас американская нация»⁷⁶⁷. Естественно, что ни одна война не обходится без жертв. Однако погибшие на Кубе в 1895-1898 гг. граждане США появились там не ради осуществления благородных помыслов, а в интересах тех американских торгово-промышленных кругов, которые стремились к аннексии Кубы.

Столь же бесцеремонным Варона был и по отношению к революциям и радикальным движениям политического характера. Его восхищали отдельные аспекты Французской революции, в частности уничтожение ею феодального строя, но пугала жестокость якобинцев. Его консерватизм заставлял считать революционные процессы факторами, ведущими к стагнации истории и парализующими любое движение общества вперед.

Десятые, особенно двадцатые годы стали периодом резкого политического прозрения в жизни политика. Может создаться впечатление, что он вдруг родился заново, и теперь уже решительно осуждал свои прошлые заблуждения. Началась переоценка ценностей. Вчерашнее восхищение Соединенными Штатами Америки сменилось едва ли не полным презрением. При этом Варона резок, но справедлив: «США не нуждаются в «Поправке Платта» для вмешательства в наши дела, т.к. они

⁷⁶⁷ Ibid, P.198.

уже имеют в масштабе всей Латинской Америки огромную «Поправку Платта», называемую Доктриной Монро, очень эластичную в своей интерпретации и крайне практичную в своем употреблении»⁷⁶⁸

В одной из записных книжек он уже почти революционный трибун: «Ты хочешь перевести на народный язык Доктрину Монро? Вот она в кожаном переплете. Она пожирает и не перестает пожирать всё: Техас, Калифорнию, Пуэрто-Рико. Мне продолжать? - Не надо! Не надо! Не надо!»⁷⁶⁹

В этом диалоге о Доктрине Монро перед нами предстаёт совсем иной Варона. Попытку углублённого анализа его этических взглядов предпринял кубинский философ Пабло Гуадаррама Гонсалес. Не вдаваясь во все тонкости философских изысканий автора, коснемся только некоторых излюбленных житейских максим, раскрывающих в определённой степени и политический портрет политика:

1. Будь полезен всем и не причиняй вреда своим врагам.
2. Если будем богатыми, будем иметь хороших друзей.
3. Никто не разбогатеет быстро, оставаясь при этом честным человеком.
4. Зависть – самая страшная из всех болезней.

Все эти размышления Вароны актуальны и сейчас. Несколько удивителен для читателя может быть только первый пункт. Откуда такое миролюбие? Возможно это подражание известному толстовскому афоризму: ударили по одной щеке, подставь другую. Однако, на мой взгляд, это скорее влияние Вольтера. Великий философ обычно в дружеской компании, то ли с издевкой, то ли с желанием подчеркнуть собственную неуязвимость, всегда предлагал тост за врагов.

Не менее интересны и другие размышления Вароны о смысле жизни:

«Как легко кажется жить, но как трудно овладеть искусством жизни».

«Стремиться всю жизнь к одной цели, и никогда ее не достигать. В этом главное любого человеческого существования».

«Ты всё смотришь в прошлое? Не делай этого. Вся схоластика и весь ад еще впереди».

⁷⁶⁸ Pichardo H. Documentos para la Historia de Cuba. Editorial Ciencias Sociales. La Habana, 1970, T.3, P.445.

⁷⁶⁹ Varona E.J. Pensamientos y manuscritos en bibliotecas privadas. S.a. P.23.

«Какой я жалкий человек, если мне кроме этого ада жизни в заключение придётся прожить еще одну жизнь и еще один ад. К тому же мне еще никто не говорил, что там дорога будет вымощена благими намерениями. Правда, мои-то намерения как раз и укрепят там покрытие».⁷⁷⁰

В 1949 г. к столетию со дня рождения Э.Х. Вароны большую статью, посвященную юбиляру, написал выдающийся кубинский марксист, видный деятель Кубинской революции Карлос Рафаэль Родригес. Своей главной задачей он считал показать «что Варона значит на Кубе и для Кубы».

Карлос Рафаэль Родригес полагал, что на Варону оказал мощное воздействие позитивизм, тем не менее, далеко не во всех его аспектах. Наиболее привлекательной стороной этого философского течения Варона считал его научную школу, антиметафизическую в своей основе. Вслед за французскими позитивистами он верил, что биология и физика станут в последующем ключом к пониманию всех мыслительных и материальных процессов. Дальнейший отход ряда ведущих позитивистов от этой научной позиции и их стремление к созданию «новой религии позитивизма» разочаровали Варону и заставили пересмотреть свое отношение к позитивизму в целом. Все эти «находки и сомнения» нашли отражение в его «Лекциях», прочитанных в 1880 г.

Варона решительно убирает из своих размышлений о психологии все «старые, обветшалые, висящие на платье идеализма тесемки». Из разработанных им объяснений системы знаний и образования элиминируется понятие Бога. Для него Бог – это «изобретение, которое препятствует развитию знаний»⁷⁷¹. Едва ли не самую большую опасность, которую представляет церковь, он видел в ее контроле над системой образования. Отсюда его предостережение каждому кубинцу: «Хочешь изуродовать душу ребенка, отдай его в церковную школу».⁷⁷²

Либерализм Вароны зашкаливает и он теперь уже тянется к материализму. Решительных шагов в этом направлении сделано не было, и он остановился на том рубеже, который Ф.Энгельс называл «стыдливым материализмом», т.е. рассуждал о чем-то

⁷⁷⁰ Guadarrama González P. Las ideas éticas de E. J. Varona.//Islas. № 55/56, P. 199-202.

⁷⁷¹ Rafael Rodríguez C. Letra con filo. La Habana, 1987, T.3, P.142.

⁷⁷² Ibid., P. 143.

близком к материализму, но боялся показать свое истинное лицо.

Сравнивая политических лидеров одного поколения – Х.Марти, А.Масео и Х.Э.Варону и оценивая их вклад в политическую историю Кубы, К.Рафаэль Родригес ставит вопрос: «Почему первые двое являются сегодня общепризнанными национальными героями, а Варона попал в категорию усредненных политиков»? Только лишь потому, отвечает автор, что Варона идеалом своей борьбы в последней трети XIX – начале XX вв. видел создание независимого государства, весьма далекого от чаяний большинства кубинцев, государства, в котором поменялась бы только форма, но осталось прежним социально-политическое содержание.

Суть нового государства Варона видел в том, что его контуры первоначально определяют идеи, затем преобразующиеся в конкретные материальные трансформации. Постичь характер этих преобразований, на его взгляд, способны немногие, поэтому только эти немногие и должны иметь право на участие во всех избирательных кампаниях, определяющих характер власти и содержание будущих законов.

Естественно, что при таком подходе к избирательному праву практически все чернокожее и значительная часть белого населения острова лишалось возможности принять участие в голосовании, что составляло более половины всех кубинцев, проживавших на острове.

Что же значит для Кубы Энрике Хосе Варона? Прежде всего, это-политик, в мировоззрении которого были представлены все *en pro* и *en contra* той эпохи, в которой решалась судьба Кубы. Варона решительно и безоговорочно выступал против установленного Испанией колониального режима, ошибочно полагая какое – то время, что США являются для Кубы единственной силой способной обеспечить ее независимость и дальнейшее становление как суверенного государства. Однако в своем осмыслении этого феномена он пришел в конце концов к тому единственно верному выводу, который был подтвержден самым праведным судьей – Историей. Уже в 1921 г. Варона писал: «Любым решениям, даже самым тяжелым, даже самым болезненным должно быть отдано предпочтение перед американской интервенцией, которая юридически уничтожит Кубу, и кто

знает на какое время лишит ее свободы и суверенитета»⁷⁷³. Появление антиамериканских тенденций в мировоззрении Вароны свидетельствуют о том, что он постоянно анализировал сложнейшие процессы складывающихся кубино – американских отношений и всегда при этом оставался патриотом.

Метание Вароны между либерализмом и консерватизмом было во много связано с разочарованием сложившейся на Кубе действительностью, когда, по его словам, кубинцам не разрешалась свободная торговля, свободный взгляд на свое будущее, когда их заставляли осуществлять это поразительное противоречие: держать рабов, чтобы защищать свободу. Варона постоянно искал себя в этом водовороте событий и в конечном итоге нашёл.

Библиография

Guadarrama González P. Las ideas éticas de E. J. Varona. // IS-LAS № 55/56.

Pichardo H. Documentos para la Historia de Cuba. Editorial Ciencias Sociales. T.3. La Habana, 1970.

Rafael Rodríguez C. Letra con filo. T.3. La Habana, 1987.

Varona E.J. De la colonia a la República. Cuba contemporánea. La Habana, 1919.

⁷⁷³ Varona E.J. Declaraciones para EL Heraldo de Cuba. La Habana/ mayo 1921.

И.В. СЕЛИВАНОВА
I.V. SELIVANOVA

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ТЕЧЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ
МЕКСИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА
FORMATION OF THE LIBERAL POLITICAL MOVEMENT
IN THE FIRST YEARS OF THE INDEPENDENT DEVELOP-
MENT OF MEXICO STATE

Аннотация: Статья посвящена первому этапу независимого развития Мексиканского государства. В центре внимание оказываются первые учредительные конгрессы в Мексике. Автор рассматривает процесс формирования политических движений. Основное внимание уделено исследованию либерального политического направления, одним из первых представителей которого был Мигель Рамос Ариспе, сторонник федерализма и автор Конституции 1824 года. Рассматриваются первые либеральные преобразования в стране под руководством либерала, представителя пурос Валентина Гомеса Фариаса.

Ключевые слова: кортесы, Конституция 1824 года, централисты, федералисты, либералы, модерадос, пурос, М.Рамос Ариспе, В. Гомес Фариас.

Abstract: The article deals with the first stage of independent, political development of Mexico. The author explores the struggle of centralists and federalists, adoption of the first Constitution of 1824. The author focuses on the formation of political movements, investigation of liberalism and initiators M.Ramos Arizpe and V.Gomes Farias.

Keywords: the Constitution of 1824, the Constitution «Seven Laws», centralists and federalists, liberalism, puros, moderados, M. Ramos Arizpe, V. Gomes Farias.

Колониальное наследие Новой Испании во многом обусловило своеобразие процесса формирования молодого независимого Мексиканского государства. На этот процесс оказывали существенное влияние такие факторы из колониального прошлого страны как колониальная административная и церковная организация, торговые связи, сложившиеся в вице-королевстве на протяжении колониального периода и определившие зави-

симое положение страны в мировом экономическом порядке. Переход Мексики к независимому развитию не был мирным и происходил в процессе Войны за независимость. Молодое государство формировалось в ходе борьбы с испанской короной. В этой борьбе сторонники независимого развития опирались на концепцию народного суверенитета (или суверенитета нации). В процессе завоевания независимости и формирования самостоятельного государства происходило создание первых политических движений, которые позже оформились в либеральную и консервативную партии.

В Новой Испании в XVIII в. под влиянием деятельности испанских экономистов, сторонников меркантилизма, таких как Бернардо де Ульоа, Хосе Кампийо и Коссьо, Херонимо де Устариса, а также представителей испанского просвещения прежде всего Гаспара Мельчора де Ховельяноса-и-Рамиреса в. получили распространение прогрессивные взгляды. Сторонниками философии просвещения в Новой Испании были представители иезуитов Хосе Рафаэль Кампой Гастелум (1723-1777), Франсиско Хавьер Клавихеро (1731-1787), Диего Хосе Абад (1727-1779), Игнасио Бартолаче (1739-1790), Хосе Антонио Альсате (1729-1790), Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745-1783). В центре внимания представителей нового философского мышления оказались естественные права человека как особая ценность, что в политике нашло отражение в идеи национального суверенитета. Обращение к естественным правам человека во многом определило отношение прогрессивного слоя жителей Новой Испании к последующим событиям и борьбе мексиканского народа за независимость. Так, работы Хуана Бенито Диаса де Гамарра «Элементы современной философии», «Заблуждение человеческого разума» формировали мировоззрение, основанное на принципах европейского Просвещения. Мексиканское просвещение, основанное на синтезе европейских, испанских и местных идей (индейских) и традиций, создавало благотворную почву для формирования идеологии сторонников независимости и автономного развития Новой Испании. Просветительские идеи и концепция автономного развития (т.е. передачи управления в руки уроженцев Новой Испании с сохранением страны в составе Испании или создания собственной монархии с представителем испанского королевского дома во главе) нашли наиболее полное выражение в работе известного либерального мыслителя, общественного деятеля и священника

Сервандо Тереса де Мьера «Идея Конституции данной Американцам королями Испании перед вторжением древнего деспотизма». Согласно концепции Тереса де Мьера уроженцам Новой Испании принадлежит право на самоуправление поскольку их индейские предки владели землями, а также испанским предкам, которые отправлялись на завоевание новых территорий и тоже внесли вклад в создание страны.⁷⁷⁴

Основные идеи автономистов нашли отражение в разработанном еще одним представителем раннего либерализма Мельчором де Таламантесом. «Проекте плана независимости Новой Испании», написанном в 1808 г. Среди основных требований автономистов было созвать конгресс для реформирования и управления Новой Испанией. Конгресс как воплощение суверенитета нации должен был избрать вице-короля и провести назначения на ведущие гражданские и церковные должности, управлять страной, а также изъять из компетенции трибунала инквизиции решение гражданских вопросов и объявить об окончании действия всех видов кредитов метрополии в Америках, проводить реформы в торговле, горном производстве, сельском хозяйстве и других производственных отраслях страны.⁷⁷⁵

Дальнейшее развитие либеральные взгляды получили во время заседания испанских кортесов. В Новой Испании для участия в заседании кортесов были избраны 17 депутатов, которые прибыли для участия в первом заседании 24 сентября 1812 г.⁷⁷⁶ Большинство депутатов от Новой Испании были вполне умеренными и поддерживали идеи автономии, не выступая за проведение существенных социально-экономических преобразований. Однако были в кортесах и радикально настроенные либералы такие как Мигель Рамос Ариспе и Хосе Мигель Гуриди и Алкосер. Одним из самых активных депутатов испанских кортесов был Мигель Рамос, яркий представитель и основатель либерального идеологического течения, сторонник

⁷⁷⁴ Rodríguez J.E. From Royal Subject to Republican Citizen: The Role of the Autonomists in the Independence of Mexico” // The Independence of Mexico and The Creation of The New Nation. Edited by Jaime E. Rodriguez O. Mexico, 1989. P. 22-23

⁷⁷⁵ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1975. Vol. IV. T. 2. P. 11-12.

⁷⁷⁶ Gamás Torruco J. El federalismo mexicano. Prologo de Sergio García Ramírez. México, 1975 p.30

федералистского устройства государства. Мигель Рамос Ариспе родился в 1775 году в Сан-Николас-де-ла-Капелльяниа, штат Коауила. Он получил степень бакалавра канонического права, а позже стал и доктором юриспруденции. При этом он служил священником и был избран в 1810 г. от Коауила в испанские кортесы. Рамос Ариспе активно выступал за создание в вице-королевстве городских советов (айюнтамьенто и кабильдо) даже в небольших поселениях с численностью населения более 1000 человек. Городские советы он понимал как инструмент усиления позиций креолов в Новой Испании. Усиление власти на местах он рассматривал как один из возможных путей к независимому развитию страны. Рамос Ариспе выступал не только за развитие местного самоуправления, и передачу в городские советы местное управление, но и за разделение законодательной, военной и судебной властей. Во время работы испанских кортесов он предлагал передать функции управления Новой Испании созданной Верховной Хунте. Рамос Ариспе выступал за отмену кастового деления колониального общества на гачупинов, креолов, метисов, мулатов, требовал равных прав для испанцев, уроженцев Америки и индейцев⁷⁷⁷.

Кроме того Рамос Ариспе выступал за создание и развитие школ в небольших поселениях как обязательное условие просвещения населения страны. Выдвигал он также идею введения в Новой Испании свободы печати. Еще до принятия Кадисской конституции испанские кортесы приняли декрет о свободе печати не только в самой Испании, но и в ее колониях⁷⁷⁸.

Свои взгляды Рамос Ариспе изложил в работе «Memoria», опубликованной в Кадисе в 1812 г. Некоторые его предложения получили поддержку и нашли отражение в Кадисской конституции 1812 г., а позже вошли в мексиканскую конституцию 1824 г. А сам Рамос Ариспе был признан «отцом федерализма».

После завоевания независимости Мексикой Рамос Ариспе вернулся на родину и принял активное участие в учредительном конгрессе в Мехико в 1823 году. Центральным вопросом на конгрессе было территориальное устройство нового государства. Конституционная комиссия, которую возглавлял Рамос

⁷⁷⁷ Pantoja Morán David. Ramos Arizpe y la gestación del federalism en México // Revista Mexicana de Historia del Derecho, UNAM, №. XXVIII. P. 147-181.

⁷⁷⁸ Ramos Arizpe Miguel Discursos, memorias e informes. México. 1994. Universidad Nacional Autónoma de México P. XXXVII.

Ариспе подготовила и представила проект «Конституционного акта» – Основного закона страны. Взгляды Рамоса Ариспе на федералистское устройство нашли поддержку и вошли в Конституционный акт.

Следует отметить, что еще во время Войны за независимость в Новой Испании под влиянием принятия в Испании Кадисской конституции, которая вводила в Испании и ее колониях либеральные экономические свободы, понятия народного суверенитета, принцип разделения властей, упразднения фуэрос (судебных привилегий военных и церкви), свободу печати и слова была предпринята попытка принять Апацинганскую конституцию в 1813 г. В основу этого документа была положена либеральная программа борца за независимость одного из главных руководителей повстанцев, священника Хосе Марии Морелоса и Павона «Чувства нации», а также другого известного борца за независимость Игнасио Лопеса Района «Основы конституции»⁷⁷⁹. Апацинганская конституция, провозглашающая такие прогрессивные либеральные ценности как суверенитет нации, разделение властей, упразднение феодальных привилегий, введения экономических свобод свидетельствует о готовности формирующейся мексиканской нации к реализации прогрессивных либеральных преобразований. Однако в силу того, что вскоре освободительное движение было подавлено, первая мексиканская конституция так и осталась на бумаге.

Только после завоевания независимости в Мексике 31 января 1824 г. был принят Конституционный акт федерации. Он заложил основы политического устройства мексиканского государства и стал предтечей новой конституции 1824 г. Вторая статья Конституционного акта объявляла Мексику свободной и независимой от какой-либо другой державы страной. Ключевые положения государственного устройства конституции повторяли по сути либеральные положения Кадисской конституции. Так же как и ст. 3 Кадисской конституции, третья статья Конституционного акта вводила понятие суверенитета нации, который принадлежал народу, который может выбирать форму правления утверждать основные законы. В третьей статье содержалось понятие о том, что суверенитет принадлежит мекси-

⁷⁷⁹ Macías A. Los autores de la Constitución de Apatzingan // Historia mexicana. Vol. XX. 1980. № 4; Paoli Bolio F.J. Soberanía popular y otros valores en la Constitución de Apatzingán. <http://franciscopaoli.com>

канскому народу, который может выбирать форму правления. В четвертой статье утверждалось, что единственной разрешенной религией является католичество, и отправление других культов запрещено. В соответствии с либеральным пониманием суверенитет принадлежит народу, а Конгресс представляет народ, что соответствовало положению Кадисской конституции о том, что народный суверенитет представлен кортесами. Хосе Мигель Гуриди и Алкосер подчеркивал, что суверенитет принадлежит мексиканскому народу, а не Конгрессу⁷⁸⁰.

Пятая статья документа провозглашала мексиканское государство федеральной республикой. Независимые, свободные, суверенные штаты Мексики (перечислялись в статье 7) получали возможность иметь свое правительство и самостоятельно решать вопросы внутреннего управления (статья 6). Неоспоримым завоеванием либерального движения стало включение принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, который нашел отражение в ст. 9 Конституционного акта. Законодательная власть в стране принадлежала двухпалатному Конгрессу, состоящему из палаты депутатов и сената. В сенат избиралось по два представителя от каждого штата. Законодательная власть принадлежала исключительно конгрессу⁷⁸¹.

Принятая 4 октября 1824 г. конституция закрепляла республиканский строй. Страна была основана на федеративной системе и состояла из девятнадцати штатов и четырех территорий. Сторонник федералистской формы правления В. Гомес Фариас писал в пользу федерации следующее: «Ясно, что эта форма правления требует привлечения большого количества чиновников, но также очевидно, что она открывает все источники общественного богатства: искусства, науки, сельского хозяйства, промышленного производства, все процветает, поскольку правительство управляет небольшой территорией, и может гораздо лучше анализировать, что требуется для развития и что необходимо улучшить, а также быстрее устраняет недостатки и злоупотребления. Порождая здоровое соперничество, она способствует развитию и совершенствованию образо-

⁷⁸⁰ Reyes Heróles, J. *El liberalismo mexicano*. México: Fondo de cultura económica. 1974. T. I. P. 265.

⁷⁸¹ *Leyes fundamentales de México 1808-1957*. México, 1957. P. 154-159.

вания и управления территориями»⁷⁸².

Конституция вводила ряд либеральных свобод: свободу печати, равенство граждан перед законом, упраздняла инквизицию, лишала церковь монополии в системе образования, отменяла подушную подать.⁷⁸³ Во время обсуждения конституции мексиканский либерал Хосе Мигель Гуриди и Алкосер поэтически восклицал, что «конституция должна быть как букет из прекрасных цветов, искусно подобранных в своих собственных садах, чтобы преподнести его нации». На первом месте должна быть политическая свобода. «Какое прекрасное слово!» – восхищался Гуриди и Алькосер, – «свобода мысли, слова и печати»⁷⁸⁴.

Первым президентом страны был избран Гуадалупе Виктория, а вице-президентом Николас Браво. Министром юстиции при президенте Гуадалупе Виктории стал Мигель Рамос Ариспе. Вскоре был сформирован кабинет первого президента Мексиканского государства, в который входили военный министр Мануэль Гомес Педраса, министр финансов Хосе Игнасио Эстева. Николас Браво был признанным лидером централистов.⁷⁸⁵

В либеральном политическом движении в это время сложились два направления: радикальные либералы (пурос) и более умеренные (модерадос). Идеологическими лидерами радикального крыла либералов вначале были врач Валентин Гомес Фариас, а также видный публицист и историк Хосе Мария Луис Мора. Валентин Гомес Фариас (1781-1858), один из самых последовательных сторонников пурос, родился в Гвадалахаре в семье уроженца Испании, состоятельного торговца и креолки из обеспеченной семьи. Гомес Фариас изучал медицину в Агуаскальентес, где был избран депутатом в испанские кортесы. Будучи последовательным сторонником либеральных принципов, он занимал активную позицию в испанских кортесах. В мексиканском конгрессе Гомес Фариас стоял на радикальных либеральных позициях и возглавлял группировку пурос. При этом следует отметить, что на первом этапе формиро-

⁷⁸² Hutchinson C.A. Valentín Gómez Farías. La vida de un republicano. México: Gobierno de Jalisco, 1983. P. 48.

⁷⁸³ Leyes fundamentales de México, 1808-1957. P. 168-195.

⁷⁸⁴ Reyes Heróles J. El liberalismo mexicano. T. I. P. 103.

⁷⁸⁵ Costeloe M. P. La primera República Federal de México (1824-1835): un estudio de los partidos políticos en el México. México. 1983. P. 41.

вания мексиканского государства, когда на Конгрессе 1822 г. встал вопрос о выборе формы правления государства, Гомес Фариас поддержал провозглашение императором генерала Агустина де Итурбиде. 19 мая 1822 г. 46 депутатов конституционного конгресса подписались в поддержку избрания Итурбиде, поскольку считали, что конституционная монархия во главе с героическим генералом позволит быстрее добиться независимости и обеспечит возможность проводить в стране либеральные преобразования⁷⁸⁶. После прихода Итурбиде к власти Гомес Фариас стал одним из самых последовательных и непримиримых его противников.

В середине XIX в. среди радикальных либералов выделялись такие прогрессивные деятели как Мельчор Окампо, Сантос Дегольядо, Гильермо Прието, Бенито Хуарес, Игнасио Сарагоса, Педро Огасон, Франсиско Сарко, Висенте Рива Паласио, Порфирио Диас. Многие из них разделяли идеи просветительства, были убежденными противниками католической церкви, феодальных привилегий и сторонниками прогрессивных буржуазных преобразований. После завоевания Мексикой независимости и формирования собственного независимого государства, представители пурос выступали за проведение радикальной церковной реформы, отделение церкви от государства, национализацию ее имущества, отмену фуэрос церкви и военных, введение всеобщего избирательного права. Их взгляды отражали интересы мелкой и средней буржуазии, которая требовала отмены феодальных сословных привилегий, получения новых земель за счет изъятия церковной собственности, но также защищала частную собственность, не выступала за социальное равенство.

Сторонниками более умеренных реформ, проведение которых не требовало бы участия народа и отвечало интересам, прежде всего, крупной буржуазии были генералы Гомес Педраса и Мариано Ариста, Мариано Отера и Игнасио Комонфорт.

Серия либеральных преобразований была осуществлена в стране после прихода к власти в 1833 г. генерала Антонио Лопеса де Санта-Анна (1795-1877). Организатором либеральных реформ был вице-президент лидер пурос Валентин Гомес Фариас. Основными направлениями либеральных преобразований Гомеса Фариаса стали попытки ограничить привилегии духо-

⁷⁸⁶ Hutchinson C.A. Valentín Gómez Farías. P. 37.

венства и армии. Как и большинство либералов В. Гомес Фариас сразу после завоевания независимости Гомес Фариас относился к вопросу положения католической церкви в стране вполне лояльно. Однако со временем он занял более решительную позицию в отношении церкви. В итоге либеральных преобразований католическая церковь утратила монопольное положение в стране и в Конституцию 1857 г. была включена статья об окончательной отмене церковных фуэрос и разрешении других религиозных культов в стране.

Кроме того были приняты декреты, сокращающие численность армии, упраздняющие наемные войска. Отменялось также привилегированное право военных на собственный суд, отныне военные обязаны были, как и все граждане, предстать перед гражданским судом. Была запрещена деятельность религиозных миссий на севере Мексики, их имущество было конфисковано. Гомес Фариас настоял на секуляризации части церковного имущества, в руки государства было передано собственности на 15 млн песо, что объяснялось сложной экономической ситуацией, в которой оказалось молодое государство.⁷⁸⁷

Церковь лишилась монополии на регистрацию актов гражданского состояния, которая была передана в руки правительства. Была отменена обязательность уплаты церковной десятины, из-под церковного контроля была изъята организация системы образования. 19 октября 1833 г. был выпущен декрет о реформировании системы образования в Мексике. Гомес Фариас пошел на решительный шаг и закрыл главное учебное заведение в стране Университет в Мехико, поскольку большинство преподавателей в нем были священники, а система преподавания жестко контролировалась церковью. Для организации контроля за образованием было создано специальное Управление общественного образования, в которое входили сторонники вице-президента в проведении преобразований в образовательной сфере, что означало создание в стране системы светского образования. Вследствие деятельности этой организации в стране были созданы шесть учебных заведений: Подготовительная школа, Идеологическая и гуманитарная школа, Физическая и математическая школа, Школы медицинских наук и Юриспруденции, школа церковных наук. В стране открывались началь-

⁷⁸⁷ Historia documental de México. Por Ernesto de la Torre Villar. México, 1984. Т. II, Р. 161.

ные школы для детей, вечерние школы для подростков и взрослых. Была открыта Национальная Библиотека. Для улучшения качества образования с 1836 г. было разрешено преподавать в высших учебных заведениях только тем, кто имел степень доктора или звание профессора.⁷⁸⁸

В ответ на радикальные либеральные преобразования под руководством Гомеса Фариаса был созван новый конституционный конгресс, на котором вице-президент был отстранен от власти и принята новая конституция страны в 1835 г., более известная как «Семь законов». В соответствии с новой конституцией многие либеральные преобразования останавливались, усиливалась центральная исполнительная власть, в том числе власть президента, срок правления которого продлевался с четырех до восьми лет, а также сокращались полномочия местных органов управления. Возврат к проведению либеральных преобразований в Мексике стал возможным, по сути, только в середине XIX века, после провозглашения «плана Айютлы» и начала движения за реформу.

Библиография

Costeloe M.P. La Primera república federal de México (1824-1835). (Un estudio de los partidos políticos en el México independiente). México, 1975. 492 p.

El liberalism en México. / Coord. Annino Antonio y Buve Raymond. México, 1993. 186 p.

Hutchinson C.A. Valentín Gómez Farías. La vida de un republicano. México: Gobierno de Jalisco, 1983. 391 p.

La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974., Vol I-VII. Vol.I Manuel Calvillo Los proyectos de constitución para México 1820-1824. México. 1974.

Leyes fundamentales de México 1808-1957. México. 1957. 942 p.

López Rosado Diego G. Historia y pensamiento económico de México. México, 1971 285 p.

Macías A. Los autores de la Constitución de Apatzingan // Historia mexicana. Vol. XX. 1980. № 4.

Matute A. México en el siglo XIX. Antología de Fuentes e inter-

⁷⁸⁸ Mills E.H. Don Valentín Gómez Farías y el desarrollo de sus ideas políticas. México, 1957. P. 147-148.

pretaciones históricas. México. 1972. 565 p.

Meyer M.C. William L. Sherman, Susan M. Deeds. The Course of Mexican History. New York, 1999. 595 p.

Pantoja Morán D. Ramos Arizpe y la gestación del federalism en México // Revista Mexicana de Historia del Derecho, UNAM, No. XXVIII. PP 147-181.

Reyes Heróles J. El liberalismo mexicano. México: Fondo de cultura económica. 1974.

А.А. ЩЕЛЧКОВ⁷⁸⁹
A.A. SCHELCHKOV

СОЗДАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ В КОЛУМБ-
БИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)⁷⁹⁰
CREATION OF THE LIBERAL PARTY IN
COLOMBIA (THE FIRST HALF OF XIX CENTURY.)

Аннотация: Либеральная партия Колумбии – одна из старейших партий не только этой страны, но и в всей Латинской Америки. Её корни уходят в период Войны за независимость и в политические противоречия, которые возникли на её финальной стадии между сторонниками С. Боливара и Ф.П. Сантандера. Формальное же оформление партии как политического организма и структуры пришлось на середину XIX в., в эпоху революционных либеральных преобразований в Новой Гранаде. В данной статье освещается первоначальный, «революционный» период истории этой партии.

Ключевые слова: Либерализм, республиканизм, антиклерикализм, Либеральная революция середины XIX в., Колумбия (Новая Гранада)

Abstract: The Liberal Party of Colombia is one of the oldest parties, not only in this country but also in the whole of Latin America. Its roots go back to the period of the War of Independence and political contradictions emerged on its final stage between the supporters of Simon Bolivar and Francisco de Paula Santander. The formal registration of the party as a political entity and structure were in the era of revolutionary liberal reforms in New Granada in the middle of the XIX century.

Keywords: Liberalism, republicanism, secularism, liberal revolution of the middle of the XIX century, Colombia (Nueva Granada)

В первые годы независимого колумбийского государства, во время диктатуры С. Боливара (1828-1830) оппозиционеров ре-

⁷⁸⁹ Андрей Аркадьевич Щелчков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

⁷⁹⁰ Круглый стол проведён при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

жима и сторонников Франсиско де Паула Сантандера стали называть либералами. Они считали боливарианский режим закамouflированной в республиканские одежды монархией. После смерти Боливара и свержения его последователей либералы разделились на две группировки: умеренных и «пламенных» (*exaltados*). Последние предпочитали называть себя «прогрессистами». Умеренные либералы выступали за необходимость сотрудничества с боливарианцами, за политический союз с ними.

Эти два крыла либералов были едины в признании необходимости контроля над военными, неизбежности реформы отношений между церковью и государством, понимании первоочередной важности народного просвещения. Отличались они лишь тем, что умеренные хотели избежать политического конфликта, стремились к постепенным реформам в рамках порядка. Лидерами прогрессистов были Висенте Асуэро и молодой политик Флорентино Гонсалес. Лидерами умеренных были те либералы, которые вскоре оказались в союзе с боливарианцами (консерваторами) против своих бывших соратников «прогрессистов», как например, будущий президент Хосе Игнасио Маркес.

Как справедливо отметил американский историк Ф. Саффорд, существует устойчивое убеждение, повторяемое многими исследователями, что консерваторы выражали интересы помещиков, клира и военных. Либералы же ассоциируются с торговцами и средним классом, адвокатами, лицами свободных профессий. На самом же деле, среди консерваторов было немало адвокатов и торговцев, так же, как многие помещики и военные являлись либералами. Нередко встречались и священники, бывшие сторонниками Либеральной партии⁷⁹¹. Социальная принадлежность сторонников партий не является механически линейной, идеологической, это более сложная проблема, связанная с групповыми и частными интересами и личными симпатиями, семейными и клановыми связями. По сути, и либералы, и консерваторы своими корнями уходили в войну за независимость, то есть были связаны с борьбой с абсолютизмом, идейно восходили к эпохе Просвещения. Это были разные фракции одной партии.

Колумбийский историк Херман Кольменарес отмечал, что

⁷⁹¹ Palacios M., Safford F. Colombia. País fragmentado, sociedad dividida. Su historia. Bogotá: Ed. Norma, 2002. P. 309-310.

разделение элиты на политические партии в Колумбии основывалось не на доктринальных различиях их программ⁷⁹². Расхождения между либералами и консерваторами по многим вопросам постепенно нивелировались, формировался консенсус господствующих в колумбийском правящем классе групп по большинству принципиальных проблем развития страны. В подходе к экономической политике между либералами и консерваторами не было больших различий. У элиты существовало единое мнение в отношении общих положений экономического курса.

В сфере государственного устройства идеологические расхождения также не были устойчивыми. Либералы были первыми, кто, начиная с 1837 г., выступал за федерализацию. Тогда консерваторы были сторонниками государственного централизма и выступали за унитарное устройство республики. С течением времени отношение тех и других к федерализму и централизму периодически менялось на противоположное в зависимости от политической конъюнктуры.

Единственной темой, принципиально разделявшей либералов и консерваторов, было отношение к церкви. Либералы считали церковь слишком могущественным институтом, противником всех необходимых реформ в экономической и политической сферах. Колумбийские либералы ставили своей целью создание общества и государства граждан, а не верных католиков⁷⁹³. Консерваторы же видели в церкви главного гаранта морального и политического порядка и были готовы предоставить многочисленным привилегии священнослужителям в области народного просвещения, культуры и в общественной жизни. Церковный вопрос на долгие годы оказался в центре борьбы консерваторов и либералов.

Формирование этих двух политических групп началось в период, наступивший после смерти Боливара и развала Великой Колумбии. После свержения боливариста Р. Урданеты в апреле 1831 г. вице-президент умеренный либерал Доминго Каиседо стал главой государства. Собравшееся 15 октября 1831 г. учредительное собрание, узаконившее распад Великой Ко-

⁷⁹² Colmenares G. Partidos políticos y clases sociales. Bogotá: TM Ed., 1997. P. XIII.

⁷⁹³ Loaiza Cano G. Sociabilidad, religión y política en la definición de la Nación (Colombia, 1820-1886). Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2011. P. 43.

лумбии и создание республики Новой Гранады, прошло в постоянной межфракционной борьбе либералов. С трудом избранный вице-президентом представитель прогрессистов Х.М. Овандо стремился получить чрезвычайные полномочия для чистки армии и государственного аппарата от консерваторов боливаристов. В марте 1832 г. собрание сместило Овандо и избрало вместо него лидера умеренных Хосе Игнасио Маркеса, который был сторонником компромисса с боливаристами.

В марте 1832 г. абсолютным большинством конгресс избрал временным президентом Новой Гранады находившегося за границей изгнанного Боливаром Франсиско де Паула Сантандера. Затем на президентских выборах Сантандер получил 80% голосов. В октябре 1832 г. Сантандер вернулся на родину. Он был строителем колумбийского государства, проводил умеренные реформы, сохраняя социальный мир и политическую стабильность, избегая конфликтов с церковью.

Сантандер уделял огромное внимание развитию просвещения, что было частью его программы по построению либеральных основ государства. После Войны за независимость наибольшую популярность среди либерально настроенных деятелей получили идеи шотландской школы «здравого смысла», утилитаризма, у которого латиноамериканцы черпали идеи свободы, рационализма и индивидуализма как главных идейных основ борьбы со «старым режимом», с его иерархией, корпоративно-сословным сознанием и клерикализмом. Среди поклонников бентамизма числились интеллектуалы и политики Эстанислао Вергара, Висенте Асуэро и сам Сантандер.

Спор консерваторов и либералов о бентамизме положил начало противостоянию двух основных идейных течений в колумбийской общественной мысли и политике на протяжении всего XIX в. Одни восторженно принимали, использовали и пропагандировали идеи, теории, концепции, приходившие из Европы и США, по большей своей части либерального и либерально-демократического толка. Другие же отвергали всё новое и новомодное, особенно иностранного происхождения, призывая к возвращению к испанскому наследию и католической религии. Дискуссия о бентамизме по сути была спором о либеральном или консервативном пути развития страны, и не удивительно, что в течение всего XIX в. вокруг идей Бентама постоянно возникали дискуссии.

Сантандер в 1836 г. выбрал своим преемником «прогресси-

ста» генерала Хосе Марию Овандо, который был приемлемой фигурой и для либералов, и для церкви. Противники сантандеристов выдвинули бывшего министра и председателя учредительного собрания Х.И. Маркеса, который считал себя умеренным либералом и симпатизировал консерваторам.

Предвыборная кампания проходила на повышенных тонах, став предвестием опасных событий в будущем. Непримируемость соперников вела к гражданскому противостоянию на всех уровнях. Несмотря на поддержку Сантандера на выборах 1837 г., Овандо не смог победить. Право избрания президента тогда переходила к конгрессу, и лидер умеренных Маркес вышел победителем при голосовании в парламенте, так как его сторонники и поддерживавшие его боливаристы в конгрессе имели большинство. Маркес (1837-1841) стал проводить политику уступок консерваторам, опираясь на союз умеренных либералов с консерваторами.

Борьба умеренных и прогрессистов внутри Либеральной партии возобновилась, когда Маркес пригласил в правительство двух крупных деятелей Консервативной партии Педро Алькантару Эррана и генерала Томаса Сиприано де Москеру, который занял ключевой пост военного министра. Прогрессисты обвиняли Маркеса в предательстве либеральной идеи и передаче всей власти клерикалам и консерваторам. Ситуация была весьма противоречивой. С одной стороны, прогрессисты критиковали Маркеса за союз с клерикалами, с другой, консерваторы возмущались антицерковными мерами правительства. После указа о закрытии четырёх монастырей в Пасто в июле 1839 г. консерваторы подняли там восстание, положившее начало гражданской войне, вошедшей в историю под названием «Войны Верховных», 1840-1842 гг.⁷⁹⁴.

«Война Верховных», ставшая одной из самых кровопролитных и разорительных гражданских войн, обострила партийное противостояние либералов и консерваторов, практически провела непреодолимую полосу отчуждения между двумя партиями, ещё недавно готовых к взаимодействию и сотрудничеству.

Несмотря на поражение восставших, в Пасто сохранялись

⁷⁹⁴ Название войны происходит от того факта, что лидеры противостоящих сторон, в том числе и региональные каудильо, восставая против правительства, неизменно именовали себя «Верховными правителями государства». Так же эту войну называли «Монастырской войной», напоминая о первопричине вооружённого восстания в Пасто.

очаги вооружённого сопротивления правительству. Умиротворение на юге не наступило. В январе 1840 г. в соседнем Попайяне восстание против правительства поднял генерал-прогрессист Х.М. Овандо. Правительство Маркеса призвало эквадорские войска для подавления восстаний на юге, пообещав президенту Эквадора Флоресу часть провинции Пасто. Второе восстание Овандо проходило под лозунгами территориальной целостности Новой Гранады и её федерализации. За этим выступлением последовали восстания по всей стране теперь уже либералов-прогрессистов.

Овандо призывал в свою армию негров-рабов, обещая им освобождение. Его армия «цветных» наводила ужас на помещиков Кауки, в панике бежавших из района боевых действий. За Овандо и либералами прочно закрепилась репутация представителей плебса, якобинцев и аболиционистов, выступавших за немедленный запрет рабства.

Наступила полоса реакции и господства консерваторов. Их жёсткая и непримиримая охранительная политика привела страну к глубочайшему социальному и экономическому кризису. «Война Верховных» и её последствия превратили либералов в народную, революционную партию реформ, приход которой к власти стал лишь вопросом времени.

Ещё во время войны, в 1840 г. были проведены выборы, на которых относительное большинство голосов получил либерал-прогрессист Висенте Асуэро. Конгресс же утвердил президентом усмирителя Пасто, консерватора генерала Педро Алькантара Эррана (1841-1845). После принятия авторитарной конституции 1843 г. только ставленники правительства, консерваторы, которых стали называть министриалами, могли претендовать на избрание во власть, ибо правительство полностью контролировало избирательный процесс. Часть умеренных либералов, игравших видную роль при Сантандере, такие как Лино де Помбо, Хоакин Акоста, Руфино Куэрво, пошли на союз с баливаристами и стали становым хребтом, на котором в дальнейшем была построена Консервативная партия. Либералы-прогрессисты оказались преследуемым и подавляемым меньшинством.

В 1844 г. министриалы раскололись на три фракции, одну из которых, придерживавшуюся умеренных взглядов и требовавшую изгнания иезуитов, поддержали либералы, не имевшие возможности самостоятельно участвовать в политике. На выбо-

рах победил кандидат умеренных консерваторов Томас Сиприано де Москера (1845-1849). Консервативное правительство Москеры обратилось к реформам либерального содержания.

Либералы, вошедшие в правительство, прежде всего Флорентино Гонсалес, считали, что невозможно построить республику, «основываясь на монархических принципах», заложенных в конституции 1843 г.⁷⁹⁵ Гонсалес был идеальной фигурой для реформистского плана Москеры. Гонсалес был сторонником союза умеренных консерваторов и либералов. Для многих политиков тогда было неясно, остаётся ли Гонсалес либералом или уже стал консерватором⁷⁹⁶. Гонсалес дистанцировался от своей партии, чтобы добиться примирения с консерваторами, которые поддерживали многие реформистские меры правительства.

Страна переживала глубокий кризис социально-экономических структур, унаследованных с колониальных времён. Во всех слоях населения накопилось недовольство налоговой системой, запретами и монополиями (эстанко) в различных отраслях экономики. Москера по представлению Гонсалеса провёл «оздоровительные» налоговые реформы, предпринял меры по постепенной ликвидации эстанко на табак, была осуществлена унификация денежного обращения.

Гонсалес подчёркивал огромные преимущества, которые принесёт свобода торговли, как для внутреннего потребления и экспорта, так и для государственных доходов, ибо, уменьшив пошлины, правительство рассчитывало на рост объёмов торговли и, соответственно, на увеличение таможенных сборов. В реформистском пылу правительство Москеры – Гонсалеса покусилось даже на церковь, до сего времени тщательно оберегаемую от всех нововведений консерваторами. Москера вёл курс на отмену всех церковных привилегий, в частности правило невмешательства государства во внутренние дела церкви (фуэро) он ограничил исключительно вопросами веры. Впервые серьёзно стали говорить об отмене десятины, которая, по мнению либералов во главе с Ф. Гонсалесом, тяжким бременем лежала на народном хозяйстве страны. Правительство предложило заменить десятину другим налогом и направить средства от него на

⁷⁹⁵ [González F.] Ensayo sobre la situación actual de los estados colombianos. Bogotá: Imp. J.A. Cualla, 1848. P. 22-23.

⁷⁹⁶ Colmenares G. Partidos políticos y clases sociales. P. 83-84.

содержание клира, что сделало бы более гибкой саму систему налогообложения и облегчило бы общий пресс налогов на производителей.

В период президентства Москеры власти проявляли большую терпимость, в страну вернулись многие политические беженцы. Именно Москера начал цикл реформ, продолженных Либеральной партией после 1849 г., и разрушил партию министериалов, создав предпосылки прихода к власти либералов.

В Либеральной партии в конце 40-х годов произошли серьёзные изменения: поколению старых либералов, прогрессистам и умеренным противостояло поколение молодых радикалов, поставивших на повестку дня новые политические и общественные задачи. Старые либералы были в прошлом сторонниками Сантандера, идейно они являлись наследниками эпохи просвещения, рационализма и утилитаризма Бентама. К этой группе принадлежали такие политики как Хосе Иларио Лопес, Хосе Мария Овандо, Хосе Мария Мело, Эсекиэль Рохас, Хосе Обальдия, Флорентино Гонсалес, Мануэль Ансисар.

Огромное влияние на Либеральную партию оказали идеи и события европейской революции 1848 г. Под свежими впечатлениями от февральской революции в Париже 1848 г. Эсекиэль Рохас и Висенте Асуэро опубликовали в газете «El Aviso» первую программу Либеральной партии⁷⁹⁷. В ней нашли отражение общие положения и принципы, объединявшие различные группы либералов. Все они требовали отмены рабства, свободы слова, религиозной терпимости, всеобщего избирательного права, введения суда присяжных, отмены тюремного заключения за долги, упразднения всех монополий и старых колониальных налогов, свободы торговли, изгнания иезуитов и ликвидации профессиональной армии⁷⁹⁸.

Важнейшей частью либеральной доктрины был антиклерикализм. Либералы не отрицали роль католической церкви в жизни общества, более того, осуждали атеизм. Религиозность народа и элиты была искренней и всеобщей. Либералы не подвергали сомнению догматы и устои веры, все они были ревностными католиками. Либералы считали, что церковь должна

⁷⁹⁷ Guerra Vilaboy S. Los artesanos en la revolución latinoamericana. Colombia 1849-1854. La Habana: Pueblo y educación, 1990. P. 34.

⁷⁹⁸ Escobar Rodríguez C. La revolución liberal y la protesta del artesanado. Bogotá: Editorial Colombia Nueva, 1990. P. 146.

стать лишь моральным, а не политическим институтом, её следует отделить от государства, что предполагало ликвидацию «дряхлой системы патроната»⁷⁹⁹. Республика должна состоять из равных граждан, а не из «сынов католической церкви», подчиняющихся почти средневековой по своим принципам иерархии.

Либеральная программа в церковном вопросе включала в себя, помимо изгнания иезуитов, такие важные реформы как упразднение десятины и замена её более современными формами государственного финансирования церкви, секуляризация собственности религиозных орденов, братств, монастырей, утверждение светской системы образования и брака, одним словом, вытеснение церкви из политической жизни Новой Гранады. Церковь в результате этих реформ должна была превратиться в частный институт, осуществляющий исключительно религиозную деятельность, отделённый не только от государства, но и от публичной политики.

В конце 40-х в Новой Гранаде под влиянием европейского 1848 г.⁸⁰⁰ сформировалась группа радикальной молодёжи. В неё входили Хосе Мария Сампер, Сальвадор Камачо Рольдан, Анибал Галиндо, Мануэль Мурильо Торо, Рикардо Ванегас, Мигель Сампер. Наступление либералов проходило на фоне победного шествия новых идей, свободомыслия, модных теорий общественного устройства, пришедших в Новую Гранаду из революционной Европы, пережившей огромные идейные и политические потрясения 1848 г. В значительной степени многие процессы в Новой Гранаде были реакцией на европейскую революцию 1848 г. Видный деятель Либеральной партии Рамон Меркадо отмечал: «Торжество принципов французской революции, нашедших отражение в массе газет и в публикациях, читаемых нашей молодёжью, дошло до Новой Гранады, которая с огромным вниманием следила за деяниями французской республики и за всеобщим восстанием народов Европы против угнетения»⁸⁰¹.

Под влиянием европейских идей почти все студенты стали

⁷⁹⁹ Neo-Granadino. Bogotá. No.37. 14 de abril, 1849. P. 113-114.

⁸⁰⁰ О латиноамериканском 1848 г. см: Щелчков А.А. Социальная утопия в Латинской Америке в XIX в. М.: Аквилон, 2016.

⁸⁰¹ Mercado R. Memorias sobre los acontecimientos del sur, especialmente en la provincia de Buenaventura, durante la administración del 7 de marzo de 1849. Bogotá: Imprenta Imparcial, 1853. P. XXIX.

убеждёнными либералами. Одно из главных действующих лиц того времени, вождь молодёжи Хосе Мария Сампер, поступивший в университет в 1843 г., впоследствии вспоминал, что у истоков либерального движения стояли студенты, молодёжь. Он сам и все его сверстники зачитывались трудами романтиков, в которых черпали идеи социальной критики и общественного переустройства⁸⁰². Эта группа «просвещённой молодёжи», как порой они сами себя называли, заявила, что с завоеванием независимости колониализм в Колумбии не был разрушен, «старый режим» пережил бурю «революции освобождения». Они сравнивали колумбийскую реальность первой половины XIX в. с положением в Европе после реставрации и создания Священного союза. Молодые либералы провозглашали своей целью уничтожение всех пережитков колониализма и феодализма (абсолютизма и религиозного фанатизма), создание подлинно демократических и республиканских основ нового государства.

Либералы подошли к выборам 1848 г. сплочённой оппозиционной группой, хотя внутри партии существовали различные по своим настроениям и программным задачам фракции, что в будущем привело к расколу. Однако, разнообразие политических направлений на этом этапе составляло силу Либеральной партии, способствовало мобилизации различных слоёв населения. К историческим выборам 1848 г., ознаменовавшим начало Либеральной революции в Новой Гранаде Либеральная партия подошла со сформированной идеологией и прочной партийной структурой. Именно 1848 г. можно считать годом окончательного формирования Либеральной партии в Колумбии.

Библиография

Щелчков А.А. Социальная утопия в Латинской Америке в XIX в. М.: Аквилон, 2016.

Colmenares G. Partidos políticos y clases sociales. Bogotá: TM Editores, 1997.

Escobar Rodríguez C. La revolución liberal y la protesta del artesano. Bogotá: Editorial Colombia Nueva, 1990.

Gilmore R.L. El Federalismo en Colombia. 1810-1858. Tomo I. Bogotá: Sociedad Santanderista de Colombia, 1995.

⁸⁰² Gilmore R.L. El Federalismo en Colombia. 1810-1858. Tomo I. Bogotá: Sociedad Santanderista de Colombia, 1995. P. 146.

[González F.] Ensayo sobre la situación actual de los estados colombianos. Bogotá: Imp. J.A. Cualla, 1848.

Guerra Vilaboy S. Los artesanos en la revolución latinoamericana. Colombia 1849-1854. La Habana: Pueblo y educación, 1990.

Loaiza Cano G. Sociabilidad, religión y política en la definición de la Nación . Bogotá: Univ. Externado de Colombia, 2011.

Mercado R. Memorias sobre los acontecimientos del sur, especialmente en la provincia de Buenaventura, durante la administración del 7 de marzo de 1849. Bogotá: Imprenta Imparcial, 1853.

Palacios M., Safford F. Colombia. País fragmentado, sociedad dividida. Su historia. Bogotá: Ed. Norma, 2002.

В.П. КАЗАКОВ⁸⁰³
V.P. KAZAKOV

Б. РИВАДАВИЯ И Х.М. РОСАС:
ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ АРГЕНТИНЫ⁸⁰⁴

B. RIVADAVIA AND J.M. ROSAS:
TWO WAYS OF THE DEVELOPMENT OF ARGENTINA

Аннотация: В статье рассматриваются два пути развития Аргентины после войны за независимость, которые олицетворялись фигурами Ривадавии и Росаса. Особое внимание уделяется либеральному проекту Ривадавии, в частности его аграрной политике. Для его лучшего понимания Аргентина сравнивается с Австралией. Основания для сравнения очевидны: большая территория и редкое население, окраинное положение, слабое влияние докапиталистических пережитков. Опыт Австралии содействует лучшему пониманию ряда аспектов политики Ривадавии, а также причин его падения.

Ключевые слова: Ривадавия, Росас, энфитеусис, гаучо, иммиграция, ферма, латифундия, федералисты, унитарии.

Abstract: This article examines two ways of the development of Argentina after the War of Independence which were personified by the figures of Rivadavia and Rosas. Special attention is paid to the liberal project of Rivadavia, particularly his land policy. For better understanding Argentina is compared with Australia. The reasons for a comparative approach are obvious. Indeed, both countries were semi populated, inheriting little or nothing of the habits and traditions of a precapitalist era. Both were large and distant. The experience of Australia can supply a better understanding of some aspects of the policy of Rivadavia and the reasons of his fall.

Keywords: Rivadavia, Rosas, emphyteusis, gaucho, immigration, farm, latifundia (large land holding), federals, unitarios.

⁸⁰³ Владимир Петрович Казаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

⁸⁰⁴ Круглый стол проведён при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

Заявленная в заглавии проблема представляет несомненный интерес. В отечественной историографии эпохе войны за независимость посвящены монографии А.И. Штрахова и К.В. Комарова⁸⁰⁵. К нашей теме непосредственное отношение имеет монография Комарова.

В основе его исследования лежит концепция двух путей аграрно-капиталистического развития Аргентины в рассматриваемый период: помещичьего, который олицетворяла диктатура Росаса, и фермерского, выразителем которого был первый президент Аргентины Ривадавия. Борьба между ними развернулась уже после окончания войны за независимость, поскольку латифундизм и его социальное выражение – класс помещиков, сложились после Майской революции 1810 г.

Таким образом, Аргентина в первой четверти XIX в. оказалась на распутье, на исторической развилке двух путей последующего развития, т.е. в условиях альтернативной ситуации, когда предстоял выбор между двумя альтернативами. Справедливости ради надо сказать, что сам автор не употребляет этого термина. Однако, по существу, речь идет именно об этом.

Путь Ривадавии основывался на идее государственной собственности на землю и воплотился в институте энфитеусиса – аренды государственной земли. Энфитеусис стал возможен в силу исключительно благоприятных условий: капиталистические отношения в Аргентине еще только складывались, а собственником значительной части земли было государство. Частная земельная собственность еще не пустила сколько-нибудь глубоких корней в стране. Поэтому энфитеусис позволял складываться фермерскому хозяйству на земле, свободной от средневекового надельного землевладения и тем более помещичьего уклада. Аграрные начинания Ривадавии создавали материальную основу для быстрого развития капитализма и независимости страны⁸⁰⁶.

В западной историографии, преимущественно англосаксонской, детальное изучение социально-экономической истории Аргентины рассматриваемого периода началось в 1970-е

⁸⁰⁵ Штрахов А.И. Война за независимость Аргентины. – М., 1976; Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – М., 1988.

⁸⁰⁶ Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – С. 123–126.

годы. Изучение этих сюжетов характеризовалось широким фронтом исследований, опиравшихся на широкую источниковую базу, в том числе архивные материалы. Главные выводы, к которым пришли историки, можно изложить следующим образом.

Латифундизм – система крупного землевладения – сложился после 1810 г., когда была ликвидирована торговая монополия Испании и началась свободная торговля. Крупные скотоводческие хозяйства изначально носили коммерческий характер и стали главной сферой приложения креольского торгового капитала, который именно в скотоводстве нашел сферу прибыльного вложения капитала, поскольку норма прибыли здесь была выше, чем в земледелии. Мощный толчок развитию латифундизма получило с появлением в 1812 г. саладерос – предприятий по переработке продуктов животноводства. Главную роль в организации саладерос сыграл британский капитал, младшими партнерами которого стали креольские купцы. Именно с этого момента торговый капитал Буэнос-Айреса, который до этого носил преимущественно посреднический характер, стал превращаться в производительный. Однако полного разделения на промышленный, аграрный, торговый не произошло. Многие саладеристы одновременно являлись латифундистами и не переставали быть купцами, как, например, семейство Анчорены. Возник своеобразный социальный симбиоз. Это социальное образование получило название олигархии⁸⁰⁷. Диктатура Росаса стала наиболее полным политическим выражением интересов этой олигархии⁸⁰⁸.

Подчеркивая объективный характер утверждения в Аргентине такого пути социально-экономического развития, западные историки не видят ему альтернативы в конкретно-исторических условиях Аргентины того времени. Причем возможность самой альтернативы Росасу они ищут не в аграрной сфере, а в области промышленности. Не находя там ничего, кроме домашней промышленности во внутренних провинциях, они заключают безальтернативный путь развития Аргентины

⁸⁰⁷ Brown J.C. A socioeconomic history of Argentina 1776–1860. – Cambridge Univ. press. 1979. Reber B.V. British mercantile houses in Buenos Aires, 1810. – 1880. – Cambridge Univ. press. 1979; Rock D. Argentina. 1516–1981. – London, 1986.

⁸⁰⁸ Lynch J. Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. 1829–1852. – Oxford, 1981.

того времени. Одну из глав своей монографии Дж. Линч так и назвал «Альтернативная Аргентина», где на основе изучения экономического положения аргентинских провинций приходит к выводу, что альтернативной Аргентины не существовало и не могло даже возникнуть⁸⁰⁹. При таком подходе деятельность Ривадавии предстает как всего лишь эпизод аргентинской истории, не имевшей большого значения для судеб страны. Не случайно, что в западной историографии о Ривадавии и его политике нет специальных монографических исследований.

Аргументацию и выводы западных историков можно развить и дополнить следующим образом. Поскольку аргентинская экономика после войны за независимость стала частью воспроизводственного процесса западных стран, то возможность фермерского пути аграрно-капиталистической эволюции Аргентины логично связывать с развитием товарного земледелия. Именно в земледелии могли существовать и развиваться фермерские хозяйства. И, наоборот, при тогдашнем уровне агрикультуры прибыльное хозяйствование в скотоводстве можно было вести только на огромных земельных площадях, на пастбищах в тысячи и десятки тысяч гектаров со многими тысячами голов скота, что с неизбежностью вело к развитию латифундизма. Иными словами, прибыльное скотоводство могло вестись только в латифундиях, чья продукция имела стабильные и все растущие внешние рынки сбыта.

Какими рынками сбыта могла располагать продукция земледелия? Внутри страны, где практически отсутствовали, за исключением Буэнос-Айреса, города как центры ремесленно-мануфактурного производства, рынков сбыта не было. Гаучо, если хлеб и употребляли, то мало. Иммигранты, доля которых в населении страны была еще невелика, вполне могли обходиться импортной пшеницей и мукой. Но и внешних рынков для аргентинского хлеба не было. Развернувшийся в западных странах промышленный переворот не был завершён даже в Англии, где существовали хлебные законы, отменённые только в 1846 г.

И социальные результаты начавшейся индустриализации – массовый отток избыточного населения в Новый Свет с европейского континента был еще впереди. Хотя иммиграция в Аргентину уже началась, однако ни ее масштабы, ни направленность в 1820-е годы не позволяли развиваться земледелию. Те

⁸⁰⁹ Lynch J. Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. – P. 153.

сотни иммигрантов в год, которые прибывали на Рио-де-Ла-Плату, оседали в основном в Буэнос-Айресе, где пополняли торгово-ремесленное население города. Их массовый приток в сельское хозяйство начался позднее, в 1840-е годы, и захватил вначале овцеводство, а не земледелие. И технических результатов промышленного переворота в виде создания новых транспортных средств – железных дорог и пароходных линий – еще не было, что значительно затруднило бы массовый экспорт зерновых, даже если бы предположить его возможность с точки зрения внутренних условий. Выходит, что западные историки правы и системный анализ экономических условий исключал альтернативу Росасу. Но не будем торопиться с окончательными выводами.

В западной историографии существует так называемое компаративистское направление, основанное на сравнительно-историческом изучении переселенческих стран: Аргентины, Уругвая, Австралии, Канады, Новой Зеландии. Это направление зародилось в конце 1970-х годов в виде семинаров историков названных стран, а также Англии и США. Вскоре вышли коллективные монографии, в которых проанализирован весь комплекс социально-экономических и политических условий исторической эволюции Аргентины в сравнении с английскими переселенческими колониями⁸¹⁰.

На интересующий нас вопрос проливает свет сравнение социально-экономических структур Аргентины и Австралии в 20-е годы XIX в. В это время обе страны являлись далекой окраиной западного мира и имели однотипную экономику. И там и здесь преимущественное развитие получило животноводство. В Аргентине – скотоводство, в Австралии – овцеводство. Несмотря на последнее различие, социальные последствия того и другого обеих стран были одинаковыми. В Австралии, как и в Аргентине, развился латифундизм. Это подтверждает закономерный и объективный характер появления и существования латифундизма в переселенческих странах, в которых природно-климатические и демографические условия толкали капитал на первом этапе генезиса капитализма идти в животноводство, что

⁸¹⁰ Fogarty J. , Gallo E. Dieguez H. Argentina y Australia. – В-А, 1979 ; Platt D.C.M., Di Tella G. Argentina, Australia and Canada. Studies in comparative development. 1870–1965. – New York, 1985.

было отмечено и объяснено К. Марксом в третьем томе «Капитала».

Кстати, сказать, в отечественной литературе этот вопрос смазывался. Писалось лишь о крупных и мелких фермах, что невольно создавало у читателя представление, что эта английская переселенческая колония изначально развивалась по фермерскому пути. Но если в Австралии, также как и в Аргентине, в рассматриваемый период существовал латифундизм, то как же она от него избавилась, если в стране, как известно, не было аграрной революции?

Вопрос интересный и, как мы увидим, имеет прямое отношение к теме выступления. Ответ на него следует искать в политике британской короны. Как реагировало правительство его величества на социально-экономические процессы, развернувшиеся в далекой Австралии? И кабинет министров в Лондоне и колониальная администрация на местах признавали очевидное: существование латифундизма. Никаких намерений запретить, тем более экспроприировать латифундии британская власть не имела. И это понятно, поскольку такие меры означали бы подрыв самой природы капитала, который ищет наиболее прибыльные сферы для своего приложения. В конкретных исторических условиях Австралии первой половины XIX в. наиболее прибыльной сферой приложения капитала являлось овцеводство.

Но это вовсе не означало, что английское правительство пассивно наблюдало за развернувшейся в далекой Австралии концентрацией земли, уповая на то, что рынок со временем все расставит по своим местам. Наоборот, власти активно вмешивались в земельные отношения. Но каким образом, коли никакой запретительной политики в отношении латифундий они не проводили?

В своей политике корона исходила из признания разграничения понятий «земля как объект собственности» и «земля как объект хозяйства». Признавая латифундизм как неизбежность, британские власти исходили из второго понятия – «земля как объект хозяйства» и не препятствовали хозяйственной деятельности латифундистов.

Последние, обретя хозяйственный вес, стали требовать землю в частную собственность. Дело в том, что в Австралии, как и в Аргентине, земля первоначально была государственной и частная собственность еще не пустила там глубокие корни.

Какой же была реакция на эти требования со стороны правительства страны, которая являлась родиной современной частной собственности и свободного предпринимательства? Оно ответило категорическим отказом: никакой частной собственности на землю. Вы, джентльмены, можете арендовать землю для хозяйства, но она не переходит в вашу собственность. В тех же случаях, когда на местах складывалась благоприятная для латифундистов ситуация, за землю назначалась такая высокая цена, что становилось невыгодно ее покупать. Суть аграрной политики британского правительства в Австралии заключалась в допущении аренды государственной земли на определенный срок, после чего она возвращалась государству. Таким образом земельный фонд был сохранен для последующих поколений, для фермеров, массовый приток которых в Австралию начался в середине XIX в. Но разве не такую же политику Ривадавия проводил в Аргентине? Такую же, разница лишь в названии.

Далее, вновь возвращаясь к Австралии, необходимо рассмотреть политический аспект проблемы. Чувствуя свою экономическую силу, австралийские овцеводы стали домогаться политической власти в колониях. Естественно, что к власти они рвались под лозунгом демократии. Что же ответило им правительство страны – родины парламентской демократии? Ответ отцов демократии был однозначным: никакой демократии. Лондон назначает губернаторов, которые, в свою очередь, назначают местных чиновников. Таким образом выстраивалась жесткая вертикаль исполнительной власти. Законодательная власть в колониях отсутствовала. Максимум на что пошли в Лондоне, так это учреждение совещательных собраний при губернаторах, но это произошло уже в 1840-е годы⁸¹¹.

Но разве не такая же структура политической власти учреждалась в Аргентине в соответствии с конституцией 1826 г. – детищем Ривадавии? Помимо огромных полномочий, которыми по этой конституции располагал аргентинский президент как глава государства и правительства, он также обладал правом назначать и смещать губернаторов провинций. Разве эта не та же самая модель жесткой, унитарной по существу власти? Та

⁸¹¹ Fogarty J. , Gallo E. Dieguez H. Argentina y Australia. – P. 35, 100–102, 109–112; Platt D.C.M., Di Tella G. Argentina, Australia and Canada. – P. 100–102.

же самая, одинаковая как в независимой Аргентине, так и в колониальной Австралии.

В свете вышесказанного по-иному предстает и программа Ривадавии. Она уже не выглядит некоей умозрительной схемой, оторванным от реальной жизни проектом; а вполне реальным политическим курсом, исходившим из конкретно-исторических условий переселенческой страны и нацеленным на создание максимально благоприятных предпосылок для будущего развития Аргентины.

Интересно, что сами западные историки проводят сравнение по линии конечного результата и вообще не упоминают начинаний Ривадавии. Иными словами, они сравнивают положение в Австралии с порядками, утвердившимися уже при Росасе. И там и здесь латифундизм, но в Австралии на арендованной земле, в Аргентине – на частной. Здесь, в Австралии, латифундисты не имели власти, чтобы утвердить свое господство в форме частной собственности. Там, в Аргентине, они были господами положения и могли бесконтрольно распоряжаться землей. Поэтому в дальнейшем эти две страны имели различные социально-экономические структуры.

Итог их размышлений о причинах столь разных результатов при схожести первоначальных условий сводится к тому, что Австралия, будучи колонией Великобритании, имела над собой сильную и не подверженную влиянию групповых интересов власть. В Аргентине такой власти не было.

Но выдвигая свой унитарный проект, Ривадавия как раз и стремился создать в Аргентине власть, не подверженную узкогрупповым интересам. Так почему же Ривадавия потерпел поражение?

Обратимся вновь к монографии Комарова. Итог его размышлений о причинах неудачи Ривадавии сводится к следующему. Поскольку в Аргентине в первой четверти XIX в. отсутствовала ведущая социальная группировка, опиравшаяся на сложившийся способ производства, неизбежна была диктатура: или буржуазных радикалов Ривадавии или латифундистов. В свете вышесказанного об австралийском опыте, когда использовались далеко не демократические методы управления, такое заключение представляется вполне обоснованным. В силу ряда причин как объективного, так и субъективного характера Ривадавия в решающий момент борьбы на это не пошёл и тем самым открыл путь диктатуре Росаса.

Автор видит причины такой нерешительности Ривадавии не в его личных свойствах, а в отсутствии достаточно крепкой опоры его власти. Значительная часть мелких и средних собственников, некогда его поддерживавших, отошла от него. Во-вторых, верная ему армия была далеко, воевала с Бразильской империей⁸¹².

Здесь очерчена социальная база режима Ривадавии. Менее четко показана социальная база диктатуры Росаса. Строго говоря, автор не обязан был это делать в работе, посвященной Ривадавии. Но мы обязаны это сделать, если хотим ответить на вопрос о причинах не только победы Росаса в конце 1820-х годов, но и столь длительного существования его диктатуры, несмотря на непрекращавшиеся попытки его свержения.

На минуту отвлечемся от Аргентины и вспомним главный постулат исторического материализма о ведущей роли в истории народных масс. Конкретно-исторические исследования, сама жизнь доказали, что далеко не всегда народные массы ведут себя так, как хотелось бы иным историкам. Это касается и истории с Росасом.

То, что народ не поддержал Ривадавию, хорошо показано в монографии Комарова. Автор объясняет это социальными причинами: аграрный вопрос Ривадавия не собирался решать в пользу неимущих. Им нечего было ждать от реформ Ривадавии, и народ не собирался за него воевать.

Но тогда почему же гаучо воевали на стороне Росаса и других каудильо против унитариев? Одним насилием это объяснить невозможно. Может быть, Росас удовлетворил какие-то классовые требования гаучо и в обмен на это они выступали на его стороне? Но Росас ничего подобного не делал. Более того, и со стороны народных низов никаких классовых требований не выдвигалось.

Успех и долголетие диктатуры нельзя объяснить, оставаясь лишь в рамках классового анализа. Необходимо выйти за его рамки и посмотреть на вопрос с социокультурной точки зрения.

Ключевым при таком подходе становится анализ категории гаучо. В нашей литературе она трактовалась в двух значениях: 1. человек, умеющий хорошо обращаться со скотом, независимо от социального положения; 2. человек, который ухаживает

⁸¹² Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. — С.101.

за скотом, который ему не принадлежит. В последнем значении гаучо сближается с пеоном. Иными словами, категория гаучо трактовалась преимущественно с социально-классовой точки зрения.

Но разве это не правильно? Разве не было социальной пропасти между эстансьеро и пеоном-гаучо? Была, и обе стороны хорошо это знали. Недаром первый назывался господином, а второй слугой. И для последнего у эстансьеро, асендадо всегда были наготове кнут и колодки. В стране действовало кровавое законодательство против бродяг и «плохих гаучо».

Все это было. Но было и иное. Чтобы понять социокультурное своеобразие эпохи необходимо выйти за рамки социальной истории и обратиться к литературе. У Э.Эчеверрии – лидера «поколения 37 г.» – борцов против диктатуры Росаса, есть рассказ «Бойня». В нем хорошо показано, какая социокультурная пропасть лежала между унитариями, т.е. либералами и простым народом, который поддерживал Росаса под знаменем федерализма⁸¹³.

Простые люди были федералистами вовсе не потому, что считали федерализм лучшей, по сравнению с унитаризмом, формой государственного устройства для Аргентины. Конечно нет, они слов таких не знали. Но федерализм в их сознании прочно ассоциировался с привычным для них укладом жизни, который унитарии (либералы) хотели разрушить. Отсюда их поддержка лозунга Росаса: «Да здравствует Федерация! Смерть дикарям-унитариям!»

Гаучо поддерживали Росаса, который много сделал, чтобы в их глазах выглядеть своим. Он это и не скрывал. Широко известно его признание по этому поводу: «Мне казалось очень важным добиться огромного влияния на этот класс для того, чтобы сдерживать его и руководить им. Я поставил перед собой цель достичь этого влияния любой ценой. Для этого мне необходимо было работать с большой настойчивостью, с большими жертвами удобств и денег. Сделаться таким же гаучо, как они, говорить как они и делать как они. Защищать их, сделаться их доверенным, заботиться об их интересах. В конечном итоге не жалеть труда и средств, чтобы как можно больше завоевать их доверие⁸¹⁴. Росасу удалось это в полной мере.

⁸¹³ Аргентинские рассказы. – М., 1957. – С. 9–25.

⁸¹⁴ Las constituciones de la Argentina. (1810–1972). В-А, 1975. – Р. 37.

«Ловкий манипулятор, демагог» – так считает часть историков. Но этот «демагог» крепко стоял на земле. Настолько крепко, что никакие унитарии вкупе с самыми могущественными державами того времени – Англией и Францией – ничего не могли с ним поделать. Заручившись поддержкой низов, Росас стал непобедим.

Мне легко возразить: о какой непобедимости идет речь, если диктатора ввергли? Да, но победителем Росаса стал такой же гаучо Уркиса. Правда, в обозе его армии ехали унитарии (либералы). Но это уже новая страница аргентинской истории.

Возвращаясь к Росасу, необходимо рассмотреть его диктатуру в категориях права, сравнив с режимом Ривадавии. Слова диктатор, диктатура Росаса сразу же создают представление о нем как об узурпаторе, который отнял власть у ее законных носителей. Между тем Росас являлся губернатором провинции Буэнос-Айрес, избранным на этом пост легислатурой. В марте 1835 г. она предоставила ему всю полноту власти, т.е. дала, помимо исполнительной, также законодательную и судебную власть. По требованию Росаса это решение было вынесено на плебисцит и избиратели его утвердили. С этого времени и датируется диктатура Росаса.

Росас был против созыва общенационального конгресса, считая, что страна еще не готова к объединению. Однако в большинстве провинций были приняты конституции⁸¹⁵. В провинции Буэнос-Айрес не было конституции. Однако здесь действовал закон о всеобщем избирательном праве для всех свободных мужчин. Т.е. с формально-юридической точки зрения существовали демократические атрибуты власти.

Это контрастировало с режимом Ривадавии. Конституция 1826 г. лишала избирательных прав всех неимущих, слуг, пеонов, солдат. Активное избирательное право было обставлено разного рода цензами: оседлости, имущественным, образовательным. Т.е. либеральный режим Ривадавии был антидемократическим.

С момента своего появления аргентинский либерализм разошелся с демократией. Пришедшие к власти после Росаса «поколение 37 г.», затем «поколение 80 г.» утвердили в стране антидемократический режим власти. «Народ не готов к демо-

⁸¹⁵ Bushell D. Reform and reaction in the Plate provinces 1810–1852. – Univ. of Florida, 1983. – P. 67–91.

кратии». «Поэтому всеобщее избирательное право – торжество всеобщего невежества». Если дать политические права народу, то получится новый Росас.

Та социокультурная трещина в аргентинском обществе, которая возникла при Ривадавии, превратилась в разлом.

Возвращаясь к 20-м годам XIX в., необходимо подчеркнуть, что в Аргентине в это время сложилась альтернативная ситуация. Это были политические альтернативы, воплощением которых были различные, противостоящие друг другу курсы в социально-экономической и политической областях, олицетворявшиеся фигурами Ривадавии и Росаса. С формальной точки зрения альтернатива Ривадавии имела шансы на успех. Подтверждением этому является успех аналогично программы в Австралии. Но в этой английской колонии формационное и цивилизационное начала совпадали, сливаясь в органическое целое. Иным было положение в Аргентине. Здесь формационное и цивилизационное начала расходились. Чтобы победить, Ривадавия должен был перевести свои начинания на понятный для народа язык. Он этого не сделал. Более того, унитарии даже не понимали, что это необходимо сделать. Этого нельзя сказать о Росасе, который мастерски использовал социокультурный фактор для установления своей диктатуры.

Библиография

- Аргентинские рассказы. – М., 1957.
Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – М., 1988.
Штрахов А.И. Война за независимость Аргентины. – М., 1976;
Brown J.C. A socioeconomic history of Argentina 1776–1860. – Cambridge Univ. press. 1979.
Bushell D. Reform and reaction in the Plate provinces 1810–1852. – Univ. of Florida, 1983.
Fogarty J., Gallo E. Dieguez H. Argentina y Australia. – В-А, 1979
Las constituciones de la Argentina. (1810–1972). В-А, 1975.
Lynch J. Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. 1829–1852. – Oxford, 1981.
Platt D.C.M., Di Tella G. Argentina, Australia and Canada. Studies in comparative development. 1870–1965. – New York, 1985.
Reber B.V. British mercantile houses in Buenos Aires, 1810. – 1880. – Cambridge Univ. press. 1979;
Rock D. Argentina. 1516–1981. – London, 1986.

Л.А. ИВКИНА⁸¹⁶
L.A. IVKINA.

ИСТОРИЯ КУБИНСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XIX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
THE HISTORY OF THE XIX-TH CENTURY CUBAN CONSTITUTIONAL HISTORY IN THE MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY.

Аннотация. В работе рассматриваются основные тенденции современной зарубежной историографии в изучении истории кубинского конституционализма XIX века. В статье представлены работы современной кубинской национальной историографии, труды представителей кубинской эмиграции и испанских историков по данной проблеме.

Ключевые слова: история кубинского конституционализма, XIX век, конституционные акты, реформизм, аннексионизм, сепаратизм.

Abstract. The article explores the main trends in the modern foreign historiography concerning the formation and evolution of the constitutional history of Cuba during the XIX century. The work presents the contemporary Cuban national historiography, the writings of Cuban emigration and Spanish historians on this issue.

Keywords: Cuban constitutionalism, the 19th century, constitutional acts, reformism, annexionism, separatism.

Конституционализм, как политико-правовая теория, возник в кубинской национальной политической культуре вследствие влияния конституционных традиций, сложившихся в ходе войны за независимость американских колоний и американской конституции 1787 г., французской революции и конституций 1791 и 1793 гг., декларации прав человека и гражданина 1789 г., а позднее конституционного опыта Испании (Кадисская конституция 1812 г.) и войны за независимость Испанской Амери-

⁸¹⁶ Людмила Андреевна Ивкина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Ivkina Liudmila A., Institute of World History of the Russian Academy of Science, lais07@mail.ru..

ки (1810-1826).

На протяжении всего XIX в. на Кубе существовали основные политические течения: реформизм (автономизм), аннексионизм и сепаратизм (индепендентизм). Возникшие в начале века эти политические течения разрабатывали программные документы конституционного характера, ставившие своей целью изменить существующий колониальный режим. Первая конституция независимости Хоакина Инфанте, конституционные проекты автономистского характера Хосе Агустина Кабальеро, Фр.Аранго-и-Парреньо, Г.К. Секейры, Ф.Варелы-и-Моралеса представляют большой научный интерес, а тот факт, что политические лидеры первой войны за независимость Кубы (1868-1878) Карлос Мануэль де Сеспедес и Игнасио Аграмонте, имевшие юридическое (европейское) образование, полемизировали о том, какая форма политической организации более соответствует созданной в 1869 г. Республике, свидетельствовал о наличии правовой культуры, знакомстве с республиканскими идеями и становлении независимой институциональной политики Кубы. Все эти документы объединял главный фактор – либеральная идеология и либеральные традиции, возникшие в конце XVIII в. в Европе и США и перенесенные на кубинскую почву.

История кубинского конституционализма XIX века – одна из наиболее разрабатываемых в настоящее время тем в современной зарубежной историографии. Здесь можно выделить три группы исследователей: историки, представляющие собственно национальную кубинскую историографию, представители кубинской эмиграции, покинувшие Кубу и осевшие в Мексике и США, и испанские ученые.

Национальная кубинская историография по истории кубинского конституционализма возникла сравнительно недавно, хотя первая работа по данной тематике появились в последней трети XIX в.⁸¹⁷. Предметом специального изучения эта дисци-

⁸¹⁷ В 1879 г. в Гаване вышла работа доктора права, члена Гаванского экономического общества Эусебио Вальдеса Домингеса: Valdés Domínguez E. Los antiguos diputados de Cuba. Apuntes para la historia constitucional de esta isla. La Habana: Imprenta “El Telégrafo”, 1879. В ней автор исследовал участие кубинских депутатов в работе испанских кортесов в периоды испанского либерализма 1810-1814, 1820-1823, 1834 и 1836 гг.). В 1925 г. вышла работа профессора Гаванского университета Хуаном Клементе Самора: Zamora J.C. Derecho constitucional, Cuba. Colección de Documentos para el estudio de la historia política de Cuba. La Habana: El Siglo

плина стала в 30-50-е гг. XX в. Работы кубинских историков, появившиеся в эти годы, в основном затрагивали частные проблемы, связанные с историей того или иного политического движения и принятых ими конституционных актов⁸¹⁸.

В 1951 г. при факультете общественных наук и публичного права Гаванского университета была создана кафедра истории кубинского конституционализма. В эти же годы были созданы две работы кубинских историков правоведов, которые и сейчас считаются классикой в исследовании конституционной истории Кубы. Речь идет о трудах Рамона Инфьесты и Энрике Эрнандеса Корухо⁸¹⁹. Если в труде Инфьесты политическая история занимает важное место по сравнению с конституционной, то в своем двухтомном труде Э. Эрнандес Корухо ставит на первое место историю конституционализма, связанную с господствующими на каждом этапе исторического развития острова движениями и идеологиями. Во вступительной главе автор рассматривает методологические принципы в изучении собственно конституционной истории вообще и конституционной истории Кубы, в частности. История конституционализма, отметил он, это часть политической истории, главная задача которой является исследование исторической эволюции либеральных государственных институтов общества. Э. Корухо прослеживает конституционную историю Кубы с момента её зарождения (начало XIX в.) до 1959 года. Он отметил, что история кубин-

XX,1925. Автор, комментируя кубинскую конституцию 1901 г., дал краткий обзор истории кубинского конституционализма XIX века.

⁸¹⁸ Hernández Corujo E. Organización Civil y Política de las Revoluciones cubanas de 1868 y 1895. La Habana, 1929. 264 p.; Sánchez de Bustamante y Montoro A. La ideología autonomista. La Habana: Imprenta Molina y Cía, 1933; Infiesta R. El Proyecto de Constitución de Zequeira y los orígenes del autonomismo cubano// Revista del Colegio de Abogados de La Habana. La Habana, Mayo-junio de 1938. P.260-287; Infiesta R. El autonomismo cubano: su razón y manera. La Habana: Ed. Jesús Montero, 1939; Entralgo E. Los Diputados por Cuba en las Cortes de España durante los tres primeros periodos constitucionales. La Habana: El Siglo XX,1945; Agramonte R. José Agustín Caballero y los orígenes de la conciencia cubana. La Habana: Univ. de la Habana,1952; Martínez Bello A. Origen y meta del autonomismo. Exégesis de Montoro. La Habana. La Habana, Imp. Fernández y Cía,1952.

⁴ Infiesta R. Historia constitucional de Cuba. La Habana: Cultural, 1951; Hernández Corujo E. Historia constitucional de Cuba. 2 vols. La Habana; Compañía editora de Libros y Folletos, 1960.

ского конституционализма имеет некоторые особенности, отличающие её от подобного процесса, происходившего в других латиноамериканских странах. Там конституционные идеи возникали и развивались одновременно с войной за независимость и созданием национальных государств. На Кубе зарождение конституционализма не сопровождалось созданием независимого государства, а происходило в рамках существующего колониального режима. Политическая и конституционная история Кубы, тесно связанная с историей метрополии, испытала на себе воздействие тех структурных изменений в системе политической власти, которые происходили в Испании в период войны за независимость против французской оккупации 1808-1814 гг. (Кадисская конституция 1812 г.). На Кубе в тот момент сформировалось собственное конституционное мышление, по крайней мере теоретическое, которое нашло отражение в различных политических концепциях и проявившихся в создании различных конституционных актов, проектов, навеянных новой либеральной республиканской идеологией. В истории кубинского конституционализма XIX века, которая начинается с 1812 г., автор выделяет пять этапов, каждому из которых соответствует главная на тот момент политическая идеология⁸²⁰.

После 1959 г. исследование конституционной истории Кубы было прервано и возобновилось лишь в 80-90-е гг. XX в. Современные кубинские историки в последнее десятилетие создали ряд работ, посвященных влиянию конституционных актов Испании (Кадисская конституция 1812 г.) на становление кубинской конституционной мысли, провели ряд конференций, посвященных деятельности отдельных политических деятелей, ставших авторами известных конституционных актов и проектов: Х.А. Кабальеро (1811), Хоакина Инфанте (1812), Г. К. Секейры (1822), Феликса Варелы-и-Моралеса (1823)⁸²¹. Особый интерес представляет коллективный труд, созданный по материалам семинара, посвящённого двухсотлетию создания первого проекта конституции не зависимости. В нем приводятся новые данные о жизни и деятельности Х. Инфанте⁸²². Первая кон-

⁸²⁰ Hernández Corujo E. Historia constitucional de Cuba.-P.12-17.

⁸²¹ De Cádiz (1812) a la Habana (2012). Escritos con motivo del bicentenario de la Constitución española de 1812.- La Habana: Ed.: Univ. de Castilla – La Mancha, Univ. de La Habana, 2011.

⁸²² El proyecto de Constitución para la isla de Cuba de Joaquín Infante. La Habana: Facultad de derecho. Univ. de La Habana, 2012.

ституция независимости Кубы рассматривается как в различных обобщающих трудах, так и специальных работах⁸²³.

Особый интерес представляет работа Оливии Миранды⁸²⁴. В ней исследуется влияние Французской революции на общественную, политическую жизнь кубинского общества и конституционную историю в частности.

Попытка дать полную историю развития кубинского конституционализма с момента его возникновения до настоящего времени предпринята кубинским историком правоведом К. М. Вильябельей Арменголем⁸²⁵. Автор делит конституционную историю Кубы на три периода: колониальный, охватывающий весь XIX век; республиканский (1902- 1958), и революционно-социалистический (с 1959 по настоящее время). В собственно колониальном периоде автор выделяет два этапа : первый, охватывающий первую половину XIX в., отмечен формальным влиянием испанского конституционализма и зарождением креольского конституционного мышления, а второй – вторую половину XIX века, характеризовавшийся падением влияния испанской конституционной мысли и становлением собственно кубинского конституционализма в условиях революционной борьбы за независимость (1868-1898)⁸²⁶.

Автор считает, что все конституционные акты Испании: Байонский статут (1808), Кадисская конституция (1812), Королевский статут 1834 г., конституция 1837 г. и Автономная конституция 1897 г. не оказали существенного влияния на формирование конституционного права Кубы, так как они практически не действовали на Кубе. Важное значение автор придает креольским конституционным актам, принятым в эпоху колониального господства Испании (Ф.Аранго-и-Парреньо, Х.А.Кабальеро, Х.Инфанты, Г.К.Секейры, Ф.Варелы-и- Мора-

⁸²³ Vega Vega J. Derecho constitucional revolucionario en Cuba.-Las Habana: Ed. Ciencias Sociales,1988; Vega Vega J. Cuba. Su historia constitucional. Comentario a la Constitución cubana reformada en 1992. Madrid: Ed. Endymion, 1997; Carreras Collado J.A. Historia del Estado y Derecho en Cuba.- La Habana: 3-a ed.: Ed. Pueblo y Educación,1990; Fernández Bulté J. Historia del Estado y el derecho en Cuba. La Habana: Ed. Félix Varela, 2005.

⁸²⁴ Miranda O. Ecos de la Revolución Francesa en Cuba. La Habana: Ciencias Sociales,1889.

⁸²⁵ Villabella Armengol C.M. Historia Constitucional y poder político en Cuba. Madrid, 2008.

⁸²⁶Villabella Armengol C.M. Historia Constitucional.- P.6.

леса). Все они свидетельствовали о растущих противоречиях между испанским режимом и стремлением креольского населения острова выразить свою национальную идентичность⁸²⁷.

По мнению автора, политических течения, которые было всегда принято характеризовать, как различные политические идеологии –реформизм (автономизм), аннексионизм, сепаратизм – на самом деле были проявлением и выражением одного и того же процесса: стремления к децентрализации власти и реформированию существующего политического режима, как различные, но постоянные и систематические способы защиты креольским населением своих коренных интересов, как проявление начального этапа национальной идентичности, где понятие Родина, суверенитет, независимость со временем принимали все более отчетливую форму⁸²⁸.

Современная историография кубинских историков эмигрантов представлена двумя работами. В 1974 г. в Нью-Йорке вышло 1-е издание работы Леонеля Антонио де ла Куэсты, кубинского эмигранта, живущего в США «Кубинские конституции. От 1812 до настоящего времени». Второе издание работы с обширной вводной статьей появилось в 2006 г. в Мадриде. В неё вошли конституционные акты Кубы вплоть до 2002 года⁸²⁹. Автор излагает свое видение конституционной истории Кубы с момента возникновения (1810-1812) до настоящего времени. Он также связывает первые ростки конституционализма на Кубе с конституционной историей Испании. Все первые конституционные акты, носившие чисто декларативный характер, свидетельствовали о том, что Куба, несмотря на свой колониальный статус, воспринимала все либеральные идеи, привносимые извне из европейского центра на латиноамериканскую периферию. Автор, рассматривая конституционные проекты XIX в., упускает из виду проект конституции, кубинских автономистов, представленный испанским кортесам в 1886 г., но в то же время упоминает временный конституционный акт, принятый в Сантьяго де Куба (30.10.1898) оккупационным американским режимом Л. Вуда⁸³⁰.

⁸²⁷ Villabella Armengol C.M. Historia Constitucional. P.10,11.

⁸²⁸ Villabella Armengol C.M. Historia Constitucional. P.12,13.

⁸²⁹ Cuesta L.A. Constituciones Cubanas. Desde 1812 a nuestros días. Nueva York: Ed. Exilio, 1974; Cuesta L.A de la. Constituciones Cubanas. Madrid: Ed. Hispano cubana, 2006.

⁸³⁰ Cuesta L.A de la. Constituciones Cubanas. P.107-108.

В 2008 г. в Мексике вышел труд кубинского историка, профессора Института юридических исследований Национального автономного университета Мексики, Беатрис Гомес Берналь, изложившей историю кубинского конституционализма с момента его становления до настоящего времени (конституция 1976 г. и ее реформы)⁸³¹. Автор считает, что собственно кубинский конституционализм реально возник во второй половине XIX в., а первыми кубинскими конституционными актами стали конституции, принятые в годы войн за независимость: Десятилетней войны 1868-1878 гг. (конституции Гуаймаро, 1869 г. и Барагуа, 1879 г.), войны за независимость 1895-1898 гг. (конституции Химагуайю, 1895 г. и Яйя, 1897 г.). Все конституционные акты, принятые в первой половине XIX в. автор рассматривает лишь как предпосылки, предвестники собственно конституционной истории Кубы⁸³². Автор ставит знак равенства между автономизмом и реформизмом, между аннексионизмом и сепаратизмом, рассматривает временную конституцию американского оккупационного режима (Л.Вуд, 30.10.1898 г.) как кубинскую конституцию. Так же, как и многие зарубежные историки, считает, что конституция Н. Лопеса (1851) и его последователей (общество Аве Мария, 1858) имели сепаратистский характер. Вместе с тем как историк правовед дает компетентную оценку всех принятых в XIX в. проектов и конституционных актов.

Испанская современная историография основное внимание уделяет исследованию ранее замалчиваемой темы – идеологии автономизма и деятельности автономной партии Кубы в последней трети XIX в. Как отметила испанский историк М. Бискаррондо (1947-2007) многочисленная историческая литература о событиях последних десятилетий XIX в. оставила в стороне от глубокого и всестороннего исследования сложные процессы, происходившие внутри самого колониального общества: борьба за автономию, отношение испанских политических деятелей к этому вопросу, способы его решения в разгар испано-кубинского конфликта 1895-1898 гг.⁸³³.

Работы испанских историков в целом основаны на доброт-

⁸³¹ Bernal Gómez B. *Constituciones Iberoamericanas*. Cuba. México: UNAM, 2008.

⁸³² Bernal Gómez B. *Constituciones Iberoamericanas*. P.1-3.

⁸³³ Bizcarrondo M. *Cuba: la autonomía olvidada // El País*. Madrid. 02 de diciembre, 1997.

ном источниковедческом материале (архивах, прессе того периода, воспоминаниях политических деятелей). Их цель – показать, что у Кубы был другой, не революционный путь выхода из сложившейся чрезвычайно сложной политической ситуации, что можно было избежать интервенции США в испано-кубинский конфликт и пойти по пути создания автономного государства в рамках сохранения испанского господства. Они считают, что кубинские сторонники автономии выражали интересы представителей национальной кубинской буржуазии и интеллигенции, средних слоев городского населения, а само движение за автономию рассматривается ими как одна из альтернатив исторического развития Кубы в последней четверти XIX в., как попытка мирным путем в рамках существующей легальности решить назревшие политические проблемы⁸³⁴. Этой же теме посвящены работы и других испанских историков⁸³⁵.

Другая наиболее разрабатываемая испанской историографией тема - становление испанского конституционализма в первой трети XIX в. и его влияние на конституционную историю Кубы, политическая и законотворческая деятельность первых представителей кубинского либерализма в этот период⁸³⁶.

⁸³⁴ Bizcarrondo M. Entre Cuba y España: el dilema del autonomismo, 1878-1898 // Cuadernos hispanoamericanos. Madrid, 1998, №577-578. P. 1711-198; Bizcarrondo M. El autonomismo cubano. Las ideas y los hechos // Historia contemporánea, 1999, №19. P.69-94; Bizcarrondo M., Elorza A. Cuba/España, El dilemma autonomista, 1878-1898. Madrid: Colibri, 2001. В последней из указанных работ ее авторы вводят новые документы по конституционной истории Кубы: программные предложения кубинских реформистов в период работы Информационной хунты 1866-1867 гг.

⁸³⁵ Roldán de Montaud I. La Restauración en Cuba.: el fracaso de un proceso reformista. Madrid: Ed.: Coll. Tierra Nueva y Cielo Nuevo, 2000; Alonso Romero M.P. Cuba en la España liberal (1837-1898): Génesis y desarrollo del régimen autonómico. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2002; Sánchez Agesta A. Entre Espada y la Pared. El Régimen autonómico cubano, 1897-1898 // Revista Mexicana del Caribe. México, 2003. Vol.VIII, N016. P.7-41; García Mora L.M. La fuerza de la palabra. El autonomismo en Cuba en el último tercio del siglo XIX // Revista de Indias, 2001, vol. LXI, № 223. P.715-748.

⁸³⁶ Sánchez Agesta A. La Búsqueda de un nuevo modelo de relaciones con los territorios ultramarinos durante el trienio liberal (1820-1823) // Revista de Indias, 1997, vol.LVII, №210. P. 451-470; Amores Carredano J.B. El joven Arango y Parréño: origen del proyecto político-económico de la sacarocracia habanera (1786-1794)/ Temas Americanistas. 1995, №12. P. 50-77; Amores Carredano J.B. Liberalismo ilustrado y liberalismo en Cuba: En torno a Fran-

В целом, анализируя состояние современной зарубежной историографии по истории кубинского конституционализма XIX в., можно отметить, что при многих общих концептуальных подходах к определенным этапам его развития, в целом отсутствует единый систематический подход к изучению указанной проблемы.

Многие историки (Р. Инфьеста, Э. Эрнандес Корухо, Л.А. де ла Куэста и др.) точкой отсчета истории кубинского конституционализма считают деятельность Кадисских кортесов, принявших первую либеральную конституцию 1812 г. При этом несколько умалется то огромное воздействие, которое оказали либеральные процессы в США и во Франции на складывание собственно конституционного права Кубы. Между тем следует отметить, что ни один возникший на Кубе конституционный проект XIX в. никогда не предполагал установить на острове конституционную (парламентскую) монархию, как это было, например, в Бразилии, Мексике, Гаити, что свидетельствовало о значительном влиянии демократических и республиканских традициях Франции и США.

Отсутствует единство в оценке таких политических идеологий, существовавших на Кубе в XIX веке, как реформизм (многие рассматривают его как ассимилизм) и автономизм. Известный кубинский историк, покинувший Кубу в середине 90-х гг., Мануэль Морено Фрахинальс (1920-2001) утверждает, что между реформизмом и аннексионизмом не существовало серьёзных противоречий, а были только тактические расхождения, поскольку и то и другое политическое движение было представлено одни и тем же сегментом кубинского колониального общества – креольской плантационной элитой⁸³⁷.

До сих пор остаётся спорным и вопрос о том, как расценивать само движение аннексионизма, достаточно сложного, противоречивого явления в политической истории Кубы. Как видно, последние работы по истории кубинского конституциона-

cisco de Arango y Parreño (1764-1837) // Chust E. e Frasset I.(eds.) Los colores de las independencias iberoamericanas. Liberalismo, etnia, raza. Madrid: SCIC, 2009. P.49-88; Franco Pérez A-F. Cuba en los orígenes del constitucionalismo español: la alternativa descentralizadora (1808-1837): Zaragoza: Fundación Manuel Giménez Abad,2012.

⁸³⁷ Moreno Fragnals M. Cuba/España, España/Cuba. Historia Común. Barcelona: Grijalbo Mondadori S.A.,1995.-P.233, 235.

лизма расценивают конституционные акты Н. Лопеса (1851) и его последователей – общества Аве Мария, 1858) как конституционные программы независимости.

Кажется спорным и включение в группу кубинских конституционных актов временной конституции американского оккупационного правительства Л. Вуда (30. 10,1898 г.), не являющейся чисто кубинской конституцией, и наоборот, умалчивание других конституционных актов (в частности, программного документа партии кубинских автономистов, представивших свой проект (Карта Магна) испанскому парламенту в 1886 г.

Библиография

Alonso Romero M.P. Cuba en la España liberal (1837-1898): Génesis y desarrollo del régimen autonómico. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2002.

Amores Carredano J.B. Liberalismo ilustrado y liberalismo en Cuba: En torno a Francisco de Arango y Parreño (1764-1837) // Chust E. e Frasset I.(eds.) Los colores de las independencias iberoamericanas. Liberalismo, etnia, raza. Madrid: SCIC,2009.

Amores Carredano J.B. El joven Arango y Parreño: origen del proyecto político-económico de la sacarocracia habanera (1786-1794) // Temas Americanistas. 1995, №12.

Bernal Gómez B. Constituciones Iberoamericanas. Cuba. México: UNAM, 2008.

Bizcarrondo M., Elorza A. Cuba/España, El dilema autonomista, 1878-1898. Madrid: Colibri,2001.

Carreras Collado J.A. Historia del Estado y Derecho en Cuba. La Habana: Ed. Pueblo y Educación,1990.

Fernandez Bulté J. Historia del Estado y el derecho en Cuba. La Habana: Ed. Félix Varela, 2005.

Cuesta L.A de la. Constituciones Cubanas. Madrid: Editorial Hispano cubana, 2006.

De Cádiz (1812) a la Habana (2012). Escritos con motivo del bicentenario de la Constitución española de 1812. La Habana: Ed.: Univ. de Castilla-La Mancha, Univ. de la Habana, 2011.

El proyecto de Constitución para la isla de Cuba de Joaquín Infante. La Habana: Facultad de derecho. Univ. de La Habana, 2012.

Fernández Prieto L. Una mirada sobre las independencias americana: el ideario político de Joaquín Infante, de lo local a lo continental // Revista de Indias, 2015, vol. LXXV, №264.

Franco Pérez A-F. Cuba en los orígenes del constitucionalismo español: la alternativa descentralizadora (1808-1837): Zaragoza: Fundación Manuel Giménez Abad, 2012.

García Mora L.M. La fuerza de la palabra. El autonomismo en Cuba en el último tercio del siglo XIX // Revista de Indias, 2001, vol. LXI, №223. P. 715-748.

Hernández Corujo E. Historia constitucional de Cuba. 2 vols. La Habana; Compañía editora de Libros y Folletos, 1960.

Infiesta R. Historia constitucional de Cuba. La Habana: Cultural, 1951.

Miranda O. Ecos de la Revolución Francesa en Cuba. La Habana: Ciencias Sociales, 1889.

Moreno Fragnals M. Cuba/España, España/Cuba. Historia Común. Barcelona: Grijalbo Mondadori S.A., 1995.

Roldán de Montaud I. La Restauración en Cuba: el fracaso de un proceso reformista. Madrid: Ed. Tierra Nueva y Cielo Nuevo, 2000.

Sánchez Agesta A. Entre Espada y la Pared. El Régimen autonómico cubano, 1897-1898 // Revista Mexicana del Caribe. Vol. VIII, №016. México, 2003. P. 7-41.

Vega Vega J. Derecho constitucional revolucionario en Cuba. Las Habana: Ed. Ciencias Sociales, 1988.

Villabella Armengol C.M. Historia Constitucional y poder político en Cuba. Madrid, 2008.

О. И. ПОСКОНИНА⁸³⁸
O. I. POSKONINA

ВЕНЕСУЭЛА: ОТ «ГУСМАНАТО» К «СЧАСТЛИВОМУ
ДЕСЯТИЛЕТИЮ»
VENEZUELA: FROM "GUZMANATO" TO "HAPPY DEC-
ADE"

Аннотация: После Федеральной войны (1859-1863), которая завершилась победой либералов над консерваторами, начинается «либеральный цикл» венесуэльской истории. Наиболее ярким лидером Либеральной партии стал А. Гусман Бланко, правление которого характеризуется как «просвещенная автократия». Президент-генерал провел важные социально-экономические реформы, продвинувшие страну по пути прогресса. Однако в политическом отношении режим «гусманато» представлял собой диктатуру, подавлял любую оппозицию, действуя жесткими методами. После ухода Гусмана с политической сцены в Венесуэле наблюдалась демократизация политической и общественной жизни, продолжавшаяся 10 лет.

Ключевые слова: Либеральная партия, «просвещенная автократия», Гусман Бланко, «гусманато».

Abstract: After the Federal War (1859-1863) with the victory of the liberals over the conservatives, the "liberal cycle" of Venezuelan history had started. A. Guzmán Blanco, whose rule is characterized as "enlightened autocracy", became the most prominent leader of the Liberal Party. This military president established important socio-economic reforms, advancing the country towards progress. However, in political terms, the "guzmanato" regime was a dictatorship, suppressing any opposition, acting tough methods. After Guzmán left the political scene in Venezuela, democratization of political and public life started and lasted for 10 more years.

Keywords: Liberal Party, "enlightened autocracy", Guzmán Blanco, "guzmanato".

Важнейшим этапом в развитии Венесуэлы стали 70-е-80-е гг. XIX в., когда страной правил генерал А. Гусман Бланко, пришедший к власти в результате государственного переворо-

⁸³⁸ Посконина Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Poskonina Olga I., Lomonosov Moscow State University.

та, что было обычным явлением в политической жизни республики. Этот исторический период отмечен ускоренной модернизацией общества и проведением буржуазных реформ. Действуя от имени Либеральной партии, президент покончил с региональным сепаратизмом, добился ощутимых результатов в экономической сфере, упорядочил финансовые институты (в 1879 г. появилась новая денежная единица – серебряный боливар), усовершенствовал систему образования и в конечном итоге сумел «создать новое законодательство, ликвидировавшее остатки колониального прошлого в жизни страны»⁸³⁹. Не случайно известный венесуэльский историк Р. Диас Санчес отмечал, что после Боливара именно Гусман Бланко оставил наиболее глубокий след в истории Венесуэлы и привнес подлинно революционное содержание в дело ее преобразования⁸⁴⁰.

Экономическая программа правительства, разработанная самим Гусманом Бланко и изложенная в его послании к Конгрессу 1874 г., отвечала национальным интересам Венесуэлы⁸⁴¹. Она предусматривала сооружение новых дорог и мостов, строительство шахт и рудников, реконструкцию важнейших портов (Ла Гуайра, Пуэрто-Кабельо, Карупано), возведение общественных зданий и благоустройство городов. В годы «гусманато» центр Каракаса приобрел европейский вид, в столице было построено много прекрасных зданий (например, президентский дворец Мирафлорес, Капитолий, Национальный пантеон), расширялись улицы и бульвары. В 1873 г. начала действовать первая железная дорога, а к концу века, в 1900 г. в Венесуэле насчитывалось уже 14 железнодорожных линий, находившихся под контролем английского и немецкого капитала, причем иностранцам предоставлялись самые выгодные условия для предпринимательской деятельности. Железные дороги связывали рудники и зоны плантаций с крупными портами, что было необходимо, учитывая экспортную ориентацию венесуэльской экономики⁸⁴². В последней четверти XIX в. в Венесуэле было

⁸³⁹ Velásquez R. Individuos de número. – Caracas, 1981. – P. 288.

⁸⁴⁰ Díaz Sánchez R. Evolución social de Venezuela/Venezuela independiente. 1810-1960. – Caracas, 1962. – P. 258.

⁸⁴¹ Venezuela. Presidencia. Mensajes Presidenciales. V. 1. – Caracas, 1970. – P. 377-379.

⁸⁴² Подробнее см.: Ермакович Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX-начале XX века. – М., Наука, 1989. – С. 35; Segnini I. La consolidación del régimen de Juan Vicente Gómez. – Caracas, 1982. – P. 80.

положено начало добыче нефти, оказавшей огромное влияние на будущее развитие страны. При Гусмане Бланко правительство впервые прибегло к иностранным займам, что вызвало быстрый рост внешней задолженности. К 1900 г. государственный долг Венесуэлы достиг 193 млн. боливаров⁸⁴³.

Гусман Бланко способствовал консолидации венесуэльского господствующего класса, представленного богатыми землевладельцами и торгово-посреднической буржуазией, связанными с иностранными деловыми кругами и имевшими большое влияние в правительственных кругах. Обеспечивая экономические потребности высших слоев общества, правительство уничтожило таможни, существовавшие между штатами, и упорядочило законодательство, гарантировавшее неприкосновенность собственности. Вместо многочисленных мелких пошлин был введен единый транзитный налог, что облегчало перемещение товаров по территории страны.

После экономического упадка, ставшего следствием Федеральной войны (1859-1863), началось оживление экономической жизни, увеличились экспорт сельскохозяйственной продукции и импорт европейских промышленных товаров. Ускорился рост населения, которое в 1891 г. достигло почти 2 млн. 234 тыс. чел., причем за счет его естественного прироста, а не иммиграции, о незначительном масштабе которой свидетельствует статистика: например, с мая 1881 г. по январь 1888 г. в Венесуэлу прибыло лишь 4537 иммигрантов, несмотря на относительно спокойную обстановку периода «гусманато»⁸⁴⁴. Более существенное значение имела внутренняя миграция населения из льяносов и других малоперспективных регионов в андские штаты, где производился кофе («кофейный бум» охватил страну с середины 70-х гг.).

Политическая практика «либерального цезаря» Гусмана Бланко, получившего от Национального конгресса почетное звание «Просвещенный американец, возрождающий Венесуэлу», нередко характеризуется как «карикатурный либерализм», «просвещенная автократия», благодаря которой «либеральная олигархия» могла обеспечить себе доминирующее положение.

⁸⁴³ Ермакович Л. М. Указ. соч. – С. 64.

⁸⁴⁴ Hamnett Brian R. La Regeneración, 1875-1900/Historia de Iberoamérica. V. 3. – Madrid, 1988. – P. 336.

ние⁸⁴⁵. В 1881 г. была принята шестая по счету венесуэльская конституция, названная «швейцарской» (право выбирать президента республики из числа своих членов предоставлялось Федеральному совету)⁸⁴⁶. Одновременно, подтвердив автономию штатов, Гусман Бланко предоставил региональным лидерам определенные привилегии, в случае же неповиновения против мятежных каудильо применялись решительные меры, вплоть до физической ликвидации⁸⁴⁷. Такая гибкая и одновременно жесткая политика позволила сохранить равновесие между центральной и местной властями и контролировать ситуацию в провинции. Тем не менее во времена «гусманато» произошло около семидесяти мятежей в различных районах страны⁸⁴⁸.

Гусман Бланко и его окружение испытывали глубокую антипатию к любой оппозиции. Уже в 1870 г. была закрыта популярная газета «Федералист», а впоследствии вынуждены были замолчать все издания, которые позволяли себе критиковать президента и «гусманистов». На рубеже 70-х-80-х гг. на правительство были возложены чрезвычайные полномочия, оно могло преследования всех, кто покушался на власть Гусмана, заявляя при этом о верности либеральным принципам. Укрепляя свои позиции, Гусман Бланко использовал различные механизмы воздействия на умы, включая прессу и систему образования, постоянно апеллировал к общественному мнению, старался внушить венесуэльцам, что именно либеральная концепция реформирования государства и общества соответствует интересам всех граждан страны.

Следует признать бесспорные достижения правительства Гусмана в образовательной сфере. В стране было введено обязательное бесплатное начальное образование для лиц обоего

⁸⁴⁵ См.: Salcedo-Bastardo J. L. *Historia fundamental de Venezuela*. – Caracas, 1979. – P. 370; Díaz Sánchez R. *Op. cit.* – P. 256; Picón Salas M. *Venezuela: algunos gentes y libros/Venezuela independiente. 1810-1960*. – Caracas, 1962. – P. 14; Carrera Damas G. *Una Nación llamada Venezuela. Proceso sociohistórico de Venezuela (1870-1974)*. – Caracas, 1989. – P. 110.

⁸⁴⁶ Brewer-Carías A. R. *Cambio político y reforma del Estado en Venezuela*. – Madrid, 1975. – P. 152.

⁸⁴⁷ Ермакович Л. М. *Экономическое и политическое развитие Венесуэлы на рубеже 19–20 веков*. – М., Наука, 1980. – С. 24; Hamnett Brian R. *Op. cit.* P. 382.

⁸⁴⁸ Salcedo-Bastardo J. L. *Op. cit.* P. 383.

пола, причем государственные органы, власти штатов и муниципалитетов должны были способствовать открытию школ на вверенных им территориях⁸⁴⁹. В разных районах страны основывались профессиональные колледжи, Центральному университету Каракаса была предоставлена автономия, правда, быстро упраздненная, начали действовать Институт искусств, Национальная академия литературы, Музей природы, Национальная библиотека⁸⁵⁰. В 70-ые гг. в Венесуэле при поддержке либералов-«гусманистов» зародилась позитивистская научная школа, среди образованной части общества все большую популярность приобретали идеи основоположника позитивизма француза О. Конта и английского биолога и социолога-позитивиста Г. Спенсера. В 1873 г. согласно личному указанию Гусмана Бланко началась публикация многотомных сборников документов по истории Войны за независимость. Так создавался «идеологический фонд», который использовался в целях воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и либеральных ценностей, завещанных вождями освободительной революции. Сам Гусман, высокообразованный человек, «продукт французской революции», «либеральный буржуа с аристократическими замашками», слыл покровителем образования, науки и искусства. Не случайно Х. Хиль Фортгуль заметил, что Гусман Бланко «не имел догматических предубеждений, если это не было связано с политикой»⁸⁵¹.

Президент вел непримиримую борьбу с Ватиканом и местными церковными иерархами, считая противозаконным вмешательство церкви в политику и оставляя за государством главенство во всех сферах политической жизни⁸⁵². Католическая религия не подвергалась гонениям, как в революционной Франции конца XVIII в., но обществу настойчиво предлагалась «гражданская религия», то есть поклонение героям и «священным местам». Хотя конституция 1873 г. узаконила свободу вероисповедания, государство по-прежнему имело право патрона над церковью. Духовенство было подчинено юрисдикции

⁸⁴⁹ См: Decreto de 27 de Junio de 1870 sobre Instrucción primaria Gratuita Y Obligatoria/Antología documental de Venezuela. – Caracas, 1983. – P. 373-387.

⁸⁵⁰ Ермакович Л. М.. Политическая борьба в Венесуэле. С. 38.

⁸⁵¹ Цит. по: Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 263.

⁸⁵² См.: Conservadores y Liberales. Los grandes temas políticos. – Caracas, 1961. – P. 294-298; Díaz Sánchez R. Op. cit. – P. 259-261.

гражданских судов, отменялся ряд церковных налогов, закрылись духовные семинарии и многие монастыри.

Реформы Гусмана Бланко способствовали экономическому и культурному прогрессу страны, заметно изменив ее облик, однако социальную и политическую отсталость преодолеть не удалось, поскольку прогресс «не затронул глубоко национальной жизни»⁸⁵³. Политика, направленная на упрочение неограниченной личной власти президента и напоминая о каудильистских режимах прошлого, вызывала недовольство и со стороны консерваторов, и в рядах самих либералов. Кроме того, Гусман Бланко использовал пребывание у власти в целях личного обогащения. Он обладал огромными поместьями и различным имуществом, в 1879 г. в одном только Лондонском банке на его счету находилось 10 млн. долл. США – огромная по тем временам сумма⁸⁵⁴. Высокий уровень коррупции, откровенное обогащение Гусмана и узкого круга «гусманистов» стали одной из причин падения авторитета либерального правительства. В 1888 г. президентом был избран другой либерал, Х. П. Рохас Пауль, человек просвещенный, имевший большой политический опыт и разделявший идеи позитивизма.

Недолгое правление Рохаса Пауля стало началом так называемого «счастливого десятилетия» (1888-1898) и было ознаменовано основанием Национальной академии истории, торжественно открытой в ноябре 1889 г. Осознавая необходимость демократизации общества, новый президент предложил внести поправки в конституцию 1881 г., согласно которым предусматривалось введение прямых, всеобщих тайных выборов президента и увеличения срока пребывания на этом посту. По причине внутривластных разногласий вскоре президентом страны был избран другой либеральный деятель – Р. Андуэса Паласио (1890-1892), поддержавший инициативу своего предшественника. Однако часть либералов, а также консерваторы выступили против предложения Рохаса Пауля и его преемника, обвинив обоих в попытке мошенническим путем продлить свое пребывание у власти⁸⁵⁵. Либеральная партия раскололась на две фракции. Сторонники Андуэсы Паласио получили название

⁸⁵³ Picón Salas M. *Comprensión de Venezuela*. – Caracas, 1949. – P. 119.

⁸⁵⁴ Salcedo-Bastardo J. L. *Op. cit.* – P. 426.

⁸⁵⁵ Magallanes M. V. *Los partidos políticos en la evolución histórica venezolana*. – Caracas, 1977. – P. 132.

«континуистас», а соратники нового претендента на президентский пост, генерала Х. Креспо (человека «простодушного, искреннего и беспечного, что не уменьшало его непомерного властолюбия») – «легалистас»⁸⁵⁶.

Политическое соперничество двух группировок внутри либерального лагеря по традиции превратилось в вооруженный конфликт. В результате победа досталась «сторонникам законности», то есть «легалистас», и в 1894 г. президентом страны стал Креспо, главной опорой которого являлись либералы центральных льяносов. Он во многом придерживался политики «тирана» Гусмана Бланко, укрепляя собственные позиции и способствуя дальнейшему проникновению в Венесуэлу иностранного капитала.

Внутренняя нестабильность ослабила государственный контроль над жизнью общества, изменив в лучшую сторону политический климат. В период «счастливого десятилетия» можно было открыто критиковать правительство и предлагать самые радикальные меры по искоренению пороков, унаследованных от прежней власти – персонализма в политике, коррупции и семейственности в государственных структурах, неспособности правительства проводить реформы. Неповторимую атмосферу тех лет выразил историк Г. Пикон Фебрес: «противодействие всепоглощающему клерикализму, католической философии, строгой приверженности религии, ограниченности университетского образования, литературной критике, сосредоточенной исключительно на формальном выявлении грамматических ошибок, политике, рассматриваемой в качестве доходного занятия, а не средства общественного прогресса, ... ощущалось повсюду: в университетском сообществе, в кулуарах Конгресса, на академической трибуне, среди журналистов, в литературных и научных кругах»⁸⁵⁷. Однако и эти благополучные годы завершились очередным обострением внутривнутриполитической борьбы и установлением в 1899 г. диктатуры генерала С. Кастро. Таким образом, Либеральная партия в Венесуэле так и не стала устойчивой и консолидированной политической силой, способной на проведение глубоких реформ во всех сферах жизни общества.

⁸⁵⁶ Salcedo-Bastardo J. L. Op. cit. – P. 371.

⁸⁵⁷ Historia de la Cultura en Venezuela. V. 2. – Caracas, 1956. – P. 210.

Библиография

Ермакович Л. М. Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX-начале XX века. – М., Наука, 1989.

Ермакович Л. М. Экономическое и политическое развитие Венесуэлы на рубеже 19–20 веков. – М., Наука, 1980.

Brewer-Carías A. R. Cambio político y reforma del Estado en Venezuela. – Madrid, 1975.

Carrera Damas G. Una Nación llamada Venezuela. Proceso sociohistórico de Venezuela (1870-1974). – Caracas, 1989.

Conservadores y Liberales. Los grandes temas políticos. – Caracas, 1961.

Decreto de 27 de Junio de 1870 sobre Instrucción primaria Gratuita Y Obligatoria/Antología documental de Venezuela. – Caracas, 1983.

Díaz Sánchez R. Evolución social de Venezuela/Venezuela independiente. 1810-1960. – Caracas, 1962.

Hamnett Brian R. La Regeneración, 1875-1900/Historia de Iberoamérica. V. 3. – Madrid, 1988.

Historia de la Cultura en Venezuela. V. 2. – Caracas, 1956. – P. 210.

Magallanes M. V. Los partidos políticos en la evolución histórica venezolana. – Caracas, 1977.

Picón Salas M. Comprensión de Venezuela. – Caracas, 1949.

Picón Salas M. Venezuela: algunos gentes y libros/Venezuela independiente. 1810-1960. – Caracas, 1962.

Salcedo-Bastardo J. L. Historia fundamental de Venezuela. – Caracas, 1979.

Segnini I. La consolidación del régimen de Juan Vicente Gómez. – Caracas, 1982.

Velásquez R. Individuos de número. – Caracas, 1981. – P. 288.

Venezuela. Presidencia. Mensajes Presidenciales. V. 1. – Caracas, 1970.

Н.С. ИВАНОВ
N.S. IVANOV

УРУГВАЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В XIX ВЕКЕ
URUGUAYAN LIBERALISM IN THE XIX CENTURY.

Аннотация: Статья посвящена теории и практике уругвайского либерализма в XIX веке. Вопреки сложившемуся убеждению в «умеренности» либеральных политиков и политических партий, самые кровавые события в уругвайской истории были связаны именно с либералами и их партией «Колорадо». Автор рассматривает концепцию борьбы с «варварством» и ее реальное воплощение в поголовной ликвидации индейцев-чарруа в 1831 г., а также либеральные предпосылки самых кровопролитных войн в истории Уругвая – «Великой войны» (1843-1852) и Парагвайской войны (1864-1870).

Ключевые слова: Уругвай, XIX век, либерализм, «Колорадо», Чарруа, «Великая война», Парагвайская война.

Abstract: The article is devoted to the theory and practice of Uruguayan liberalism in the XIX century. Contrary to popular belief in "moderation" of liberal politicians and political parties, the bloodiest events in Uruguayan history were associated with the liberals and their party "Colorado". The author examines the concept of «fight against barbarism» and its real embodiment in the indiscriminate annihilation of Charrua indians in 1831, and the liberal background of the bloodiest wars in the history of Uruguay – the "Great war" (1843-1852) and the Paraguayan war (1864-1870).

Keywords: Uruguay, XIX century, liberalism, "Colorado", Charrua, «Great war», Paraguayan war.

Общим местом для всех работ, посвященных либерализму, является подчеркивание его умеренности и «респектабельности». Даже идейный противник либералов, известный социолог И. Валлерстайн в одной из своих центральных работ пишет: «Либерализм, по сути своей, всегда оставался доктриной центристов. Его сторонники были уверены в собственной сдержанности, мудрости и гуманности. Они выступали одновременно и против архаического прошлого с несправедливостью его привилегий (которое, по их мнению, олицетворяла собой идеология консерватизма), и против безрассудного уравнитель-

ства, не имевшего оправдания ни в добродетели, ни в заслугах (которое, как они считали, было представлено социалистической/радикальной идеологией)». Либералы всегда заявляли, – продолжает он, – что либеральное государство – реформистское, строго придерживающееся законности и в известной степени допускающее свободу личности – является единственным типом государства, которое может быть гарантом свободы; они всегда заявляли, что только либеральное государство может гарантировать порядок без репрессий»⁸⁵⁸.

Премьер-министр Англии Б. Дизраэли (представитель английских либералов – партии тори) писал: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы».

В целом подобный облик «мякотелого» и «добросердечного» либерала поддерживался повсеместно. Даже в России, где все без исключения классики – от А.С. Пушкина до Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова – яростно критиковали либералов, их главный удар наносился по космополитизму либералов, их неприятию российских традиционных ценностей, ориентацией на Европу. Например, у Пушкина: «Ты просвещением свой разум осветил, Ты правды лик увидел, И нежно чуждые народы возлюбил, И мудро свой возненавидел».

Достоевский также критиковал либералов прежде всего за отчуждение от России: «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую...»

Да и в «человеческом» плане либералы в русской литературе вполне вызывают симпатию. Вот например, Степан Трофимович Верховенский – типичный русский либерал в романе «Бесы». При всей иронии автора по отношению к нему, этот персонаж (благодаря стремлению к респектабельности, «широте взглядов», склонности к компромиссам) вполне вызывает сочувствие у читателя – в противовес «бесам» (Ставрогину, Петру Верховенскому, Шигалеву), и его смерть в финале воспринимается

⁸⁵⁸ Валлерстайн И. После либерализма. – М.: УРСС, 2003. – С. 7.

ется трагически.

Примерно такой же облик либерала рисует Толстой. Для Стивы Облонского из «Анны Карениной» либерализм был неотъемлемой частью его принадлежности к «избранному» обществу: «Либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове».

«Сторонники прогресса, цивилизации, политических свобод, всеобщего избирательного права, создания функциональной системы представительной демократии – идеалов, которые они во многом воплотили в благополучной Европе». Так относились к либералам в XIX веке (а многие продолжают относиться и в XXI-м).

Находясь под полным идеологическим влиянием этого направления, многие лучшие умы в Латинской Америке пытались копировать этот образец в своих странах. Но почему-то происходили странные «сбои».

Вот например, ярый сторонник европейского либерализма, первый президент Уругвая Фруктуосо Ривера. В одной из энциклопедий о нем говорится следующим образом: «Фруктуосо был президентом Уругвая трижды: в 1830-1834, 1838-1843 и 1853-1854 годах. В Уругвае широко оценивается его деятельность в сфере военной политики, однако многие действия президента, как например, геноцид Чарруа в 1831 году, считаются абсурдными и безрассудными». Такими же «абсурдными и безрассудными» выглядят многие другие действия либеральных уругвайских лидеров – например, уничтожение гаучо в 70-х годах XIX века.

Документы и материалы эпохи показывают, что уругвайские либералы совершали эти кровавые преступления отнюдь не в состоянии некоего «помутнения разума». Они руководствовались именно принципиальными, центральными идеями европейского либерализма!

Как и в других молодых государствах Латинской Америки, в Уругвае большой популярностью пользовались идеи либерализма и прогресса (тем более, что их проталкивали всемогущие и «цивилизованные» англичане). Либералы группировались вокруг власти, требуя проведения «прогрессивных реформ». А прогресс в их понимании был связан с европейской цивилизацией, которую противопоставляли «варварству» пампы, индейцев и гаучо. В Уругвае, как нигде на континенте, были попу-

лярны взгляды Д.Ф. Сармьенто, который считал, что только уничтожив «человека-зверя» (к которым он относил индейцев и гаучо)⁸⁵⁹ можно построить «светлое будущее» на фундаменте свободного рынка, правового государства и идеологии либерализма (разумеется, в ее европейской интерпретации).

И, как это приходило (и происходит) с либералами почти всегда, «сладкие идеалы» при их воплощении в жизнь обернулись чудовищной социальной катастрофой. Президент Фруктуозо Ривера (первый президент Уругвая и создатель либеральной партии «Колорадо») дословно понял идею ликвидации «дикости» и уничтожил поголовно всех коренных обитателей пампы – индейцев-чарруа.

Эта страшная резня произошла 11 апреля 1831 г. у ручья Сальсипуэдес (дословно «убеги, если сможешь» – верх циничного издевательства со стороны тех, кто планировал эту акцию!). Племянник президента Бернабе Ривера назначил встречу с племенем, передав им письмо президента, в котором было сказано, что правительство призывает их участвовать в защите страны. Индейцы доверяли Ф. Ривере, и когда, ничего не подозревая, подошли к месту встречи, из засады выскочили солдаты и устроили бойню, уничтожив без разбора всех мужчин, женщин и детей. Лишь немногие смогли убежать, но и их вырезали через четыре месяца в местечке Матаохо на северо-западе Уругвая. Оставили лишь четырех человек – знахаря, воина и молодую пару, которых в 1833 г. привезли в Париж и показывали образованной публике в зоопарках как диковинных «зверо-людей». Через некоторое время, не вынеся чудовищных условий, они все умерли (включая младенца, которого родила молодая женщина)⁸⁶⁰. Этот геноцид был, пожалуй, единственной акцией, которую первое правительство страны выполнило на 100 процентов.

Вторым многочисленным слоем населения, «препятствующим прогрессу и цивилизации» были объявлены гаучо (субэтническая группа в Уругвае, Аргентине и Бразилии, образовавшаяся от смешанных браков между испанцами и индейцами). Этническую чистку на этот раз произвел (по мнению большин-

⁸⁵⁹ Сармьенто Д.Ф. Факундо. М., 1988. С. 32, 39; Sarmiento D. F. Facundo: civilization and barbarism. First Complete Translation. L., 2003. P. 31, 32, 81, 139.

⁸⁶⁰ Martínez Barbos R. El último charrúa: de Salsipuedes a la actualidad. Montevideo, 1996. P. 28-35

ства уругвайских историков) «светоч либерализма и модернизации» президент Лоренсо Латорре (1876-1880).

Для подавляющего большинства историков конца XIX в. главным протагонистом развития уругвайской государственности по образцу развитых стран Европы был Латорре.

А. Метол Ферре прямо называет Латорре «основателем уругвайской государственности». И для него «национальное государство» является синонимом нации⁸⁶¹. Подобные взгляды характерны и для Арес Понса. В его работах Латорре «создал и реализовал потенции государства, устранив главные препятствия для его строительства (прежде всего сопротивление гаучо) и подготовив страну, посредством применения силы и законодательных методов, к вступлению в современную эпоху капитализма, считая ее наиболее производительной исторической формацией»⁸⁶²

Введение различных кодексов и государственных законов, использование силы (подчас неоправданно жестокое) для наведения «закона и порядка» (естественно, олигархического «порядка», плоть от плоти которого представлял Латорре) уругвайские историки той эпохи оправдывали тем, что эта «сильная личность» дала стране некую «безопасность», помогла ей более плавно влиться в мир капитализма (или капитализму влиться в нее). Короче говоря, пополнить список так называемых «цивилизованных государств»

Историки конца XIX века отмечали, что начиная с 1876 г. государство модернизировалось, стало более эффективным и использовало все средства для повсеместно установления своего господства. Сеть железных дорог позволила правительственным войскам быстро пресекать беспорядки в провинции, она также способствовала (как говорили современники) «монтевидеоизации» страны – радиальному распространению городских ценностей на окраины. Система образования, церковь и полиция способствовали сплочению граждан, создавали благотворную среду для развития экономики – задавали тон и темп жизни, диктовали новые ценности индивидуумов – максимальная эффективность, трудолюбие, стремление к образованию⁸⁶³.

⁸⁶¹ Methol Ferré A. El Uruguay como problema. Diálogo, Montevideo, 1967, p.37.

⁸⁶² Arés Pons R. Uruguay: Provincia o nación? Buenos Aires, 1967 [1961], p.36-41

⁸⁶³ См. Barrán J.P. Historia de la sensibilidad en el Uruguay. La cultura "barba-

Именно в 70-е годы правящие круги стали придавать государству облик респектабельности и помпезности, в русле европейских буржуазных националистических доктрин. В новом обществе не было места для гаучо, которых уничтожали как рудименты «варварства», примерно так же как за короткий период 1831-32гг. на территории страны были почти полностью истреблены индейцы.

Во время президентства Латорре в целом был установлен контроль над сельскими районами страны. Его администрация использовала политику жестоких репрессий по отношению к гаучо (они причислялись к “бродягам”). Колючая проволока играла такую важную роль в этом процессе (как средство ликвидации свободы перемещения по пампе, разграничении границ земельной собственности), что в 1875 г. был принят закон, который предусматривал беспошлинный ввоз в страну этого “стратегического товара”. Данная мера дополнялась принятием Сельского Кодекса (1875), разработанного при участии Сельской Ассоциации. Кодекс устанавливал жесткое и незыблемое право собственности на землю и скот, способствуя тем самым установлению буржуазного общественного порядка и ликвидации «варварского» слоя гаучо.

Известный уругвайский историк Роберто Арес Понс пишет: «В том же 1876 г., когда к власти пришел полковник Латорре, на выставку в Монтевидео прибыл пробный экземпляр "Le Frigorifique" – холодильной установки, которая в корне изменила экономику страны. Велась непримиримая борьба с «варварством» в лице гаучо. Огромные участки земли обносились колючей проволокой, был введен запрет на «ничейный» скот, который позволял существовать гаучо. Их самих стали жестоко преследовать как «бездельников», «бродяг» и «преступников». Для ликвидации этого традиционного слоя применялись методы чудовищной жестокости, включая физическое уничтожение»⁸⁶⁴.

О «чрезвычайной жестокости», с которой проводилось уничтожение этого слоя населения (и которой не могут найти объяснение либеральные историки), говорится практически во всех

ра" (1800-1860) 2 vols.: Montevideo, 1991 [1989].v.2, p.18-19.

⁸⁶⁴ Arés Pons R. Uruguay en el siglo XIX: acceso a la modernidad. – Montevideo, 1986. – P. 91

исследованиях, касающихся этого периода⁸⁶⁵.

Во многом из-за жестокости при проведении либеральных реформ, вызвавшей волну протеста, Латорре, после того как был избран законным президентом страны на выборах 1879 г., уже в следующем году объявил в своей декларации, что Уругвай “перестал быть управляемой страной” (уникальное заявление от руководителя страны!), снял с себя президентские полномочия и бежал в Аргентину.

Позиция уругвайских либералов по отношению к войнам также явно не совпадает с их классическим описанием как «миролюбцев» и сторонников компромиссов. В 1821 г. территория Уругвая была официально включена в состав Бразилии как Восточная Цисплатинская провинция. Если большинством уругвайцев это было воспринято как оккупация их территории врагами, то довольно многие представители тогдашней «либеральной элиты» с удовлетворением воспринимали «наведение порядка» португальскими войсками, ликвидацию прогрессивных реформ Артигаса («анархии»). Один из них, А. Ларраньяга призывал сограждан «наслаждаться покоем, воссоздавать здоровое общество, пользуясь либеральной конституцией Бразилии, защитой благонадежных граждан ее армией». В этом, считал он, и заключается «истинный патриотизм»⁸⁶⁶. Отождествление «патриотизма» с прямым предательством национальных интересов всегда было (и остается до сих пор) одной из отличительных черт либерализма!

В «Великой войне» 1843-1852 гг. основные события концентрировались вокруг осады Монтевидео, продолжавшейся девять лет. Александр Дюма назвал город “новой Троей”⁸⁶⁷, хотя город пострадал сравнительно немного.

Анализируя причины «Великой войны», большинство исследователей считают, что именно либералы из партии «Колорадо», апеллируя к «цивилизованным странам Европы», способствовали перерастанию внутреннего конфликта в международный. В итоге в войне, помимо уругвайских партий «Колора-

⁸⁶⁵ Trigo A. Caudillo, estado, nación: literatura, historia e ideología en el Uruguay. – Gaithersburg (MI): Hispamérica, 1990. – P. 68; Maíz Suárez R. Nación y literatura en América Latina. – Buenos Aires: Prometeo Libros, 2007. – P. 161; Ares Pons R. Uruguay: provincia o nación? – Montevideo, 1961. – P. 36.

⁸⁶⁶ Pivel Devoto J.E. El Congreso cisplatino (1821). Montevideo, 1937, P. 152, 165.

⁸⁶⁷ Dumas A. Montevideo ou une nouvelle Troie. Paris, 1850

до» и «Бланко», участвовали Британия, Франция, Бразилия и Аргентинская конфедерация.

Большую роль сыграли также французские, испанские, баскские и итальянские легионеры во главе со знаменитым революционером Джузеппе Гарибальди. Приезд «либерального Интернационала», как и шумная кампания в европейской прессе в защиту Риверы и Колорадо во многом были вызваны романтическим ореолом, созданным вокруг «маленькой, но гордой либеральной страны», зажатой в тиски двумя «авторитарными гигантами» (Бразильской империей и диктатурой Росаса в Аргентине). Во времена Священного Союза и подавления революционных выступлений в Европе, европейские либералы нашли отдушину в поддержке «собратьев» на другом конце света. Тем более, что Ривера, как и его сторонники в партии «Колорадо», не скрывали своих либеральных симпатий⁸⁶⁸.

Несмотря на усилия защитников Монтевидео, вряд ли удалось бы отстоять его без помощи великих держав. Британский флот фактически спас город, обеспечив беспрепятственный доступ иностранным судам в его порт. В то же время в декабре 1845 г. была объявлена морская блокада Буэнос-Айреса⁸⁶⁹.

Многие историки считают, что истинной причиной вмешательства Франции и Британии в конфликт было желание укрепить доминирующие позиции во внутренней торговле региона – прежде всего, обеспечить себе «свободную» навигацию по рекам Парана и Уругвай, добившись тем самым доступа на внутренние рынки и отодвинув на второй план влияние Буэнос-Айреса⁸⁷⁰. Таким образом уругвайские либералы, вовлекая Англию и Францию во внутренний конфликт, продемонстрировали не только антинациональный характер своей политики, стремление отдать страну на откуп «великим державам», но и готовность играть роль «агентов влияния» для проталкивания на континенте британских (прежде всего) интересов.

Те же черты были характерны для действий уругвайских либералов в Парагвайской войне (1864-1870), где Уругвай выступил в качестве союзника Аргентины и Бразилии.

Хотя традиционная историография возлагает ответствен-

⁸⁶⁸ Pered S.E. Garibaldi en el Uruguay. Montevideo, 1914. P. 11-16.

⁸⁶⁹ Fernández J., Rondina J.C. Historia Argentina: 1810-1930. Buenos Aires, 2004. P. 161

⁸⁷⁰ Mclean D. War, Diplomacy and Informal Empire: Britain, France and Latin America, 1836-1852. L., 1995. P. 172-178

ность за начало войны на парагвайского президента Ф.Солано Лопеса и его «агрессивную политику»⁸⁷¹, современные парагвайские историки и «ревизионисты» из Аргентины отдают пальму первенства Британской империи, которая расчищала путь своим торговым и политическим интересам в регионе. Англичан не устраивал курс Парагвая на полноценное внутреннее развитие страны, создание диверсифицированной экономики, отказ от «свободы рынка», защита своих экономических интересов.

Интриги со стороны англичан, стравливание стран в этом регионе Латинской Америки, сопровождались беспрецедентными вливаниями денежных средств со стороны «Bank of London», «Baring Brothers» и «N.M. Rothschild & Sons» (после окончания войны непомерные выплаты по кредитам с процентами привели к сильнейшим финансовым кризисам в Уругвае, Аргентине и Бразилии)⁸⁷².

Причем роль «запала» в организации этой бойни сыграли именно уругвайские либералы!⁸⁷³ Их лидер, возглавлявший партию Колорадо, Венансио Флорес, пришел к власти в 1865 г. и, как написано в одной из российских энциклопедий, «имел репутацию прогрессивного и демократического лидера, как и другие партийные деятели Колорадо XIX века». В то время страна имела союзнические отношения с Парагваем. Когда, в силу нерешенности пограничных споров, бразильские войска вторглись на территорию Уругвая, его правительство обратилось за помощью к Парагваю⁸⁷⁴.

Верный союзническому долгу президент Парагвая Лопес объявил войну Бразилии в декабре 1864 г. и Аргентине – в марте 1865 г.⁸⁷⁵. Однако Уругвай, вместо того, чтобы воевать вместе с союзником, встал на сторону его противников! С невероятным в истории вероломством именно Флорес, с подачи ан-

⁸⁷¹ См. например: Mota C.G., López A., Pérez J.M.S. Historia de Brasil: Una Interpretación. Montevideo, 2009. P. 369-370.

⁸⁷² Krauer J.C.H., Herken M.I.G. de. Gran Bretaña y la Guerra de la Triple Alianza. Montevideo, 1983. P. 52-55;

⁸⁷³ Pochet C.A. Historia de América en perspectiva latinoamericana. Montevideo, 1995. P. 108; Krauer J.C.H., Herken M.I.G. de. Gran Bretaña y la Guerra de la Triple Alianza. Montevideo, 1983. P. 52-55.

⁸⁷⁴ Fernández L.S., Sánchez-Barba M.H. Historia general de España y América: Reformismo y progreso en América (1840-1905). Montevideo, 1989. P. 484.

⁸⁷⁵ Ibidem. P. 73-95.

гличан, способствовал объединению Бразилии, Аргентины и Уругвая в Тройственный союз, начавший войну против Парагвая.

В результате войны Парагвай потерпел чудовищное поражение, причем, если брать в совокупности потери на полях сражений, от болезней и в ходе карательных операций – по разным подсчетам погибло от трети до половины населения, среди них 90% мужчин!)⁸⁷⁶. Парагвай так никогда и не смог оправиться от этой страшной раны.

Таким образом либералы в Уругвае, действовавшие в полном соответствии с идеологемами, почерпнутыми из самых авторитетных европейских источников, продемонстрировали себя сторонниками «окончательного решения» в отношении «диких» слоев уругвайского населения. Безжалостная ликвидация индейцев чарруа и гаучо свидетельствует о том, что либерализм отнюдь не являлся (и не является) идеологией социального мира, компромисса и «порядка без репрессий».

Не являлся он и идеологией национального сплочения, патриотизма, защиты суверенитета и невмешательства во внутренние дела своего государства. Ориентация на «цивилизованные страны» воспитала из них предателей национальных интересов и «агентов влияния» британского капитала, что проявилось в крупнейших войнах XIX века (оккупации Восточной провинции в 1821 г., «Великой войне» 1843-1852 гг. и Парагвайской войне 1864-1870 гг.).

Могут возразить, что это были «ошибки», допущенные в отдельно взятой стране (в крайнем случае – на «отдельно взятом» latinoамериканском континенте, где было множество сходных событий и сходных стереотипов поведения либералов).

Будут указывать на «основополагающие различия» между становлением демократии и либерализма в Европе и Латинской Америки. Так например, основываясь на европейском опыте, появление либеральной демократии всеми исследователями связывается с индустриальным прогрессом и соответствующим ростом и укреплением класса буржуазии. Такие далекие по времени друг от друга ученые, как Карл Маркс и И. Валлерстайн пишут, что главным «ингредиентом», необходимым для

⁸⁷⁶ Fernández L.S., Mario Hernández Sánchez-Barba M.H. Historia general de España y América. V.15. (Reformismo y progreso en en América). Madrid, 1989. P. 482-485

либеральной демократии является существование «энергичного и независимого класса городской буржуазии».

Однако либерализм появился задолго до создания «энергичного и независимого». Более того, этого «энергичного и независимого» не было бы в Европе без массового уничтожения, покорения и кровавой эксплуатации «дикарей» в колониях европейских стран – вполне в русле либеральной идеологии. Без массового уничтожения либералами индейцев в Северной Америке, без рабовладения в «самой свободной и демократической стране мира».

Библиография

- Валлерстайн И. После либерализма. – М.: УРСС, 2003. – С. 7.
- Сармьенто Д.Ф. Факундо. М., 1988.
- Ares Pons R. Uruguay en el siglo XIX: acceso a la modernidad. – Montevideo, 1986.
- Ares Pons R. Uruguay: Provincia o nación? Buenos Aires, 1967.
- Barrán J.P. Historia de la sensibilidad en el Uruguay. La cultura "barbara" (1800-1860) 2 vols.: Montevideo, 1991.
- Dumas A. Montevideo ou une nouvelle Troie. Paris, 1850
- Fernández J., Rondina J.C. Historia Argentina: 1810-1930. Buenos Aires, 2004.
- Fernández L.S., Hernández Sánchez-Barba M.H. Historia general de España y América. V.15. Madrid, 1989.
- Krauer J.C.H., Herken M.I.G. Gran Bretaña y la Guerra de la Triple Alianza. Montevideo, 1983.
- Maíz Suárez R. Nación y literatura en América Latina. – Buenos Aires: Prometeo Libros, 2007.
- Martínez Barbos R. El último charrúa: de Salsipuedes a la actualidad. Montevideo, 1996.
- Mclean D. War, Diplomacy and Informal Empire: Britain, France and Latin America, 1836-1852. L., 1995.
- Methol Ferré A. El Uruguay como problema. Montevideo: Diálogo, 1967.
- Mota C.G., López A., Pérez J.M.S. Historia de Brasil: Una Interpretación. Montevideo, 2009.
- Pered S.E. Garibaldi en el Uruguay. Montevideo, 1914.
- Pivel Devoto J.E. El Congreso cisplatino (1821). Montevideo, 1937.
- Pochet C.A. Historia de América en perspectiva latinoamericana. Montevideo, 1995.
- Sarmiento D. F. Facundo: civilization and barbarism. First Complete

Translation. L., 2003.

Trigo A. Caudillo, estado, nación: literatura, historia e ideología en el Uruguay. – Gaithersburg (MI): Hispamérica, 1990.